СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

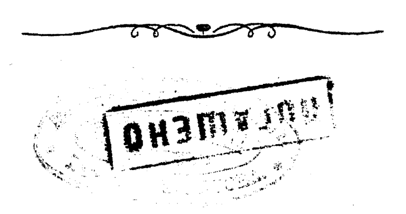
ПО

КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

ИЗДАНІЕ

Кіевскаго Отдѣленія Общества Классической филологіи и педагогики.

ВЫПУСКЪ II-й.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Важнѣйшія погрѣшности въ статьѣ Водоснабженіе древн. Рима.

Стр.	Стр.	Напечатано:	Читай:
189	5 св.	industria;	industria
„	14 св.	282.	272.
190	7 сн.	inerementum	incrementum
190	3 св.	fabrorumduxst	fabrorum duxit
101	2 св.	но нѣсколько	но нѣсколько
196	13 сн.	Uirg inisundas	Virginis undas
196	2 сн.	transtulicastuli	transtuli
197	16 св.	tuitn	fuit.
197	2 сн.	21000	2,1000
197	1 сн.	Leaalcque	Le acque
199	3 св.	28 году	1 году.
200	3 сн.	Quando	Quanto.
202	11 сн.	MMM.D	MMM. D
203	12 сн.	Vespasiani	Vespasiani f.
205	1 св.	undarume	udarum.
205	17 св.	emptis*	emptis)
206	2 сн.	періодъ	періодъ устройства
213	4 сн.	ae l'acquedotto	all' acquedotto,
216	16 сн.	II	II.) 3)
202	19 сн.	сафона	сифона
226	11 св.	уваженіемъ	уваженіемъ;
227	2 св.	Albano)	Albano);
227	18 сн.	aquae	aquae),
230	16 св.	каналъ. См.	каналъ (см.
232	6 св.	duo actus	duo actus, 240 pedes.
235	17 св.	водопровода	водопровода шла
235	7 сн.	шесть	семь,
239	16 св.	Галликано и Кавомонтэ	Галликано.
240	2 сн.	pinopally	principally
245	1 св.	см. стр.	см. стр. 191, 198.
245	6 св.	Clandia	Claudia и
245	6 св.	даютъ	давали.
246	11 св.	Максима	Максима и
246	19 св.	inclisae	inclusae.
247	10 св.	actus югеръ	actus, 240 pedes (югеръ—
247	11 св.	cipugerales	cippi iugerales.
247	13 сн.	termnatus	terminatus.
248	3 св.	(Iactus	(2 actus
248	18 св.	Tepula	Tepula,
248	14 сн.	pute	putei
248	7 сн.	гранину	границу
248	3 сн.	u formas	formas
248	2 сн.	tacere	facere
249	11 св.	всѣхъ	9
249	9 сн.	ниглова	ни слова
250	17 сн.	iu	in
251	13 св.	ныдол	должны
251	10 св.	abliquum	obliquum
—	—	omnem	amnem
251	15 св.	см. стр.	см. стр. 210.
251	13 сн.	столицы	столицѣ.
256	11 св.	super amente	superbamente
260	7 св.	т. Целія	Целія,
264	13 сн.	извѣстье	извѣстье, что
275	8 сн.	Діадуменіамъ	Діадуменіанъ
275	12 сн.	72 R, 1, стр.	R, I, 2. стр.
291	12 сн.	Александріи,	Александріи
293	17 св.	исключаю небольшихъ	исключая небольшое
297	7 св.	иной пролеты	пролеты.

ОЧЕРКЪ
ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.
СОКРАТЪ, ПЛАТОНЪ.

(Введеніе къ чтенію діалоговъ Платона, а также философскихъ сочиненій Ксенофонта).

Главными пособіями при составленіи предлагаемаго „Очерка“ служили слѣдующія сочиненія:

1. Исторія философіи Фр. Ибервега въ переводѣ Н. О. Фоккова. Часть I.
2. Философскіе этюды А. А. Козлова. Часть 1 и 2.
3. Критика отвлеченныхъ началъ Влад. Соловьева.
4. Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи М. Каткова. (Пропилеи, кн. 1 и 3).
5. Исторія Греціи Эрнста Курціуса, томъ II (въ переводѣ А. Веселовскаго) и III (въ переводѣ М. Корсака). Москва, 1878 и 1880.
6. Очеркъ греческихъ древностей. Составилъ В. Латышевъ. Вильна, 1880.
7. Сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго и объясненныя проф. Карповымъ. Изд. 2. С.-Петербургъ, 1863.
8. Platonis opera omnia. Recensuit et commentariis instruxit Godofredus Stallbaum.
9. Platonische Studien von Josef Steger, I—III. Innsbruck, 1869—1872.
10. Platonische Studien von H. Bonitz. 2 Auflage. Berlin, 1875.
11. Platons Vertheidigungsrede des Sokrates und Kriton. Für den Schulgebrauch erklärt von Dr. Christian Cron. 7 Aufl. Leipzig, 1878.
12. Platons Apologie des Sokrates und Kriton mit Einleitung und Anmerkungen für den Schulgebrauch von Alfred Ludwig. 6 Wien, 1875.

ЗАЧАТКИ И ГЛАВНЫЕ ПЕРІОДЫ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

Грековъ очень рано стали занимать вопросы, которые позднѣе составили предметъ философіи, какъ особой науки. Народъ—поэтъ давалъ и поэтическое рѣшеніе вопросамъ о началѣ міра, о происхожденіи и культѣ боговъ, а также о разныхъ сторонахъ и отношеніяхъ человѣческой жизни (Орфей и Гесіодъ). Съ развитіемъ демократическаго образа правленія предметомъ философскаго размышленія сдѣлалось государство съ его учрежденіями и законами; такимъ образомъ развилась гномическая и нравственно-политическая поэзія, представителемъ которой является *Солонъ*. Сюда же слѣдуетъ отнести и такъ наз. семь мудрецовъ древности.[1]) 1.

Съ VI вѣка до Р. Х. началось серьезное философское движеніе и прежде всего среди Іонянъ въ Малой Азіи, гдѣ главнымъ средоточіемъ его сдѣлался городъ Милетъ (іонійская школа), а затѣмъ среди Дорянъ въ Великой Греціи (Пиѳагоръ); тогда же явилась впервые и научная философская литература, сначала стихотворная, а потомъ прозаическая.[2]) Первыхъ философовъ занимали вопросы изъ области космологіи, метафизики и математической физики. То былъ первый, преимущественно космологическій періодъ греческой философіи.

---

[1]) Имена ихъ: Ѳалетъ, Біантъ, Питтакъ, Солонъ, Клеобулъ, Мисонъ (или - по другимъ—Періандръ) и Хилонъ (также Анахарсъ, Эпименидъ и др.). См. Плат. Πρωτ. 343. Это суть представители практической, житейской мудрости. Имъ приписывается много нравственныхъ сентенцій: напр. Хилону: γνῶθι σαυτόν; Солону: ἄρχε πρῶτον μαθὼν ἄρχεσθαι и μηδὲν ἄγαν; Біанту: ἀρχὴ ἄνδρα δείξει и др. Анахарсъ, упрекнутый однимъ Аѳиняниномъ за то, что онъ Скиѳъ, отвѣчалъ: ἐμοῦ μὲν ὄνειδος ἡ πατρίς, σὺ δὲ τῆς πατρίδος и пр.

[2]) Древнѣйшимъ греческимъ прозаикомъ, писавшимъ (на іонійскомъ нарѣчіи) о природѣ и богахъ, считается Ферекидъ (Φερεκύδης ὁ Σύριος) съ острова Сира (ок. 560), современникъ Ѳалета. Сочиненіе, приписываемое ему, носитъ заглавіе Ἑπτάμυχος (седмискладъ). Срв. Cic. Tusc. I, §38.

За нимъ слѣдовалъ періодъ анѳропологическій, съ предпочтительнымъ направленіемъ философскаго изслѣдованія къ человѣку, какъ существу, одаренному волею и мышленіемъ, причемъ не забывались и вопросы, поднятые раньше. Этотъ періодъ съ преобладаніемъ эѳики и логики начинается софистами и идетъ до Стоиковъ, Эпикурейцевъ и Скептиковъ. Въ третьемъ періодѣ греческая философія сливается съ восточною (особ. іудейскою) и характеризуется господствомъ ѳеософіи съ привнесеніемъ также физики, эѳики и логики. Главными преставителями этого послѣдняго періода греческой философіи являются александрійскіе философы: Аристобулъ (ок. 150 до Р. Х.) и Филонъ (род. ок. 20 до Р. Х.), Новопиѳагорейцы Аполлоній Тіанскій (ок. 50 по Р. Х.) и послѣдователи его: Плотинъ (ок. 250), Порфирій (ок. 270), Іамблихъ (ок. 280), Проклъ (ок. 450 по Р. Х.) и пр.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

Различныя направленія греческой философіи въ первый періодъ ея развитія выразились въ нѣсколькихъ философскихъ школахъ, изъ коихъ самыя главныя были слѣдующія:

2. **I. Іонійская школа** или *школа древнѣйшихъ греч. натуралистовъ.* Поставивъ вопросъ о томъ, что есть производящее начало міра, іонійскіе философы признавали такимъ началомъ (ἀρχή) одну основную матерію, которую представляли себѣ живою и одушевленною (гилозоисмъ, hylozoismus, отъ ὕλη матерія и ζωή жизнь); все происходящее въ природѣ объясняли они измѣненіями этого матеріальнаго первоначала. Какъ изслѣдователи явленій внѣшней видимой природы (φύσις, natura) іонійскіе философы называются *натуралистами*, *физіологами* или просто *физиками* (οἱ φυσικοί). Во главѣ ихъ стоитъ

3. 1) *Ѳалетъ* (Θαλῆς, οῦ, или Θάλης, ητος) изъ Милета, современникъ Солона, одинъ изъ такъ называемыхъ семи мудрецовъ древности (ок. 640—548 до Р. Х.). Ѳалетъ (а вмѣстѣ съ нимъ и позднѣйшій философъ Гиппонъ изъ Сама или Регія, жившій во времена Перикла) признавалъ производящимъ началомъ всякаго бытія воду [1]). Онъ считался

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что Ѳалетъ слѣдовалъ здѣсь древнему египетскому ученію, съ которымъ онъ ознакомился во время многолѣтняго пребыванія въ Египтѣ.

также основателемъ астрономіи и геометріи[1]); онъ же первый предсказалъ или, вѣрнѣе, только научно объяснилъ случившееся при немъ (въ 585 г.) затмѣніе солнца (срв. Герод. I, 74).

Изъ другихъ представителей іонійской школы замѣчательны:

2) *Анаксимандръ* (Ἀναξίμανδρος) изъ гор. Милета (611 — 547), по преданію древнихъ ученикъ Θалета; онъ полагалъ основу или начало всего въ „безграничномъ“ (τὸ ἄπειρον), т. е. въ вѣчной какой-то субстанціи, не имѣющей ни границъ, ни опредѣленнаго качества. Силою движенія выдѣляются изъ „безграничнаго“ различныя (качественныя) противоположности (теплое и холодное, сухое и влажное и пр.). Это τὸ ἄπειρον, утверждалъ Анаксимандръ, πάντα περιέχειν καὶ πάντα κυβερνᾶν, καὶ τοῦτο εἶναι τὸ θεῖον· ἀθάνατον γὰρ καὶ ἀνώλεθρον. Анаксимандръ занимался также астрономіею и географіею; онъ составилъ первую географическую карту и изобрѣлъ солнечные часы. 4.

3) *Анаксименъ* (Ἀναξιμένης) изъ Милета (570—500), ученикъ Анаксимандра, и *Діогенъ* изъ Аполлоніи на Критѣ (ок. 460) принимали за природное первоначало воздухъ (ἀήρ). Изъ воздуха чрезъ сгущеніе (πύκνωσις) и разрѣженіе (μάνωσις или ἀραίωσις) происходятъ огонь, вѣтеръ, облака, вода, земля и все остальное; воздухъ есть и начало жизни отдѣльныхъ существъ: ἐκ τούτου πάντα γίγνεσθαι καὶ εἰς αὐτὸν πάλιν ἀναλύεσθαι· οἷον ἡ ψυχὴ ἡ ἡμετέρα ἀὴρ οὖσα συγκρατεῖ ἡμᾶς, καὶ ὅλον τὸν κόσμον πνεῦμα καὶ ἀὴρ περιέχει. 5.

4) *Гераклитъ* (Ἡράκλειτος) изъ Эфеса (ок. 500 до Р. Х.), самый замѣчательный изъ іонійскихъ мыслителей, считалъ міровымъ началомъ тончайшій, эѳирный огонь (вѣчно живой, τὸ πῦρ ἀεὶ ζῶον) и процессомъ постояннаго возгаранія и потуханія, сгущенія и разрѣженія (ἀναθυμίασις) этого огня объяснялъ все существующее. Видимый міръ представлялся Гераклиту вѣчнымъ, непрерывнымъ теченіемъ (πάντα ῥεῖ), кото- 6.

---

[1]) Ему приписываются четыре положенія: 1) кругъ дѣлится діаметромъ на двѣ половины; 2) углы при основаніи равнобедреннаго треугольника равны; 3) углы, взаимно противолежащіе при пересѣченіи двухъ прямыхъ линій, равны; 4) треугольники совпадаютъ, если одна сторона и два угла одного равны соотвѣтствующимъ частямъ другого. Указаніе (Плутарха), что Θалетъ научилъ египетскихъ жрецовъ измѣрять высоту пирамидъ по тѣнямъ, заставляетъ предполагать, что онъ зналъ о пропорціональности сторонъ подобныхъ треугольниковъ. О развитіи геометріи у Грековъ см. *М. Е. Ващенко-Захарченко*: Истор. очеркъ развитія геометріи, Кіевъ, 1883 (стр. 9—165).

рому подвержено все въ мірѣ. По причинѣ неясности и какой-то загадочности, съ которою онъ выражалъ свои мысли, древніе прозвали Гераклита „темнымъ“ (ὁ σκοτεινός). — Послѣдователь его *Кратилъ Аѳинскій*, учитель Платона, довелъ ученіе Гераклита о теченіи всѣхъ вещей до крайностей. См. ниже § 66, 15.

Почти всѣ названные философы писали сочиненія περὶ φύσεως; но отъ нихъ остались и дошли до насъ лишь весьма скудные отрывки, такъ что мы больше знаемъ о содержаніи ихъ мыслей изъ чужихъ пересказовъ.

7. **II. Пиѳагорейская школа** (οἱ Πυθαγόρειοι или Πυθαγορισταί). Умственный взоръ Пиѳагорейцевъ, принадлежавшихъ преимущественно къ дорійскому племени [1]), былъ устремленъ главнымъ образомъ къ звѣздному міру, который представлялся имъ безчисленнымъ множествомъ вѣчно движущихся силъ. Такое представленіе вело къ тому, что мышленіе Пиѳагорейцевъ выразилось въ математическихъ формахъ, въ числовыхъ отношеніяхъ. Число есть начало всѣхъ вещей, все по своему существу есть число; ничто не можетъ быть мыслимо и познаваемо безъ числа. Основатель и главный представитель этой школы

8. 1) *Пиѳагоръ* (Πυθαγόρας), сынъ Мнесарха, былъ уроженецъ острова Сама и родился въ 582 году до Р. Х. Послѣ многихъ путешествій, предпринятыхъ имъ, для расширенія познаній, на востокъ, особенно въ Египетъ (Исокр. Βουσ. § 28), онъ прибылъ (въ 529 г.) въ Кротонъ, ахейскую колонію въ южной Италіи, гдѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своею добродѣтельною жизнью и необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Вскорѣ собрался около него кружокъ молодыхъ людей, образовавшихъ замкнутое философское общество. Строгая дисциплина, опредѣленный порядокъ, простиравшійся до всѣхъ подробностей жизни, совершенное подчиненіе мышленія формамъ господствующаго ученія, строгое молчаніе (ἐχεμυθία), наконецъ полное разобщеніе со всѣмъ, что могло бы извнѣ проникнуть и нарушить единство общества,—все это способствовало къ образованію изъ скромнаго общеста сильнаго религіозно-политическаго союза. Объ авторитетѣ, какимъ пользовался Пиѳагоръ у своихъ послѣдователей, лучше всего свидѣтельствуютъ слова αὐτὸς ἔφα, которыми, ссылаясь на непогрѣшимость своего учителя, Пиѳагорейцы разрѣшали всякое сомнѣніе.

---

[1]) Пиѳагоръ былъ изъ Іоніи, говорилъ однако нарѣчіемъ дорійскимъ, которое и осталось до конца языкомъ Пиѳагорейцевъ.

Строгій и аскетическій образъ жизни Пиѳагорейцевъ противорѣчилъ господствующимъ тогда воззрѣніямъ южно-италійскихъ Грековъ и вызвалъ озлобленіе къ союзу, и даже преслѣдованія, во время которыхъ много приверженцевъ пиѳагорейскаго союза было убито; самъ Пиѳагоръ долженъ былъ бѣжать въ Метапонтъ, гдѣ и умеръ, въ 504 году до Р. Х. [1]) Однако, не смотря на это, пиѳагорейскій союзъ сталъ силою, пріобрѣвшею значительное вліяніе на общественную жизнь въ греческихъ городахъ южной Италіи, особенно въ Кротонѣ. Противъ этого вліянія въ V вѣкѣ до Р. Х. не разъ возставала народная партія съ цѣлью уничтожить ненавистную школу; но эти преслѣдованія только способствовали распространенію ея ученія.

Исходную точку Пиѳагорова ученія составляетъ идея центральнаго единства. Согласно этой идеѣ міръ представляетъ собою гармоническое цѣлое, заключающее въ себѣ всѣ различія и противоположности въ стройномъ сочетаніи (ἁρμονία). Центральный огонь составляетъ средоточіе вселенной; вокругъ него движутся всѣ небесныя тѣла, въ томъ числѣ и наша земля [2]); онъ есть существо освѣщающее и одушевляющее весь міръ; изъ него происходятъ души людей и животныхъ. Тѣло умираетъ; душа, будучи безсмертною, переходитъ послѣ смерти въ другое тѣло (животнаго или растенія—μετεμψύχωσις). Срв. Герод. II, 123 и IV, 95; Cic. Tusc. I, 38—39. 9.

---

[1]) Занимаясь усердно математическими науками, Пиѳагоръ сдѣлалъ нѣсколько научныхъ открытій; общеизвѣстны таблица умноженія и геометрическая теорема объ отношеніи между гипотенусою и катетами въ прямоугольномъ треугольникѣ (срв. § 3, прим.); извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ Пиѳагоръ, проходя мимо одной кузницы, гдѣ три кузнеца били по наковальнѣ, замѣтилъ, что звуки, издаваемые молотами, соотвѣтствовали квартѣ, квинтѣ и октавѣ; взвѣсивъ молоты, онъ нашелъ, что молотъ, издававшій звукъ кварты, имѣлъ двѣ трети вѣса самаго тяжелаго молота, а издававшій кварту имѣлъ три четверти этого вѣса. Такимъ образомъ Пиѳагоръ первый точно и вѣрно опредѣлилъ отношеніе между октавою, квартою и квинтою, положивъ вмѣстѣ съ тѣмъ начало акустикѣ и теоріи музыки.

[2]) Пиѳагорейцы опредѣляли отношенія и взаимную зависимость небесныхъ сферъ интервалами музыкальныхъ тоновъ и утверждали что круговращеніе небесныхъ тѣлъ производитъ звуки, гармонію, и если мы не слышимъ этой гармоніи, то это потому, что мы постоянно, отъ самой колыбели, слышимъ ее. См. статью магистра *В. И. Петра:* О Пиѳагориной гармоніи сферъ. Одесса, 1882.

10. 2) Изъ послѣдователей Пиѳагора, переставшихъ быть членами особаго союза и появлявшихся въ разныхъ краяхъ греческаго міра, наиболѣе извѣстны: *Филолай* изъ Кротона (по другимъ изъ Тарента), жившій и учившій въ Ѳивахъ и Аѳинахъ уже во времена Сократа[1]); *Симмія* (Σιμμίας) и *Кебетъ* (Κέβης) изъ города Ѳивъ, ученики Филолая, близкіе друзья Сократа (Ксен. Ἀπομν. I, 2, 48; III, 11, 17; г. Плат. Φαίδων); *Тимей* (Τίμαιος) изъ гор. Локръ, *Эхекратъ* (Ἐχεκράτης) изъ Фліунта (см. Плат. Φαίδων); *Архита* (Ἀρχύτας) изъ Тарента, современникъ и другъ Платона, который нашелъ у него защиту отъ преслѣдованій тиранна Діонисія [2]); *Лисидъ* (Λύσις) и *Эвритъ; Гипподамъ* изъ Милета, современникъ Сократа [3]); поэтъ *Эпихармъ* съ о-ва Коя, жившій ок. 500 г. до Р. X. въ Сиракусахъ (Ксен. Ἀπομν. II, 1, 20) и другіе.

11. III. **Элейская школа** или *школа Элеатовъ*. Отрицая всякое движеніе и всякую множественность и разнообразіе, Элеаты въ отважномъ

---

[1]) Филолай первый письменно изложилъ пиѳагорейское ученіе въ сочиненіи περὶ φύσεως. Поселившись въ Ѳивахъ, онъ нашелъ тамъ ревностныхъ слушателей. Два изъ нихъ Симмія и Кебетъ, возбужденные Филолаемъ къ философскому мышленію, отправились въ Аѳины. Здѣсь между учениками Сократа Кебетъ прослылъ неутомимымъ изслѣдователемъ, а Симмію Платонъ хвалитъ за то, что онъ не давалъ покоя ни себѣ, ни другимъ, постоянно возбуждая новыя проблемы и доводя каждую изъ нихъ до послѣднихъ заключеній. Черезъ Симмію и Кебета установилась духовная связь между Аѳинами и Ѳивами; въ ихъ энергіи и постоянствѣ сказывается лучшая сторона эолійской природы.—За Филолаемъ явился въ Ѳивы, уже во время Пелопоннесской войны, тарентскій Пиѳагореецъ Лисидъ. Онъ нашелъ пріютъ въ домѣ Полимнида и сдѣлался воспитателемъ его сына, Эпаминонда, который вполнѣ подчинился вліянію тарентскаго философа и вмѣстѣ съ личнымъ уваженіемъ къ нему проникся глубокою любовью къ наукѣ. Срв. Corn. Nep. Epam. c. II; Cic. Dē ōrāt. III, 34, 139.

[2]) Архита знаменитъ и какъ математикъ, особенно изобрѣтеніемъ аналитическаго метода и рѣшеніемъ нѣкоторыхъ геометрическихъ и механическихъ задачъ (удвоеніе куба, автоматъ: летающій голубь). Срв. Hor. Carm. I, 28

[3]) Будучи по своимъ занятіямъ архитекторомъ, Гипподамъ требовалъ, чтобы при постройкѣ городовъ и домовъ соблюдалась математическая правильность всего плана, чтобы улицы были прямыя, площади прямолинейныя, кварталы четвероугольные; дальше онъ хотѣлъ раздѣлить весь составъ гражданъ на правильныя числовыя группы и вообще ввести новый порядокъ во всю общественную жизнь.

порывѣ духа признали реальнымъ и истиннымъ одно лишь единое, неизмѣнное бытіе (ἓν τὸ ὂν καὶ πᾶν). Сосредоточиваясь на представленіи о единомъ (ὡς ἑνὸς ὄντος τῶν πάντων καλουμένων) и рѣшительно отвергая все несогласное съ этимъ основнымъ принципомъ своей метафизики, Элеаты положили начало діалектикѣ, то есть они первые стали облекать свои философскія изслѣдованія въ форму разговора, въ которомъ одинъ помогаетъ другому распутывать спорныя мысли и приходить къ окончательнымъ выводамъ [1].

1) *Ксенофанъ* (Ξενοφάνης), основатель элейской школы, былъ родомъ Колофонецъ и жилъ во 2-й половинѣ VI вѣка до Р. Х. Изгнанный изъ своего города, онъ долгое время странствовалъ (въ качествѣ рапсода) по Греціи и наконецъ (нѣсколько позднѣе Пиѳагора) прибылъ въ Италію и поселился въ фокейской (іонійской) колоніи Элеѣ (Ὑέλη, Velia). Ксенофанъ сталъ особенно извѣстенъ вслѣдствіе полемики, веденной имъ противъ анѳропоморфисма и политеисма гомеровской и гесіодовской миѳологіи. Въ противность господствовавшимъ мнѣніямъ о временномъ происхожденіи и множествѣ боговъ, онъ проповѣдывалъ, что есть единое, всеобъемлющее, вѣчное божество (монисмъ—панѳеисмъ). 12.

2) Преемникъ Ксенофановой мысли и главою элейской школы былъ *Парменидъ* (Παρμενίδης ὁ Ἐλεάτης), уроженецъ и законодатель Элеи (род. ок. 515 г. до Р. Х.). Въ дидактическомъ стихотвореніи περὶ φύσεως, дѣлившемся на двѣ части, ученіе объ истинѣ и ученіе о мнѣніи (δόξα), и дошедшемъ до насъ далеко не въ полномъ видѣ, Парменидъ съ особенною энергіею раскрываетъ и метафизически развиваетъ отвлеченный раціонализмъ своего предшественника. Ксенофановское понятіе о богѣ переходитъ у Парменида въ чисто метафизическое понятіе объ абсолютномъ, т. е. вѣчномъ, неподвижномъ, нераздѣльномъ, единомъ бытіи. Есть только бытіе, небытія нѣтъ. Мышленіе (познаніе) тожественно съ бытіемъ; есть только мыслимое (познаваемое), не-мыслимое не существуетъ (чего нѣтъ, то и немыслимо). 13.

---

[1] Діалектика Элеатовъ имѣетъ отрицательный характеръ и совершенно безплодно вращается какъ бы на одномъ мѣстѣ. Этимъ она отличается отъ позднѣйшей діалектики Сократа, который находилъ, что эти мыслители, „заключающіе все въ одномъ", своимъ положеніемъ, равно какъ и своимъ отрицаніемъ говорятъ одно и то-же, и потому при всей кажущейся діалектикѣ своей не могутъ сойдти съ мѣста. Срв. діалогъ Плат. Παρμενίδης (ниже § 65, 19).

14. 3) Весьма ревностнымъ и сильнымъ борцомъ элейской школы былъ *Зенонъ* (Ζήνων), ученикъ Парменида (род. ок. 494 г. до Р. Х.). Въ Зенонѣ какъ бы олицетворился бранный духъ элеатскаго ученія. Онъ писалъ уже прозою, многое въ формѣ діалоговъ и считался главнымъ представителемъ элеатской діалектики. Остроумная діалектика его имѣла цѣлью доказать, что признаніе многаго и мѣняющагося ведетъ къ противорѣчіямъ и, слѣдовательно, ложно. Противъ реальности движенія Зенонъ направилъ слѣдующіе замѣчательные, въ древности славившіеся аргументы (парадоксы): 1) Движеніе невозможно, потому что тѣло не можетъ достигнуть какого нибудь другого мѣста безъ того, чтобы не пройти прежде безпредѣльное число промежуточныхъ мѣстъ [1]. 2) Быстроногій Ахиллъ не можетъ догнать медленной черепахи, ибо, прежде чѣмъ догнать ее, онъ долженъ стать на то мѣсто, гдѣ она была впереди его, а въ то время она уйдетъ впередъ; далѣе съ перваго пункта онъ долженъ стать на второй пунктъ, гдѣ была черепаха, а она уйдетъ впередъ и т. д. Черепаха всегда будетъ впереди Ахилла, хотя бы на самое малѣйшее разстояніе. 3) Летающая стрѣла лежитъ спокойно, потому что каждое мгновеніе она находится только въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, слѣдовательно, покоится, не движется. 4) Возраженіе противъ реальности пространства: все существующее находится въ пространствѣ; если пространство само есть сущее, то оно тоже должно находиться въ пространствѣ (уже второмъ); если это въ свою очередь сущее, то должно находиться въ третьемъ и т. д. до безконечности. Отсюда выводъ, что пространство не есть реальность, а иллюзія [2].

4) Другой ученикъ Парменида, *Мелиссъ* съ о-ва Сама (ок. 440 г. до

[1] Положимъ, что движущееся тѣло стремится отъ А къ В; очевидно, что прежде чѣмъ оно достигнетъ своей окончательной цѣли В, ему нужно достигнуть половины этой цѣли или линіи, но прежде чѣмъ добраться до этой половины, ему нужно придти къ половинѣ этой половины, а такъ какъ этой дѣленіе половинъ, четвертей и проч. продолжается до безконечности, то выходитъ, что каждое тѣло, чтобы пройти отъ одного пункта до другого, должно пробѣжать безконечно многія пространства; а безконечность не проходима, слѣдовательно, ни одно тѣло не придетъ отъ одного пункта до другаго и, стало быть, движеніе невозможно.

[2] Вся сила доводовъ Зенона противъ реальности движенія и пространства опирается на математической безконечной, для нашего ума непонятной дѣлимости пространства и времени.

Р. Х.), сблизившій элеатское ученіе съ ученіемъ древнѣйшихъ натуралистовъ, не пользовался особенною извѣстностью [1]).

IV. **Школа позднѣйшихъ** *греческихъ* **натуралистовъ.** Философы этой школы старались примирить ученіе Элеатовъ—принципъ неизмѣннаго бытія—съ ученіемъ древнѣйшихъ іонійскихъ физиковъ—съ принципомъ вѣчнаго движенія, различая и отдѣляя причину движенія отъ неподвижной матеріи (дуалисмъ). Главнѣйшіе представители этого направленія были: 15.

1) *Эмпедоклъ* (Ἐμπεδοκλῆς) изъ дорійскаго города Акраганта (Ἀκράγας, Agrigentum) въ Сициліи (492—432 до Р. Х.), извѣстный современникамъ какъ врачъ, магикъ, ораторъ. Въ своемъ стихотворномъ сочиненіи περὶ φύσεως, изъ котораго дошли до насъ только отрывки [2]), онъ принимаетъ четыре стихіи (ῥιζώματα, т. е. корни): землю (γῆ или—образно и поэтически — Ἀιδωνεύς), воду (ὕδωρ или Νῆστις), воздухъ (αἰθήρ или Ἥρη) и огонь (πῦρ или Ἥλιος, также Ζεὺς ἀργής); изъ этихъ матеріальныхъ элементовъ при содѣйствіи двухъ силъ—соединяющей (Φιλία) и раздѣляющей (Νεῖκος)—происходитъ все существующее [3]).—Душа, по мнѣнію Эмпедокла, находится въ крови сердца, которое составлено изъ самаго совершеннаго смѣшенія основныхъ элементовъ. (Срв. Cic. Tūsc. I, 9, § 19). 16.

2) *Анаксарога* (Ἀναξαγόρας), одинъ изъ самыхъ глубокихъ мыслителей древнѣйшаго періода греческой философіи, родился ок. 500 г. до Р. Х. въ мало-азійскомъ (іонійскомъ) городѣ Клазоменахъ. Послѣ продолжительныхъ путешествій онъ прибылъ въ Аѳины (456 г.) въ самую блестящую пору дѣятельности Перикла. Въ числѣ учениковъ его называютъ Эврипида, Ѳукидида и Перикла [4]); особено близко онъ сошелся 17.

---

[1]) О дѣятельности Мелисса въ качествѣ предводителя Самійцевъ въ борьбѣ противъ Аѳинъ см. *Э. Курціуса*: Исторія Греціи, томъ II, стр. 195 сл.

[2]) Этимъ сочиненіемъ Эмпедокла пользовался римскій поэтъ T. Lucrētius Cārus (95—55 до Р. Х.) при составленіи своей дидактической поэмы Dē rērum nātūrā (см. I, 716 сл.).

[3]) Эмпедокловы названія двухъ противодѣйствующихъ силъ, φιλία и νεῖκος, вполнѣ соотвѣтствуютъ терминамъ новѣйшей научной номенклатуры: притяженіе (тяготѣніе) и отталкиваніе (теплота).

[4]) Cic. Dē ōrāt. III, 34, § 138 hunc (sc Periclem) nōn dēclāmātor aliqvis ad clepsydram lātrāre *docuerat*, sed, ut accēpimus, *Clāzomenius ille Anaxagorās, vir summus in māximārum rērum scientiā.* Срв. Ōrāt. 4, § 15 и Плат. Φαῖδρ. 269 E сл.

съ послѣднимъ. Впослѣдствіи за свое космологическое ученіе былъ обвиненъ въ безбожіи (ἀσέβεια), но благодаря Периклу избавился отъ наказанія и удалился въ мисійскій городъ Лампсакъ, гдѣ умеръ въ 428 г. до Р. Х [1]).

Анаксагора первый перенесъ философію изъ Малой Азіи въ Аѳины; онъ же первый ввелъ ученіе о духовномъ началѣ всего сущаго.

Анаксагора понималъ видимый міръ какъ безконечное множество основныхъ элементовъ, различныхъ качественно (ὁμοιομέρειαι, или ὁμοιομερῆ στοιχεῖα, равночастные, то есть имѣющіе одинаковый составъ элементы) и находившихся прежде существованія отдѣльныхъ вещей въ состояніи хаотическаго смѣшенія. Рядомъ съ этимъ множествомъ матеріальныхъ стихій онъ признавалъ высшее, духовное начало единства, которое обозначилъ именемъ „разумъ“, νοῦς. Этотъ разумъ, по мнѣнію Анаксагоры, простъ, несмѣшанъ и чистъ (ἁπλοῦς, ἀμιγής, καθαρός); онъ вноситъ въ матерію движеніе (ἐνέργεια) и порядокъ (ὁμοῦ πάντα χρήματα ἦν, νοῦς δ'αὐτὰ διῆρε καὶ διεκόσμησεν), обладая притомъ всемогуществомъ, свободою и всевѣдѣніемъ. Чтобы объяснить происхожденіе одной вещи отъ другой, Анаксагора принималъ, что въ каждой есть нѣчто общее всѣмъ прочимъ и что особенный видъ того или другого предмета зависитъ отъ которой нибудь преобладающей въ немъ составной части.—Отъ сочиненія Анаксагоры περὶ φύσεως, написаннаго на іонійскомъ нарѣчіи и отличавшагося необыкновенною простотою, ясностью и выразительностью, остались только фрагменты. Сравн. Плат. Φαίδων 97C и 'Απολ. 26D.

Къ числу учениковъ и послѣдователей Анаксагоры принадлежатъ: *Гермотимъ* изъ Клазоменъ, *Метродоръ* изъ Лампсака, и особенно *Архелай* изъ Милета, приблизившійся къ древнѣйшему іонійскому натурализму, отъ чего и получилъ прозваніе ὁ φυσικός.

18. 3) Къ школѣ позднѣйшихъ натуралистовъ примыкаютъ основатели матеріализма *атомисты* **Левкиппъ** (Λεύκιππος) изъ Абдеры (по другимъ—изъ Милета или Элеи) и особенно богатый познаніями и много путешествовавшій ученикъ его **Демокритъ** (Δημόκριτος) изъ Абдеры (ок. 460—360 до Р. Х.). Эти мыслители поставили міровыми началами полное (τὸ πλῆρες, στερεόν, ναστόν) и пустое (τὸ κενόν, μανόν), отожествляя первое съ бытіемъ (τὸ ὄν), а второе съ небытіемъ (τὸ μὴ ὄν); притомъ

---

[1]) Cic. Tūsc. I, § 104: Praeclārē Anaxagorās, qvī cum Lampsācī morerētur, qvaerentibus amīcīs velletne Clāzomenās in patriam, sī qvid eī accidisset, auferrī, „nihil necesse est,“ inqvit, „undiqve enim ad īnferōs tantundem viae est“.

утверждали, что и небытіе точно также, какъ и бытіе, существуютъ [1]). Есть безконечное множество бытій (οὐσίαι), т. е. простыхъ, однородныхъ, **недѣлимыхъ** тѣлъ или частицъ, ἄτομα (или αἱ ἄτομοι, подраз. οὐσίαι); между ними находится пустое пространство. Отъ движенія, сочетанія и раздѣленія (συμπλοκῇ καὶ περιπλέξει) атомовъ, которые предполагались различнаго вида, вѣса и положенія, возникаетъ весь чувственный міръ со всѣмы своими безконечно разнообразными явленіями; дѣйствующею причиною, которая приводитъ въ движеніе атомы, нельзя признать сознательное, мыслящее, разумное начало, а лишь слѣпой случай, всемогущій рокъ или судьбу. Ничто не возникаетъ изъ ничего; что̀ есть, то не можетъ уничтожиться.—Демокритъ первый старался вникнуть въ процессъ человѣческаго сознанія, а именно пытался объяснить происхожденіе ощущеній тѣмъ, что отъ предметовъ отдѣляются какъ бы тонкіе верхніе слои и втекаютъ въ глаза и въ уши. Цѣлью всякаго познанія онъ считалъ спокойствіе души (которую онъ называлъ шарообразными атомами, τὰ σφαιροειδῆ τῶν ἀτόμων, и разными другими именами; срв. Cic. Tusc. I, 11, § 22), но не то, которое доставляется чувственнымъ довольствомъ, а нравственное спокойствіе, непоколебимое страстями [2]).

Изъ сочиненій Демокрита, написанныхъ на іонійскомъ нарѣчіи дошли до насъ лишь весьма немногіе отрывки; по причинѣ изящества слога они служили въ древности предметомъ ревностнаго изученія [3]).

Между учениками Демокрита наиболѣе замѣчателенъ *Діагора* (Διαγόρας) 19.
Мелійскій, съ прозваніемъ ὁ ἄθεος, жившій около средины V вѣка до Р. Х., большею частью въ Аѳинахъ. Въ молодости онъ занимался поэзіею, а потомъ сдѣлался послѣдователемъ атомистической философіи и такимъ образомъ сталъ противникомъ народной религіи. Отвергая существованіе

---

[1]) Для доказательства необходимости существованія пустоты Демокритъ представлялъ слѣдующія основанія: 1) движеніе требуетъ пустаго пространства, такъ какъ наполненное уже ничего не можетъ принять въ себя; 2) сгущеніе и расширеніе возможны только черезъ пустые промежутки; 3) ростъ зависитъ отъ проникновенія пищи въ пустыя мѣста тѣла.

[2]) Отсюда, кажется, явилось преданіе, изображающее Демокрита вѣчно смѣющимся (γελασῖνος), въ противоположность вѣчно плачущему Гераклиту.

[3]) Cic. Orāt. § 67: Jtaqve videō vīsum esse nōnnūllīs, Platōnis et D ē m o c r i t ī locūtiōnem, etsī absit ā versū, tamen, qvod incitātius ferātur et clārissimīs verbōrum lūminibus ūtātur, potius poēma putandum qvam cōmicōrum poētārum.

всѣми признаваемыхъ боговъ, онъ разоблачалъ и осмѣивалъ мистеріи, въ которыя былъ посвященъ, и отклонялъ другихъ отъ участія въ нихъ. Это раздражило Аѳинянъ до того, что они назначили награду тому, кто убьетъ Діагору, и уничтожили его сочиненія. Онъ бѣжалъ въ Коринѳъ, гдѣ и умеръ.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

20. Всѣ выше изложенныя ученія, появившіяся на противоположныхъ окраинахъ греческаго міра, сошлись въ Аѳинахъ, когда послѣднія сдѣлались средоточіемъ умственной жизни всей Греціи. Прежде другихъ прибылъ въ Аѳины Анаксагора изъ г. Клазоменъ въ Малой Азіи (въ 456 г.); за нимъ слѣдовали Діогенъ изъ г. Аполлоніи на о-вѣ Критѣ, Архелай изъ Милета, Парменидъ и Зенонъ изъ Италіи и др. Рядомъ съ этими основателями и представителями разныхъ философскихъ школъ явились новые мыслители, которые, находя господствующія системы космологической философіи односторонними и недостаточными, обратили вниманіе на самого человѣка, на человѣческое Я и, сдѣлавъ послѣднее предметомъ своихъ наблюденій, дали философіи новое направленіе, гдѣ преобладающее значеніе получили эѳика и логика. Главными представителями этого (преимущественно) анѳропологическаго періода греч. философіи суть: I. *софисты;* II. *Сократъ*—Сократовцы, *Платонъ*—Академики, *Аристотель* изъ Стагиры (384—322)—Перипатетики; III. *Зенонъ* изъ Киттія на о-вѣ Кипрѣ (362—264)—Стоики, *Эпикуръ* съ о ва Сама (342—270)—Эпикурейцы, *Пирронъ* изъ Элиды (376—288)—Скептики.

21. I. **Софисты** (σοφισταί) были учителями краснорѣчія и вообще всѣхъ тѣхъ знаній, которыя входили въ кругъ тогдашняго высшаго образованія (отс. и называются παιδεύσεως καὶ ἀρετῆς διδάσκαλοι). Странствуя по большимъ городамъ Греціи, они за плату обучали молодыхъ людей разнымъ отраслямъ знанія и такимъ образомъ въ значительной степени способствовали къ подъему общаго уровня образованія. Необыкновенный успѣхъ, котораго они достигли на этомъ поприщѣ, объясняется съ одной стороны поднявшеюся въ современномъ обществѣ потребностью образованія, съ другой же стороны ловкостью и часто дѣйствительною способностью софистовъ удовлетворить этой потребности. Придавая высокое значеніе формѣ мысли и искусству въ употребленіи слова, софисты создали науку

о языкѣ: грамматику, реторику, филологію въ обширномъ смыслѣ слова. Они же не мало способствовали и тому, что изъ греческаго языка выработался тотъ богатый и гибкій органъ мышленія, которому удивляемся въ діалогахъ Платона.

Въ философіи софисты являются представителями отрицательнаго направленія. Поставивъ новое и справедливое требованіе—*различать познаваемый предметъ отъ субъективнаго представленія о немъ*, благодаря чему впервые признаны были субъективный и объективный элементы человѣческаго познанія, софисты сначала стали указывать на трудность познанія при существованіи индивидуальныхъ особенностей познающихъ субъектовъ (Протагора) и затѣмъ отрицать самую возможность познанія или по крайней мѣрѣ передачу его другимъ (Горгія). „Заблужденіе софистовъ, проповѣдывавшихъ субъективисмъ, заключалось въ томъ, что они подъ *человѣкомъ* разумѣли не человѣка вообще, но individuum (особь), не человѣческій разумъ, но разумъ того или другого лица, и тѣмъ допустили, что есть столько же мѣрилъ истины и заблужденія, сколько отдѣльныхъ лицъ. Они не признавали общечеловѣческаго разума и его тождества во всѣхъ отдѣльныхъ людяхъ. Люди помѣшали имъ видѣть человѣка“. 22.

Въ области этики скептическое ученіе софистовъ неизбѣжно приводило къ отрицанію объективной правды и вообще всякой нравственности и религіи. Нѣкоторые изъ нихъ объявляли прямо, что законъ есть изобрѣтеніе слабаго для защиты противъ сильнаго, и признавали только φύσει δίκαιον (право физической силы, внѣшнее право), а не νόμῳ δίκαιον (внутреннее, нравственное право; срв. Плат. Πολ. I, 338 E сл.). 23.

Пагубное вліяніе софистовъ на общественные нравы проявилось особенно въ томъ, что многіе изъ нихъ, не имѣя никакихъ твердыхъ убѣжденій и обращая все вниманіе только на внѣшній блескъ рѣчи, вводили въ обманъ своихъ слушателей посредствомъ разныхъ хитросплетеній и изворотовъ, которыми представляли ложь истиною (τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιεῖν. Плат. Ἀπολ. 18 B), а истину превращали въ ложь (Срв. Cic. Brut. 8, § 30). Потерявъ вѣру въ существованіе абсолютной истины, софисты превратились въ проповѣдниковъ суемудрія (δοξοσοφία), основаннаго на умственныхъ тонкостяхъ и ложныхъ доводахъ.

1) Первое мѣсто между софистами занимаетъ **Протагора** (Πρωταγόρας), 24.
уроженецъ ѳракійскаго города Абдеры (480—410), выступившій съ большимъ успѣхомъ сначала въ Сициліи (443), а затѣмъ въ Аѳинахъ, гдѣ

провелъ большую часть жизни, пользуясь уваженіемъ со стороны Перикла. Онъ придерживался теоріи Гераклита, форму же принялъ отъ Элеатовъ. Протагора первый назвалъ себя публично софистомъ, σοφιστής, именемъ, которое первоначально не имѣло въ себѣ ничего оскорбительнаго. Съ философскими воззрѣніями Протагоры знакомитъ насъ Платонъ въ діалогѣ Θεαίτητος. Основныя положенія Протагорина ученія слѣдующія: 1) отдѣльный *человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей*, πάντων μέτρον ὁ ἄνθρωπος [1]), т. е. познаніе дѣйствительно существуетъ только и единственно въ головѣ, въ душѣ, въ сознаніи индивидуальнаго лица; 2) *противоположныя утвержденія* (двухъ человѣкъ въ одно и то-же время, или даже одного человѣка, но въ разное время) *одинаково справедливы*. Кромѣ философіи Протагора занимался реторикою и грамматикою (ὀρθοέπεια, Плат. Φαῖδρ. 267 C). —Протагора написалъ сочиненіе о богахъ, въ которомъ доказывалъ, что нельзя знать, существуютъ ли боги или нѣтъ, и если существуютъ, то гдѣ они и какіе они. Это сочиненіе вызвало противъ него народное негодованіе: онъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ (411), а сочиненія его были сожжены на площади. См. діалогъ Платона Πρωταγόρας (ниже § 65, 7).

25. 2) Другой корифей софистики былъ **Горгія** (Γοργίας) изъ г. Леонтинъ (Λεοντῖνοι) въ Сициліи (487—379 до Р. Х.), человѣкъ весьма разносторонній, свѣдущій въ философіи и діалектикѣ, полный энергіи и вѣры въ себя. Поставленный во главѣ посольства, отправленнаго Леонтинцами въ 427 году въ Аѳины, онъ произвелъ своимъ краснорѣчіемъ блестящее впечатлѣніе на Аѳинянъ, не смотря на то, что въ то время былъ уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Нашедши радушный пріемъ въ Аѳинахъ, онъ рѣшился остаться въ Греціи и странствовалъ по городамъ (см. Ксен. Ἀνάβ. II, 6, 16 сл.), произнося эффектныя рѣчи [2]), изобилующія всевозможными украшеніями, остроумными оборотами, массою образовъ, и отличающіяся въ высшей степени художественною отдѣлкою. Онъ умеръ въ Ѳессаліи въ глубокой старости, 108 лѣтъ отъ роду.—Софистическое ученіе

---

[1]) По Діогену Лаертскому (IX, 51): πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος, τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστι, τῶν δὲ οὐκ ὄντων ὡς οὐκ ἔστιν.

[2]) Cic. Dē inv. I, 5, § 7: Gorgiās Leontīnus antīqvissimus ferē rhētor, omnibus dē rēbus ōrātōrem optimē dīcere existimāvit. *Dē ōrāt.* I, 22, 103; III, 16, 59 и 32, 129 isqve prīnceps ex omnibus ausus est in conventū pōscere, qvā dē rē qvisqve vellet audīre (Плат. Γοργ. 447 c), cui tantus honos habitus est ā Graeciā, sōlī ut ex omnibus Delphīs nōn inaurāta statua, sed aurea statuerētur. Срв. *Ōrāt.* 12, 39; 52, 175.

Горгіи сводится на чистый *нигилисмъ*. Хотя онъ былъ воспитанъ въ элейской школѣ, но утверждалъ противное (τὸ μὴ ὄν). Вотъ положенія, въ коихъ онъ пытался отрицать бытіе, познаніе и, по крайней мѣрѣ, общность познанія: 1) *нѣтъ ничего*; 2) *если бы что нибудь и было, то оно не можетъ быть познано*; 3) *если бы и было познаніе, то оно не можетъ быть сообщаемо другимъ*. Философскій трактатъ Горгіи περὶ φύσεως ἢ περὶ τοῦ μὴ ὄντος не дошелъ до насъ.

Горгія имѣлъ много учениковъ и приверженцевъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны софистъ *Полъ* изъ Акраганта (см. ниже § 28), философъ *Антисѳенъ* изъ Аѳинъ (см. ниже § 53), ораторъ *Алкидамантъ* изъ Элеи, реторъ *Ликимній*, трагикъ *Агаѳонъ*, историкъ *Ѳукидидъ* и др.

3) **Гиппія** (Ἱππίας) изъ *Элиды* (род. ок. 460 до Р. Х.) пользовался 26.
у современниковъ славою ученаго и всесторонне образованнаго человѣка; это былъ πολυίστωρ своего времени. Онъ занимался естественными науками, астрономіею, геометріею [1]), исторіею, зналъ Иліаду и Одиссею, трагическихъ поэтовъ и вообще всю литературу; былъ знакомъ съ метрикою, грамматикою, музыкою; наконецъ былъ свѣдущъ во всѣхъ ремеслахъ [2]). Но не смотря на всю многосторонность и обширность, познанія Гиппіи были неглубоки и поверхностны; какъ философъ онъ ничѣмъ не отличался, какъ софистъ далеко уступалъ Протагорѣ и Горгіѣ. Гиппія представляетъ собою типъ софистическаго тщеславія и корыстолюбія [3]). Характеристика его сдѣлана

---

[1]) Гиппія первый рѣшилъ задачу: раздѣлить данный уголъ на произвольное число равныхъ частей. Ему же принадлежитъ открытіе *геометрическихъ мѣстъ*. См. § 4 (прим.).

[2]) Cic. Dē ōrāt. III, 32, § 127: Hippiās cum Olympiam vēnisset māximā illā qvīnqvennālī celebritāte lūdōrum, glōriātus est cūnctā paene audiente Graeciā nihil esse ūllā in arte rērum omnium qvod nescīret; nec sōlum hās artēs, qvibus līberālēs doctrīnae atqve ingenuae continērentur, geōmetriam, mūsicam, litterārum cōgnitiōnem et poētārum atqve illa, quae dē nātūrīs rērum, qvae dē hominum mōribus, qvae dē rēbus pūblicīs dīcerentur, sed anulum, quem habuit, pallium, qvō amictus, soccōs, qvibus indūtus esset, sē suā manū cōnfēcisse. — Срв. Ксен. Ἀπομν. IV, 4, 5 сл.; Плат. Ἱππίας Ἐλάττων 368 B.

[3]) О томъ, сколько денегъ зарабатывалъ онъ своими эпидейктическими (показными) рѣчами и преподаваніемъ, разсказываетъ онъ самъ въ Платоновомъ діалогѣ Ἱππίας Μείζων 282 D слѣдующее: εἰ εἰδείης (ὦ Σώκρατες), ὅσον ἀργύριον εἴργασμαι ἐγώ, θαυμάσαις ἄν. καὶ τὰ μὲν ἄλλα ἐῶ· ἀφικόμενος δέ ποτε εἰς Σικελίαν, Πρωταγόρου αὐτόθι ἐπιδημοῦντος καὶ εὐδοκιμοῦντος καὶ πρεσβυτέρου ὄντος καὶ πολὺ

Платономъ въ діалогахъ Ἱππίας Ἐλάττων и Ἱππίας Μείζων (срв. ниже § 65, 1 и 14). См. также Плат. Πρωτ. 315 С. и Ксен. Ἀπομν. IV, 4, 5 сл.

27. 4) Самою симпатичною личностью между софистами является **Продикъ** (Πρόδικος) Кейскій (род. ок. 470 г. до Р. Х.). Уже въ зрѣломъ возрастѣ, по примѣру другихъ софистовъ, онъ прибылъ въ Аѳины, гдѣ въ скоромъ времени снискалъ большую славу своимы эпидейктическими рѣчами и преподаваніемъ реторики. Продикъ былъ самый благородный изъ софистовъ. Не гоняясь за наживою, какъ прочіе софисты, онъ честнымъ и усерднымъ трудомъ старался спасти молодыхъ людей отъ угрожающей имъ нравственной гибели. Онъ считается авторомъ прекраснаго аллегорическаго разсказа „Гераклъ на распутіи,“ переданнаго намъ Ксенофонтомъ въ „Воспоминаніяхъ о Сократѣ“ (Ἀπομν. II, 1, 21—34; срв. Плат. Πρωτ. 341 А).

Продикъ спеціально занимался этимологіею и синонимикою (Плат. Χαρμ. 163 D и Πρωτ. 337 А—С). Его сочиненіе о природѣ людей (περὶ φύσεως ἀνθρώπων) было посвящено вопросамъ языка съ философской точки зрѣнія. Продикъ имѣлъ большое вліяніе на многихъ выдающихся государственныхъ людей, мыслителей и писателей: Критію, Эврипида, Сократа, Ксенофонта, Исократа и др.

28. 5) Изъ прочихъ, такъ называемыхъ младшихъ софистовъ, занимавшихся главнымъ образомъ теоріею реторики, наиболѣе извѣстны: *Полъ* (Πῶλος) Акрагантскій, ученикъ Горгіи (о немъ см. діалогъ Платона Γοργίας), *Ѳрасимахъ* Халкедонскій, *Ѳеодоръ* Византійскій (Плат. Φαῖδρ. 266 D—Е и 267 С—D), *Эвенъ* (Εὔηνος) Парійскій (Ксен. Ἀπολ. 4), *Эвѳидемъ* Хійскій и *Діонисодоръ* (о нихъ см. діалогъ Платона Εὐθύδημος; срв. ниже § 65, 8), *Антифонтъ* (Ксен. Ἀπομν. I, 6) и др.

29. II. Противъ отрицательнаго направленія софистическихъ ученій, угрожавшихъ гибелью не только философіи, но въ своихъ послѣдствіяхъ также всей нравственности и государственной жизни Греціи, выступилъ новый, сильный борецъ за истину аѳинскій [1]) гражданинъ

νεώτερος ὢν ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ πάνυ πλέον ἢ πεντήκοντα καὶ ἑκατὸν μνᾶς εἰργασάμην, καὶ ἐξ ἑνός γε χωρίου πάνυ σμικροῦ πλέον ἢ εἴκοσι μνᾶς. καὶ τοῦτο ἐλθὼν οἴκαδε φέρων τῷ πατρὶ ἔδωκα, ὥστε ἐκεῖνον καὶ τοὺς ἄλλους πολίτας θαυμάζειν τε καὶ ἐκπεπλῆχθαι. καὶ σχεδόν τι οἶμαι ἐμὲ πλείω χρήματα εἰργάσθαι ἢ ἄλλους σύνδυο οὕστινας βούλει τῶν σοφιστῶν.

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ знаменитѣйшіе представители софистики были чужестранцы: Протагора изъ Абдеры, Горгія изъ Сициліи, Продикъ съ острова Кея, Гиппія изъ Элиды, Ѳрасимахъ изъ Халкедона и т. д. См. § 28.

Сократъ.

Отрицая вмѣстѣ съ софистами истинность результатовъ, добытыхъ предшествующими философами, Сократъ оставилъ безъ вниманія ихъ ученія (Ксен. Ἀπομν. I, 1, 11 сл.) и отдался изъисканію новаго пути къ знанію, долженствовавшему, по его мнѣнію, стать основаніемъ для добродѣтели [1]). Твердое убѣжденіе въ возможности этого знанія составляло существенное отличіе Сократа отъ софистовъ и было постояннымъ поводомъ къ спорамъ съ ними. Этой-то борьбѣ за существованіе истины, за освобожденіе ея изъ-подъ произвольныхъ субъективныхъ мнѣній софистическаго суемудрія и посвятилъ свою жизнь Сократъ.

Вотъ главныя черты, которыми характеризуется ученіе Сократа въ сочиненіяхъ Ксенофонта, Платона и Аристотеля: 30.

Сократъ никому не навязывалъ готовыхъ воззрѣній, а каждаго вызывалъ на самостоятельное изслѣдованіе предмета; въ своихъ бесѣдахъ съ учениками (συνουσίαι) онъ старался ввести въ ихъ мышленіе и дѣйствія стройность и логическую послѣдовательность. Для этой цѣли онъ всегда направлялъ бесѣду на самую суть вопроса (ἐπὶ τὴν ὑπόθεσιν ἐπανῆγεν ἂν πάντα τὸν λόγον—Ксен Ἀπομν. IV, 6, § 13) и велъ изслѣдованіе путемъ обще-

---

[1]) Cic. Acad. I, 4, § 15 Sōcratēs mihī vidētur, id qvod cōnstat inter omnēs, prīmus ā rēbus occultis et ab ipsā nātūrā involūtis, in qvibus omnēs ante eum philosophī occupātī fuērunt, āvocāvisse philosophiam et ad vītam commūnem adduxisse, ut dē virtūtibus et vitiīs omnīnoqve dē bonīs rēbus et malīs qvaereret, caelestia autem vel procul esse ā nostrā cōgnitiōne cēnserēt vel sī māximē cōgnita essent, nihil tamen ad bene vīvendum.—Tūsc. V, 4, § 115: S. prīmus philosophiam dēvocāvit dē coelō et in urbibus collācāvit et in domūs etiam introduxit et coēgit dē vītā et mōribus rēbusqve bonīs et malīs qvaerere.—Объ отношеніи Сократа къ софистамъ срв. Cic. Brūt. 8, 30—31 ut intellēctum est qvantam vim habēret accūrāta et facta qvōdam modō ōrātiō, tum etiam magistrī dīcendī multī subito exstitērunt. Tum Leontinus Gorgiās, Thrasymachus Calchēdonius, Prōtagorās Abdērītēs, Prodicus Cēus, Hippiās Elēus in honōre māgnō fuit; aliīqve multī temporibus eīsdem docēre sē profitēbantur, adrogantibus sānē verbīs qvemadmodum causa inferior—ita enim loqvēbantur—dīcendō fierī superior posset. His opposuit sē ē Sōcratēs, qvī subtilitāte qvādam disputandī refellere eōrum īnstitūta solēbat verbīs. Hūjus ex ūberrimīs sermōnibus exstitērunt doctissimī virī; prīmumqve tum philosophia nōn illa dē nātūrā, qvae fuerat antīqvior, sed haec, in qvā dē bonīs rēbus et malīs deqve hominum vītā et mōribus disputātur, inventa dīcitur.

признанныхъ истинъ (διὰ τῶν μάλιστα ὁμολογουμένων ἐπορεύετο, тамъ же § 15) помогая, въ случаѣ надобности, своимъ слушателямъ самостоятельно доискиваться истины посредствомъ наводящихъ вопросовъ, взятыхъ изъ разныхъ сферъ обыденной жизни [1]). Притомъ Сократъ постоянно обращалъ вниманіе на то, чтобы слушатель имѣлъ вѣрное и точное представленіе о каждомъ предметѣ (τί ἕκαστον εἴη τῶν ὄντων). Въ этомъ индуктивномъ способѣ или методѣ изслѣдованія (ἐπαγωγή, inductiō, λόγοι ἐπακτικοί), равно какъ и въ стремленіи къ точному опредѣленію понятія о каждомъ данномъ предметѣ (τὸ ὁρίζεσθαι καθόλου, отс. ὅρος=dēfīnītiō) заключается главная заслуга Сократа какъ философа-теоретика.

31. Высшая и единственная задача человѣческой жизни состоитъ, по мнѣнію Сократа, въ стремленіи къ истинному знанію. Стремясь къ этой цѣли, Сократъ долженъ былъ однако сознаться, что онъ самъ ничего не знаетъ. Этимъ добросовѣстнымъ сознаніемъ онъ вовсе не отрицалъ истиннаго знанія, а только утверждалъ, что его позпанія далеко не удовлетворяютъ требованіямъ истиннаго знанія. Отсюда дѣлается яснымъ, почему Сократъ также знаніе другихъ находилъ только кажущимся, мнимымъ и считалъ себя въ правѣ уличать другихъ въ невѣжествѣ. (Плат. Ἀπολ. 29 В—Е). Въ этомъ-то соприкосновеніи его, незнающаго, но серьезно ищущаго, съ мнимо-знающими, а потому и не ищущими знанія, и проявлялась знаменитая Сократовская иронія, которая выходила тѣмъ жестче и ядовитѣе, чѣмъ собесѣдникъ Сократа былъ наглѣе и самоувѣреннѣе, но была добродушна, когда это былъ человѣкъ скромный и совѣстливый [2]).

---

[1]) Свой пріемъ въ этомъ отношеніи Сократъ сравнивалъ съ родовспомогательнымъ искусствомъ (ἡ μαιευτική): онъ являлся на помощь зарождающейся мысли и любознательности въ умахъ своихъ слушателей. См. Плат. Θεαίτ. 149.

[2]) Cic. Brūt. 85, 292 īrōniam illam, qvam in Sōcrate dīcunt fuisse, qvā ille in Platōnis et Xenophōntis et Aeschinis (см. ниже § 47, 1) librīs ūtitur, facētam et elegantem putō. Est enim et minimē ineptī hominis et ējusdem etiam facētī, cum dē sapientiā disceptētur, hanc sibi ipsum detrahere, eīs tribuere illūdentem, qvī eam sibī adrogant, ut apud Platōnem Sōcratēs in caelum effert laudibus Prōtagoram, Hippiam, Prodicum, Gorgiam, cēterōs, sē autem omnium rērum īnscium fingit et rūdem. Decet hōc nesciō qvomodo illum: nec Epicūrō, qvī id reprehendit, adsentior. Срв. Acad. II, 5, 15.—Dē ōrāt. II, 67, 270 Sōcratem opīnor in hāc īrōniā dissimulantiāqve longē lepōre et hūmānitāte omnibus praestitisse.

Основаніемъ и исходною точкою истиннаго знанія служитъ **познаніе себя**. Отсюда основное положеніе Сократова ученія γνῶθι σεαυτόν [1]). Добродѣтель заключается въ знаніи, и именно въ знаніи добра (того, что должно дѣлать). Добродѣтели противополагается зло, порокъ, невѣжество. Никто не дѣлаетъ зла ради зла, а только по недостатку истиннаго знанія (Плат. Ἀπολ. 37 А, 25 Е и 26 А). Такъ какъ знаніе по существу своему только одно, а лишь по содержанію различно, то и добродѣтель только **одна**, но можетъ проявляться въ разныхъ видахъ (отсюда πάσας τὰς ἀρετὰς ἐπιστήμας εἶναι). Какъ знаніе, такъ и добродѣтель пріобрѣтается наукою. 32.

Сократъ былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ: онъ вѣрилъ въ отечественныхъ боговъ νόμῳ πόλεως, приносилъ имъ жертвы, молился имъ, признавалъ ихъ величайшими благодѣтелями людей и вообще относился съ полнымъ почтеніемъ къ народной вѣрѣ. Великимъ благодѣяніемъ для людей считалъ онъ и оракулъ (μαντική); но прибѣгать къ нему долженъ человѣкъ только въ такихъ вопросахъ, на которые не даетъ удовлетворительнаго отвѣта ни наука, ни собственный разсудокъ. См. Ксен. Ἀπομν. I, 1, 2 сл. 33.

О себѣ самомъ утверждалъ Сократъ, что обладаетъ внутреннимъ оракуломъ (ἡ τοῦ δαιμονίου μαντική), такъ какъ въ немъ съ самаго дѣтства проявляется какой то голосъ (δαιμόνιον, θεῖον, τὸ εἰωθὸς σημεῖον, τὸ τοῦ θεοῦ σημεῖον, φωνή), который всегда отклоняетъ его отъ того, что не должно дѣлать. На основаніи указаній этого внутренняго голося онъ и совѣтовалъ другимъ одно дѣлать, а другого не дѣлать (Плат. Ἀπολ. 31 D и 40 А; Φαῖδρ. 242 С, Θεαίτ. 151 А, Ἀλκ. I, 103 А и 124 С; срв. Ксен. Ἀπομν. I, 1, 4, и IV, 8, 1). Этотъ внутренній голосъ или геній, служившій для Сократа въ важныхъ случаяхъ единственнымъ и достаточнымъ объясненіемъ рѣшенія, не обоснованнаго какими нибудь другими мотивами, былъ ничто иное, какъ **инстинктивное** дополненіе къ тѣмъ сознательнымъ побужденіямъ или мотивамъ, которые принято считать за обыкновенныя разсудочныя основанія. Божественнымъ (θεῖον, δαιμόνιον) и, слѣдовательно, непостижимымъ казалось Сократу это инстинктивное начало 34.

[1]) Объясненіе этихъ словъ самимъ же Сократомъ см. у Ксен. Ἀπομν. IV, 2, § 24 сл.—Слѣдуетъ замѣтить, что уже Гераклитъ выразилъ содержаніе своего философскаго мышленія въ словахъ „я искалъ самого себя". Тѣмъ не менѣе Сократъ первый поставилъ самопознаніе исходнымъ пунктомъ всей своей философіи.

только потому, что по его мнѣнію человѣческій разумъ долженъ обладать достаточными средствами для пониманія какъ хорошаго, такъ и дурнаго. Срв. Плат. Ἀπολ. 27 D (къ слову τοὺς δαίμονας).

35. Форма, которую употреблялъ Сократъ при своихъ философскихъ бесѣдахъ была форма разговорная діалектическая (διαλέγεσθαι, διάλεκτος, διάλογος, λόγος [1]). Она обусловливалась эротематическимъ методомъ Сократа (τῷ ἐρωτᾶν τε καὶ ἀποκρίνεσθαι. см. Плат. Κρίτ. 50 C; срв. Cic Tusc. I, § 8). Діалектику его слѣдуетъ отличать отъ искусной эристики (ἐριστική) софистовъ, имѣвшей цѣлью только запутать противника въ противорѣчія (ἀντιλογική) и вовсе не ведшей къ познанію истины [2]).

36. Послѣ этой краткой характеристики Сократова ученія, приводимъ заключительныя слова Ксенофонтовыхъ „Воспоминаній о Сократѣ", изъ коихъ можно видѣть, какимъ представлялся сей великій наставникъ добродѣтели лучшей части своихъ современниковъ. „τῶν δὲ Σωκράτην γιγνωσκόντων οἷος ἦν οἱ ἀρετῆς ἐφιέμενοι πάντες ἔτι καὶ νῦν διατελοῦσι πάντων μάλιστα ποθοῦντες ἐκεῖνον, ὡς ὠφελιμώτατον ὄντα πρὸς ἀρετῆς ἐπιμέλειαν. ἐμοὶ μὲν δὴ τοιοῦτος ὢν οἷον ἐγὼ διήγημαι, εὐσεβὴς μὲν οὕτως ὥστε μηδὲν ἄνευ τῆς τῶν θεῶν γνώμης ποιεῖν, δίκαιος δὲ ὥστε βλάπτειν μὲν μηδὲ μικρὸν μηδένα, ὠφελεῖν δὲ τὰ μέγιστα τοὺς χρωμένους αὐτῷ, ἐγκρατὴς δὲ ὥστε μηδέποτε προαιρεῖσθαι τὸ ἥδιον ἀντὶ τοῦ βελτίονος, φρόνιμος δὲ ὥστε μὴ διαμαρτάνειν κρίνων τὰ βελτίω καὶ τὰ χείρω, μηδὲ ἄλλου προσδεῖσθαι, ἀλλ' αὐτάρκης εἶναι πρὸς τὴν τούτων γνῶσιν, ἱκανὸς δὲ καὶ λόγῳ εἰπεῖν τε καὶ διορίσασθαι τὰ τοιαῦτα, ἱκανὸς δὲ καὶ ἄλλους δοκιμάσαι τε καὶ ἁμαρτάνοντας ἐλέγξαι καὶ προτρέψασθαι ἐπ' ἀρετὴν

---

[1]) У народа съ живымъ характеромъ размышленіе и внутреннее рѣшеніе легко принимаютъ форму разговора, который душа ведетъ сама съ собою, что мы часто замѣчаемъ у греческихъ поэтовъ: такъ непосредственно сливались у нихъ между собою слово и мысль (срв. лексическое значеніе слова λόγος). Поэтому народному характеру вполнѣ соотвѣтствовало, если даже философскія изслѣдованія облекались у нихъ въ форму разговора. Этого діалектическаго пріема держался и Сократъ, предлагая результаты своихъ изслѣдованій не въ формѣ готоваго поученія, но обращая всѣ важнѣйшіе вопросы въ матеріалъ для разговора и весело бесѣдуя о нихъ съ другими на улицахъ и площадяхъ. Такимъ образомъ онъ придалъ совершенно новое значеніе аттической любви къ собесѣдованіямъ (φιλολογία· срав. Плат. Λάχ. 188 C) и оказалъ величайшую услугу языку и научной литературѣ своего народа. Ученики его въ своихъ сочиненіяхъ, долженствовавшихъ продолжать личную дѣятельность учителя, не могли разстаться съ формою, столь свойственною его ученію. См. ниже §§ 59 и 60.

[2]) О характерѣ элеатской діалектики см. выше § 11 прим.

καὶ καλοκἀγαθίαν, ἐδόκει τοιοῦτος εἶναι οἷος ἂν εἴη ἄριστός τε ἀνὴρ καὶ εὐδαιμονέστατος. εἰ δὲ τῷ μὴ ἀρέσκει ταῦτα, παραβάλλων τὸ ἄλλων ἦθος πρὸς ταῦτα οὕτω κρινέτω". (Ксен 'Απομν. IV, 8, 11).—

Сократъ (Σωκράτης) родился въ Аѳинахъ въ 469 году до Р. Х. Отецъ 37.
его, Софронискъ, былъ ваятелемъ; мать, Файнарета (Φαιναρέτη), была повивальною бабкою (μαῖα, Плат. Θεαίτ 149 А). Извѣстія о жизни Сократа весьма скудны и сбивчивы. Происходя отъ бѣдныхъ родителей, онъ въ юности получилъ только обыкновенное образованіе, обязательное для каждаго свободнаго аѳинскаго гражданина, и посвятилъ себя искусству своего отца. Но глубоко врожденная жажда знанія не дали ему остановиться на этомъ занятіи; она выгнала его изъ тѣсной мастерской на городскія улицы и площади, гдѣ въ то время щедро предлагались всякаго рода образованіе, искусство и наука. Здѣсь онъ слушалъ домашнихъ и заѣзжихъ философовъ, реторовъ и поэтовъ и знакомился съ выдающимися политическими дѣятелями. Добывъ себѣ сочиненія прежнихъ философовъ, вліяніе которыхъ было еще живо между его современниками, Сократъ вмѣстѣ съ прилежными друзьями углублялся въ произведенія Гераклита и Анаксагоры и чрезъ такое дѣятельное взаимное общеніе приготовился постепенно къ своему призванію—учить народъ истинной мудрости и добродѣтели. Признавая неудовлетворительными воззрѣнія прежнихъ философовъ и доискиваясь болѣе глубокаго знанія, нежели то, которое предлагалось обществу современными софистами, Сократъ безъ всякаго съ своей стороны намѣренія сдѣлался тѣмъ лицомъ, которому суждено было отвѣтить на многіе неразрѣшенные вопросы. Новый искатель знанія и истины сдѣлался центромъ молодежи, горячо къ нему привязанной; а насколько преподаваемое имъ ученіе соотвѣтствовало потребностямъ времени, видно изъ того, что къ числу его приверженцевъ принадлежали люди всякихъ сословій и состояній, и такіе самонадѣянные, счастливые и гордые юноши изъ высшаго общества, какъ Алкибіадъ [1]), и такіе мрачные и унылые люди, какъ чудакъ Аполлодоръ Фалерскій, который былъ вѣчно недоволенъ и собою и другими и велъ несчастное существованіе до тѣхъ поръ, пока не нашелъ для себя въ Сократѣ человѣка по душѣ, а въ дружбѣ съ нимъ желаннаго спокойствія [2]). Такимъ образомъ, возбудивъ благодѣтельную силу

---

[1]) См. Ксен. 'Απομν. I, 2, 12 сл.

[2]) Ксен. 'Απομν. III, 11, 17. Плат. Συμπ. 172 сл.—Ксенофонтъ ('Απομν. I, 2, 48) называетъ слѣдующихъ учениковъ Сократа: богача Критона (см. тамъ

чистой дружбы и безкорыстной преданности между Аѳинянами, Сократъ пріобрѣлъ въ скоромъ времени такое обширное вліяніе, какого никто до него не имѣлъ въ Аѳинахъ [1]).

38. Сократъ былъ искренно предан своему отечеству, для блага котораго онъ трудился непрестанно въ теченіе всей своей жизни. Отъ своихъ учениковъ онъ требовалъ точнаго исполненія гражданскихъ обязанностей и подавалъ имъ въ этомъ отношеніи отличный примѣръ. По обязанности аѳинскаго гражданина Сократъ участвовалъ во время Пелопоннесской войны въ нѣсколькихъ походахъ, въ которыхъ выказалъ замѣчательную храбрость и стойкость. Въ первый разъ онъ сражался при Потидеѣ (въ 430 г.), гдѣ мужественно переносилъ сильные ѳракійскіе морозы, тутъ же онъ спасъ раненнаго Алкибіада и затѣмъ отказался въ его пользу отъ награды за храбрость (Плат. Συμπ. 219 E сл. и

же II, гл. 9), братьевъ Хайрефонта и Хайрекрата (см. II, гл. 3; срв. Плат. 'Απολ. 21 A), Гермогена, сына богача Гиппоника (см. II, 10, 3; IV, 8, 4 сл.), Ѳивянъ Симмію и Кебета (см. III, 11, 17), Файдонду. Въ томъ-же сочиненіи въ числѣ собесѣдниковъ и друзей упоминаются еще слѣдующія лица: врачъ Акуменъ (III, 13, 2) Алкибіадъ и Критія (I, 2, 12 сл.), Антисѳенъ (II, 5; III 4; III, 11, 17), Аристархъ (лицо неизвѣстное: II, 7), Аристиппъ (II, 1; III, 8), Аристодемъ (I, 4, 2 сл.), Главконъ, братъ Платона (III, 6), Діодоръ (лицо неизвѣстное: II, 10), Діонисодоръ Хійскій (III, 1), Критобулъ, сынъ Критона (II, 6), Ксенофонтъ (I, 3, 9, сл.), Лампроклъ, старшій сынъ Сократа (II, 2), Периклъ Младшій, сынъ знаменитаго Перикла (III, 5), Хармидъ, дядя Платона (III, 6, 1; III, 7), Эвѳидемъ (I, 2, 29; IV, 2; IV, 5, 2 сл.), Эвѳиръ (II, 8), Эпигенъ (III, 12) и др.

[1]) Э. Курціусъ: Исторія Греціи (въ переводѣ. М. Корсака) томъ III, стр. 88 сл.—О своей общественной дѣятельности говоритъ Сократъ въ своей защитительной рѣчи (Плат. 'Απολ. 30 A) слѣдующее: οὐδὲν γὰρ ἄλλο πράττων ἐγὼ περιέρχομαι ἢ πείθων ὑμῶν καὶ νεωτέρους καὶ πρεσβυτέρους μήτε σωμάτων ἐπιμελεῖσθαι μήτε χρημάτων πρότερον μηδὲ οὕτω σφόδρα ὡς τῆς ψυχῆς, ὅπως ὡς ἀρίστη ἔσται, λέγων ὅτι οὐκ ἐκ χρημάτων ἀρετὴ γίγνεται, ἀλλ' ἐξ ἀρετῆς χρήματα καὶ τἆλλα ἀγαθὰ τοῖς ἀνθρώποις ἅπαντα καὶ ἰδίᾳ καὶ δημοσίᾳ· и въ другомъ мѣстѣ 29 D: ἕως περ ἂν ἐμπνέω καὶ οἷόστε ὦ, οὐ μὴ παύσωμαι φιλοσοφῶν κτλ.—Ксенофонтъ въ 'Απομν. I, 1, 10 говоритъ: ἐκεῖνός γε (т. е. Σωκράτης) ἀεὶ μὲν ἦν ἐν τῷ φανερῷ· πρῴ τε γὰρ εἰς τοὺς περιπάτους καὶ τὰ γυμνάσια ᾔει καὶ πληθούσης ἀγορᾶς ἐκεῖ φανερὸς ἦν, καὶ τὸ λοιπὸν ἀεὶ τῆς ἡμέρας ἦν ὅπου πλείστοις μέλλοι συνέσεσθαι· καὶ ἔλεγε μὲν ὡς τὸ πολύ, τοῖς δὲ βουλομένοις ἐξῆν ἀκούειν.

Χαρμ. 157 A—C). Послѣ битвы при Деліи (Δήλιον, въ 424 г.), когда аѳинское войско разсѣялось въ дикомъ бѣгствѣ, Сократъ шелъ въ полномъ вооруженіи своею дорогою такъ же гордо и спокойно, какъ по улицамъ Аѳинъ, и спасъ самъ себя и своего товарища, храбраго Лахета, пристыженнаго его невозмутимымъ спокойствіемъ [1]) (Плат. Λάχ. 181 A—B и Συμπ. 221 A—B). Въ третій разъ Сократъ сражался при Амфиполѣ (въ 422 г.). См. Плат. Ἀπολ. 28 E.—

За исключеніемъ этихъ походовъ, Сократъ не выходилъ изъ Аѳинъ; только однажды онъ оставилъ свой родной городъ, чтобы побывать на Исѳмійскихъ играхъ (Плат. Κρίτ. 52 B).

Считая своимъ призваніемъ занятіе философіею и обученіе своихъ согражданъ истинной мудрости и добродѣтели, Сократъ никогда не добивался видныхъ мѣстъ [2]) и почетныхъ должностей. Только дважды въ теченіе своей жизни онъ принялъ замѣтное участіе въ политическихъ дѣлахъ (Плат. Ἀπολ. 32 B—D): въ первый разъ, когда онъ, въ качествѣ эпистата (ἐπιστάτης) пританіи, энергично воспротивился смертному приговору, противозаконно произнесенному народомъ надъ десятью полководцами, которые послѣ побѣды надъ Лакедемонянами въ морскомъ сраженіи при Аргинусскихъ островахъ (въ 406 г.) по причинѣ бури оставили непогребенными павшихъ въ сраженіи воиновъ (Ксен. Ἀπομν. I, 1, 18; IV, 4, 2, и Ἑλλην. I, 7; Плат. Ἀπολ. 32 B); въ другой разъ онъ, съ опасностью собственной жизни, отказался исполнить приказаніе тридцати тиранновъ, посылавшихъ его въ Саламинъ арестовать невиннаго Леонта (Ксен. Ἀπομν. IV, 4, 3; Плат. Ἀπολ. 32 C). 39.

Въ 399 году, когда, по изгнаніи тридцати тиранновъ, въ Аѳинахъ были возстановлены прежніе демократическіе порядки, три аѳинскихъ гражданина, *Мелетъ*, *Анитъ и Ликонъ*, обвинили 70-лѣтняго Сократа въ невѣріи и въ развращеніи юношества. Главнымъ обвинителемъ (κατήγορος) былъ Мелетъ, человѣкъ еще молодой, Сократу почти неизвѣстный, сынъ мелкаго трагическаго поэта Мелета, осмѣяннаго Аристофаномъ. Къ Мелету присоединились Ликонъ и Анитъ; первый изъ нихъ былъ народный 40.

---

[1]) Извѣстіе Страбона (X, 7), что Сократъ въ делійскомъ сраженіи спасъ жизнь Ксенофонту, подлежитъ сомнѣнію.

[2]) О бѣдности и безкорыстіи Сократа см. Ксен. Ἀπομν. I, гл. 6 (разговоръ Сократа съ софистомъ Антифонтомъ) и 2 (особ. §§ 5 и 60). Срв. также Плат. Ἀπολ. 31 B и Συμπ. 174 A.

ораторъ, пользовавшійся дурною репутаціею, а второй—извѣстный государственный человѣкъ и одинъ изъ освободителей Аѳинъ въ 404 г., бывшій по всей вѣроятности и въ настоящемъ случаѣ главнымъ лицомъ, хотя и предоставившій почему-то первую роль Мелету. Онъ неоднократно имѣлъ личныя столкновенія съ Сократомъ. Происходя изъ богатой фамиліи, славившейся тогда въ промышленномъ мірѣ кожевеннымъ производствомъ, онъ потерялъ большую часть своего состоянія, такъ какъ во время „тридцати" былъ сосланъ въ ссылку; между тѣмъ сынъ, который долженъ былъ поддержать достоинство и богатство своей фамиліи, оказывался совершенно неспособнымъ на это. Анитъ видѣлъ въ этомъ плоды знакомства его съ Сократомъ и, запретивъ сыну всякое сношеніе съ этимъ развратителемъ юношества, явился самымъ ярымъ обвинителемъ его [1]).

41. Мелетъ лично подалъ письменную жалобу, какъ этого требовалъ законъ, архонту—царю (ἄρχων βασιλεύς), которому принадлежало предсѣдательство на судѣ по дѣламъ культа и религіи. Обвиненіе было представлено (по свидѣтельству Діогена Лаертскаго) въ слѣдующей формѣ: Τάδε ἐγράψατο καὶ ἀντωμόσατο Μέλητος Μελήτου, Πιτθεύς, Σωκράτει Σωφρονίσκου Ἀλωπεκῆθεν· Ἀδικεῖ Σωκράτης οὓς μὲν ἡ πόλις νομίζει θεοὺς οὐ νομίζων, ἕτερα δὲ καινὰ δαιμόνια εἰσηγούμενος [2]). ἀδικεῖ δὲ καὶ τοὺς νέους διαφθείρων. τίμημα θάνατος. Итакъ дѣло, по которому обвинялся Сократъ, было государственное, уголовное; это была γραφὴ ἀσεβείας [3]). См. Плат. Ἀπολ. 19 C и 24 C.

42. По окончаніи предварительнаго слѣдствія (ἀνάκρισις, causae cōgnitiō) и по составленіи обвинительнаго акта (ἀντιγραφή) дѣло поступило въ судебное присутствіе (δικαστήριον), т. е. въ одно изъ тѣхъ отдѣленій, на которыя дѣлился составъ аѳинскихъ присяжныхъ судей [4]). Число присяжныхъ, судившихъ Сократа, было обыкновенное, т. е. 500 человѣкъ. По принятому обычаю Сократъ самъ защищался предъ судомъ, отказавшись отъ помощи особаго защитника въ лицѣ какого нибудь опытнаго оратора, а также отъ другихъ средствъ, которыми подсудимый по закону могъ

---

[1]) См. Плат. Ἀπολ. 23 E и Μέν. 90 A.; срв. Ксен. Ἀπολ. 29 и Ἑλλην. II, 3, 42 и 44. Плут. Ἀλκ. IV.—Horāt. Sat. II, 4 (Anytī reus).

[2]) По Ксенофонту (Ἀπομν. I, 1, 1): εἰσφέρων.

[3]) За безбожіе (ἀσέβεια) еще до Сократа подвергались ссылкѣ Анаксагора (см. выше § 17), Протагора (§ 24), Діагора (§ 19) и др.

43. a. [4]) **Судъ присяжныхъ** (δικασταί, ἡλιασταί, отъ ἡλιαία, судебнаго мѣста, гдѣ собирались присяжные) былъ главнымъ судебнымъ учрежденіемъ въ Аѳинахъ. Ежегодно 9 архонтовъ избирали по жребію въ судьи 6000 гражданъ не

воспользоваться для своего оправданія (см. Плат. Ἀπολ. 38 D сл. и Ксен. Ἀπομν. IV, 4, 4). Онъ говорилъ твердо и съ достоинствомъ. Послѣ подачи голосовъ (ψῆφοι) оказалось, что Сократъ незначительнымъ большинствомъ

моложе 30 лѣтъ, по 600 изъ каждой филы, 5000 дѣйствительныхъ и 1000 запасныхъ. Послѣдніе служили для замѣны тѣхъ судей, которые по какимъ либо причинамъ выбывали изъ состава, или не могли присутствовать въ засѣданіи. Избранные судьи распредѣлялись по жребію на 10 отдѣленій или палатъ (δικαστήρια); такимъ образомъ одно отдѣленіе суда присяжныхъ состояло изъ 500 лицъ. Дѣла рѣшались въ томъ или другомъ изъ 10 отдѣленій также по жребію, на какое онъ выпадетъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Отъ важности процесса зависѣло, долженъ ли разсматривать его весь составъ судей одного отдѣленія или только часть его, или же слѣдуетъ для этого нѣсколькимъ отдѣленіямъ соединиться вмѣстѣ. Къ четному числу присяжныхъ обыкновенно прибавляли 1 лицо, чтобы вышло число нечетное (501).

Избранные судьи приносили слѣдующую присягу (ὅρκος ἡλιαστικός): Ψηφιοῦμαι κατὰ τοὺς νόμους καὶ τὰ ψηφίσματα τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων καὶ τῆς βουλῆς τῶν πεντακοσίων καὶ τύραννον οὐ ψηφιοῦμαι εἶναι οὐδ' ὀλιγαρχίαν· οὐδ' ἐάν τις καταλύῃ τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων ἢ λέγῃ ἢ ἐπιψηφίζῃ παρὰ ταῦτα οὐ πείσομαι· οὐδὲ τῶν χρεῶν τῶν ἰδίων ἀποκοπὰς οὐδὲ γῆς ἀναδασμὸν τῆς Ἀθηναίων οὐδ' οἰκιῶν· οὐδὲ τοὺς φεύγοντας κατάξω οὐδὲ ὧν θάνατος κατέγνωσται οὐδὲ τοὺς μένοντας ἐξελῶ παρὰ τοὺς νόμους τοὺς κειμένους καὶ τὰ ψηφίσματα τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων καὶ τῆς βουλῆς οὔτ' αὐτὸς ἐγὼ οὔτ' ἄλλον οὐδένα ἐάσω· οὐδ' ἀρχὴν καταστήσω ὥστ' ἄρχειν ὑπεύθυνον ὄντα ἑτέρας ἀρχῆς καὶ τῶν ἐννέα ἀρχόντων καὶ τοῦ ἱερομνήμονος καὶ ὅσαι μετὰ τῶν ἐννέα ἀρχόντων κυαμεύονται ταύτῃ τῇ ἡμέρᾳ καὶ κήρυκος καὶ πρεσβείας καὶ συνέδρων· οὐδὲ δὶς τὴν αὐτὴν ἀρχὴν τὸν αὐτὸν ἄνδρα οὐδὲ δύο ἀρχὰς ἄρξαι τὸν αὐτὸν ἐν τῷ αὐτῷ ἐνιαυτῷ· οὐδὲ δῶρα δέξομαι τῆς ἡλιάσεως ἕνεκα οὔτ' αὐτὸς ἐγὼ οὔτ' ἄλλος ἐμοὶ οὔτ' ἄλλη εἰδότος ἐμοῦ οὔτε τέχνῃ οὔτε μηχανῇ οὐδεμιᾷ. καὶ γέγονα οὐκ ἔλαττον ἢ τριάκοντ' ἔτη. καὶ ἀκροάσομαι τοῦ τε κατηγόρου καὶ τοῦ ἀπολογουμένου ὁμοίως ἀμφοῖν καὶ διαψηφιοῦμαι περὶ αὐτοῦ οὗ ἂν ἡ δίωξις ᾖ. ἐπομνύναι Δία Ποσειδῶ Δήμητρα καὶ ἐπαρᾶσθαι ἐξώλειαν ἑαυτῷ τε καὶ οἰκίᾳ τῇ ἑαυτοῦ εἴ τι τούτων παραβαίνοι· εὐορκοῦντι δὲ πολλὰ κἀγαθὰ εἶναι. b.

Послѣ присяги каждый геліастъ получалъ мѣдную дощечку (πινάκιον) съ вырѣзаннымъ именемъ его и номеромъ (т. е. одною изъ 10 первыхъ буквъ алфавита) того отдѣленія, въ которое онъ былъ назначенъ; дощечка эта служила въ теченіе всего года знакомъ должности геліаста. c.

Засѣданія суда могли происходить ежедневно кромѣ праздниковъ и дней народнаго собранія. Утромъ въ день засѣданія жребій опредѣлялъ, въ какомъ судебномъ зданіи должно засѣдать то или другое отдѣленіе геліастовъ, такъ какъ въ каждомъ зданіи рѣшались дѣла опредѣленнаго содержанія. Судебныя зданія, большинство которыхъ находилось вблизи рынка, различались номера- d.

60 голосовъ (280 противъ 220) былъ признанъ виновнымъ. Но такъ какъ процессъ его относился къ разряду такъ называемыхъ ἀγῶνες τιμητοί, т. е. такихъ процессовъ, гдѣ мѣра наказанія не была предусмотрѣна закономъ и опредѣлялась каждый разъ судьями на основаніи оцѣнки пре-

---

ми и окраскою (упоминаются φοινικοῦν красное зданіе, βατραχιοῦν зеленое зданіе, кромѣ того καινόν, μέσον, μεῖζον, τρίγωνον, παράβυστον, τὸ Καλλίου, τὸ Μητίχου, τὸ ἐπὶ λύκῳ). Послѣ жребія, опредѣлявшаго мѣсто засѣданія извѣстнаго отдѣленія, всѣ геліасты этого отдѣленія получали жезлы (βακτηρία), окрашенные соотвѣтственно цвѣту зданія (напр. если 1-е отдѣленіе назначалось жребіемъ въ φοινικοῦν, то каждый геліастъ, на πινάκιον котораго стояло А, получалъ красный жезлъ) и должны были отправиться въ него. При входѣ геліасты получали деревянныя марки (σύμβολον), на которыхъ находилось расписаніе дневныхъ занятій отдѣленія, и по предъявленіи которыхъ, послѣ каждаго отдѣльнаго засѣданія, присяжные судьи получали отъ особыхъ финансовыхъ чиновниковъ (κωλακρέται) свое жалованье (δικαστικόν). Послѣднее установлено было Перикломъ и сначала состояло въ 1 и 2 оболахъ, а потомъ возвышено было до 3 оболовъ (τριώβολον ἡλιαστικόν).

e. День засѣданія суда (ἡ κυρία) былъ объявляемъ за нѣсколько дней впередъ. По занятіи мѣстъ предсѣдателемъ [предсѣдательство на судѣ, ἡγεμονία δικαστηρίου, принадлежало разнымъ чиновникамъ, смотря по свойству дѣла, но главнымъ образомъ 9 архонтамъ, отдѣльно эпониму, царю, полемарху и вмѣстѣ ѳесмоѳетамъ; въ процессѣ Сократа предсѣдательствовалъ архонтъ-царь] и судьями, засѣданіе открывалось молитвою, вызывались стороны, секретарь читалъ жалобу и оправданіе, затѣмъ стороны произносили рѣчи. Первая изъ нихъ принадлежала обвинителю, вторая обвиняемому. Время для рѣчи опредѣляемо было посредствомъ водяныхъ часовъ, клепсидры (κλεψύδρα), за которыми смотрѣлъ особый надзиратель (ὁ ἐφ' ὕδωρ); время опредѣлялось неодинаковое, смотря по величинѣ и важности дѣла, и отвѣтчику давалось столько же времени, сколько обвинителю; во время чтенія свидѣтельскихъ показаній, законовъ или другихъ документовъ клепсидру останавливали (ἐπιλαμβάνειν τὸ ὕδωρ).

f. Обѣ стороны могли приглашать адвокатовъ (συνήγοροι), если не надѣялись на свои силы и краснорѣчіе; при этомъ иногда самъ обвинитель или обвиняемый говорилъ только краткое введеніе. Часто также судебныя рѣчи были сочиняемы заранѣе опытными ораторами за деньги или по дружбѣ, а потомъ были заучиваемы наизусть и произносимы на судѣ. Во время рѣчи стороны или адвокаты прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, чтобы возбудить сочувствіе судей, и не щадили другъ друга; подсудимые обращались къ судьямъ съ трогательными просьбами, приводили стариковъ-родителей, женъ и дѣтей, которыя мольбами и рыданіями старались подѣйствовать на судей. Во время рѣчи ораторы имѣли подъ рукою всѣ документы и свидѣтельства, которыя въ случаѣ надобности

ступленія какъ со стороны обвинителя (τίμησις, τιμᾶσθαι), такъ и со стороны обвиняемаго (ἀντιτίμησις, ἀντιτιμᾶσθαι), то предоставлено было Сократу назвать наказаніе, котораго онъ считалъ себя достойнымъ. Тогда Сократъ, въ полномъ сознаніи своей невинности, не только не предложилъ себѣ никакого наказанія, но даже гордо заявилъ, что за свои заслуги госу-

---

приказывали читать секретарю, чѣмъ часто прерывали свою рѣчь; обращались также къ свидѣтелямъ, которые обязаны были присутствовать на судѣ, готовые подтвердить прежде данныя показанія.

По окончаніи судоговоренія происходила закрытая подача голосовъ су- g.
дьями (безъ предварительнаго совѣщанія ихъ между собою) посредствомъ камешковъ, бѣлыхъ или цѣльныхъ (оправдательные, ψῆφος λευκή, πλήρης, ἄτρητος) и черныхъ или просверленныхъ (обвинительные, ψῆφος μέλαινα, διατετρυπημένη). Въ болѣе древнія времена камешки клались въ 2 сосуда, въ одинъ бѣлые, въ другой черные; впослѣдствіи же каждый судья получалъ по 2 камешка одного цвѣта и клалъ одинъ въ мѣдный сосудъ (καδίσκος κύριος), другой въ деревянный (κ. ἄκυρος); потомъ сосчитывались только первые, и по нимъ объявлялся приговоръ. Въ случаѣ сомнѣнія справлялись, одинаково-ли число камешковъ въ обоихъ сосудахъ, такъ что 2-й служилъ только для контроля перваго. При равенствѣ голосовъ, подсудимый былъ оправдываемъ; обвинитель, не получившій на свою сторону даже 5-ой части голосовъ, платилъ штрафъ. Равенство голосовъ и при нечетномъ числѣ судей могло происходить отъ того, что нѣкоторые клали оба камешка въ деревянный сосудъ, если дѣло казалось имъ сомнительнымъ, или отъ того, что нѣкоторые судьи не являлись. Результатъ голосованія былъ объявляемъ предсѣдателемъ.

По приговорамъ и ихъ послѣдствіямъ всѣ процессы раздѣлялись на h.
ἀγῶνες τιμητοί и ἀγ. ἀτίμητοι. Послѣднимъ именемъ означаемы были такіе, въ которыхъ наказаніе (τίμημα) было предусмотрѣно въ дѣйствующихъ законахъ, первымъ—тѣ, въ которыхъ наказаніе назначалъ самъ судъ, или потому, что оно не было предусмотрѣно законами, или потому, что судьямъ былъ предоставленъ выборъ изъ двухъ наказаній или опредѣленіе количества штрафа. Въ такомъ случаѣ послѣ первой подачи голосовъ, если вердиктъ былъ обвинительный, слѣдовало голосованіе относительно мѣры наказанія (ὅ τι χρὴ παθεῖν ἢ ἀποτῖσαι), причемъ судьи совѣщались между собою. Наказаніе предлагалъ обвинитель или при подачѣ жалобы, или послѣ судебныхъ преній. Подсудимый съ своей стороны предлагалъ себѣ наказаніе, причемъ невыгодно было назначать себѣ слишкомъ малую мѣру наказанія, потому что тогда судьи могли склониться на сторону наказанія, назначеннаго обвинителемъ, или даже увеличить его (προστίμημα). Знаменитый примѣръ этого мы имѣемъ въ процессѣ Сократа.—См. *В. Латышева*: Очерки греческихъ древностей, стр. 185—193.

дарству и по причинѣ своей бѣдности и старости заслуживаетъ содержанія на государственный счетъ въ пританеѣ (πρυτανεῖον), каковая честь доставалась только лицамъ, оказавшимъ особенно важныя услуги своему отечеству. При послѣдовавшей затѣмъ второй подачѣ мнѣній Сократъ былъ приговоренъ къ смерти уже болѣе значительнымъ противъ прежняго большинствомъ голосовъ. См. Плат. Ἀπολ. 38 C (прим.).

44. Настоящая причина осужденія Сократа была политическая. Не любя поблажать страстямъ толпы, Сократъ не могъ не выступить явнымъ противникомъ демократіи, которая утвердилась въ Аѳинахъ по изгнаніи тридцати тиранновъ. При томъ должно замѣтить, что политическія убѣжденія Сократа не основывались на какомъ нибудь пристрастіи, а вытекали прямо изъ его философскихъ воззрѣній. Кто желаетъ управлять государствомъ, тотъ, по мнѣнію Сократа, долженъ основательно знать его устройство, его нужды и интересы, но прежде всего долженъ умѣть управлять самимъ собою; однимъ словомъ, долженъ быть человѣкомъ знающимъ и добродѣтельнымъ (Ксен. Ἀπομν. III, гл. 6 и 7). Въ такомъ ученіи вожди тогдашней демократіи, люди большею частью неспособные, не могли не видѣть явной оппозиціи существующему порядку, тѣмъ болѣе, что и многіе ученики и друзья Сократа были противниками народной власти, какъ напр. Ксенофонтъ, Платонъ, Хармидъ, Алкибіадъ, Критія (см. Ксен. Ἀπομν. I, 2, 12 сл.) и др.

45. По произнесеніи смертнаго приговора Сократъ былъ заключенъ въ темницу, такъ какъ по случаю Делійскаго праздника (Δήλια) исполненіе приговора было отложено на 30 дней, т. е. до прибытія изъ Дела священнаго корабля (θεωρίς), на которомъ ежегодно, въ память благополучнаго возвращенія Ѳесея изъ Крита, отправлялось въ Делъ торжественное посольство (θεωρία) для принесенія благодарственной жертвы Аполлону [1]). Въ теченіе этого времени дозволено было ученикамъ заключеннаго посѣщать своего любимаго учителя. Напрасно старались близкіе друзья, особенно богачъ Критонъ, склонить Сократа къ побѣгу (см. ниже діалогъ Платона Κρίτων); Сократъ отвергъ это предложеніе, которое противорѣчило его собственному ученію и могло опозорить всю его жизнь. Среди

---

[1]) Смертный приговоръ произнесенъ былъ надъ Сократомъ на другой день по отплытіи священнаго корабля, и такъ какъ плаваніе въ тотъ разъ продолжалось 30 дней, то Сократъ провелъ въ темницѣ цѣлый мѣсяцъ. См. Ксен. Ἀπομν. IV, 8, 2 и Плат. Φαίδ. 58 A сл.

возвышенныхъ бесѣдъ о безсмертіи души и загробной жизни (см. діалогъ Платона Φαίδων: ниже § 65, 23) выпилъ онъ присужденную ему чашу съ ядомъ и умеръ со свѣтлымъ спокойствіемъ истиннаго философа. (Срв. Ксен. Ἀπομν. IV, 8, 2 сл.).

Такъ скончался семидесятилѣтній Сократъ, въ мѣсяцѣ ѳаргеліонѣ (маѣ) 399 г. до Р. Х. И обвинители и судьи были къ нему несправедливы [1]). Сократъ былъ наказанъ за преступленія, къ коимъ онъ вовсе не былъ причастенъ; одни обвинили его по злобѣ, другіе по ослѣпленію и глупости. Онъ палъ жертвою политики, хотѣвшей возстановить прежнія Аѳины, не выяснивъ себѣ при этомъ ни средствъ, ни цѣли. Обвиненіе его не могло принести никакой пользы государству; дѣйствительную услугу Аѳиняне оказали только самому осужденному; они дали ему случай запечатлѣть свое ученіе свободнымъ повиновеніемъ законамъ и геройскою смертью. Онъ покончилъ свою задачу, а мученическая смерть его послужила самымъ сильнымъ поощрительнымъ средствомъ для продолженія того, что онъ началъ.

Казнь Сократа была первымъ жестокимъ протестомъ древняго міра противъ перваго проблеска тѣхъ нравственныхъ идеаловъ, которыми христіанство впослѣдствіи обновило міръ [2]).

Сократъ не оставилъ по себѣ никакихъ сочиненій и не основалъ 46.
никакой особой философской школы; тѣмъ не менѣе своими устными бесѣдами, а также побужденіемъ другихъ къ занятію философіею онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на развитіе философской мысли во весь слѣдующій періодъ до Аристотеля. Въ этотъ періодъ всеобщаго политическаго и нравственнаго упадка Греціи философія достигла высшей степени своего развитія благодаря многочисленнымъ ученикамъ и послѣдователямъ Сократа, такъ называемымъ *Сократовцамъ* (οἱ Σωκρατικοί, Sōcraticī).

Слѣдуетъ различать Сократовцевъ въ тѣснѣйшемъ и обширнѣйшемъ 47.
смыслѣ. Къ Сократовцамъ въ т ѣ с н ѣ й ш е м ъ смыслѣ принадлежатъ:

---

[1]) Какъ несправедливо и неосновательно было обвиненіе, взведенное на Сократа Мелетомъ, это видно не только изъ самой защитительной рѣчи, которую Платонъ влагаетъ въ уста своего учителя въ діалогѣ Ἀπολογία Σωκράτους (см. ниже § 65, 9), но также изъ Ксенофонтова сочиненія Ἀπομνημονεύματα Σωκράτους, написаннаго нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Сократа и представляющаго вѣрный очеркъ личности и дѣятельности великаго философа.

[2]) Срв. Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи *Д. Иловайскаго.* Часть I. Древній міръ. М. 1883. Стр. 173—143.

1) *Эсхинъ* (Αἰσχίνης) Аѳинскій, сынъ Лисанія (Плат. Ἀπολ. 33 Е), одинъ изъ самыхъ преданныхъ учениковъ Сократа, жившій послѣ смерти его нѣкоторое время при дворѣ Діонисія въ Сиракусахъ. Отъ его семи діалоговъ эѳическаго содержанія и написанныхъ совершенно въ сократовскомъ духѣ, остались лишь весьма незначительные отрывки. См. Cic. Brut. 85, 292.

2) *Кебетъ* (Κέβης) Ѳивскій (см. выше § 10), авторъ трехъ философскихъ діалоговъ, Πίναξ, Ἑβδόμη, Φρύνιχος, изъ которыхъ мы имѣемъ только первый. Это сочиненіе, Πίναξ (tabula, картина), содержитъ аллегорическую картину человѣческой жизни и состоянія человѣческой души до соединенія ея съ тѣломъ; юноши созерцаютъ ее, а какой-то старецъ разъясняетъ ее. Цѣль сочиненія показать, что только наука и добродѣтель ведутъ человѣка къ истинному счастію.

3) *Симонъ* (Σίμων) Аѳинскій, сапожникъ, мастерскую котораго часто посѣщалъ Сократъ. Послѣ ухода послѣдняго Симонъ записывалъ свои съ нимъ бесѣды, и такимъ образомъ возникли 33 такъ наз. скутическихъ (σκυτικός) или сапожническихъ діалога, изъ которыхъ нѣкоторые приписываются Платону.

48. 4) Одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ послѣдователей Сократа былъ **Ксенофонтъ** *Аѳинскій* (431—355), жизнь котораго тѣсно связана съ великими событіями того времени.

„Получившій хорошее воспитаніе въ знатномъ домѣ, обладающій замѣчательною наружностью и благородными манерами, чуждый высокомѣрія, преданный и благочестивый, съ пылкимъ стремленіемъ къ высшему образованію,—таковъ былъ юноша Ксенофонтъ, когда познакомился съ Сократомъ. Вѣрно и живо оцѣнилъ онъ разницу между этимъ человѣкомъ и тѣми софистами, которыхъ онъ дотолѣ слушалъ, и сдѣлался вѣрнымъ ученикомъ и неутомимымъ спутникомъ Сократа Тѣмъ не менѣе жизнь въ Аѳинахъ не могла долго удовлетворять его; не смотря на свою жажду знанія, онъ не былъ созданъ для того, чтобы считать своимъ призваніемъ ученые труды, и потому счелъ за особенное указаніе провидѣнія, когда въ 401 году получилъ изъ Сардъ письмо отъ своего друга, Ѳиванца Проксена, описывавшаго ему въ блестящихъ краскахъ тамошній дворъ и обѣщавшаго представить его Киру. Подобное рѣшеніе было не легко для Аѳинянина, ибо Киръ сдѣлалъ много зла городу, и хорошій патріотъ могъ желать ему только гибели. Сократъ не скрылъ отъ Ксенофонта сомнительной стороны его предпріятія; но онъ не имѣлъ основанія отклонять его безусловно; онъ зналъ Ксенофонта за человѣка,

стремившагося къ великимъ задачамъ, для чего въ Аѳинахъ ему не могло представиться никакого случая. Онъ послалъ его въ Дельфы, такъ какъ дѣло шло о жизненномъ рѣшеніи и для этого требовалось серьезно посовѣтоваться съ божествомъ (см. § 33). Но Ксенофонтъ предупредилъ божество, спросивъ его лишь о томъ, какимъ богамъ онъ долженъ принести жертву передъ отъѣздомъ (Ксен. Ἀνάβ. III, 1, 4 сл.). Его рыцарскій духъ уже принялъ рѣшеніе. Къ аттической демократіи у него не лежало сердце; патріотисмъ его былъ эллинскій, и такъ какъ въ то время его родной городъ утратилъ, повидимому, на вѣки свою гегемонію, онъ съ тѣмъ большимъ убѣжденіемъ счелъ себя въ правѣ привязаться къ Спартѣ, гегемонія которой была признана также Аѳинами, и къ своимъ спартанскимъ друзьямъ. Такимъ образомъ Ксенофонтъ поступилъ на службу къ Киру и какъ сторонникъ Кира, на основаніи народнаго приговора, былъ лишенъ гражданскихъ правъ въ то самое время, когда казнили Сократа.

Жизнь Ксенофонта не похожа на жизнь философа, и его тревожное стремленіе къ почестямъ имѣетъ мало общаго съ умѣренностью Сократа. Между тѣмъ онъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ его приверженцевъ, и мы видимъ, что послѣ славныхъ походовъ онъ въ часы досуга съ неослабнымъ уваженіемъ возвращается къ лику любимаго учителя, чтобы изобразить его въ своихъ „Достопамятностяхъ“ (Ἀπομνημονεύματα Σωκράτους) и очистить его отъ всякаго искаженія. Но онъ представлялъ въ нихъ не пытливаго философа и не старался при этомъ развивать и проводить далѣе рядъ его мыслей; онъ выдвигалъ простаго человѣка изъ народа и народнаго учителя, котораго считалъ въ тоже время образцомъ высшей честности, житейской мудрости и благочестія. Вѣдь не смотря на всю свою плодовитость и многосторонность, Ксенофонтъ имѣлъ вообще очень одностороннее направленіе. Онъ равнодушно относился къ самому знанію и къ методамъ изслѣдованія и требовалъ отъ нихъ только средствъ для исправленія людей. Ученіе о добродѣтели было для него важнѣе всего; да и на самую добродѣтель онъ смотрѣлъ преимущественно съ практической стороны, какъ на условіе счастливой жизни, такъ какъ безъ нея нельзя найти на землѣ истинныхъ благъ. Это ученіе онъ старается примѣнять ко всѣмъ обстоятельствамъ. Въ „Экономикѣ“ (Οἰκονομικὸς λόγος) онъ толкуетъ обо всей домашней жизни, даетъ правила относительно супружества, требуетъ умственнаго развитія женщинъ, хорошаго обхожденія съ рабами, правильнаго употребленія имущества, которое дѣлается добромъ только при благоразумномъ обращеніи его въ пользу.

Онъ разсуждаетъ о сельскомъ хозяйствѣ въ связи со скотоводствомъ и охотою. Даже въ пастушескомъ дѣлѣ онъ требуетъ умѣнья, для того чтобы и пастушій бытъ закалялъ молодыхъ гражданъ; равнымъ образомъ наѣздничество должно быть искусствомъ, и онъ требуетъ для городской конницы предводителя съ отличнымъ образованіемъ, чтобы войско его могло принести честь общинѣ (см. Ἱππαρχικός).

Такимъ образомъ Ксенофонтъ освѣщаетъ сократовскими правилами всѣ житейскія отношенія, уже обсужденныя теоретически софистами; это—прикладная эѳика безъ всякихъ высшихъ воззрѣній, самодѣльная нравственная философія, показывающая въ своихъ тѣсныхъ предѣлахъ здравое сужденіе и тонкую наблюдательность. Умъ Ксенофонта былъ постоянно устремленъ на частности. Такъ и въ практической жизни при самыхъ трудныхъ задачахъ онъ былъ всегда храбръ, рѣшителенъ и превосходно руководилъ безпомощною толпою, но въ общихъ дѣлахъ былъ нерѣшителенъ, несамостоятеленъ и искалъ тогда въ высшихъ натурахъ той поддержки, которой не находилъ въ себѣ самомъ. У Ксенофонта былъ военный характеръ, требовавшій дисциплины и порядка, но въ свою очередь чувствовавшій потребность въ авторитетѣ. Разстроенное состояніе Аѳинъ утвердило его въ томъ убѣжденіи, что для процвѣтанія общиннаго блага необходима о д н а воля, одинъ царственный человѣкъ. Потомуто въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ, Κύρου παιδεία, пріурочивая все къ старшему Киру, онъ идеалистически рисуетъ истиннаго царя и основателя государства“ [1]).

49. *Сократовцы въ обширнѣйшимъ смыслѣ*, сдѣлавши предметомъ своихъ фисософскихъ размышленій только отдѣльныя стороны Сократова ученія, односторонне развили ихъ въ цѣлыя системы, причемъ часто доходили до крайностей. Одни изъ нихъ обращали вниманіе преимущественно на методъ и теоретическую сторону ученія Сократа и занимались главнымъ образомъ діалектикою (м е . р с к а я и э л и д с к а я ш к о л ы), другіе же, развивая преимущественно практическую, нравственную сторону Сократова ученія, стремились приложить это ученіе къ самой жизни, хотя совершенно различными путями (к и р е н е й с к а я и к и н и ч е с к а я ш к о л ы). Къ такимъ о д н о с т о р о н н и м ъ Сократовцамъ принадлежатъ:

---

[1]) См. Э. Курціуса: Исторія Греціи, томъ III (въ переводѣ М. Корсака), стр. 486—489.

1) *Эвклидъ* (Εὐκλείδης) Мегарскій, основатель мегарской школы (οἱ Μεγαρικοί), до того преданный своему учителю, что въ то время, когда Аѳиняне угрожали смертью каждому Мегарянину, который появится у нихъ въ городѣ, онъ, переодѣвшись женщиною, пробирался ночью къ Сократу, чтобы пользоваться его наставленіями. Занимаясь еще прежде изученіемъ элеатской философіи, Эвклидъ былъ наиболѣе способенъ оцѣнить заслуги Сократа относительно выработки правильнаго мышленія. Его стихіею была острая діалектика. Вслѣдствіе того нравственная сторона Сократова ученія отступила назадъ, особенно при его послѣдователяхъ, пренебрегавшихъ болѣе глубокими задачами философскаго мышленія и искавшихъ главной силы въ эристикѣ (ἡ ἐριστική, отсюда и названіе Мегариковъ οἱ ἐριστικοί), т. е. въ искусствѣ діалектическихъ споровъ, которымъ мегарская философія ославила себя не менѣе школы Элеатовъ и софистовъ. По причинѣ такого преобладанія формальной стороны, мегарская школа нашла большое сочувствіе въ тѣхъ людяхъ, которые не желали сдѣлаться настоящими философами, а просто хотѣли упражнять свои мыслительныя способности ради общаго образованія и практическихъ цѣлей и научиться приводить убѣдительныя доказательства. Въ этомъ направленіи наиболѣе отличались *Эвбулидъ* (Εὐβουλίδης), уроженецъ Милетскій, жившій и учившій въ Аѳинахъ, *Діодоръ* (Διόδωρος) изъ г. Іаса въ Каріи, жившій при дворѣ Птоломея Сотера (323—285), *Стилпонъ* (Στίλπων) изъ Мегары (ок. 300 г. до Р. Х.). Сочиненія этихъ философовъ не сохранились. 50.

2) *Федонъ* (Φαίδων) Элидскій (род. ок. 480 г.), одинъ изъ самыхъ усердныхъ учениковъ Сократа, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Платономъ, который именемъ его озаглавилъ одинъ изъ лучшихъ своихъ діалоговъ (см. § 67, 23). Послѣ смерти своего учителя Федонъ основалъ особую философскую школу въ своемъ родномъ городѣ Элидѣ (въ Пелопоннесѣ). Въ тѣсной связи съ этою элидскою школою (οἱ Ἠλειακοί) находится эретрійская (οἱ Ἐρετρικοί), основанная *Менедемомъ* изъ Эретріи. Принципомъ обѣихъ этихъ, впрочемъ мало извѣстныхъ школъ было положеніе, что въ истинѣ заключается высшее благо. 51.

3) *Аристиппъ* (Ἀρίστιππος) Киренскій (ок. 380 до Р. Х.), основатель киренской школы (οἱ Κυρηναϊκοί). Привлеченный славою Сократа изъ далекой Кирены, Аристиппъ провелъ свою юность въ Аѳинахъ въ обществѣ Сократа, а затѣмъ и самъ сталъ учить, путешествуя, подобно софистамъ, изъ одной страны въ другую. Говорятъ, что онъ первый между Сократовцами сталъ брать плату за ученіе. Внѣшнія обстоятель- 52.

ства жизни Аристиппа, родившагося въ богатомъ и роскошномъ городѣ отъ состоятельныхъ родителей, не остались безъ вліянія на его философію. Аристиппъ пренебрегалъ теоретическимъ знаніемъ и на философію смотрѣлъ только какъ на житейское искусство, какъ на науку о счастіи (срв. Ксен. 'Απομν. II, гл. 1). По его мнѣнію, высшее счастіе (εὐδαιμονία), состоитъ въ умѣніи разумно соединять духовныя наслажденія съ чувственными (ἡδοναί, откуда и названіе послѣдователей этой школы οἱ ἡδονικοί). Возведши наслажденія жизни въ принципъ своей философіи, Аристиппъ нашелъ не мало послѣдователей среди греческой знати, а впослѣдствіи еще болѣе между римскими аристократами, въ особенности когда ученіе Аристиппа, измѣненное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *Эпикуромъ* (342—270), выродилось въ ученіе о грубомъ чувственномъ наслажденіи жизнью.—Изъ учениковъ Аристиппа замѣчательны: дочь Аристиппа *Арета*, сынъ послѣдней *Аристиппъ Младшій*, *Θеодоръ* Киренскій, прозванный ἄθεος (ок. 280 г. до Р. Х.), *Гегесія* (Ἡγησίας), прозв. Πεισιθάνατος, Анникерь и др.

53. 4) *Антисθенъ* ('Αντισθένης) Аθинскій (ок. 380 г. до Р. Х.), сынъ Аθинянина и Θракіянки (слѣдовательно, съ аθинской точки зрѣнія νόθος), основатель кинической школы (οἱ κυνικοί), получившей свое названіе отъ гимназіи Киносарга (Κυνόσαργες), гдѣ преподавалъ Антисθенъ [1]). Въ юности онъ слушалъ софиста Горгію и самъ училъ софистикѣ, но потомъ примкнулъ къ Сократу, которому и оставался вѣренъ до конца своей жизни. Философія Антисθена сходилась съ философіею Аристиппа въ томъ отношеніи, что, отрицая возможность познанія абсолютной истины, своею конечною цѣлью ставила вопросъ о счастіи человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и существенно отличалась отъ Аристипповской, противополагая принципу наслажденія принципъ пренебреженія къ потребностямъ. Антисθенъ находилъ истинное и высшее счастіе въ полной независимости человѣка отъ всякихъ внѣшнихъ благъ, въ самоудовлетворящейся добродѣтели. Добродѣтель сама по себѣ достаточна для того, чтобы сдѣлать человѣка вполнѣ счастливымъ, αὐτάρκη τὴν ἀρετὴν εἶναι πρὸς εὐδαιμονίαν, μηδενὸς προσδεομένην ὅτι μὴ Σωκρατικῆς ἰσχύος. θεῶν μὲν ἴδιον εἶναι μηδενὸς δεῖσθαι, τῶν δὲ θεοῖς ὁμοίων τὸ ὀλίγων χρῄζειν (Діог. Лаерт.). Своею жизнью, представлявшею образецъ строгости къ самому себѣ и воздержности, а также своею убѣдительною и пріятною рѣчью [1]), Антисθенъ пріобрѣлъ себѣ много приверженцевъ, особенно между бѣдными и угне-

[1]) Въ Киносаргѣ обучались Аθиняне, не принадлежавшіе къ сословію полноправныхъ гражданъ, т. е. происходившіе отъ отцовъ или матерей не-

тенными классами населенія. Впослѣдствіи Антисѳенова философія воздержанія утратила свой первоначальный характеръ и впала въ презрѣніе, такъ какъ послѣдователи ея дошли до крайности и стали отвергать всѣ удовольствія и наружныя приличія. Будучи преобразована *Зенономъ* (362—254) изъ г. Китія (на о-вѣ Критѣ), киническая школа стала называться стоическою (οἱ Στωικοί).--Изъ учениковъ Антисѳена наиболѣе извѣстны: *Діогенъ* [2]), прозв. ὁ Κύων, сынъ Гикесіи изъ Синопы (414—322), *Кратетъ* (Κράτης) изъ Ѳивъ и жена его *Гиппархія*, братъ послѣдней *Метроклъ*, далѣе *Менинпъ* изъ Финикіи и др.

5) Знаменитѣйшій изъ учениковъ Сократа былъ 54.

Платонъ,

основатель академической школы; онъ одинъ вполнѣ понялъ и систематически развилъ воззрѣнія Сократа. Въ Платонѣ дѣло Сократа нашло себѣ завершеніе; онъ методически связалъ всѣ основныя мысли ученія Сократа и начерталъ полный образъ той философской и нравственной истины, въ борбѣ за которую умеръ великій учитель. Благодаря Платону ученіе Сократа сдѣлалось достояніемъ человѣчества вошло составною частью въ его идеалы въ теченіе многихъ вѣковъ и до сихъ поръ не утратило своего значенія.

Платонъ (Πλάτων) родился въ 429 г. до Р. Х. въ Аѳинахъ (по Діогену 55.
Лаертскому на островѣ Эгинѣ). Отецъ его, Аристонъ, происходилъ отъ Аѳинскаго царя Кодра, а мать, Периктіона, дочь Главкона и сестра Хармида, отъ Солона; Критія, глава 30 тиранновъ, былъ его дядя.

Дѣтство и юность Платона совпадаютъ со временемъ Пелопоннесской войны. Сверстниками его были Софоклъ, Эврипидъ, Аристофанъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Лисія, Поликлитъ, Пракситель, Фидія и друг. Учителями по философіи Платонъ имѣлъ Кратила, послѣдователя философіи Гераклита (§ 6) и Гермогена, ученика Парменидова (§ 13); независимо отъ этого онъ прилежно занимался чтеніемъ философскихъ со-

---

полноправныхъ, а также прижитые родителями внѣ брака, и наконецъ вольноотпущенники. Такъ какъ Антисѳенъ принадлежалъ къ числу неполноправныхъ гражданъ, то школа его состояла преимущественно изъ посѣтителей Киносарга и оттого получила насмѣшливо-двусмысленное и отчасти позорное прозваніе кинической (κυνικός—собачій).

[2]) Интересныя свѣдѣнія о жизни и ученіи Діогена Киника см. „Пропилеи“, томъ IV, стр. 350—368.

чиненій Анаксагоры и другихъ до-сократовскихъ мыслителей. Одаренный большими поэтическими способностями, Платонъ сначала посвятилъ себя поэзіи и написалъ нѣсколько эпическихъ, лирическихъ и драматическихъ сочиненій, которыя однакоже впослѣдствіи сжегъ. 20-ти лѣтъ, Платонъ познакомился съ Сократомъ и не разставался съ нимъ до самой смерти его [1]). Эта связь съ Сократомъ имѣла рѣшительное вліяніе на жизнь и образъ мыслей Платона. Когда Сократа присудили къ смерти, Платонъ былъ въ числѣ друзей его, готовыхъ собрать сумму, потребную для уплаты пени, взамѣнъ смертной казни (Ἀπολ. 38 B). При самой смерти Сократа Платонъ, по случаю болѣзни, не присутствовалъ (Φαίδων 59 B).

56. По смерти Сократа (399) Платонъ оставилъ Аѳины и жилъ нѣкоторое время въ Мегарѣ, гдѣ изучалъ элидскую философію въ школѣ бывшаго своего товарища Эвклида (§ 50). Потомъ онъ отправился путешествовать. Платонъ былъ первый А ѳ и н я н и н ъ, въ полной мѣрѣ почувствовавшій въ себѣ стремленіе обнять своимъ умомъ всѣ человѣческія науки и пожелавшій посредствомъ личнаго знакомства съ замѣчательнѣйшими современными людьми и учрежденіями пріобрѣсти возможно свободнѣйшій взглядъ на всемірныя отношенія. Съ этою цѣлью онъ посѣтилъ сначала Кирену съ ея славнымъ математикомъ Ѳеодоромъ, затѣмъ Египетъ, и наконецъ объѣхалъ южную Италію и Сицилію. Въ Италіи черезъ Архиту и Тимея (см. выше § 10) Платонъ ознакомился съ пиѳагорейскимъ ученіемъ, которое окончательно опредѣлило характеръ его философіи, что видно въ особенности изъ діалоговъ его Τίμαιος и Φίληβος (см. § 65, 24 и 26). Въ Сициліи же онъ свелъ тѣсную дружбу съ благороднымъ юношею Діономъ [2]), племянникомъ тиранна Діонисія Старшаго (431—367), упросившимъ своего государя пригласить аѳинскаго философа въ Сиракусы. Но свободомысліе и откровенныя бесѣды Платона до такой степени не понравились тиранну, что возбудили въ немъ мысль посягнуть даже на жизнь аѳинскаго мудреца; и только ходатайство Діона спасло послѣдняго отъ смерти. Платонъ былъ выданъ въ качествѣ военно-плѣннаго пришедшему въ то время въ Сиракусы спартанскому послу Полиду. Когда послѣдній, прибывъ въ Эгину, продавалъ Платона въ рабство, случайно присутствовавшій здѣсь Киренеецъ Анникеръ выкупилъ его за 20 минъ и отпустилъ въ Аѳины къ товарищамъ (388).

---

[1]) О благоволеніи Сократа къ Платону свидѣтельствуетъ между прочимъ и Ксенофонтъ въ Ἀπομν. III, 6, 1.

[2]) См. Жизнеописаніе Діона у Корнелія Непота (X).

Возвратившись послѣ 10-лѣтняго отсутствія въ свое отечество, Пла- 57.
тонъ поселился въ аѳинскомъ предмѣстіи Колонѣ и открылъ здѣсь философскую школу при гимназіи Академіи[1]). Тамъ передъ избраннымъ кружкомъ любознательныхъ учениковъ онъ сталъ излагать свое ученіе. Необыкновенное краснорѣчіе талантливаго и высоко образованнаго философа привлекало въ Академію множество знаменитѣйшихъ въ то время людей Греціи. Между слушателями, число которыхъ постоянно возрастало, находились Исократъ, Гиперидъ, Демосѳенъ, Ксенократъ, Хабрія, Ификратъ, Тимоѳей, Фокіонъ и др.—Такъ прошло двадцать лѣтъ. Въ этотъ періодъ Платонъ написалъ большую часть своихъ произведеній.

Когда въ 367 году умеръ Діонисій Старшій и на престолъ всту- 58.
пилъ сынъ его Діонисій Младшій, Діонъ, съ которымъ Платонъ поддерживалъ постоянную переписку, просилъ молодаго царя пригласить ко двору аѳинскаго философа. Получивъ убѣдительное письмо отъ Діона, Платонъ, хотя и неохотно, вторично отправился въ Сицилію, а Академію на время поручилъ Гераклиду Понтійскому. Въ Сиракусахъ приняли Платона съ большою честью; Діонисій сдѣлался его усерднымъ поклонникомъ, и его примѣру послѣдовалъ весь дворъ. Но вскорѣ вліяніе аѳинскаго мудреца возбудило ревность старой придворной партіи, которая успѣла навести на Діона подозрѣніе въ томъ, что онъ подъ предлогомъ попеченія объ образованіи Діонисія скрываетъ намѣреніе овладѣть его престоломъ. Вслѣдствіе такого обвиненія Діонъ былъ изгнанъ изъ Сициліи, а Платонъ съ трудомъ получилъ позволеніе возвратиться въ Грецію (365). Нѣсколько лѣтъ спустя, Діонисій снова звалъ Платона въ Сиракусы; въ то-же время Діонъ, Архита и другіе тарентскіе друзья извѣщали его, что Діонисій совершенно посвятилъ себя философіи и настоятельно просили не отвергать его приглашенія. Убѣжденный такими просьбами друзей, Платонъ предпринялъ третье путешествіе въ Сицилію въ 361 г. до Р. Х. Но его надежды скоро разсѣялись, онъ сдѣлался жертвою новыхъ интригъ противной партіи и

---

[1]) Академія (Ἀκαδήμεια или Ἀκαδημία), на сѣв.-западъ отъ Аѳинъ, первоначально участокъ, посвященный аѳинскому герою Академу (Ἀκάδημος); впослѣдствіи Гиппархъ обнесъ это пространство стѣною и далъ ему назначеніе гимназіи; оно осѣнялось прекрасными оливковыми и платановыми деревьями, посаженными Кимономъ. Тутъ кромѣ мѣстъ для прогулокъ и занятій гимнастикою находились алтари боговъ и героевъ, святилище Аѳины и т. д. Срв. Hor. Epist. II, 2, 45.

только по ходатайству своего тарентскаго друга, Архиты, былъ отпущенъ и возвращенъ Аѳинамъ (360).

Остальную часть своей жизни Платонъ провелъ въ Аѳинахъ, занимаясь, по прежнему, преподаваніемъ и литературою. Онъ умеръ въ 348 году до Р. Х., восьмидесяти лѣтъ отъ роду.

59. Платонъ былъ характера серьезнаго, угрюмаго; онъ не былъ такъ веселъ, откровененъ и обходителенъ, какъ Сократъ. Платонъ удалялся отъ общества и проводилъ все время въ тѣсномъ кругу своихъ слушателей и почитателей. Слава Академіи, внутреннее сознаніе преимущества предъ современными мыслителями развили въ Платонѣ нѣкоторое самомнѣніе и гордость. Этимъ объясняется холодное и высокомѣрное отношеніе его къ прочимъ ученикамъ Сократа, въ особенности къ Ксенофонту [1]. Платонъ былъ ума тонкаго и проницательнаго и обладалъ необыкновенною силою воображенія; возвышенный, поэтическій духъ его, парившій въ сферѣ идеальнаго, видѣлъ въ философіи единственный путь къ самопознанію, къ познанію бога и къ человѣческому счастію.

60. При устномъ преподаваніи Платонъ усвоилъ себѣ сократовскій методъ, излагая свое ученіе въ формѣ разговора (см. § 35); но діалогическая форма изложенія часто смѣняется у него болѣе длинными связными монологами; нерѣдко, когда предметъ изслѣдованія по своей трудности не поддается разговорной формѣ изложенія, Платонъ употребляетъ и догматическій методъ, господствовавшій у тогдашнихъ софистовъ.

---

[1]) „Казалось бы, что изъ всѣхъ послѣдователей Сократа Ксенофонтъ и Платонъ наиболѣе должны подходить другъ къ другу. Они были почти одинаковаго возраста, имѣли одинаковое положеніе въ обществѣ, оба равно не терпѣли софистовъ, какъ людей, возвращавшихъ эллинскій народъ, и сходились въ чувствѣ любви къ своему учителю и въ усердіи продолжать его жизненное дѣло; оба по одинаковымъ причинамъ были недовольны положеніемъ своего роднаго города и, имѣя одинаковый взглядъ на задачу эллинскаго образованія, не затруднялись примыкать къ выдающимся иноземнымъ личностямъ. Тѣмъ не менѣе въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, оставшихся намъ именно отъ этихъ двухъ послѣдователей Сократа, не замѣтно слѣдовъ близкаго дружескаго знакомства ихъ между собою, что̀ еще въ древности старались объяснить существовавшею между ними враждою. Нѣтъ однако никакого основанія допускать иной тому причины, кромѣ большой разницы, существующей между этими двумя учениками Сократа, не смотря на все видимое между ними согласіе“. (Э. Курціусъ: Исторія Греціи, томъ III, стр. 489—490).

Въ сочиненіяхъ своихъ Платонъ употреблялъ исключительно только разговорную (діалогическую) форму. Такая форма казалась ему самою удобною какъ для нагляднаго, яснаго и обстоятельнаго изложенія собственныхъ мыслей, такъ и для полемики съ софистами, скептическое ученіе которыхъ, требующее отъ слушателей безусловной вѣры, не давало мѣста возраженіямъ и не допускало разговорной формы.

Философскій разговоръ подъ перомъ Платона отличается высокою 61.
художественностью, обстоятельною всесторонностью, оригинальною діалектическою изворотливостью и гибкостью и, наконецъ, особенною живостью и драматичностью. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, руководителемъ и какъ-бы душою всѣхъ разговоровъ является Сократъ; въ немъ, какъ жрецѣ истины, олицетворяется ученіе Платона. Принимая участіе въ бесѣдѣ, поводомъ къ которой послужило какое нибудь маловажное обстоятельство изъ жизни домашней или общественной, Сократъ даетъ ей мало по малу характеръ серьезнаго научнаго изслѣдованія. Затѣмъ, предлагая вопросы своимъ собесѣдникамъ и выслушивая и оцѣнивая ихъ мнѣнія, онъ дѣлаетъ выводы и направляетъ бесѣду къ желанной цѣли. Такимъ образомъ діалоги Платона представляютъ собою высоко-художественныя картины, снятыя съ жизни. Съ помощью своего поэтическаго таланта Платонъ создалъ драматическія произведенія, раздѣляющіяся на нѣсколько актовъ; въ нихъ большею частью послѣ веселаго вступленія, въ которомъ изображается сценическая обстановка, одинъ собесѣдникъ выступаетъ за другимъ, причемъ каждый разъ настаетъ новый оборотъ разговора. Участвующіе въ немъ—историческія лица, извѣстные современники, въ которыхъ отражаются различныя направленія духовной жизни и даже различные виды устной рѣчи; это Аѳиняне разнаго состоянія и образованія, въ живой передачѣ которыхъ Платонъ соперничалъ съ комическими поэтами.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Платоновыхъ діалогахъ почти никогда 62.
не выводятся и ясно не высказываются послѣдніе результаты изслѣдованія. Здѣсь „Сократъ, разоблачая истину, приближаетъ къ ней умы собесѣдниковъ, даетъ имъ почувствовать ея красоту, величіе и совершенство, но не показываетъ ея лицомъ къ лицу, не называетъ по имени, не выражаетъ словомъ, и она остается только предметомъ внутренняго глубокаго ощущенія, тайною бесѣдовавшихъ душъ, а не науки, изложенной въ книгѣ. Если же иногда надлежитъ дать о ней какое нибудь опредѣленное понятіе, то Сократъ собираетъ отдѣльныя черты ея, какъ разсѣянные обломки разбитаго зеркала, изъ тѣхъ мнѣній, которыя были

уже опровергнуты, и торжественно сознается, что онъ никакъ не можетъ соединить ихъ въ одно цѣлое". (*Карповъ*).

63. Языкъ Платона есть чистѣйшее проявленіе высшаго, утонченнаго аттикисма; онъ занимаетъ среднее мѣсто между древне-аттическимъ и ново-аттическимъ нарѣчіями (срв. Ἀπολ. 31 D). Рѣчь Платона необыкновенно проста, ясна, пріятна, увлекательна. Притомъ надо замѣтить, что Платонъ, излагая новыя идеи, долженъ былъ дополнять современный языкъ новыми выраженіями; а какъ приходилось имѣть дѣло съ людьми искусными въ словѣ и привыкшими къ пріятнымъ впечатлѣніяхъ изящнаго, то необходимо было и самому утончать свои понятія и облекать свои мысли въ такую форму, которая бы удовлетворяла ожиданіямъ слушателей и вмѣстѣ соотвѣтствовала бы высокости ученія. Цицеронъ, котораго какъ отличнаго между Римлянами знатока греческой литературы, можно считать вполнѣ компетентнымъ судьею о достоинствахъ языка Платона, говоритъ (Brût. § 121): Qvis enim uberior in dîcendô Platône? Jovem sîc, âjunt philosophî, sî Graecê loqvâtur, loqvî [1]); въ другомъ же мѣстѣ (Dê ôr. I, 12, 47) называетъ Платона longê omnium in dîcendô gravissimum et êloqventissimum [2]) и признается, что самъ онъ своею славою и успѣхами на ораторской каѳедрѣ обязанъ не наставленіямъ реторовъ, а изученію Платоновыхъ сочиненій, и думаетъ, что изъ того-же источника почерпнулъ свое краснорѣчіе также Демосѳенъ, бывшій усерднымъ слушателемъ Платона.

64. До насъ дошло 45 сочиненій или діалоговъ, носящихъ имя Платона. Изъ нихъ значительная часть подложна или, по крайней мѣрѣ, сомнительна. Относительно классификаціи ихъ, а также времени, когда они писаны Платономъ, мнѣнія ученыхъ расходятся. Всего естественнѣе различать три періода литературной дѣятельности Платона:

A. періодъ до отъѣзда Платона изъ Аѳинъ;

B. періодъ путешествій, занимающій десятилѣтній промежутокъ жизни Платона (398—388), и

C. періодъ со времени основанія философской школы въ Академіи до конца жизни Платона (388—348).

---

[1]) Срв. Plūt. Cic. c. 24: πολλὰ δ' αὐτοῦ καὶ ἀπομνημονεύουσιν· οἷον — περὶ τῶν Πλάτωνος διαλόγων, ὡς τοῦ Διός, εἰ λόγῳ χρῆσθαι πέφυκεν, οὕτω διαλεγομένου. Dion. Hal. dē Dēmosth. c. 23 ἤδη δέ τινων ἤκουσα ἐγὼ λεγόντων ὡς, εἰ παρὰ θεοῖς διάλεκτός ἐστιν, ᾗ τὸ τῶν ἀνθρώπων κέχρηται γένος, οὐκ ἄλλως ὁ βασιλεὺς ὧν αὐτῶν διαλέγεται θεὸς ἢ ὡς Πλάτων.

[2]) Срв. Ōr. 19, 62: longē omnium qvīcunqve scrīpsērunt aut locūtī sunt, exstitit et svāvitāte et gravitāte prīnceps Platō. Тамъ же 3, 12; 4, 15. Dē ōrāt. I, 20, 89.

А. При жизни Сократа и въ его духѣ написано Платономъ нѣсколько сочиненій, имѣвшихъ главною и общею цѣлью доказать, что знаніе, основывающееся на точной опредѣленности понятій, есть первое условіе истинной добродѣтели. Вмѣстѣ съ тѣмъ Платонъ старается выставить противоположность дѣятельности и ученія Сократа съ дѣятельностью и ученіемъ софистовъ. Сюда принадлежатъ слѣдующіе діалоги:

1) Ἱππίας Ἐλάττων Гиппія Меньшій (18 главъ). Содержаніе:

Послѣ публичной лекціи о Гомерѣ, читанной въ Аѳинахъ софистомъ Гиппіею, Сократъ спрашиваетъ хвастливаго всезнайку Гиппію, котораго изъ двухъ героевъ Иліады и Одиссеи онъ ставитъ выше. Гиппія отвѣчаетъ, что Ахиллъ благороднѣе Одиссея, ибо онъ искрененъ и не лживъ. На это Сократъ возражаетъ и длиннымъ путемъ наведенія доказываетъ, что человѣкъ правдивый вовсе не лучше лжеца, потому что и лжецу надобно приписать знаніе о томъ дѣлѣ, которое онъ совершаетъ, и только знающій и способный (ἀγαθός) въ состояніи хорошо говорить какъ правду, такъ и ложь; безъ ума и сплутовать невозможно. Это подтверждается свидѣтельствами самаго Гомера. Опутанный сѣтями Сократовой діалектики, Гиппія обращаетъ Сократу въ вину эту самую діалектику и укоряетъ его въ томъ, что онъ всегда беретъ частности и выводитъ изъ нихъ общее, а не разсматриваетъ предмета въ цѣломъ его видѣ; желая же поддержать прежнее свое положеніе, онъ отличаетъ ложь умышленную отъ лжи неумышленной и первую приписываетъ Одиссею, а послѣднюю Ахиллу. Но Сократъ (опять таки путемъ наведенія) доказываетъ, что лжецъ по доброй волѣ (Одиссей) даже лучше лжеца по неволѣ (Ахилла). Такъ напр. худаго скорохода, бѣгущаго съ медленностью умышленно, говоритъ Сократъ, надобно предпочитать тому, кто медленъ неумышленно. Точно также должно судить о всякой дѣятельности тѣла: о борьбѣ, о пѣніи, о зрѣніи и пр. Подобнымъ образомъ и врачи и музыканты лучше тогда, когда они худо лѣчатъ, или играютъ — съ намѣреніемъ, чѣмъ тогда, когда дѣлаютъ это ненамѣренно. Такъ и душа, умѣющая и могущая совершать какъ добро, такъ и зло, слѣдовательно согрѣшающая намѣренно, должна считаться лучшею, чѣмъ та, которая дѣлаетъ это безъ намѣренія.—Гиппія, сперва подтвердившій всѣ частные члены наведенія, долженъ признать логически правильнымъ и этотъ общій выводъ, хотя остается все еще неубѣжденнымъ въ его справедливости. На этомъ грубомъ парадоксѣ діалогъ кончается. Самъ Сократъ сознается, что онъ пораженъ выводомъ, къ которому они пришли; но, прибавляетъ онъ, не удивительно, что сбитъ съ толку такой простой человѣкъ какъ онъ, Сократъ, если не менѣе того пораженъ мудрый Гиппія.

Цѣлью Платона въ этомъ діалогѣ было обличить невѣжество и бездарность Гиппіи и показать, что онъ не въ состояніи опровергнуть и самыхъ

очевидныхъ парадоксовъ. Воспользовавшись ученіемъ Сократа, что добродѣтель состоитъ въ знаніи и умышленно опустивъ важнѣйшее ея ограниченіе, что знаніе и дѣло въ добродѣтели нераздѣльны, Платонъ опредѣляетъ знаніе не какъ разумѣніе добра, но добра и зла вмѣстѣ, и потомъ, незамѣтно перешедши къ дѣланію того и другого, съ этой точки зрѣнія между правдивымъ и лжецомъ устраняетъ всякое различіе. Софисмъ очевиденъ, и однакоже Гиппія не можетъ распутать его. Такимъ образомъ весь этотъ діалогъ есть не что иное, какъ діалектическая насмѣшка надъ тупоуміемъ и хвастовствомъ софиста. См. выше § 26.

Съ Платоновымъ діалогомъ Ἱππίας Ἐλάττων по главной мысли и цѣли весьма сходенъ разговоръ Сократа съ Эвѳидемомъ, переданный Ксенофонтомъ въ 2-й главѣ IV книги Ἀπομνημονεύματα Σωκράτους (особ. §§ 14 и сл.).

2. Ἴων (12 главъ).

Іонъ былъ рапсодъ (ῥαψῳδός); подобно другимъ, онъ доказывалъ, что изученіе Гомера составляетъ основаніе всякаго образованія. Съ такимъ мнѣніемъ Іона о значеніи Гомера Сократъ не соглашается и доказываетъ, что ни Гомеръ, ни другіе поэты не могутъ считаться источникомъ истинной мудрости, такъ какъ поэзія есть плодъ вдохновенія и фантазіи, а вовсе не плодъ познанія и истины.

3. Ἀλκιβιάδης (31 глава).

Сократъ объясняетъ Алкибіаду, что человѣкъ, желающій господствовать надъ другими, долженъ прежде всего заботиться о себѣ, и указываетъ на самопознаніе и добродѣтель какъ на высшую цѣль, къ которой долженъ стремиться человѣкъ.—Цѣль діалога: опровергнуть распространившееся между Аѳинянами ложное мнѣніе, будто Сократъ своими бесѣдами развращалъ современное юношество, особенно же причинилъ государству много зла своимъ вліяніемъ на Алкибіада и Критію. См. Ксен. Ἀπομν. I, 2, 12 сл; срв. III, 6.

По всесторонности содержанія въ „Алкибіадѣ", по краткому изложенію въ немъ началъ почти всего, чему училъ Платонъ, этотъ діалогъ можно считать за compendium Платоновой философіи. Оттого то еще древніе очень высоко цѣнили его, между прочимъ и со стороны педагогической, такъ что, когда юноши желали читать Платона, обыкновенно совѣтовали имъ начинать чтеніе именно „Алкибіадомъ".

Содержаніемъ этого діалога воспользовался римскій поэтъ A. Persius Flaccus (34—62 по Р. Х.) почти для всей четвертой своей сатиры.

4. Χαρμίδης (23 главы).

Когда Сократъ по своемъ возвращеніи изъ Потидеи (см. § 38) зашелъ въ палестру, знакомые, Хайрефонтъ и Критія, рекомендуютъ ему Хармида, двою-

роднаго брата Критіина, юношу одареннаго красотою и съ отличнымъ образованіемъ. Но Сократъ считаетъ нужнымъ изслѣдовать, таковъ ли Хармидъ и по душѣ, каковъ по тѣлу, и это внутреннее состояніе души, соотвѣтствующее внѣшнимъ свойствамъ тѣла, называетъ σωφροσύνη (здравомысліе, благоразуміе). Доказавъ, что здравомысліе есть добродѣтель, С. опровергаетъ ходячія ложныя о немъ понятія и послѣ нѣсколькихъ попытокъ опредѣлить его сущность, наконецъ признаетъ себя неспособнымъ рѣшить эту задачу. Но не смотря на такое сознаніе Сократа, изъ сказаннаго явствуетъ, что знаніе добра и зла, поставленное Сократомъ выше всякаго другого знанія, есть то самое здравомысліе, та самая гармонія душевныхъ силъ и нравственной дѣятельности человѣка, которую онъ разумѣетъ подъ словомъ σωφροσύνη.—Срв. Ксен. Ἀπομν. III, 9, 4.

5. Λύσις (18 главъ).

Присутствуя въ палестрѣ при игрѣ дѣтей, Сократъ обращаетъ вниманіе на двухъ мальчиковъ, Лисида и Менексена, связанныхъ другъ съ другомъ сердечною дружбою. Это подаетъ поводъ къ обсужденію сущности д р у ж б ы. Изъ разговора можно заключить, что дружба есть любовь, стремящаяся къ достиженію въ дружескомъ общеніи высочайшаго блага, добродѣтели.—Срв. сочиненіе *M. Tullī Cicerōnis* Laelius dē amīcitiā liber.

6. Λάχης (31 глава)[1].

По окончаніи представленія, которое давалъ въ палестрѣ учитель фехтованія (ὁπλομαχία) Стесилай, старикъ Лисимахъ (сынъ знаменитаго Аристида) объясняетъ аѳинскимъ полководцамъ Никіи и Лахету причину, побудившую его и друга его Мелесію (сына извѣстнаго полководца и оратора Ѳукидида) пригласить ихъ на это зрѣлище. Чувствуя, что ихъ собственное воспитаніе упущено и что они далеко отстали отъ своихъ славныхъ родителей (Аристида и Ѳукидида), они желали бы дать своимъ дѣтямъ, Аристиду и Ѳукидиду, возможно лучшее образованіе, но не знаютъ, въ чемъ должно состоять оно, и недоумѣваютъ, полезно ли въ этомъ отношеніи фехтовальное искусство (гопломахія); поэтому они спрашиваютъ Лахета и Никію, какъ людей также имѣющихъ дѣтей, входитъ ли фехтовальное искусство въ кругъ тѣхъ предметовъ, которые необходимо знать молодымъ людямъ, и вообще просятъ принять участіе въ воспитаніи ихъ сыновей

Никія и Лахетъ, одобряя намѣреніе Лисимаха и Мелесіи, готовы помочь имъ въ этомъ случаѣ, но совѣтуютъ Лисимаху пригласить на совѣтъ и при-

---

[1]) См. изданныя нами „Избранныя сочиненія Платона. Выпускъ II. Лахетъ Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями и введеніемъ. Кіевъ 1880.

сутствующаго тутъ же, въ палестрѣ, Сократа, какъ человѣка знающаго и въ подобныхъ дѣлахъ весьма опытнаго. Лисимахъ соглашается, тѣмъ болѣе, когда изъ отвѣта мальчиковъ, Аристида и Ѳукидида, узнаетъ, что Сократъ есть сынъ его давняго друга, Софрониска. Къ этому присоединяется похвальный отзывъ Лахета, припомнившаго о замѣчательной храбрости Сократа, выказанной имъ въ сраженіи при Деліи. Заинтересованный Сократомъ, Лисимахъ проситъ его во имя отцовской дружбы принять участіе въ бесѣдѣ.

Сократъ изъявляетъ согласіе; но желаетъ, чтобы Никія и Лахетъ, какъ старшіе, прежде высказали свое мнѣніе о педагогическомъ значеніи фехтованія.

Никія доказываетъ, что фехтованіе полезно во многихъ отношеніяхъ: во первыхъ оно отвлекаетъ молодыхъ людей отъ вредныхъ занятій, которымъ они во время досуга любятъ предаваться; затѣмъ оно служитъ отличнымъ гимнастическимъ упражненіемъ, въ особенности для свободнаго гражданина, подготовляя его къ военному искусству; наконецъ оно дѣлаетъ человѣка отважнѣе и храбрѣе и сообщаетъ тѣлу мужественную осанку.

Лахетъ не признаетъ фехтованія полезнымъ занятіемъ; онъ думаетъ такъ потому, что Лакедемоняне, хотя самый воинственный народъ, пренебрегаютъ имъ, вслѣдствіе чего учители фехтованія и не появляются въ Спартѣ съ цѣлію показать свое искусство. Кромѣ того онъ знаетъ по опыту, что люди, искусные въ фехтованіи, оказываются въ бою трусами, въ чемъ пришлось ему убѣдиться въ одномъ морскомъ сраженіи, гдѣ тотъ самый Стесилай, при всемъ своемъ искусствѣ, сдѣлался крайне смѣшнымъ. Наконецъ Лахетъ утверждаетъ, что фехтованіе не только не сообщаетъ трусливому человѣку никакой храбрости, но, наоборотъ, дѣлаетъ трусость его еще замѣтнѣе; мужественнаго же человѣка оно ставитъ въ весьма неловкое положеніе, потому что къ нему относятся требовательнѣе, чѣмъ къ незанимавшемуся фехтованіемъ.

Въ виду столь противорѣчивыхъ мнѣній Никіи и Лахета о педагогическомъ значеніи фехтованія, Лисимахъ приглашаетъ Сократа высказаться въ пользу той или другой изъ спорящихъ сторонъ.

Сократъ доказываетъ Лисимаху и Мелесіи, что какъ въ другомъ дѣлѣ, такъ и въ данномъ вопросѣ надобно обращать вниманіе на знаніе и опытность совѣтующихъ, а не на число ихъ. При томъ, говоритъ Сократъ, первымъ дѣломъ всякаго изслѣдованія должно быть ясное и точное опредѣленіе самого предмета изслѣдованія. И такъ въ данномъ случаѣ собственнымъ предметомъ изслѣдованія будетъ не фехтовальное искусство, а то, ради чего идетъ бесѣда, т. е. *души* юношей, нуждающіяся въ воспитаніи. Отсюда видно, что право голоса прежде всего должно предоставить тому, кто опытенъ въ образованіи душъ. Но здѣсь Сократъ не признаетъ себя компетентнымъ, такъ какъ по недостатку средствъ онъ не могъ взять себѣ учителя въ этомъ дѣлѣ, а самъ къ какимъ нибудь выводамъ до сихъ поръ не пришелъ; что же касается до Никіи и Лахета, то ему кажется, что они болѣе понимаютъ въ дѣлѣ воспи-

танія людей, такъ какъ въ противномъ случаѣ они не рѣшали бы столь смѣло о полезныхъ и вредныхъ для юношества наукахъ. Поэтому онъ предлагаетъ Лисимаху и Мелесіи спросить ихъ, у какого мудреца они учились воспитывать юношей, и какіе люди уже были предметомъ ихъ воспитанія; если же они только начинаютъ заниматься воспитаніемъ, то напомнить имъ, что они дѣлаютъ опытъ надъ собственными дѣтьми и дѣтьми своихъ друзей.

Послѣ того Лисимахъ обращается къ Лахету и Никіи съ просьбою вступить въ разговоръ съ Сократомъ и подъ его руководствомъ подвергнуть занимающій ихъ вопросъ основательному обсужденію.

Никія замѣчаетъ, что, если поручить Сократу руководить разговоромъ, то предметомъ того-же разговора будутъ не юноши, а собесѣдники. Но тѣмъ не менѣе онъ все таки готовъ принять участіе въ этой бесѣдѣ, потому что считаетъ ее полезною. *Лахетъ* съ своей стороны высказываетъ, что онъ любитъ бесѣдовать съ людьми, у которыхъ слово съ дѣломъ не расходится; къ Сократу же помимо того онъ питаетъ особое расположеніе съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ случай лично убѣдиться въ его храбрости (въ сраженіи при Деліи).

Послѣ этого введенія Сократъ, въ разговорѣ съ Лахетомъ, опредѣляетъ понятіе о мужествѣ.

Такъ какъ дѣло идетъ, говоритъ Сократъ, о томъ, какъ сообщить душамъ юношей добродѣтель (ἀρετή), то нужно знать, что такое добродѣтель; но подобнаго рода разсужденіе было бы слишкомъ обширно; достаточно разсмотрѣть только ту часть добродѣтели, которая находится въ связи фехтовальнымъ искусствомъ, именно *мужество*.

На вопросъ Сократа, что такое мужество, Лахетъ отвѣчаетъ, что мужество есть „рѣшимость, оставаясь въ строю, защищаться противъ непріятелей, и не бѣжать". Но такое опредѣленіе понятія о мужествѣ Сократъ находитъ слишкомъ узкимъ, такъ какъ мужество проявляется не только на войнѣ, но и въ мирной жизни, какъ напр. при воздержаніи отъ страстей и т. п. Отсюда слѣдуетъ, что надо расширить понятіе о мужествѣ такъ, чтобъ оно заключало въ себѣ мужество во всемъ его объемѣ. Для примѣра Сократъ опредѣляетъ понятіе о скорости.

Послѣ этого Лахетъ расширяетъ свое опредѣленіе такъ, что называетъ мужествомъ „какую то твердость души" (καρτερία τις τῆς ψυχῆς).

Сократъ поправляетъ эту дефиницію, говоря, что только благоразумная твердость, да и та не всегда можетъ быть названа мужествомъ, безразсудная же твердость, какъ нѣчто постыдное и дурное, должна быть исключена изъ понятія о мужествѣ.

Когда такимъ образомъ Лахетъ запутался въ противорѣчія, Сократъ, шутя, замѣчаетъ, что вотъ де у нихъ и не оказалось согласія между словомъ и дѣломъ (о которомъ предъ тѣмъ говорилъ Лахетъ); ибо, обнаруживъ храбрость на дѣлѣ, они теперь не въ состояніи опредѣлить ее словами. Но, такъ

какъ они опредѣлили, что мужество есть твердость, то онъ совѣтуетъ имъ быть твердыми, не оставлять разсужденія и пригласить на помощь Никію.

Послѣ этого Сократъ и Никія стараются дать другое опредѣленіе понятію мужества.

Никія видитъ причину неудачнаго опредѣленія мужества въ томъ, что они не исходятъ отъ положенія, не разъ высказаннаго Сократомъ: *каждый добръ только въ томъ, въ чемъ онъ мудръ.* Согласно съ этимъ положеніемъ онъ опредѣляетъ мужество какъ знаніе страшнаго и безопаснаго (ἡ τῶν δεινῶν καὶ θαρραλέων ἐπιστήμη).

Съ такимъ опредѣленіемъ мужества Лахетъ не согласенъ, потому что тогда пришлось бы считать мужественными и врачей, и земледѣльцевъ какъ людей, знающихъ, чего должно бояться въ ихъ занятіяхъ. Возраженіе это опровергаетъ Никія, говоря, что врачи знаютъ о больныхъ только то, что здорово и что нездорово, но вовсе не знаютъ, опаснѣе ли кому быть здоровымъ, чѣмъ больнымъ. Въ такомъ случаѣ, отвѣчаетъ Лахетъ, можно называть мужественными однихъ лишь гадателей. Затѣмъ, укоряя Никію въ неискренности и въ стремленіи скрыть свое незнаніе пустыми словами, Лахетъ отказывается отъ дальнѣйшаго участія въ разговорѣ и проситъ Сократа продолжать разсмотрѣніе занимающаго ихъ вопроса.

Въ разговорѣ съ Сократомъ Никія послѣдовательно отказываетъ въ мужествѣ всякому животному, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. левъ, барсъ, дикій кабанъ и др., обыкновенно считаются мужественными; но онъ называетъ ихъ только безстрашными, утверждая, что безстрашіе (ἄφοβον) и мужество (ἀνδρεῖον) не одно и тоже. Лахетъ, не будучи въ силахъ удержаться, вмѣшивается въ разговоръ и вновь укоряетъ Никію за то, что онъ, въ ущербъ истинѣ, старается отдѣлаться остроуміемъ.

Послѣ этого Сократъ, возвращаясь къ началу изслѣдованія, повторяетъ, что мужество есть только часть добродѣтели, такая же часть, какъ напр. благоразуміе, справедливость. Затѣмъ онъ продолжаетъ разсуждать такъ: мужество есть знаніе страшнаго и безопаснаго; за страшное же считаютъ то, что внушаетъ страхъ; а внушать страхъ можетъ только будущее зло. Но такъ какъ всякое знаніе относится равно и къ прошедшимъ, и къ будущимъ, и къ настоящимъ дѣламъ, и вездѣ одно и тоже, то и знаніе добра и зла обнимаетъ свой предметъ въ трехъ временахъ. Отсюда слѣдуетъ, что опредѣленіе мужества, данное Никіею, съ одной стороны слишкомъ узко, съ другой же стороны слишкомъ широко; ибо въ первомъ случаѣ оно содержитъ только третью часть мужества, въ послѣднемъ же случаѣ подъ мужествомъ надобно будетъ разумѣть добродѣтель (ἀρετή) вообще.

Лахетъ, подсмѣиваясь надъ Никіею, замѣчаетъ, что онъ, не смотря на всю мудрость, заимствованную имъ отъ Дамона, не можетъ рѣшить вопроса о мужествѣ. Но Никія не теряетъ надежды съ помощью Дамона разрѣшить

спорный вопросъ и готовъ поучить Лахета, страдающаго, по его мнѣнію, недостаткомъ научнаго образованія. Затѣмъ они оба совѣтуютъ Лисимаху и Мелесіи не обращать на нихъ вниманія, но держаться Сократа. Послѣдній, признавая себя неспособнымъ разрѣшить вопросъ о мужествѣ, заключаетъ, что надобно прежде образовать самихъ себя, а потомъ уже приступить къ образованію дѣтей. Лисимахъ изъявляетъ полную готовность учиться вмѣстѣ съ дѣтьми и приглашаетъ Сократа продолжать завтра бесѣду.—

Хотя разговоръ на первый взглядъ кажется неоконченнымъ, такъ какъ понятіе о мужествѣ остается неопредѣленнымъ, тѣмъ не менѣе въ теченіе разговора намѣчены всѣ необходимыя для того данныя. Оказывается, что мужество есть видъ добродѣтели, слѣдовательно, нѣчто совершенное (τῶν πάνυ καλῶν πραγμάτων), и находится въ тѣсной связи съ другими видами добродѣтели. Если добродѣтель основывается на знаніи вообще, то мужество основывается ближайшимъ образомъ на знаніи будущаго добра, къ которому стремится, и будущаго зла, котораго избѣгаетъ. Такимъ образомъ мужество есть не что иное, какъ проявляющаяся во всѣхъ отношеніяхъ жизни твердость въ преслѣдованіи сознаннаго добра.[1]).

7. Πρωταγόρας (10 главъ).

Сократъ, встрѣтившись съ однимъ изъ своихъ друзей, разсказываетъ ему о своей встрѣчѣ и бесѣдѣ съ Протагорою, „мудрѣйшимъ человѣкомъ того времени“. Дѣло было такъ. Сократа еще до разсвѣта будитъ аѳинскій юноша Гиппократъ, побуждаемый сильнымъ желаніемъ видѣть и слышать Протагору, только-что пріѣхавшаго въ Аѳины; онъ проситъ Сократа представить его Протагорѣ. Сократъ успокоиваетъ пылкаго юношу и совѣтуетъ ему, до платежа денегъ софисту, заручиться увѣренностью, что этотъ расходъ не пропадетъ даромъ; ибо неблагоразумно довѣрять свою душу наставленіямъ заѣзжаго софиста, не зная его характера, ни того, принесетъ ли его ученіе пользу или вредъ. Софисты—это купцы, торгующіе съѣстными припасами для души; а при покупкѣ этой пищи гораздо болѣе нужно бояться обмана, чѣмъ при покупкѣ пищи для тѣла. „Итакъ, если ты умѣешь отличать полезное отъ вреднаго, то можешь безопасно покупать познаніе и у Протагоры и у всякаго другого; а когда не умѣешь, то смотри, добрый другъ мой, чтобы не подвергнуть гибели самое драгоцѣнное свое сокровище“.

Удовлетворяя желанію Гиппократа, Сократъ приводитъ его въ домъ покровителя софистовъ, богача Калліи, гдѣ они застаютъ Протагору, Гиппію и Продика, окруженныхъ большимъ числомъ слушателей. Самъ Протагора хо-

[1]) Дальнѣйшее развитіе ученія о мужествѣ см. въ Протагорѣ 348 E сл. и въ Государствѣ (Πολιτεία) III, 386 A—B и IV, 429 A—430 C.—Ср. Ксен. Ἀπομνημ. IV, 6, 11.

дитъ вдоль колоннады, декламуя толпѣ юношей, послѣдовавшихъ за нимъ изъ всѣхъ частей Греціи. На противоположной сторонѣ залы Гиппія поучаетъ избранный кружокъ слушателей въ астрономіи, тогда какъ изъ сосѣдней комнаты доносится низкій голосъ Продика, еще лежащаго въ теплой постели и разговаривающаго съ третьимъ кружкомъ слушателей. Сократъ тотчасъ же подходитъ къ Протагорѣ и представляетъ ему Гиппократа, сына Аполлодорова, юношу желающаго пріобрѣсти извѣстность въ городѣ и для достиженія этой цѣли обращающагося къ наставленіямъ Протагоры. Протагора милостиво отвѣчаетъ, что Гиппократъ хорошо сдѣлалъ, обратившись къ нему, потому что онъ, Протагора, не какъ другіе софисты. Онъ не будетъ относиться къ Гиппократу какъ къ школьнику и обременять его разными искусствами. Нѣтъ, онъ научитъ его вещамъ болѣе благороднымъ и полезнымъ, именно добродѣтели и политической мудрости, чтобы Гиппократъ могъ не только хорошо управлять своимъ домомъ, но и показать себя хорошимъ гражданиномъ и мудрымъ государственнымъ дѣятелемъ. Но Сократъ недоумѣваетъ, могутъ ли быть дѣйствительно преподаны мудрость и добродѣтель, и предлагаетъ вопросъ, составляющій главную тему бесѣды: можно ли учить добродѣтели?

Желая доказать, что добродѣтели учить нельзя, Сократъ указываетъ сперва на Аѳинянъ, которые, когда дѣло касается художествъ, совѣтуются только съ художниками, а когда надобно разсуждать о политикѣ, принимаютъ мнѣнія отъ всѣхъ гражданъ, предполагая, что политическая добродѣтель, и безъ особенныхъ наставленій, должна быть всѣмъ извѣстна; потомъ подтверждаетъ свое мнѣніе примѣрами частныхъ лицъ, которые, будучи сами добродѣтельны, не передаютъ и не могутъ передать своихъ добродѣтелей даже собственнымъ дѣтямъ. На это Протагора возражаетъ, что добродѣтель бываетъ и должна быть предметомъ науки. Посредствомъ притчи объ Эпимеѳеѣ и Промеѳеѣ онъ доказываетъ, что небо дало добродѣтель всѣмъ людямъ; поэтому Аѳиняне допускаютъ всѣхъ гражданъ къ совѣщаніямъ о политикѣ. Тѣмъ не менѣе люди не считаютъ добродѣтели и справедливости за даръ природы, но за результатъ ученія, упражненія и наставленія. Уже тотъ фактъ, что преступники наказываются не въ возмездіе за прошлое зло, но для предупрежденія будущаго, доказываетъ, что нѣкоторыя добродѣтели могутъ быть пріобрѣтаемы наукою. Дѣйствительно, человѣкъ воспитывается съ колыбели. Съ дѣтства онъ ставится подъ управленіе опекуновъ и воспитателей и побуждается къ добродѣтели увѣщаніями и угрозами и побоями. По достиженіи ребенкомъ состоянія взрослаго, его учители замѣщаются законами, которые принуждаютъ его жить праведно; противящійся закону и наказанію либо изгоняется, либо обрекается на смерть, въ томъ предположеніи, что онъ неисправимъ. Что же касается до того, что у добродѣтельныхъ людей часто бываютъ худыя дѣти, то объясняется это большими или меньшими способностями ихъ къ добродѣтели.

Самъ Сократъ высказываетъ удовольствіе отъ краснорѣчія Протагоры, но онъ хотѣлъ бы спросить его мнѣнія еще по одному вопросу, именно „различны ли добродѣтели, или не различны“? Протагора, утверждавшій, что добродѣтель пріобрѣтается наукою, тѣмъ самымъ долженъ былъ допустить многоразличіе ея видовъ, или частей, не похожихъ одна на другую. Но Сократъ, разумѣя добродѣтель какъ одно безразличное и нераздѣльное существо, незамѣтно приводитъ Протагору къ заключенію—сперва, что справедливость свята и святость справедлива, потомъ, что мудрость и справедливость одно и тоже, наконецъ, что справедливость и разсудительность не различны. Такимъ образомъ эротематическій методъ Сократа заставляетъ софиста перейдти отъ многоразличія добродѣтелей юридическихъ, которыхъ преподавателемъ онъ считалъ себя, къ единству добродѣтели нравственной или метафизической, которая, по ученію Сократа (Платона), не можетъ быть предметомъ науки.

Затѣмъ, при участіи Продика, разбирается пѣснь поэта Симонида о томъ, что *трудно сдѣлатся добрымъ.* Протагора, не понимая, что *дѣлаться* и *быть* не одно и тоже, обвиняетъ Симонида въ противорѣчіи; ибо, утверждая, что трудно сдѣлаться добрымъ, онъ за то же самое мнѣніе порицаетъ Питтака, который сказалъ, что трудно быть добрымъ. Съ такимъ толкованіемъ Протагоры Продикъ не согласенъ. Происходитъ оживленный споръ между обоими софистами. Поэтому Сократъ вызывается дать свое объясненіе. Онъ доказываетъ, что *сдѣлаться* добрымъ дѣйствительно трудно, а *быть* и *пребывать* добрымъ вовсе невозможно и свойственно одному богу. Итакъ какъ же тутъ преподавать добродѣтель?.

Такимъ образомъ подведши всѣ прочія добродѣтели подъ понятіе одной въ смыслѣ метафизическомъ и, посредствомъ Симонидовой пѣсни, сблизивши Протагору съ мыслью о томъ, что она не можетъ быть предметомъ науки, Сократъ ставитъ вопросъ: должно ли и мужество считать добродѣтелью? Протагора уже соглашается что мудрость, разсудительность, справедливость и святость имѣютъ значительное между собою сходство, но мужество отличаетъ отъ нихъ. Чтобы преодолѣть это послѣднее упорство, Сократъ требуетъ опредѣленія мужества; и такъ какъ Протагора за существенный признакъ его принялъ смѣлость, даже отважность, то спрашиваетъ: смѣлые знаютъ ли, на что отваживаются?—Знаютъ, отвѣчаетъ недальновидный софистъ.—А мужественные смѣлы?—Конечно.—Слѣдовательно, мужественные знаютъ, на что отваживаются.—Протагора, замѣчая наконецъ, что мужество приводится къ тожеству со знаніемъ или мудростью, ограничиваетъ первую свою посылку, говоря, что хотя всѣ мужественные смѣлы, но не всѣ смѣлые мужественны, т. е. не всѣ знаютъ, на что отваживаются. Тогда Сократъ, какъ будто оставивъ предметъ изслѣдованія, непримѣтно заходитъ къ нему съ другой стороны и спрашиваетъ Протагору: все пріятное добро-ли? и само ли по себѣ добро? Софистъ недоумѣваетъ и, заманиваемый вопросами Сократа, допускаетъ,

что люди, ошибающіеся въ выборѣ удовольствій и страданій, ошибаются по недостатку знанія, что никто добровольно не стремится къ злому или къ тому, что признаетъ злымъ; если же стремится къ чему-нибудь, то это нѣчто разумѣетъ какъ добро. Такимъ образомъ стремленіе къ добру происходитъ отъ знанія; но мужественные стремятся къ добру, зная, что оно добро; и потому мужество основывается на знаніи. Слѣдовательно, мужество есть мудрость.

Видя себя снова опровергнутымъ, Протагора такъ смѣшался, что не хотѣлъ болѣе отвѣчать и замолчалъ. Но Сократъ сказалъ: „Я спрашивалъ тебя не для чего иного, а только для того, чтобы изслѣдовать все относящееся къ добродѣтели, и въ чемъ состоитъ самая добродѣтель. Знаю, что по раскрытіи этого, совершенно объяснилось бы и то, о чемъ мы оба такъ долго разсуждали: я—что учить добродѣтели невозможно, ты—что она изучима. А теперь результатъ нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ доносчика, или насмѣшника; онъ, если-бы могъ говорить, сказалъ бы: какъ вы странны, Сократъ и Протагора! Ты, Сократъ, прежде утверждалъ, что добродѣтели учить нельзя, а теперь хочешь противнаго тому,—усиливаешься доказать, что всѣ виды добродѣтели—и справедливость, и разсудительность, и мужество—суть знаніе; но вѣдь отсюда слѣдуетъ, что всѣ онѣ могутъ быть предметомъ науки. Если бы добродѣтель была не знаніе, а что нибудь другое, какъ доказывалъ Протагора, то она, очевидно, не могла бы быть изучимою; но такъ какъ, соотвѣтственно твоему домогательству, Сократъ, она—знаніе, то странно, отъ чего бы ей не быть предметомъ науки. Равнымъ образомъ, Протагора прежде полагалъ, что добродѣтель изучима, а теперь домогается, по-видимому, противнаго, и лучше соглашается называть ее почти всѣмъ, лишь бы только не знаніемъ. Но подъ этимъ условіемъ она никакъ не можетъ быть предметомъ науки. Обозрѣвая такимъ образомъ все съ начала до конца, а встрѣчая ужасныя противорѣчія, я сильно желаю распутать ихъ, и хотѣлъ бы, послѣ прежнихъ нашихъ изслѣдованій, опредѣлить: что такое добродѣтель? а потомъ опять разсмотрѣть: изучима ли она, или нѣтъ? Пусть тотъ Эпиметей не вводитъ насъ въ обманъ при изслѣдованіи, какъ онъ, по твоимъ словамъ, обошелъ насъ при раздѣлѣ. Мнѣ и въ притчѣ Прометей нравится больше Эпиметея. Руководствуясь имъ и желая быть предусмотрительнымъ (προμηθούμενος) въ цѣлой своей жизни, я располагаю всѣми своими дѣлами и, если хочешь, съ удовольствіемъ буду изслѣдовать вмѣстѣ съ тобою предметъ вашего разсужденія, какъ обѣщался сначала.—Твое усердіе, Сократъ, и искусство весть разговоръ—похвальны, отвѣчалъ Протагора. Впрочемъ и я, думаю,—человѣкъ не худой, а особенно не завистливъ: говорю многимъ, что изъ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаюсь, и преимущественно изъ сверстниковъ твоихъ, болѣе уважаю тебя, и не удивляюсь, что ты будешь принадлежать къ числу знаменитѣйшихъ мужей по своей мудрости. Что же касается до предлагаемаго тобою предмета, то

изслѣдуемъ его, если хочешь, послѣ: а теперь время обратиться къ чему нибудь другому.—Пусть будетъ такъ, какъ тебѣ угодно, сказалъ я: при томъ, и мнѣ давно пора идти, и только благодаря любезному Калліи, я доселѣ оставался здѣсь.

Послѣ этихъ обоюдныхъ объясненій, мы разстались". *Карповъ*.—

Цѣль настоящаго діалога—доказать, что 1) добродѣтель сама по себѣ одна, и состоитъ въ знаніи; 2) на землѣ могутъ быть учители добродѣтелей (въ смыслѣ политическомъ или гражданскомъ), но дать человѣку добродѣтель можетъ одинъ Богъ. Кромѣ этой главной и реальной цѣли имѣлась въ виду другая—полемическая и формальная—обнаружить недостаточность софистическихъ умствованій для познанія истины и показать, какова должна быть достойная своего имени діалектика.

Относительно вопроса о сущности и видахъ добродѣтели срв. Ксен. Ἀπομν. VI, гл. 6.

8. Εὐθύδημος (32 главы) [1]).

Критонъ, встрѣчаясь съ другомъ своимъ Сократомъ, спрашиваетъ его о тѣхъ новыхъ иностранцахъ, съ которыми онъ видѣлъ его наканунѣ разговаривающимъ въ Ликеѣ. Сократъ говоритъ, что это были братья Эвѳидемъ и Діонисодоръ—софисты (см. выше § 28) и, охарактеризовавъ какъ прежнюю, такъ и настоящую ихъ общественную дѣятельность, высказываетъ намѣреніе поступить къ нимъ въ ученики, ибо учиться вообще никогда не поздно. На просьбу Критона познакомить его съ образомъ мыслей софистовъ, Сократъ подробно разсказываетъ ему содержаніе своей бесѣды съ ними.

Въ бесѣдѣ, пересказываемой Сократомъ, принимали участіе, кромѣ Сократа и упомянутыхъ братьевъ софистовъ, еще аѳинскіе юноши Клинія и Ктесиппъ. Отрекомендованные Клиніи, Эвѳидемъ и Діонисодоръ объясняютъ свою общественную профессію, смѣло заявляя при этомъ, что они умѣютъ лучше и скорѣе прочихъ преподавать добродѣтель. Сократъ удивляется такой мудрости софистовъ и проситъ ихъ показать ее на дѣлѣ. Послѣ этого Эвѳидемъ, чтобы показать образецъ своихъ наставленій въ мудрости, обращается къ Клиніи съ вопросомъ: какъ онъ думаетъ, кто учится? умный или невѣжда? —Конечно умный, отвѣчаетъ Клинія.—Но Эвѳидемъ опровергаетъ его слѣдующимъ софисмомъ: Кто учится, тотъ перенимаетъ что нибудь; а кто учитъ, тотъ старается сдѣлать своего ученика умнымъ человѣкомъ; слѣдовательно учиться свойственно не умному, а невѣждѣ.—Это заключеніе подхватываетъ

---

[1]) См. **Евтидемъ**, діалогъ Платона. Греческій текстъ съ непрерывными къ нему примѣчаніями и съ предварительными объясненіями къ чтенію его доктора философіи *Н. Скворцова*. Москва. 1878.

Діонисодоръ и доказываетъ противное: Когда учитель грамматики читаетъ урокъ дѣтямъ, то научаетъ только тѣхъ изъ нихъ, которые умѣютъ понимать его, а чтобы умѣть понимать, надобно имѣть умъ; поэтому учатся умные, а не невѣжды.—Вслѣдъ за такимъ опроверженіемъ, награжденнымъ общею похвалою слушателей, Эвѳидемъ возражаетъ: Тѣ, которые учатся, не тому ли учатся, чего не знаютъ?—Клинія отвѣчаетъ утвердительно.—Эвѳидемъ: Не правда; если учитель даетъ урокъ ученикамъ, то конечно дѣлаетъ не что иное, какъ произноситъ слова и буквы; а слова и буквы и безъ того уже были извѣстны имъ; слѣдовательно, слушая учителя, слушаютъ они то, что и прежде знали.— Но Діонисодоръ берется доказать противное. Знать, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ имѣть знаніе; а знаніе пріобрѣтаетъ тотъ, кто прежде ничего не зналъ; стало быть и учится тотъ, кто прежде ничего не зналъ.

Послѣ этого перваго опыта софистическихъ уроковъ въ добродѣтели, Сократъ вѣжливо прерываетъ бесѣду софистовъ и убѣждаетъ Клинію не смущаться такими шутками. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что Эвѳидемъ и Діонисодоръ отъ шутокъ скоро перейдутъ къ настоящему дѣлу и введутъ насъ въ таинства своей науки. Потомъ, отвлекая софистовъ отъ пустословія, онъ учтиво напоминаетъ имъ о данномъ обѣщаніи преподать юношѣ добродѣтель; а такъ какъ они уже уклонились отъ своей темы, то вызывается представить образецъ, какъ по его мнѣнію, надлежало бы вести разговоръ объ избранномъ предметѣ.

Такимъ образомъ, за нелѣпыми умозаключеніями софистовъ, слѣдуетъ примѣръ Сократовой логики. Сократъ начинаетъ разсуждать дѣйствительно о добродѣтели и ведетъ рѣчь, уклоняясь отъ всякаго щегольства діалектическими тонкостями. Онъ заботится только о томъ, какъ бы точнѣе опредѣлить понятія о вещахъ, свойственныя всѣмъ умнымъ людямъ. Сущность его бесѣды состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ мы, говоритъ онъ, ищемъ счастія, и всѣ полагаемъ его въ обладаніи благами: а что̀ благо, и что̀ зло — о томъ мнѣнія людей весьма различны. Обыкновенно благами считаются богатство, здоровье, красота тѣла, знатность, власть, могущество. Но къ благамъ безъ сомнѣнія должны быть причислены также: умѣренность, справедливость, мужество, мудрость. А точнѣе сказать, такъ счастіе наше состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ одной мудрости. Чья душа украшена мудростью, тому нельзя отказать въ имени счастливца. Богатство, почести и все другое, что̀ люди обыкновенно считаютъ благомъ, не тогда ли только составляютъ наше счастіе, когда мы умѣемъ справедливо употреблять ихъ? А это зависитъ опять отъ мудрости. Отсюда Сократъ заключаетъ, что мудрость или знаніе есть истинное благо, а невѣжество—настоящее зло. Но такъ какъ всѣ люди ищутъ счастія, то всякій долженъ прежде заботиться о пріобрѣтеніи мудрости. При этомъ однако возникаетъ вопросъ: можно ли пріобрѣтать ее?—Если можно, то мы должны всѣми силами стараться образовать свой умъ и украсить его мудростью.

Представивъ образецъ руководящей бесѣды, Сократъ вѣжливо проситъ софистовъ, слѣдуя сему образцу, разъяснить юношѣ, все ли знаніе или только нѣкоторое должно ему имѣть, чтобы быть счастливымъ и хорошимъ Но софисты начинаютъ пустословить еще безстыднѣе прежняго. Вамъ угодно, говоритъ Діонисодоръ, чтобы Клинія сдѣлался мудрымъ? т. е. вы хотите, чтобы онъ перестал быть тѣмъ, что есть? слѣдовательно вы хотите, чтобы онъ бѣдный погибъ? потому что перестать быть тѣмъ, чѣмъ кто есть, значитъ погибнуть. Это заключеніе выводитъ изъ терпѣнія Ктесиппа, друга Клиніина, и онъ упрекаетъ софиста въ безсовѣстной лжи. Но Эвѳидемъ подхватываетъ слова его и начинаетъ доказывать, что лгать невозможно. Кто лжетъ, тотъ говоритъ то, чего вовсе нѣтъ, о чемъ и помыслить нельзя; слѣдовательно ложь есть дѣло невозможное.—На это Ктесиппъ просто, но справедливо замѣчаетъ, что лжецъ говоритъ о существующихъ же предметахъ, толко не такъ изображаетъ ихъ, какъ они существуютъ.—Стало быть, возражаетъ Діонисодоръ, по твоему, надобно изображать всѣ вещи такъ, какъ онѣ существуютъ, т. е. дурныя дурно, хорошія хорошо, теплыя тепло, холодныя холодно? Но посуди самъ, что изъ этого выйдетъ.—Сократъ, желая скорѣе потушить разгарающуюся распрю между Ктесиппомъ и Діонисодоромъ, прерываетъ ихъ разговоръ и насмѣшливо говоритъ Клиніи: Подожди, другъ мой, пусть они погорячатся, поспорятъ о пустякахъ; пусть губятъ людей, лишь бы погибающій изъ глупаго сдѣлался мудрымъ. Но Ктесиппъ увѣряетъ, что онъ и не думалъ горячиться; жаль только, прибавляетъ онъ, что противникъ его не можетъ сносить противорѣчій.—Какъ? быть не можетъ, утверждаетъ софистъ, чтобы кто нибудь не соглашался съ другимъ, или противорѣчилъ другому, и свое положеніе доказываетъ слѣдующимъ образомъ: Если справедливо, что нельзя ничего отрицать, то вѣрно и то, что нельзя ничего противорѣчить. Тѣ, которые хорошо понимаютъ свой предметъ, не разнятся въ своихъ мнѣніяхъ о немъ: напротивъ, кто не понимаетъ его, тотъ, говоря иначе, говоритъ о другомъ, а не о томъ, о чемъ говорятъ первые, слѣдовательно не противорѣчитъ имъ.—Ктесиппъ на это уже ничего не отвѣчаетъ; а Сократъ, замѣтивъ софистамъ, что ихъ умозаключенія заимствованы у Протагоры и подобныхъ ему мудрецовъ, предостерегаетъ ихъ, чтобы они не попались въ собственныя свои сѣти. Если, сказалъ онъ, никому нельзя лгать,—то никому нельзя и ошибаться во мнѣніяхъ. А коль скоро никому нельзя ошибочно судить о вещахъ, то не можетъ быть ни глупцовъ, ни невѣждъ. Когда же нѣтъ ни глупости, ни невѣжества, то вѣрно всѣ умны, и никто не уклоняется отъ истины. А если никто не уклоняется отъ истины, то къ какой же стати вы беретесь преподавать мудрость и добродѣтель? Кого вамъ учить, когда всѣ мудры?

Почувствовавъ ѣдкость этого вопроса, софисты хотятъ отомстить Сократу; но Сократъ изъ ихъ же основаній выводитъ заключеніе, что ни онъ и никто другой не можетъ ошибаться въ своихъ сужденіяхъ.

Эти обличенія подаютъ поводъ Ктесиппу преслѣдовать Эвѳидема и Діонисодора колкими остротами и насмѣшками, а Сократу—случай дать имъ новый урокъ, какъ лучше разсуждать о добродѣтели. Мы, кажется, остановились на томъ, говоритъ онъ къ Клиніи, что надобно заботиться о пріобрѣтеніи мудрости, т. е. философствовать. Теперь вотъ вопросъ: какой мудрости, какого знанія долженъ искать философъ? Вѣроятно такого, которое принесло бы ему пользу? Но не все, что можетъ принести пользу, должно быть предметомъ нашихъ исканій. Есть знанія и искусства, доставляющія намъ хорошіе плоды, но не показывающія, какъ употреблять ихъ и потому недостаточныя для истиннаго счастія. Надобно желать такого знанія, которое давало бы намъ полезные плоды и научало бы благоразумному употребленію ихъ. Столь важное знаніе, строго говоря, не есть ни музыкальное искусство, ни словесное (ἡ λογοποιικὴ τέχνη), ни военное (ἡ στρατηγική).

[Здѣсь Критонъ прерываетъ разсказъ Сократа замѣчаніемъ о достоинствахъ мыслей, высказанныхъ Клиніею во время бесѣды Сократа. Вслѣдствіе этого перерыва Сократъ передаетъ дальнѣйшій свой разговоръ съ Клиніею только въ главныхъ чертахъ, бесѣдуя уже непосредственно съ Критономъ].

Послѣ разныхъ недоумѣній относительно искомаго знанія, намъ показалось—разсказываетъ Сократъ – что таковое есть политическое искусство; но при дальнѣйшемъ разсужденіи обнаружилось, что политическое искусство, хотя и представляется знаніемъ высокимъ, всетаки не есть искомое знаніе. Находясь въ такомъ затрудненіи Сократъ, по его словамъ, обратился за помощью къ софистамъ. Но сколько ни старался онъ навести ихъ на надлежащій путь изысканій и отвлечь ихъ отъ пустословія,—ничто не помогало. Едва онъ договорилъ послѣднія слова о данномъ предметѣ, какъ вдругъ Эвѳидемъ спрашиваетъ его: Хочешь ли, Сократъ, я научу тебя тому знанію, котораго ты такъ сильно добиваешься? или лучше, не угодно ли, я тебѣ докажу, что ты уже давно обладаешь имъ?—Кто знаетъ, продолжалъ онъ, тотъ имѣетъ знаніе; кто имѣетъ знаніе, тотъ въ силу аксіомы, что одно и тоже не можетъ вмѣстѣ быть и не быть, одаренъ знаніемъ; а кто одаренъ знаніемъ, тотъ непремѣнно знаетъ все, потому что, не зная чего нибудь, онъ былъ бы лишенъ знанія, что̀ противно допущенному выше. Если же, Сократъ, ты знаешь все, то знаешь и то, что желалъ знать

Напрасно Сократъ увѣряетъ софистовъ, что онъ не все знаетъ;—не хотятъ слушать, и чтобы легче изумить его своими заключеніями, просятъ его не заговариваться, а отвѣчать на ихъ вопросы коротко: да, или нѣтъ. Послѣ этого Сократу ничего не оставалось болѣе, какъ ловить ихъ въ ихъ же западню. И вотъ онъ спрашиваетъ: неужели они, зная нѣчто, будутъ утверждать, что знаютъ все?—Положительный отвѣтъ софистовъ мгновенно представилъ Ктесиппу тьму нелѣпыхъ заключеній, и этотъ пылкій юноша начинаетъ колко шутить надъ мудрецами. Между тѣмъ Эвѳидемъ, привязавшись къ словамъ

Сократа, что онъ не все знаетъ, строитъ новый софисмъ. Кто знаетъ что нибудь, говоритъ онъ, тотъ знаетъ это тѣмъ же, а не другимъ; а кто знаетъ что нибудь тѣмъ же, тотъ знаетъ все и всегда.—Сократъ отвѣчаетъ, что умъ его конечно одаренъ знаніемъ, но въ этомъ знаніи содержится не все, а только то, что онъ знаетъ; потомъ предлагаетъ вопросъ Діонисодору: знаю ли я, что добрые люди бываютъ несправедливы?—Діонисодоръ, думая, что Сократъ не одобряетъ этой мысли, говоритъ: не знаешь,—и такимъ образомъ противорѣчитъ прежнему своему положенію, что всѣ и все знаютъ. Тогда Сократъ, обращаясь къ Эвѳидему, спрашиваетъ его: какъ тебѣ кажется, Эвѳидемъ, справедливо ли судитъ братъ твой?— Но Діонисодоръ, чтобы вывести его и себя изъ затрудненія и дать разговору новое направленіе, вдругъ предлагаетъ вопросъ и съ своей стороны: что же? развѣ я братъ Эвѳидему?—Однакоже Сократъ не отвѣчаетъ ему, и на упрекъ софиста, что онъ избѣгаетъ отвѣтовъ, говоритъ: васъ двое, а я одинъ; вотъ, еслибъ и со мною былъ братъ мой Патроклъ, то дѣло пошло бы иначе.—Такъ Патроклъ братъ тебѣ? спрашиваетъ Эвѳидемъ.—Да, мы съ нимъ отъ одной матери, но отъ разныхъ отцовъ, говоритъ Сократъ; отецъ Патрокловъ былъ Хайредемъ, а мой Софронискъ.—Значитъ, Софронискъ, подхватилъ софистъ, есть другой въ разсужденіи отца? слѣдовательно онъ не отецъ? и у тебя, Сократъ, нѣтъ отца [1])?

Вслѣдъ за этимъ обиднымъ для Сократа заключеніемъ софистовъ, Ктесиппъ дѣлаетъ столь же обидный вопросъ самимъ софистамъ: но и вашъ отецъ, говоритъ онъ, отличенъ ли отъ моего?—Нѣтъ, не отличенъ, отвѣчаютъ они, потому что иначе остались бы безъ отца.—Какъ же такъ? продолжалъ Ктесиппъ: вашъ отецъ есть ли отецъ и другихъ?—И другихъ, говорятъ они.—Отсюда противникъ тотчасъ выводитъ заключеніе, что отецъ ихъ есть отецъ всѣхъ, и мать ихъ есть мать не только людей, но и животныхъ,—и софисты не смѣютъ отвергать этого невыгоднаго для себя заключенія, потому что въ противномъ случаѣ имъ пришлось бы остаться безъ отца и матери. Такимъ образомъ юноша Ктесиппъ опутываетъ Эвѳидема и Діонисодора собственными ихъ словами, и основное положеніе ихъ, что одного и того же сказуемаго нельзя приписать многимъ подлежащимъ, уничтожаетъ самою легкою выходкою.—

Пересказавъ К р и т о н у свою бесѣду съ двумя софистами, Сократъ совѣтуетъ и ему поучиться у столь мудрыхъ людей; но Критонъ, не понявъ шутки, простодушно сознается, что такой совѣтъ ему не нравится, даже упре-

---

[1]) Нѣкто отличенъ отъ другого, а этотъ другой есть отецъ, слѣдовательно тотъ нѣкто отличенъ отъ отца и какъ такой—не отецъ. Этотъ софисмъ построенъ на томъ положеніи древней діалектики, что одно сказуемое не можетъ приличествовать многимъ подлежащимъ, вещамъ или лицамъ, что каждый предметъ имѣетъ свои особенные признаки. Срв. Плат. Σοφ. 251 C. и 260 A—B; Φιλ. 14 C,

каетъ Сократа за короткое обращеніе съ этими ничтожными спорщиками, и разсказываетъ, что одинъ логографъ, слышавшій ихъ бесѣду, преважно рѣшилъ, что всѣ философы занимаются пустяками, и вся философія—вздоръ. Между тѣмъ Критонъ съ своей стороны отдаетъ ей полную справедливость и дружески совѣтуетъ Сократу держаться подалѣе отъ подобныхъ учителей, чтобы не подавать людямъ причины презирать и поносить превосходную науку. На этотъ совѣтъ Критона Сократъ отвѣчаетъ во-первыхъ—описаніемъ тѣхъ логографовъ, изъ которыхъ одинъ разговаривалъ съ нимъ, во-вторыхъ—замѣчаніемъ, что по всѣмъ отраслямъ искусствъ есть и хорошіе и худые преподаватели, и что отъ дурныхъ качествъ учителя несправедливо было бы заключать о ничтожествѣ и вздорности науки.—

Цѣль настоящаго діалога—доказать, что хитрая и совопросническая діалектика софистовъ, какъ бы хвастливо ни выдавала она себя за учительницу добродѣтели и мудрости, на самомъ дѣлѣ есть только пустословіе, а потому не имѣетъ ничего общаго со зрѣлымъ и основательнымъ философствованіемъ Сократа, и даже противна его ученію, направленному къ пользѣ истинной мудрости и добродѣтели. (*Карповъ.*)—

Къ переходному времени, т. е. ко времени отъ смерти Сократа до отъѣзда Платона изъ Аѳинъ, относятся слѣдующіе діалоги:

9. Ἀπολογία Σωκράτους (33 главы).

„Апологія Сократа“ есть воспроизведеніе той рѣчи, которою Сократъ защищалъ себя предъ судомъ аѳинскихъ геліастовъ противъ несправедливыхъ обвиненій и клеветъ, взведенныхъ на него противниками его, особенно Мелетомъ, Ликономъ и Анитомъ (см. выше §§ 40—44). Старецъ философъ представляетъ здѣсь отчетъ въ своей долголѣтней жизни и дѣятельности. Онъ доказываетъ, что вся жизнь его не только служитъ опроверженіемъ выставленныхъ противъ него обвиненій, но можетъ быть разсматриваема даже какъ благодѣяніе для государства; поэтому не смерти, а почетнаго стола въ пританеѣ онъ имѣлъ бы право ожидать себѣ, хотя и смерть для него есть не зло, а добро.

РАЗБОРЪ И СОДЕРЖАНІЕ АПОЛОГІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: гл. I—XXIV.

I. *Вступленіе* (προοίμιον, exordium): гл. I.

Во вступленіи Сократъ объясняетъ, какимъ образомъ онъ намѣренъ защищаться противъ своихъ обвинителей; онъ говоритъ, что рѣчь его будетъ обыденна, проста, но за то правдива, и проситъ судей обращать постоянно вниманіе только на то, правду ли онъ говоритъ, или нѣтъ (17 А—18 А).

II. *Защита:* гл. II—XXII.

A. Prōpositiō и partitiō (πρόθεσις). Сократъ долженъ защищаться противъ двухъ родовъ обвинителей. Къ первому роду онъ относитъ давнихъ, лично ему неизвѣстныхъ и потому очень опасныхъ клеветниковъ; ко второму же роду онъ относитъ настоящихъ обвинителей, Мелета, Ликона и Анита, подавшихъ на него формальную жалобу въ судъ. Сократъ считаетъ нужнымъ сперва опровергнуть обвиненіе первыхъ, а затѣмъ уже обвиненія послѣднихъ (гл. II).

B. Cōnfūtātiō (опроверженіе): гл. III—XV (19 B—27 E).

a) Сократъ защищается противъ тѣхъ обвинителей своихъ, которые уже давно заподозрѣваютъ всѣ его дѣйствія и тайно клевещутъ на него передъ народомъ, утверждая, что онъ умствуетъ о небесномъ, испытуетъ подземное и, подобно софистамъ, ложь представляетъ истиною, а истину превращаетъ въ ложь, и тому же учитъ другихъ. Сократъ опровергаетъ эти обвиненія, ссылаясь на свидѣтельство присутствующихъ, изъ коихъ многіе слышали его разговоры и приглашаетъ ихъ распросить другъ друга и сказать, слыхали ли они отъ него что нибудь подобное. Такъ какъ отсутствіе такого показанія достаточно свидѣтельствуетъ о ложности этихъ обвиненій, Сократъ прибавляетъ, что и учить то людей онъ никогда не брался, хотя и считаетъ такое занятіе прекраснымъ и онъ гордился бы, еслибы зналъ искусство воспитывать и учить другихъ (19 B—20 C).—Итакъ возникаетъ вопросъ, откуда явились эти клеветы на Сократа? На это отвѣчаетъ Сократъ, что главною причиною всѣхъ клеветъ считаетъ ненависть согражданъ, которой онъ подвергся, впрочемъ, совершенно случайно. Именно: когда однажды дельфійскій богъ назвалъ его мудрѣйшимъ изъ людей, то онъ долго недоумѣвалъ относительно значенія словъ оракула; ибо мудрецомъ себя нисколько не сознавалъ, а сомнѣваться въ справедливости словъ оракула не смѣлъ и не могъ. Итакъ, желая убѣдиться въ вѣрности дельфійскаго оракула, онъ рѣшился обходить всѣ сословія и классы аѳинскаго общества съ цѣлью отыскать въ средѣ ихъ человѣка мудрѣе себя. Во время этихъ поисковъ Сократъ пришелъ къ убѣжденію, что люди, считающіеся мудрыми, вовсе не мудры, что истинная мудрость можетъ быть только цѣлью человѣческихъ стремленій, а не пріобрѣтеніемъ, и что въ собственномъ смыслѣ она принадлежитъ одному богу. Вотъ этимъ то обличеніемъ другихъ въ невѣжествѣ онъ и возбудилъ противъ себя сильную ненависть, послужившую причиною многихъ навѣтовъ. Что же касается до изрѣченія оракула, то Сократъ объясняетъ его такъ, что мудрый богъ назвалъ мудрымъ не его лично, но въ его лицѣ всякаго, кто, подобно Сократу, дошелъ до сознанія собственнаго ничтожества въ дѣлѣ мудрости (20 C—23 B).—Другую причину, вызвавшую невѣрные толки въ обществѣ, Сократъ усматриваетъ въ томъ, что юноши, слушающіе его и наблюдающіе, какъ онъ испытуетъ людей, часто сами, под-

ражая ему, берутся испытывать другихъ; и такъ какъ въ этомъ дѣлѣ они встрѣчаютъ много такихъ, которые, приписывая себѣ нѣкоторое знаніе, мало или даже ничего не знаютъ, то и ясно, что испытуемые ими сердятся, но не на нихъ, а на Сократа, считая его развратителемъ юношества (23 С—24 А).

б) Сократъ приступаетъ къ разсмотрѣнію жалобы, формальнымъ образомъ поданной на него въ судъ Мелетомъ, Ликономъ и Анитомъ. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ α) развращаетъ юношей, и β) не признаетъ боговъ, которыхъ признаетъ государство (24 В).

α) Чтобы опровергнуть первый пунктъ жалобы, Сократъ прежде всего спрашиваетъ Мелета, кто дѣлаетъ юношей лучшими. Мелетъ, послѣ нѣкотораго колебанія, указываетъ сначала на законы, затѣмъ на судей и членовъ совѣта, наконецъ на весь народъ, утверждая, что всѣ Аѳиняне, кромѣ Сократа, могутъ считаться полезными наставниками юношей. Въ виду очевидной неосновательности и ложности такого вывода, Сократъ не считаетъ нужнымъ опровергать Мелета, но прибавляетъ, что счастливы были бы аѳинскіе юноши, если бы только одинъ развращалъ ихъ, а всѣ прочіе граждане приносили бы имъ пользу. (24 С–25 В). Далѣе Сократъ указываетъ на то, что безспорно лучше жить между добрыми гражданами, чѣмъ между злыми, ибо добрые причиняютъ своимъ согражданамъ добро, а злые—зло: поэтому Сократъ дѣйствовалъ бы самъ противъ себя, если бы умышленно развращалъ своихъ согражданъ. Отсюда ясно, что Сократъ или вовсе не развращалъ молодежи, или, если уже развращалъ, то развращалъ неумышленно, помимо воли, и въ такомъ случаѣ онъ не подлежитъ уголовному суду, а частному вразумленію (25 С—26 А).

β) Опровергая второй пунктъ обвиненія, Сократъ доказываетъ, что онъ вовсе не безбожникъ, ибо признаетъ геніевъ (δαίμονες, δαιμόνια), которые суть или божества, или дѣти боговъ; а вѣруя въ потомковъ боговъ, онъ не можетъ не вѣровать и въ самихъ боговъ. Притомъ Сократъ посредствомъ индукціи доказываетъ, что, признавая существованіе какихъ нибудь твореній, нелѣпо было бы отрицать существованіе творцовъ, создавшихъ эти творенія (26 В—27 Е).

С. Cōnfirmātiō: гл. XVI—XXII (28 А–34 В).

Доказавъ судьямъ несправедливость взведенныхъ на него обвиненій, Сократъ разсматриваетъ и оправдываетъ свою жизнь въ сферѣ болѣе общей, въ кругу обязанностей гражданина [1]).

---

[1]) „Эта часть Апологіи изображаетъ намъ Сократа уже не отвѣтчикомъ, а поборникомъ славы отечества и героемъ правды, который поставляется въ необходимость переступить за черту скромности, свойственной безкорыстію, молчаливости и терпѣнію, и высказать всю важность своего служенія для пользы государственной. Мы видимъ здѣсь сына Софронискова на той высотѣ, съ которой великіе люди смотрятъ не на земной свой интересъ, не на огра-

Прежде всего Сократъ заявляетъ о своемъ твердомъ намѣреніи въ продолженіе всей остальной жизни не отступать отъ роли обличителя и врачевателя общественныхъ недуговъ и пороковъ; ибо такъ велитъ ему богъ онъ же хочетъ повиноваться богу болѣе, нежели людямъ. А что онъ призванъ къ тому, чтобы вести людей къ добродѣтели, это, говоритъ онъ, видно уже изъ того, что онъ всю жизнь свою посвятилъ благу отечества, о своихъ же частныхъ интересахъ вовсе не заботился (28 А—31 С). Затѣмъ Сократъ объясняетъ причину, почему онъ не посвятилъ себя политической дѣятельности. Онъ говоритъ, что внутренній голосъ (θεῖον, δαιμόνιόν τι) отклонялъ его отъ участія въ дѣлахъ правленія, потому что всякій правительственный дѣятель, стѣсненный извѣстными обязательствами, долженъ потакать людямъ, когда они поступаютъ несправедливо; въ противномъ случаѣ онъ погибнетъ и не принесетъ никакой пользы отечеству. Это испыталъ Сократъ самъ на себѣ; ибо, когда онъ несъ общественную службу въ качествѣ члена совѣта, то его побуждали дѣйствовать въ разрѣзъ съ личными убѣжденіями и чистою совѣстью, и онъ только съ опасностью жизни отстоялъ право и справедливость (31 С—33 А). Далѣе Сократъ утверждаетъ, что онъ никогда и ничьимъ не былъ учителемъ; онъ только позволялъ присутствовать желающимъ слушать его бесѣды съ другими, при чемъ предоставлялось волѣ каждаго принимать участіе въ разговорѣ, или нѣтъ. Наконецъ, въ опроверженіе взводимаго на него обвиненія въ развращеніи молодежи, Сократъ указываетъ на многихъ своихъ слушателей и ихъ родственниковъ, присутствующихъ здѣсь же на судѣ, изъ коихъ ни одинъ не осмѣлился выступить противъ него съ обвиненіемъ въ развращеніи своего родственника (33 А—34 В).

III. *Заключеніе* (ἐπίλογος, perōrātiō): гл. XXIII—XXIV.

Въ заключеніе первой части своей рѣчи Сократъ объясняетъ, почему онъ, оправдываясь предъ судьями, дѣйствуетъ только на ихъ умъ—доказательствами, а не старается дѣйствовать на ихъ сердца слезами, изображеніемъ жалкаго состоянія остающагося семейства, воплями жены и дѣтей и другими сценическими средствами. Человѣку, дожившему до такихъ лѣтъ и снискав-

---

ниченныя условія политическаго своего значенія, а на связь гражданскихъ своихъ обязанностей съ высшими идеалами человѣческой души, на гармонію настоящихъ подвиговъ съ посмертными наградами. Такая точка зрѣнія опредѣляется: 1) взглядомъ Сократа на смерть, которая, по его убѣжденію, ничего не значитъ въ сравненіи съ яснымъ сознаніемъ воли божіей, и не должна препятствовать намъ исполнять ее; ибо мы еще не знаемъ, что такое смерть,—добро или зло, а въ святости истиннаго и честнаго совершенно увѣрены; 2) понятіемъ Сократа о значеніи своей дѣятельности въ обществѣ, для котораго она есть благо едва ли замѣнимое". (*Карповъ*).

шему такое имя, говоритъ онъ, не прилично прибѣгать къ подобнымъ средствамъ; да они и никому не должны быть дозволяемы, потому что насилуютъ совѣсть судей и заставляютъ ихъ нарушать справедливость (34 С—35 D).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: гл. XXV—XXVIII.

Выслушавъ обвинительный приговоръ судей, Сократъ говоритъ, что его удивляетъ ничтожное большинство голосовъ, признавшихъ его виновнымъ. Затѣмъ, пользуясь правомъ назначить себѣ возмездіе за свою дѣятельность, Сократъ объявляетъ, что за свои важныя услуги городу онъ могъ бы присудить себя къ содержанію на общественный счетъ въ пританеѣ. Но такъ какъ дѣло уже кончено, онъ обвиненъ, а виновнаго не награждаютъ, то Сократъ, перебирая различные роды наказаній, наконецъ останавливается на денежной пенѣ. Онъ охотнѣе всего предложилъ бы именно деньги, потому что такой потери не считаетъ потерею; но у него нѣтъ ихъ, кромѣ одной мины серебра. Впрочемъ онъ согласенъ предложить и тридцать минъ, которыя вызываются внести за него нѣкоторые изъ друзей (35 Е—38 В).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: гл. XXIX—XXXIII.

Когда послѣ второй подачи голосовъ объявленъ былъ Сократу смертный приговоръ, тогда онъ, въ третій разъ обращаясь къ судьямъ съ рѣчью, заявляетъ, что они напрасно подвергли себя нареканію со стороны своихъ недоброжелателей за то, что лишили жизни мудраго и невиннаго человѣка; ибо стоило лишь подождать немного времени, и они избавились бы отъ него его естественною смертью, такъ какъ онъ ужь очень старъ. Онъ, осужденный на смерть, принимаетъ свой жребій не по слабости оправданія, но по недостатку дерзости льстить страстямъ народа и позволять себѣ всякія средства къ спасенію (38 С—39 В). Затѣмъ, обращаясь къ судьямъ, осудившимъ его, Сократъ предсказываетъ имъ, что вскорѣ послѣ его смерти возстанутъ противъ нихъ обличители, которыхъ онъ при своей жизни удерживалъ, и что они будутъ тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ будутъ моложе (39 С—30 D). Наконецъ Сократъ обращается къ тѣмъ изъ судей, которые подали свой голосъ въ его пользу, и увѣряетъ ихъ, что смерть для него не зло, а добро. Такъ судитъ онъ по тому, что тотъ внутренній голосъ, который въ прежнее время всегда предостерегалъ его, когда онъ намѣревался сдѣлать что нибудь недоброе, въ настоящемъ случаѣ ему нисколько не воспротивляется. О самой же смерти онъ такого мнѣнія, что она есть одно изъ двухъ: или она совершенное лишеніе всякаго чувства и сознанія, и тогда она похожа на сонъ, въ которомъ спящему ничего не снится; или же она есть переходъ въ другой, лучшій міръ, и тогда лучше этого и представить ничего нельзя (39 Е—41 D). Въ заключеніе Сократъ обращается къ судьямъ съ такою просьбою: „Граждане! отомстите моимъ сыновьямъ, когда они выростутъ, муча ихъ тѣмъ самымъ, чѣмъ я мучилъ

васъ. Если вамъ покажется, что они болѣе заботятся о деньгахъ, или о чемъ другомъ, нежели о добродѣтели, либо будутъ думать, что нѣчто значатъ, ничего не знача: то укоряйте ихъ, какъ я укорялъ васъ, зачѣмъ они не заботятся о томъ, о чемъ должно, и приписываютъ себѣ нѣкоторую цѣну, ничего не стоя. Если станете дѣлать это, то и я самъ, и дѣти мои—получимъ отъ васъ должное.

Но время уже идти—мнѣ на смерть, вамъ на жизнь: а кто изъ насъ идетъ къ лучшему, никому неизвѣстно, кромѣ Бога".—

10. Κρίτων (17 главъ). Содержаніе и разборъ:

А. *Введеніе* (πρόλογος): гл. I—II.

Рано утромъ, еще до разсвѣта, Критонъ приходитъ къ Сократу въ темницу съ извѣстіемъ, что торжественный корабль (см. § 45), отправленный на островъ Делъ, уже на возвратномъ пути въ Аттику и въ тотъ же день прибудетъ въ Аѳины; слѣдовательно Сократъ долженъ завтра умереть. Сократъ, спокойно выслушавъ это извѣстіе, утверждаетъ, что корабль прибудетъ не сегодня, а завтра, такъ что предстоитъ ему умереть только на третій день. Такъ заключаетъ онъ изъ сна, который онъ видѣлъ въ сію же ночь, незадолго до прихода Критона (43 А—44 В).

Б. *Побуждаемый мыслію о столь близкой смерти дорогаго друга, Критонъ старается уговорить Сократа спастись бѣгствомъ изъ темницы* (гл. III—V).

Онъ убѣждаетъ его согласиться на это

а) во имя ихъ дружбы; ибо, если Сократъ не спасется бѣгствомъ, станутъ обвинять Критона, что онъ, имѣя возможность при помощи денегъ спасти своего друга, не сдѣлалъ этого изъ любви къ деньгамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Критонъ старается устранить опасенія Сократа относительно его друзей, доказывая, что нетрудно будетъ отдѣлаться отъ сикофантовъ, въ случаѣ еслибъ они вздумали преслѣдовать судомъ друзей его за то, что они похитили Сократа изъ темницы. О себѣ же самомъ Сократъ не долженъ безпокоиться, ибо куда бы онъ ни пришелъ, вездѣ полюбятъ его; особенно же радушно примутъ его въ Ѳессаліи, гдѣ Критонъ имѣетъ знакомыхъ (44 В—45 С).

б) Критонъ старается доказать, что Сократъ, отказываясь спастись бѣгствомъ, поступаетъ несправедливо; ибо α) стремится причинить себѣ то, къ чему стремятся враги его, желающіе ему погибели; β) онъ предаетъ своихъ дѣтей, потому что оставляетъ ихъ сиротами, безъ должнаго воспитанія и образованія; наконецъ γ) онъ навлекаетъ позоръ на своихъ друзей, потому что все это дѣло его будетъ свидѣтельствовать о ихъ малодушіи и нерадѣніи, поелику они не позаботились о его спасеніи, хотя имѣли возможность это сдѣлать.

Итакъ Критонъ совѣтуетъ Сократу уважить все это и немедленно принять какое нибудь рѣшеніе (45 С—46 А).

B. *Въ отвѣтъ на эти доводы Критона Сократъ доказываетъ, что онъ своимъ бѣгствомъ изъ темницы совершилъ бы величайшую несправедливость* (гл. VI—XVI). Онъ разсуждаетъ такъ:

a) Какъ во всякомъ другомъ дѣлѣ, такъ и въ вопросѣ о справедливомъ должно обращать вниманіе на сужденіе людей свѣдущихъ; ибо, какъ напр. вредитъ своему тѣлу тотъ, кто пренебрегаетъ наставленіями учителя гимнастики, точно также душѣ своей вредитъ тотъ, кто нарушаетъ требованія справедливости; и если мало цѣнится жизнь въ недужномъ тѣлѣ, то тѣмъ менѣе цѣнится она въ тѣлѣ съ развращенною душею. Поэтому надобно тщательно разсмотрѣть вопросъ, справедливо ли бѣжать изъ темницы противъ воли государства (т. е. его законовъ), или нѣтъ (46 В—49 А).

б) Сократъ утверждаетъ и полагаетъ въ основаніе дальнѣйшей бесѣды слѣдующія два положенія: 1) несправедливость ни въ какомъ случаѣ не позволительна, хотя бы она была и возмездіемъ за несправедливость; 2) справедливость требуетъ исполненія условій заключеннаго съ кѣмъ либо законнаго договора (49 В—49 Е).

Имѣя въ виду эти основанія, Сократъ въ знаменитой просопопеѣ заставляетъ законы разъяснить гражданину-узнику истинныя отношенія его къ отечеству. Вотъ въ чемъ состоятъ они:

1) Гражданинъ долженъ повиноваться законамъ государства, потому что нарушеніе ихъ есть стремленіе погубить и законы и государство (50 А—50 С).

2) Договоръ законовъ съ гражданиномъ состоитъ въ томъ, чтобы послѣдній безусловно повиновался первымъ. И такъ какъ права законовъ безусловны, а права гражданина условны, то обязанности въ отношеніи къ законамъ отечества священнѣе обязанностей въ отношеніи къ отцу и матери (—51 С).

3) Не смотря на безусловныя права свои, аѳинскіе законы еще такъ снисходительны, что позволяютъ гражданину испытать себя и въ случаѣ, если не понравятся, даютъ ему полную свободу удалиться куда угодно. За то, когда гражданинъ призналъ ихъ хорошими и однакоже не повинуется имъ, то они уже считаютъ его виновнымъ въ отношеніи къ себѣ и какъ родители, и какъ воспитатели, и какъ обязательная сила, управляющая государствомъ (—52 А).

4) Но Сократъ постояннымъ пребываніемъ, долголѣтнею жизнью и рожденіемъ дѣтей въ Аѳинахъ, даже тѣмъ, что во время судопроизводства не обрекъ себя на изгнаніе, выразилъ свою покорность законамъ отечества, и если теперь рѣшится на побѣгъ, то нарушитъ ихъ и сдѣлается предъ ними безотвѣтнымъ (52 В—53 А).

5) Да и что выиграетъ онъ, бѣжавъ изъ отечества? Друзья его поставлены будутъ въ необходимость также бѣжать и лишиться отечества или потерять имущество; самъ же онъ въ обществахъ благоустроенныхъ сдѣлается предметомъ презрѣнія, какъ нарушитель законовъ, а въ неустроенныхъ встрѣтятъ его насмѣшки людей развратныхъ, какъ старика, подвергающагося

такимъ опасностямъ для сбереженія немногихъ лѣтъ дряхлой жизни. Что же касается до д ѣ т е й, то онѣ могли бы быть воспитаны друзьями Сократа столь же хорошо послѣ его смерти, какъ и въ его отсутствіе. Вообще, нарушивъ законы отечества, Сократъ не только не найдетъ покровителей на землѣ, но встрѣтитъ мстителей и въ преисподней, потому что и тамъ подвергнется суду тѣхъ же самыхъ законовъ (53 В—54 С).

Г. *Заключеніе* (ἐπίλογος): гл. XVII.

Увлеченный такою рѣчью Законовъ, Сократъ говоритъ, что онъ никакимъ другимъ доводамъ внимать не можетъ, и что всякія дальнѣйшія возраженія со стороны Критона были бы совершенно напрасны (54 D—54 E).

ОСНОВНАЯ МЫСЛЬ И ЦѢЛЬ РАЗГОВОРА.

„Въ діалогѣ Κρίτων Платонъ (въ лицѣ Сократа) изслѣдуетъ вопросъ: *чѣмъ обязанъ руководствоваться гражданинъ, живя въ обществѣ, и каковы должны быть его отношенія къ отечественнымъ законамъ*. Эта тема имѣетъ въ виду два совершенно противуположныхъ понятія о *гражданскомъ договорѣ*.

Извѣстно, что греческіе софисты, слѣдуя мнѣнію Протагоры (см. выше § 23), почитали законы изобрѣтеніемъ правителей, независимо отъ нуждъ и внутренней природы лицъ, составляющихъ государство [1]), а потому учили, что люди соединяются въ общество только внѣшними условіями, т. е. частными выгодами, стремленіемъ къ безопасности, желаніемъ удовольствій и т. п. Представленіе общаго блага въ ихъ школахъ считалось мечтою; понятіе отечества, счастія, любви и дружбы опредѣлялось у нихъ матеріальными пользами. Что такое отечество? Это игорный домъ, отвѣчали они, въ которомъ всякій имѣетъ право стараться обыграть ближняго, въ которомъ все должно измѣряться внѣшнею свободою, не исключая и закона политическаго. Къ столь ужасной мысли приводилъ софистовъ, очевидно, эгоистическій взглядъ на жизнь. Эгоизмъ, по своему существу, есть врагъ общественныхъ связей, основывающихся на взаимной любви, довѣренности и общеніи граждань, т. е. на единствѣ ихъ природы, на тожествѣ ихъ законовъ и святости ихъ цѣлей въ сферѣ религіи. Онъ

---

[1]) Въ Плат. Πρωτ. 326 D софистъ Протагора называетъ законы ἀγαθῶν καὶ παλαιῶν νομοθετῶν εὑρήματα и ниже 337 D другой софистъ (Гиппія) говоритъ, что законъ, τύραννος ὢν τῶν ἀνθρώπων, πολλὰ παρὰ τὴν φύσιν βιάζεται. Напротивъ того хорошо говоритъ Демосѳенъ (κατὰ Ἀριστογ. 77, 4), ὅτι πᾶς ἐστὶ νόμος εὕρημα μὲν καὶ δῶρον θεοῦ, δόγμα δὲ ἀνθρώπων φρονίμων, ἐπανόρθωμα δὲ τῶν ἑκουσίων καὶ ἀκουσίων ἁμαρτημάτων, πόλεως δὲ συνθήκη κοινή, καθ' ἣν πᾶσι προσήκει ζῆν τοῖς ἐν τῇ πόλει. А еще лучше Цицеронъ (dē lēg. I 324): lēx est ratiō summa, insita in nātūrā, quae jubet ea, quae facienda sunt, prohibetqve contrāria (II, 323), qvae nōn tum dēniqve incipit lēx esse, cum scrīpta est, sed tum, cum orta est; orta autem simul est cum mente dīvīnā.

стремится расторгнуть эту нравственную цѣпь, въ которой одно кольцо держится другимъ, и само служитъ опорою для другого; ибо здѣсь нужно сердечное самопожертвованіе членовъ общества, а эгоизмъ и жертва суть вещи совершенно противоположныя.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на общество сынъ Софрониска. Понимая политическіе законы какъ выраженія потребностей, таящихся въ душѣ каждаго гражданина, какъ опредѣленія, произносимыя всѣми совѣстями и оправдываемыя всѣмы умами, онъ представлялъ себѣ государство собраніемъ лицъ, внутренно и охотно соединившихся для удобнѣйшаго достиженія тѣхъ согласныхъ съ назначеніемъ человѣка цѣлей, которыхъ никто, взятый отдѣльно, достигнуть не можетъ. Отечество, по разумѣнію Сократа, есть колоссъ, поднимаемый дружно милліонами рукъ; истина, осуществляемая сочетаніемъ безчисленныхъ понятій; прекрасное, воплощаемое гармоническимъ сіяніемъ различныхъ звуковъ, цвѣтовъ, или красокъ; добро, выражаемое стройными усиліями многообразныхъ дѣятельностей. Тутъ не можетъ быть ни общаго благоденствія безъ частныхъ трудовъ, ни частной пользы безъ общаго блага. Тутъ граждане, если можно сказать, не разъединяются силою центробѣжною, а собираются центростремительно; слѣдовательно, тутъ поприще не эгоизма, идущаго отъ центра къ периферіи, а непрестанной жертвы, стремящейся отъ периферіи къ центру. Значитъ, Сократъ, по своимъ началамъ, могъ бы назвать общество политическою планетою, на которой все—и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ ея—тяготѣетъ къ одному средоточію, чтобы вмѣстѣ съ нимъ вращаться вокругъ вѣчнаго Солнца, сообщающаго бытіе, жизнь и движеніе царствамъ и народамъ.

Такое то понятіе объ обществѣ великій нравоучитель Греціи прежде развивалъ всему юношеству, а теперь, за три дня до смерти, внушаетъ одному изъ своихъ друзей, Критону!

Изъ содержанія Сократовой бесѣды съ Критономъ видно, что цѣль ея —апологическая: сынъ Софрониска, и приговоренный къ смерти, и заключенный въ темницу, и доживавшій послѣдніе дни, и уже не ожидавшій ничего отъ земныхъ своихъ судей, тѣмъ не менѣе остается точнымъ исполнителемъ отечественныхъ законовъ и истиннымъ чтителемъ ихъ предписаній; а потому приговоръ, произнесенный надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ опаснымъ для общества, есть приговоръ неправды,—оскорбленіе, нанесенное тѣмъ самымъ законамъ, которые онъ всегда защищалъ. Такому взгляду на цѣль діалога не препятствуетъ то обстоятельство, что бѣжать изъ темницы убѣждаетъ Сократа не какой-нибудь политикъ или софистъ, а одинъ изъ его друзей, долженствовавшихъ знать строгія правила своего учителя и слѣдовать имъ. Критонъ и Сократъ изображаютъ намъ борьбу человѣка съ самимъ собою въ рѣшительныя минуты его жизни и вмѣстѣ показываютъ, что одна теорія добродѣтели не сдѣлаетъ никого добродѣтельнымъ, что вѣрное знаніе обязанностей гражда-

нина должно быть оправдываемо законною дѣятельностью, что справедливость какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ, необходимо равна сама себѣ. На эту то мысль и мѣтитъ слѣдующая иронія Сократа: ἢ πρὶν μὲν ἐμὲ δεῖν ἀποθνήσκειν καλῶς ἐλέγετο, νῦν δὲ κατάδηλος ἄρα ἐγένετο, ὅτι ἄλλως ἕνεκα λόγου ἐλέγετο, ἦν δὲ παιδιὰ καὶ φλυαρία ὡς ἀληθῶς (46 D)". (*Карповъ*).

11. Γοργίας (78 главъ).

Сократъ въ бесѣдѣ съ реторомъ-софистомъ Горгіею, съ его ученикомъ Поломъ и богатымъ Аѳиняниномъ Калликломъ излагаетъ свой взглядъ на реторику; по его мнѣнію реторика есть только обычный пріемъ удовлетворять чувствамъ, вовсе не имѣющій въ виду добра и справедливости, а между тѣмъ главною цѣлью всѣхъ нашихъ стремленій должна быть именно добродѣтель.

12. Εὐθύφρων (20 главъ).

Сократъ, бесѣдуя съ Эвѳифрономъ, раскрываетъ сущность святости и благочестія (ὁσιότης), одной изъ тѣхъ коренныхъ добродѣтелей, объ отношеніи и сродствѣ которыхъ рѣчь идетъ въ Протагорѣ. По характеру, формѣ и развитію бесѣды діалогъ „Эвѳифронъ" находится въ близкой связи съ „Лахетомъ" и „Хармидомъ".

13. Μένων [1]).

Въ бесѣдѣ Сократа съ ѳессалійскимъ юношею Менономъ, ученикомъ Горгіи, и съ аѳинскимъ политикомъ Анитомъ рѣшается вопросъ о добродѣтели. Діалогъ имѣетъ цѣлью показать превратность софистическихъ понятій о добродѣтели, невѣжество и слѣпоту политиковъ въ дѣлахъ, полезныхъ для общества, и наконецъ зависимость истинной добродѣтели отъ бога и способъ приближаться къ ней посредствомъ философскаго размышленія.

14. Ἱππίας Μείζων Гиппія Большій (30 главъ).

Гиппія, извѣстный всезнайка между софистами, бесѣдуетъ съ Сократомъ о прекрасномъ. Ни одно изъ предложенныхъ имъ опредѣленій не удовлетворяетъ Сократа; наконецъ, когда вопросъ о прекрасномъ остается нерѣшеннымъ, Гиппія съ неудовольствіемъ заявляетъ, что не слѣдуетъ человѣку высшаго полета тратить время на мелочную и совершенно безполезную критику.

II. Въ періодъ своихъ путешествій, особенно же въ бытность въ 66.
Мегарѣ Платонъ писалъ сочиненія, въ которыхъ подвергаетъ подробной критикѣ предшествующія и современныя философскія направленія, отстаиваетъ противъ Элеатовъ самостоятельность и реальность понятій (идей),

[1]) См. Менонъ, діалогъ Платона. Греческій текстъ съ непрерывными къ нему примѣчаніями, съ предисловіемъ и анализомъ *Н. Скворцова*. Москва, 1868.

и выясняетъ разницу между сущностью (знаніемъ) и явленіемъ (мнѣніемъ), между единствомъ и множественностью. Къ этому періоду относятся слѣдующіе діалоги:

15. Κρατύλος (44 главы).

Этотъ діалогъ весь посвященъ этимологіи и вообще языковѣдѣнію. Кратилъ, ученикъ Гераклита и Протагоры, учитель Платона, споритъ съ Гермогеномъ, младшимъ братомъ богача Калліи, о происхожденіи языка. Гермогенъ утверждаетъ, что слова ничто иное какъ условные знаки, придаваемые и отнимаемые по произвольному соглашенію; Кратилъ же, напротивъ, полагаетъ, что языкъ есть дѣло самой природы человѣка, что онъ произошелъ вслѣдствіе прирожденнаго человѣку стремленія выражать внѣшнія явленія подражающими имъ звуками и словами. За разрѣшеніемъ спора они обращаются къ Сократу.

Сократъ опровергаетъ мнѣніе Гермогена, будто языкъ есть продуктъ произвольнаго соглашенія, и доказываетъ, что Кратилъ правъ, говоря, что вещамъ даны имена отъ природы, и что не всякій человѣкъ можетъ быть образователемъ словъ, а лишь тотъ, кто способенъ выразить сущности вещей въ буквахъ и слогахъ, т. е. діалектикъ. Слова, по мнѣнію Сократа, суть только болѣе или менѣе точные отпечатки отъ самыхъ идей; они то и могутъ научить насъ великимъ истинамъ.

16. Θεαίτητος (44 главы).

Въ этомъ діалогѣ разсматривается сущность знанія. Сократъ опровергаетъ опредѣленія знанія, предлагаемыя Ѳеайтетомъ (знаніе есть ощущеніе; знаніе есть правильное мнѣніе; знаніе есть правильное мнѣніе съ объясненіемъ), но къ положительному результату не приходитъ, и сущность знанія остается повидимому неопредѣленною.

17. Σοφιστής (52 главы).

Діалогъ „Софистъ" раздѣляется на двѣ части. Въ первой Платонъ пытается опредѣлить понятіе или сущность софиста; „не малый трудъ," говоритъ Платонъ, „потому что это животное безпокойно и дается не легко." Софистъ похожъ на рыболова, съ тою лишь разницею, что софистъ охотится на молодыхъ и знатныхъ людей, коихъ приманиваетъ къ себѣ мнимою наукою о добродѣтели, получая за то значительное денежное вознагражденіе; онъ подобенъ торгашу, который или закупаетъ поддѣльный товаръ у другихъ, или производитъ его самъ, и затѣмъ разноситъ его по городамъ; онъ воинъ: мечомъ ему служитъ языкъ, которымъ онъ вѣчно воюетъ за правду и неправду, и притомъ изъ-за денегъ. Притязая на всеобщее знаніе, софистъ берется разсуждать обо всемъ на свѣтѣ; онъ, подобно искусному живописцу, заставляетъ слушателей принимать видъ предмета за самый предметъ и такимъ образомъ

похищаетъ сердца у юношей, обманывая ихъ чувства и скрывая собственное невѣжество подъ облакомъ словъ.—Вторая часть „Софиста" посвящена разсужденію о мнимомъ или кажущемся знаніи и о діалектикѣ, какъ искусствѣ, занимающемся дѣленіемъ и соединеніемъ понятій (διαίρεσις или κοινωνία τῶν γενῶν).

18. Πολιτικός (48 главъ).

Рѣчь идетъ о задачѣ истиннаго правителя. По мнѣнію Платона, онъ долженъ соединять въ своемъ лицѣ философа или, по крайней мѣрѣ, долженъ быть проникнутъ истиннымъ философскимъ духомъ и поэтому долженъ стоять выше всякаго закона.

19. Παρμενίδης (27 главъ).

Въ этомъ діалогѣ представлена бесѣда молодого Сократа съ двумя знаменитѣйшими философами элейской школы, старцемъ Парменидомъ и ученикомъ его, юнымъ Зенономъ, прибывшими въ Аѳины на празднество великихъ Панаѳеней. Въ бесѣдѣ ихъ обсуждается трудность пониманія элеатскихъ положеній, что „все есть едино" (Парменидъ) и „ничто не есть многое" (Зенонъ). Сократъ находитъ, что оба положенія разны только по формѣ, но въ сущности утверждаютъ одно и то-же. Въ связи съ этимъ Сократъ излагаетъ ученіе объ идеяхъ (ключъ Платоновой философіи, см. ниже § 68). Старый философъ, Парменидъ, указываетъ на нѣкоторыя темныя стороны этого ученія и совѣтуетъ Сократу изучить этотъ вопросъ всесторонне, обращая должное вниманіе также на мнѣнія противника, для чего и слѣдовало бы ему заняться діалектикою (логикою), которая, выясняя чрезъ анализъ и синтезъ изъ массы неопредѣленныхъ и смутныхъ представленій точныя понятія, можетъ научить его отдѣлять идеальное отъ ощутимаго; она то и есть необходимое упражненіе для молодого философа, хотя большинство людей считаетъ ее пустою болтовнею.

III. Въ сочиненіяхъ, написанныхъ Платономъ въ послѣдній періодъ 67.
его жизни, разсматривается отношеніе человѣка къ идеямъ и идей къ чувственному міру, т. е. теорія человѣческаго познанія (діалектика) и дѣйствованія (эѳика), и излагается ученіе о созданіи и устройствѣ видимаго міра (физика). Сюда относятся совершеннѣйшія по содержанію и по формѣ произведенія Платона.

20. Φαῖδρος (64 главы).

Сократъ встрѣчаетъ молодаго Федра, идущаго отъ ретора Лисіи и несущаго подъ плащемъ рукопись рѣчи, слышанной имъ утромъ отъ Лисіи. Сократъ приглашаетъ Федра прочесть ему эту рѣчь, на что Федръ послѣ нѣкотораго колебанія соглашается. Они находятъ себѣ уютное мѣстечко подъ тѣнистымъ платаномъ на берегу рѣки Илисса, и Федръ читаетъ рѣчь о любви. Сократъ съ ироніею замѣчаетъ, что восхищенъ складностью только что

прочитанной рѣчи, и проситъ дозволить ему сказать, въ пополненіе рѣчи Лисіи, нѣсколько словъ на ту же тему. Затѣмъ вдохновенный, какъ онъ говоритъ, мѣстнымъ геніемъ, Сократъ произноситъ рѣчь въ шутливо-героическомъ тонѣ, въ которой изображаетъ самообольщеніе и страсть любовника; но скоро спохватывается и высказываетъ опасеніе за свои собственныя слова: внутренній голосъ говоритъ ему, что онъ оскорбилъ Эрота, не назвавши его даже и божествомъ. Чтобы исправить свою оплошность, Сократъ произноситъ новую рѣчь о любви, но уже въ серьезномъ тонѣ, называя любовь однимъ изъ величайшихъ благъ, дарованныхъ небомъ человѣку. Въ концѣ рѣчи Сократъ критикуетъ современную реторику. Первыми условіями правильнаго разсужденія онъ признаетъ истину и точныя опредѣленія; сочиненія же, подобныя рѣчи Лисіи, не удовлетворяютъ ни тому, ни другому требованію, и реторика, несомнѣнно вліяя на молодое поколѣніе, мало способствуетъ развитію ораторскаго искусства, зависящаго болѣе отъ природнаго таланта оратора, нежели отъ какихъ нибудь правилъ. Исключительное и притомъ отрадное явленіе между современными реторами представляетъ собою, по словамъ Сократа, только Исократъ, юноша многообѣщающій и совершенно иного духовнаго склада, чѣмъ Лисія и др. реторы.

21. Μενέξενος (22 главы).

Менексенъ разсказываетъ Сократу, что въ аѳинскомъ совѣтѣ (βουλή) рѣшено было избрать на слѣдующій день оратора, который бы произнесъ похвальное слово павшимъ въ сраженіи воинамъ; онъ полагаетъ, что трудно будетъ приготовить такую рѣчь по причинѣ краткости срока. Сократъ съ этимъ не соглашается и говоритъ, что можетъ сейчасъ, безъ приготовленія, сказать такую рѣчь, что и дѣлаетъ.—Цѣль діалога доказать неосновательность упрека, дѣлаемаго школѣ Сократа въ томъ, что изъ нея не выходятъ никакіе ораторы.

22. Συμπόσιον (39 главъ).

Цѣль этого діалога выяснить сущность любви. Платонъ вводитъ насъ въ домъ трагическаго поэта Агаѳона, на пиръ, устроенный хозяиномъ дома по случаю побѣды, одержанной имъ въ драматическихъ состязаніяхъ. Въ качествѣ гостей присутствуютъ молодой поэтъ Федръ, историкъ Павсанія, комическій поэтъ Аристофанъ, врачъ Эриксимахъ, наконецъ Сократъ съ постояннымъ спутникомъ своимъ Аристодемомъ. Послѣ обѣда, когда пирующіе совершили обычныя возліянія и пропѣли пеанъ, Павсанія предлагаетъ, чтобы каждый изъ гостей по очереди сказалъ рѣчь въ похвалу Эрота. Предложеніе это принимается. Рѣчи на данную тему произносятъ Федръ, Павсанія, Эриксимахъ, Аристофанъ, Агаѳонъ и наконецъ Сократъ; по мнѣнію послѣдняго любовь состоитъ въ стремленіи къ усовершенію себя и другихъ въ добродѣтели и мудрости. Послѣ рѣчи Сократа входитъ въ столовую съ веселою толпою охмѣлѣвшихъ товарищей Алкибіадъ и, принявъ участіе въ бесѣдѣ, произноситъ

рѣчь, въ которой изображаетъ и прославляетъ добродѣтельную жизнь Сократа. Пиръ заканчивается шумною попойкою.

23. Φαίδων (66 главъ).

Федонъ (см. выше § 51) трогательнымъ образомъ разсказываетъ Эхекрату (§ 10) о послѣднихъ минутахъ жизни Сократа. Когда онъ съ нѣсколькими друзьями (Аполлодоромъ, Кебетомъ, Симміею, Критономъ) пришелъ въ темницу, они нашли Сократа, только что освобожденнаго отъ оковъ, и сидѣвшую подлѣ него жену Ксанѳиппу, съ ребенкомъ на рукахъ. Увидѣвъ вошедшихъ, Ксанѳиппа заплакала и сказала: „О Сократъ, теперь въ послѣдній разъ ты будешь бесѣдовать съ своими друзьями, а они съ тобою“. Сократъ обратился къ Критону и сказалъ: „Пусть кто нибудь отведетъ ее домой.“ Тогда слуги Критоновы отвели ее, плачущую и біющую себя въ грудь.

Затѣмъ Сократъ спокойно бесѣдуетъ съ друзьями. Рѣшивъ вопросъ, почему человѣкъ не долженъ налагать на себя рукъ и ускорять свой конецъ, Сократъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ безсмертія и вѣчности души. Смерть есть, по мнѣнію Сократа, счастливое освобожденіе души отъ тѣла; вся жизнь есть лишь приготовленіе къ смерти; мудрый человѣкъ съ радостью покидаетъ землю, гдѣ высшіе и чистѣйшіе помыслы его развлечены заботами, страстями и присущими тѣлу болѣзнями. Нечего бояться, что наши души, по отрѣшеніи отъ тѣла, разсѣются какъ воздухъ или паръ; наши души должны возродиться снова, и какъ жизнь переходитъ въ смерть, такъ, по круговращенію противоположностей въ природѣ (засыпаніе и пробужденіе, оживаніе и умираніе), смерть должна переходить въ жизнь; въ противномъ случаѣ все перейдетъ въ одинъ и тотъ-же видъ, и движеніе прекратится. Въ нашей душѣ есть сокровенныя силы мысли—идеи, намъ не прирожденныя и не пріобрѣтаемыя опытомъ; эти идеи, зародыши знанія, пробуждаются въ нашей душѣ ученіемъ; ученіе же есть ничто иное, какъ припоминаніе; но припоминать значитъ воскрешать въ памяти то, что мы когда-то знали, но только забыли. Отсюда ясно, что душа не только существовала въ мірѣ прежнемъ, но еще существовала съ тѣми идеями, которыя пробуждаются въ ней теперь.—Только смертная, тѣлесная часть насъ умираетъ, а душа, невидимая, безсмертная, отходитъ въ невидимый, вѣчный міръ. По смерти настаетъ судъ; геній каждой души ведетъ ее многими извилистыми путями къ мѣсту общаго судилища. Душа нечистая, боясь сойти въ подземное царство, скитается въ видѣ безпокойнаго призрака по землѣ, и только по истеченіи извѣстнаго срока уносится въ указанное ей мѣсто; чистая же душа, украшенная доблестями, живетъ въ вѣчномъ блаженствѣ, свободномъ отъ заблужденій, страстей и всѣхъ другихъ бѣдъ человѣчества.

Послѣ этой торжественной и знаменательной бесѣды Критонъ спрашиваетъ Сократа, не дастъ ли онъ друзьямъ какихъ нибудь порученій. Фило-

софъ отвѣчаетъ, что заботящійся о своей душѣ, т. е. приготовляющійся къ блаженной жизни за гробомъ, сдѣлаетъ и безъ порученія все и для всѣхъ, а не заботящійся объ этомъ, хотя бы и поручали ему, не сдѣлаетъ ничего и ни для кого; относительно же погребенія Сократъ шутливо упрекаетъ Критона, что бесѣда о безсмертіи души не убѣдила его видѣть въ умершемъ учителѣ не Сократа, а только тѣло Сократово; потомъ, обращаясь къ другимъ ученикамъ, говоритъ: Критонъ поручился судьямъ, что я не уйду изъ темницы; теперь вы поручитесь ему, что я уйду изъ этого бреннаго тѣла.

Послѣ того онъ удаляется въ другую комнату для омовенія; къ нему приводятъ дѣтей; онъ дѣлаетъ имъ наставленія и, простившись, отпускаетъ ихъ. Потомъ возвращается къ ученикамъ и, не смотря на увѣреніе Критона, что солнце еще не совсѣмъ зашло, приказываетъ подать себѣ чашу съ ядомъ. „Сократъ принялъ ее и съ видомъ чрезвычайно спокойнымъ, безъ малѣйшаго трепета, не измѣнившись ни въ цвѣтѣ, ни въ лицѣ, но по обыкновенію пристально посмотрѣвъ на слугу, спросилъ: что думаешь ты объ этомъ напиткѣ? можно ли имъ сдѣлать возліяніе какому нибудь божеству или нѣтъ?—Тотъ отвѣтилъ: Мы приготовляемъ лишь столько, сколько намъ кажется достаточнымъ для нашей цѣли.—Понимаю, говоритъ Сократъ; но вѣдь молить боговъ о благоразумномъ переселеніи отсюда туда и позволительно и должно; такъ вотъ я и молюсь, чтобы такъ было. Сказавъ это, онъ въ то-же время поднесъ чашу къ устамъ и безъ всякаго принужденія, весьма легко выпилъ ее. До этой минуты многіе изъ насъ кое-какъ могли удержаться отъ слезъ; но когда мы увидѣли, что онъ пьетъ, что онъ выпилъ, то уже не въ силахъ были владѣть собою; у меня самого насильно и ручьями полились слезы, такъ что я закрылся плащемъ и оплакивалъ свою участь,—да, именно свою, а не его, потому что я лишался такого друга. Критонъ же еще раньше меня всталъ, чувствуя себя не въ силахъ удерживать слезы; а Аполлодоръ, какъ прежде не переставалъ плакать, такъ и теперь своимъ рыданіемъ и воплями тронулъ всѣхъ присутствующихъ, но не Сократа.—Что вы дѣлаете, странные люди, сказалъ онъ; я именно для того удалилъ женщинъ, чтобы онѣ не произвели чего нибудь подобнаго, ибо слыхалъ, что слѣдуетъ умирать въ покоѣ; итакъ будьте спокойны и терпѣливы.—Услыхавъ это, мы устыдились и сдержали слезы; а онъ ходилъ и, почувствовавъ, что его ноги отяжелѣли, легъ навзничь, какъ совѣтовалъ ему слуга. Тогда слуга, подавшій ядъ, ощупывая Сократа, нѣкоторое время наблюдалъ его ноги и бедра; потомъ сильно сжалъ ему ногу и спросилъ, чувствуетъ ли онъ. Сократъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Тотъ ощупывалъ бедра и, восходя такимъ образомъ выше, показывалъ намъ, какъ онъ холодѣетъ и вытягивается. Сократъ и самъ осязалъ себя и сказалъ, что, когда дойдетъ ему до сердца, то онъ умретъ. Между тѣмъ начали холодѣть у него уже нижнія части живота; тогда, раскрывшись (ибо былъ покрытъ), онъ сказалъ (это были его послѣднія слова): Критонъ, мы должны Асклепію пѣтуха;

не забудьте отдать его [1]).—Будетъ сдѣлано, сказалъ Критонъ; но подумай, не имѣешь ли сказать еще что нибудь?—На этотъ вопросъ уже не было отвѣта; но немного спустя онъ вздрогнулъ. Тогда слуга раскрылъ его: глаза его были неподвижны. Видя это, Критонъ закрылъ ему ротъ и глаза.

Таковъ былъ конецъ нашего друга, Эхекратъ, человѣка, можно сказать, самаго лучшаго, какъ между извѣстными намъ его современниками, такъ и вообще мудрѣйшаго и справедливѣйшаго".

24. Φίληβος (42 главы).

Діалогъ Филебъ принадлежитъ къ глубокомысленнѣйшимъ и художественнѣйшимъ произведеніямъ древней философіи. Въ немъ рѣшается вопросъ: въ чемъ состоитъ истинное благо человѣческое? Показавъ, что удовольствіе и благо не одно и тоже (какъ думаетъ Филебъ), Сократъ представляетъ главные отличительные признаки истиннаго блага; оно должно быть совершенно, вполнѣ удовлетворительно и для всѣхъ одинаково вожделѣнно (τελεόν, ἱκανόν, πᾶσιν αἱρετόν). Судя по этимъ признакамъ ни удовольствіе, ни познаніе, взятыя порознь, не составляютъ истиннаго блага, а могутъ быть таковымъ только тогда, когда оба находятся вмѣстѣ. Отсюда является необходимость соединенія этихъ двухъ элементовъ человѣческаго существа въ одну полную и совершенную жизнь по общему закону смѣшенія, по которому все существующее въ мірѣ (физическомъ и нравственномъ) состоитъ изъ смѣшенія различныхъ элементовъ, опредѣляемаго производящею его разумною причиною. Элементы, которые должны входить составными для произведенія человѣческаго счастія, суть познаніе и удовольствіе. Только въ жизни, представляющей правильное и соразмѣрное соединеніе этихъ элементовъ, заключается истинное счастіе и совершенное благо человѣка. Изъ сравненія познанія и удовольствія съ основными и существенными свойствами блага само собою открывается преимущество перваго надъ послѣднимъ; это ясно представляется изъ изображенной въ концѣ діалога постепенной лѣстницы благъ и отношенія ихъ къ идеѣ абсолютнаго блага.

25. Πολιτεία (10 книгъ).

Въ этомъ обширномъ сочиненіи своемъ Платонъ начертываетъ образецъ идеальнаго государства. Сначала опредѣляется сущность справедливости, какъ основнаго принципа государственной жизни. Затѣмъ рѣчь идетъ о томъ, какъ возникаетъ государство, каково должно быть воспитаніе гражданъ и кого слѣдуетъ избирать въ правители. Подобно тому какъ въ

---

[1]) У Грековъ былъ обычай приносить по выздоровленіи жертву богу врачебнаго искусства, Асклепію (Эскулапію); Сократъ выздоровленіемъ считалъ свою смерть.

добродѣтельномъ человѣкѣ находятся въ гармоніи всѣ силы и способности души, такъ и благоустроенное государство должно представлять собою гармоническое сочетаніе всѣхъ своихъ элементовъ; оно должно поддерживаться четырьмя высшими силами (добродѣтелями): мудростью, коею должны обладать правители; храбростью, которая должна быть развиваема въ воинахъ разумнымъ воспитаніемъ; разсудительностью, которая должна внушать гражданамъ одинаковыя убѣжденія и поддерживать общественную гармонію; и наконецъ справедливостью, долженствующею научать людей дѣлать каждаго свое дѣло и не вмѣшиваться въ дѣла другихъ. Государствомъ должны править философы, какъ люди свѣдущіе въ высшихъ областяхъ знанія (въ ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи, діалектикѣ) и поэтому наиболѣе подготовленные къ дѣлу правленія. Тимократія (владычество богатыхъ и честолюбивыхъ), олигархія, демократія и охлократія (господство черни) представляютъ собою лишь разныя ступени упадка государственнаго строя.

26. Τίμαιος [1]) (44 главы).

Діалогъ, названный именемъ Пиѳагорейца Тимея (см. § 10), заключаетъ въ себѣ глубокомысленный разсказъ о созданіи міра, о сотвореніи человѣка, объ устройствѣ человѣческаго тѣла, о болѣзняхъ, происходящихъ отъ разстройства тѣлеснаго организма, о вліяніи физическихъ болѣзней на душу, о средствахъ противъ болѣзней; наконецъ разсказывается о сотвореніи остальныхъ животныхъ, между которыми низшую ступень занимаютъ рыбы.

27. Κριτίας (12 главъ).

Діалогъ этотъ, дошедшій до насъ въ неоконченномъ видѣ, содержитъ эпическій разсказъ о войнѣ, которую вели древніе Аѳиняне съ Атлантидою, миѳическимъ островомъ, лежавшимъ противъ пролива, называемаго Геракловыми столбами. Аѳиняне одержали побѣду; но въ теченіе одного дня и одной ночи какъ побѣдители, такъ и побѣжденные исчезли вслѣдствіе наступившаго землетрясенія и потопа: земля разверзлась и поглотила всѣхъ аѳинскихъ воиновъ, а Атлантида опустилась въ море [2]).

---

[1]) Одноименное сочиненіе Цицерона „Tīmaeus“, свободный переводъ Платонова Τίμαιος, дошелъ до насъ въ неполномъ видѣ.

[2]) Предположеніе о существованіи обширной страны на далекомъ западѣ относится къ очень глубокой древности. См. также Плат. Τίμ. 24 сл. — Ученые новѣйшаго времени склоняются къ тому мнѣнію, что острова, расположенные въ Атлантическомъ океанѣ отъ береговъ Африки до Мексическаго залива суть остатки потопленнаго материка или, по крайней мѣрѣ, болѣе значительнаго числа большихъ острововъ, которые нѣкогда дѣлали возможнымъ сообщеніе между Европою и Америкою. Американскій ученый Ignatius Donnelly (Atlantis: the antediluvian world. New-York 1882) принимаетъ сказаніе Платоново объ Атлантидѣ за достовѣрный историческій фактъ.

28. Νόμοι (12 книгъ).

Въ этомъ позднѣйшемъ и обширнѣйшемъ сочиненіи Платона ведется бесѣда между тремя стариками, Аѳиняниномъ, Спартанцемъ и Критяниномъ, встрѣтившимися на дорогѣ къ храму Дія въ Кноссѣ на о-вѣ Кретѣ и обсуживающими формы правленія своихъ государствъ.

Платонъ излагаетъ здѣсь патріархальную теорію происхожденія государства, по которой отдѣльныя семьи сливаются и образовываютъ племя, а соединившіяся племена составляютъ государство; тогда то и является надобность въ законахъ и въ извѣстной формѣ правленія. Подробному изложенію этихъ законовъ, равно какъ и обстоятельному обсужденію формы правленія посвящена большая часть настоящаго діалога.

Неподлинными считаются слѣдующіе діалоги:

29. Ἀλκιβιάδης ὁ δεύτερος или о молитвѣ (14 главъ).

30. Ἵππαρχος или о корыстолюбіи.

31. Ἀντερασταί или объ истинной философіи (8 главъ).

32. Θεάγης или о мудрости (13 главъ).

33. Κλειτοφῶν (7 главъ).

34. Μίνως или о законѣ (16 главъ).

35. Τίμαιος ὁ Λοκρὸς περὶ ψυχᾶς κόσμου καὶ φύσιος (17 гл.). 36. Ἐπινομίς (13 главъ).— 37. Ὅροι.—38. Περὶ δικαίου.—39. Περὶ ἀρετῆς.—40. Δημόδοκος.—41. Σίσυφος. —42. Ἀλκυών. —43. Ἐρυξίας. —44. Ἀξίοχος.— 45. Ἐπιστολαί (числомъ 17) [1]).

---

[1]) Новопиѳагореецъ Ѳрасиллъ (жившій во времена императора Тиберія) расположилъ діалоги Платона по 9 тетралогіямъ въ слѣдующемъ порядкѣ:
1. Эвѳифронъ, Апологія Сократа, Критонъ, Федонъ;
2. Кратилъ, Ѳеайтетъ, Софистъ, Политикъ;
3. Парменидъ, Филебъ, Пиръ, Федръ;
4. Алкибіадъ I, Алкибіадъ II, Гиппархъ, Соперники (ἀντερασταί);
5. Ѳеагъ, Хармидъ, Лахетъ, Лисидъ;
6. Эвѳидемъ, Протагора, Горгія, Менонъ;
7. Гиппія Большій, Гиппія Меньшій, Іонъ, Менексенъ;
8. Клитофонтъ, Государство, Тимей, Критія;
9. Миной, Законы, Послѣзаконіе (Ἐπινομίς), Письма.

Остальные діалоги Ѳрасиллъ считаетъ подложными.

68. Платону принадлежитъ заслуга, что онъ, въ противоположность прочимъ Сократовцамъ и ихъ школамъ (см. выше § 49—53), соединилъ различныя стороны Сократова ученія съ положительными элементами другихъ ученій въ одну полную философскую систему. Существенное различіе между философіею Сократа и Платона заключается въ томъ, что въ философіи Сократа практическій интересъ отстоять нравственность и найти для нея твердыя основанія преобладаетъ надъ теоретическимъ интересомъ философскаго познанія, у Платона же теоретическій мотивъ построить цѣлое законченное міросозерцаніе, если и не преобладаетъ надъ практическимъ, то, во всякомъ случаѣ, находится въ равновѣсіи. Что же касается до отношенія Платона къ философамъ предшествующаго, космологическаго періода, то онъ старался ученіемъ своимъ примирить результаты ихъ натуралистической философіи съ тѣми новыми требованіями, которыя поставлены были раціоналистами-софистами.

69. Эту цѣль—примирить разладъ между природою и духомъ, между сознаніемъ внѣшняго міра и внутреннимъ самосознаніемъ—имѣло Платоново ученіе объ идеяхъ, составляющее средоточіе всей его философіи. Признавая съ Гераклитомъ (см. выше § 6), что всѣ ощутимые предметы измѣнчивы и преходящи, и допуская вмѣстѣ съ Элеатами (§ 11), что реально и истинно лишь единое, неизмѣнное бытіе, Платонъ соединяетъ эти двѣ теоріи и учитъ, что для каждой чувственно воспринимаемой вещи существуетъ своя вѣчная идея, свой первообразъ или прототипъ (ἰδέα, εἶδος), что каждая вещь видимаго міра есть только преходящій отпечатокъ, образъ или подобіе (παράδειγμα, εἴδωλον, ὁμοίωμα) этой вѣчной и неизмѣнной идеи. Такимъ образомъ рядомъ съ матеріальнымъ міромъ Платонъ представлялъ себѣ еще другой, духовный міръ, міръ чистыхъ и совершенныхъ формъ или идей, недоступный чувствамъ и постигаемый только разумомъ. Притомъ каждая идея сама въ себѣ отдѣльна, самобытна (αὐτὸ καθ' αὑτό) и соотвѣтствуетъ какому нибудь предмету видимаго міра, которому удѣляетъ часть своей собственной божественной сущности (κοινωνία) и какъ-бы въ немъ присутствуетъ (παρουσία). Идеи состоятъ между собою во взаимномъ подчиненіи, подобно тому какъ низшее понятіе заключается въ высшемъ (понятіе о дубѣ въ понятіи о деревѣ, понятіе о деревѣ въ понятіи о растеніи и т. д.). Такимъ образомъ онѣ составляютъ стройную вереницу, причемъ, однакоже низшія изъ нихъ существуютъ совершенно независимо отъ высшихъ [1]).

[1]) Платоновскія идеи соотвѣтствуютъ общимъ понятіямъ, родамъ и видамъ нашей логики. То, что дѣлаетъ столъ столомъ, человѣка человѣкомъ—Платонъ

Высшею идеей, заключающею въ себѣ всѣ остальныя идеи, есть идея добра; она есть солнце идей, послѣдняя причина, начало и конецъ всего существующаго, она есть само божество. „Богъ есть высочайшая идея, содержащаяся во всѣхъ прочихъ идеяхъ и ихъ въ себѣ содержащая". Къ этой идеѣ должны быть направлены вся наша дѣятельность, всѣ наши помыслы и стремленія. Въ познаніи ея и заключается высшее человѣческое благо (εὐδαιμονία).

Видимый міръ созданъ богомъ по образу міра идей и устроенъ 70.
гармонически въ видѣ шара, съ круговымъ движеніемъ и съ находящеюся въ центрѣ его всеміpною душею. Время есть только образъ вѣчности.—Человѣкъ, какъ средоточіе смертныхъ существъ, душою принадлежитъ идеальному міру, а тѣломъ міру чувственному. Онъ одаренъ разумомъ, которымъ стремится къ познанію истины, къ міру идеальному; но одаренъ также страстями и похотями, которыя побуждаютъ его искать цѣли жизни въ мірѣ чувственномъ. Только тѣ, которые, идя по пути добродѣтели, стремятся къ познанію сущности вещей, къ высшему благу міра идеальнаго, могутъ считаться истинными философами; имъ-то и должно принадлежать господство на землѣ.

Нельзя не упомянуть также о заслугахъ Платона относительно 71.
математики. Платонъ своимъ ученіемъ совершенно почти вытѣснилъ господствовавшее мнѣніе о безполезности изученія математики и возвелъ въ правило, что изученіе математики необходимо для всякаго образованнаго человѣка (τοῖς ἐλευθέροις), и что для каждаго философа необходимо прежде всего быть основательно знакомымъ съ математическими науками (μαθήματα). Занятіе ими, говоритъ онъ, отвлекаетъ умъ человѣка отъ всего матеріальнаго и дѣлаетъ его способнымъ понимать идеальное. Воззрѣнія

называетъ его идеею. По его мнѣнію, мы достигаемъ идеи предмета, отстраняя его индивидуальныя отличія; идея есть общая сущность одноименнаго. Но идею не должно принимать за произведеніе отвлекающаго ума, за простое представленіе: она существуетъ въ дѣйствительности, имѣетъ реальность, и, между тѣмъ какъ отдѣльные предметы, напр. животныя, исчезаютъ, умираютъ, —общее (сущность или понятіе животнаго) остается. Поэтому идея, хотя не воспринимается внѣшними чувствами, но собственно есть настоящее реальное; она одна есть существенное, τὸ ὄντως ὄν, οὐσία, αὐτὸ καθ' αὑτό, и отдѣльные предметы существуютъ только потому, что къ ней принадлежатъ. Поэтому справедливо говорятъ, что понятія не дѣлаются, не создаются, но открываются въ самыхъ предметахъ.

Платона на математику разсѣяны главнымъ образомъ въ діалогахъ Νόμοι (VII, 817 E—822 C), Πολιτεία (VII, 521 C—531 C) и Ἐπινομίς (989 E сл.).

Въ числѣ членовъ аѳинской Академіи мы находимъ: изъ старыхъ математиковъ Архиту (см. §§ 10, 56 и 58) и Ѳеайтета; изъ молодыхъ сверстниковъ Платона: Леонта Византійскаго, Эвдокса Книдскаго, Аминту Гераклійскаго, Менайхма, Филиппа Опунтскаго, Автолика, Спевсиппа, Ксенократа, Аристотеля и многихъ другихъ.

Платону обязана своимъ развитіемъ особенно стереометрія, которая до него далеко отстала отъ планиметріи. Изслѣдованія его ученика *Менайхма* привели къ открытію коническихъ сѣченій, т. е. кривыхъ, получаемыхъ пересѣченіемъ конуса плоскостью. Въ теченіе одного столѣтія послѣ Платона теорія этихъ кривыхъ такъ высоко была развита, что въ новѣйшее время геометры къ этой теоріи ничего не прибавили. Другая заслуга Платона состоитъ въ томъ, что онъ первый облекъ геометрію въ строго-логическую форму; онъ первый ввелъ въ математическія изслѣдованія аналитическій методъ и тѣмъ далъ ей болѣе широкое развитіе [1]).

72. Дѣленіе философіи на три части физику (философію природы), діалектику (теорію познанія, логику, метафизику) и эѳику, хотя и принятое Платономъ въ принципѣ, формально установлено только ученикомъ его Ксенократомъ. Діалектикѣ посвящены діалоги „Ѳеайтетъ", „Софистъ" и „Парменидъ;" весьма важныя данныя о ней встрѣчаются также въ „Государствѣ" (VII, 531 B—536 C), имѣющемъ своимъ предметомъ эѳику и основанную на ней общественную жизнь [2]).

---

[1]) См. *М. Е. Ващенко-Захарченко*: Истор. очеркъ развитія геометріи, стр. 42—61.—Срв. выше §§ 3 (прим.), 8 (прим.), 10 (прим. 2), 26 (прим. 1).

[2]) *Физика* Грековъ (φυσική, т. е. ἐπιστήμη) обнимала собою всѣ естественныя науки. Начавшись съ геологіи, она обнимала не только нашу физику и физіологію, минералогію, ботанику и зоологію, но также астрономію и математику. Даже ѳеологія составляла часть физики, потому что богопознаніе ихъ истекало изъ разсматриванія и изслѣдованія природы, и душа міра во многихъ философскихъ системахъ принималась за божество. Но задолго прежде нежели эту первую часть *Платонъ* и преимущественно *Аристотель* привели къ нѣкоторой полнотѣ, образовалась уже и вторая главная часть греческой философіи—*діалектика*, развитая особенно софистами. Вначалѣ діалектика означала искусство вести пренія, которымъ особенно отличались Аѳи-

Философская школа Платона, **Академія** (см. выше § 57), впослѣдствіи раздѣлилась, сообразно различнымъ направленіямъ ея послѣдователей, на нѣсколько школъ, извѣстныхъ подъ именами древнѣйшей, средней и новѣйшей Академій.

I. Къ древнѣйшей Академіи принадлежали *Спевсиппъ* Аѳинскій, племянникъ Платона и преемникъ его въ преподаваніи философіи въ аѳинской Академической гимназіи (347—339), *Ксенократъ* Халкедонскій (396—315), преемникъ Спевсиппа (339—314), *Полемонъ* Аѳинскій, бывшій 44 года (314—270) преподавателемъ въ Академіи. За нимъ слѣдовали *Кранторъ*, уроженецъ города Солъ (Σόλοι) въ Киликіи, и *Кратетъ* (Κράτης) Аѳинскій.

Изъ другихъ членовъ древней Академіи наиболѣе замѣчательны: *Гермодоръ*, распространившій ученіе Платона въ Сициліи и написавшій книгу περὶ Πλάτωνος, *Гераклидъ* Понтійскій (см. § 58), *Филиппъ* Гераклійскій и др.

II. Главными представителями средней (второй и третьей) Академіи были:

1. *Аркесилай* (Ἀρκεσίλαος) родомъ изъ Питаны въ Этоліи (316—241), ученикъ Полемона, замѣчательный діалектикъ. По смерти Кратета онъ сдѣлался главою Академіи и училъ до глубокой старости. Аркесилай возвратился къ діалогическому методу Сократа и боролся съ догматис-

---

няне (см. §§ 35 и 60). Это искусство естественно привело къ наблюденіямъ надъ законами языка и мышленія, къ грамматикѣ и логикѣ, къ которымъ впослѣдствіи присоединилась и *метафизика*, занимающаяся вообще принципами человѣческаго познанія; поэтому діалектика (διαλεκτική, т. е. ἐπιστήμη) въ обширномъ смыслѣ обнимала нашу логику и метафизику, грамматику, реторику (стилистику) и поэтику (эсѳетику). Эту часть философіи обработалъ окончательно также *Аристотель*. Третья главная часть, *эѳика*, обнимала не только то, что и мы называемъ также эѳикою (нравственностью, моралью), но совершенно основательно причисляли къ ней и политику, науку устроенія и правленія государства, потому что эѳика осуществляется также и въ государствѣ. Отецъ эѳики (ἠθικὴ ἐπιστήμη)—Сократъ. Срв. Cic. Tūsc. V, 4.

Изъ этого видно, что Греки подъ философіею понимали совокупность всѣхъ извѣстныхъ имъ наукъ. Въ этомъ смыслѣ и опредѣляетъ Цицеронъ (Dē off. II, 2) философію (studium sapientiae) какъ rērum dīvīnārum et hūmānārum causārumqve qvibus hae rēs continentur scientia. Срв. Acad. I, 5 и Dē ōrāt. I, 15, 68.

момъ стоической школы, основатель которой, Зенонъ (см. § 53), былъ товарищемъ Аркесилая по Академіи.

Аркесилай въ своемъ ученіи дошелъ до отрицанія всякихъ твердыхъ основъ для знанія и утверждалъ, что достаточныхъ признаковъ, по которымъ истина могла бы быть отличаема отъ лжи, не существуетъ; поэтому на мѣсто истиннаго онъ ставилъ вѣроятное (Cic. Dê ôr. III, 18, 67).— Преемникомъ Аркесилая въ Академіи былъ *Лакидъ* Киренскій (241—215).

2) *Карнеадъ* (Καρνεάδης) изъ Кирены (214—129) былъ основателемъ третьей Академіи. Прибывши въ качествѣ аѳинскаго посла въ 155 году до Р. Х. въ Римъ, Карнеадъ (вмѣстѣ съ перипатетикомъ Критолаемъ и стоикомъ Діогеномъ) положилъ здѣсь начало серьезному занятію философіею (Cic. Dê ôr. II, 37, 155; III, 18, 68; Tûsc. IV, 3, 5). Карнеадъ стоялъ во главѣ Академіи отъ 162 до 129 г. до Р. Х.—Изъ многочисленныхъ учениковъ его самымъ знаменитымъ былъ *Клитомахъ.*

Ученіе академиковъ Аркесилая и Карнеада приближается уже къ скептицисму.

III. Къ новѣйшей (четвертой и пятой) Академіи, возвратившейся къ прежнему догматисму, принадлежали *Филонъ* изъ Лариссы, ученикъ и преемникъ Клитомаха, другъ Цицерона [1]), основатель четвертой Академіи; и *Антіохъ* изъ Аскалона, ученикъ Филона, учитель Варрона, Брута, Цицерона [2]) и Аттика, основатель пятой Академіи.

Послѣдняя школа, соединившая академическое ученіе съ ученіемъ перипатетиковъ (Аристотеля) и стоиковъ (см. § 53), составляетъ переходъ къ новоплатонисму (см. § 1).

---

[1]) Cic. Brūt. 89, § 306: eōdemqve tempore (88 г. до Р. Х.), cum prīnceps Acadēmiae Philō cum Athēniēnsium ontimātibus Mithridāticō bellō domō profūgisset Rōmamqve vēnisset, tōtum eī mē trādidī admīrābilī qvōdam ad philosophiam studiō concitātus.

[2]) Cic. Brūt 91, § 315: cum vēnissem Athēnās (въ 79 г. до Р. Х.), sex mēnsēs cum Antiochō veteris Acadēmiae nōbilissimō et prūdentissimō philosophō fuī studiumqve philosophiae nunqvam intermīssum ā prīmāqve adulēscentiā cultum et semper auctum hōc rursus summō auctōre et doctōre renovāvī. Срв. Dē fīn. V, 1, § 1; и Acadēm. II, 35, § 113.

Языческая религія древнихъ Римлянъ.

Пышно подъ благодатною сѣнью христіанской вѣры развернувшаяся и величественной струей текущая жизнь культурныхъ народовъ XIX вѣка началась по сравненію съ предъидущими вѣками недавно. Ей предшествовала иная жизнь, болѣе продолжительная, чѣмъ та, которою живутъ христіанскіе народы. Какъ бы ни было величаво зданіе, но восхищаясь имъ, не слѣдуетъ забывать, что самое важное въ немъ—его фундаментъ. Величественное зданіе христіанской культуры опирается на томъ фундаментѣ, который заложили почтенные труженики до--христіанской эпохи, труженики, большую часть которыхъ мы не можемъ даже по имени назвать и праха ихъ отыскать: тѣни ихъ сокрылись за безконечною вереницею вѣковъ. Однимъ изъ краеугольныхъ камней, положенныхъ ими въ основаніе, есть безъ сомнѣнія религія. Въ основѣ человѣческой культуры она лежитъ такъ давно, что можно считать ее современницею первыхъ людей. Какъ-бы далеко въ глубь временъ ни унеслись мы мыслью, вездѣ увидимъ явственные слѣды ея. Древнѣйшіе памятники Египта, Индіи, Персіи, Вавилоніи и т. д. ясно свидѣтельствуютъ объ ней. Въ какой-бы уголокъ земнаго шара мы ни заглянули въ настоящее время, вездѣ найдемъ ее. Самые необразованные дикари имѣютъ ее. Сильно ошиблись бы тѣ, кои стали-бы утверждать, что дикія племена обходятся безъ религіозныхъ воззрѣній. Ближайшее знакомство съ ними показало, что они сложили себѣ довольно опредѣленныя религіозныя понятія. Такъ напр. одно изъ наиболѣе дикихъ племенъ, обитающее въ Калифорніи, вѣруетъ, что „Богъ не имѣетъ ни отца, ни матери, что происхожденіе Его не извѣстно никому, что Онъ вездѣсущъ, что Онъ видитъ все даже среди самой темной ночи, а Его никто не видитъ, и что наконецъ Онъ есть другъ добрыхъ и наказываетъ злыхъ“. Находящіеся въ совершенно ди-

комъ состояніи Готтентоты думаютъ, что „верховный Богъ есть творецъ всего, что существуетъ, что Онъ никому не причиняетъ зла и что престолъ Его за луною. Онъ, по ихъ выраженію, есть *Gonnja Tiquoa*, т. е. Богъ боговъ.“ Тоже самое слѣдуетъ сказать о Бошапинахъ изъ племени Бечуанъ въ Африкѣ, о дикихъ обитателяхъ Новой Гвинеи, Новой Зеландіи и всѣхъ вообще острововъ Австраліи, о дикаряхъ Американскихъ и т. д., однимъ словомъ: не было и нѣтъ такого племени, у котораго не существовало-бы религіи [1]), хотя-бы въ зачаточнымъ состояніи, хотя-бы и самое слово, выражающее понятіе о вѣрѣ въ Бога, и не было еще придумано [2]) И это очень натурально: идея о верховномъ источникѣ всякаго бытія составляетъ неотъемлемую принадлежность человѣческаго духа.

Стоитъ только сдѣлать наблюденіе надъ человѣкомъ, начинающимъ сознательно смотрѣть вокругъ себя,—и доказательство на лицо; первый вопросъ дитяти, когда въ немъ пробуждается сознаніе, есть вопросъ религіозный: откуда этотъ міръ и кто виновникъ его бытія?—обыкновенно спрашиваютъ такія дѣти. Люди стоящіе на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, во многомъ подобны дѣтямъ; и у нихъ, какъ у дѣтей, первыя попытки рѣшать великіе вопросы вѣры носятъ на себѣ печать неопредѣленности. Печать эта однако мало по малу сходитъ и, по мѣрѣ накопленія знаній, горизонтъ мысли проясняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ ярче обозначается тотъ образъ, который прежде представлялся какъ-бы въ туманѣ. Исторія культурныхъ представителей древняго языческаго міра учитъ, что религіозныя представленія, вначалѣ неясныя, постепенно облекаясь въ новыя и новыя формы, выростали наконецъ въ опредѣленную систему, болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшавшую настойчивые вопросы духа о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Такъ возникли религіозныя системы (браманская, система Капилы и Будды) въ Индіи, таково религіозное ученіе Персидской Зендъ-Авесты, таковы наконецъ вѣроученія Египтянъ, Грековъ и Римлянъ.

Изученіе каждой изъ вышеупомянутыхъ системъ представляетъ глубокій интересъ; но въ настоящую пору мы ограничимся обзоромъ тольодной, а именно, религіи Римлянъ.

---

[1]) Масса примѣровъ и доказательствъ собрана между прочимъ Катрфажемъ въ его сочиненіи: L'éspèce humaine. 1879 г. стр. 349—366.

[2]) У Грековъ напр., не взирая на высокую степень ихъ образованія, никогда не было слова, соотвѣтствующаго нашему понятію религія, вѣра, наиболѣе подходящее сюда слово εὐσέβεια значитъ далеко не то.

Обращаясь къ изученію ея, мы должны сперва сдѣлать слѣдующія три замѣчанія: 1) Въ качествѣ оффиціальной, государственной религіи язычество просуществовало въ Римѣ до временъ Константина Великаго. Въ продолженіе этого долгаго пути оно совершило полный кругъ своего развитія, начиная отъ простѣйшей формы монотеизма до широкаго политеизма, завершившагося наконецъ рѣшительнымъ пантеизмомъ. Когда на горизонтѣ римской территоріи занималась заря христіанства, язычество вошло въ послѣдній фазисъ развитія и задолго до Константина Великаго уже находилось въ состояніи разложенія, не смотря ни на какія попытки остановить процессъ этого разложенія. Безсильными оказались жалобы великаго Цицерона и, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, замерли; ихъ никто не слушалъ и знать не хотѣлъ. Безсильны также были мѣры, которыми другой великій дѣятель и политикъ [1]) надѣялся было воскресить язычество въ его прежнемъ величіи: язычество явно близилось къ погибели и наконецъ въ безплодной борьбѣ съ христіанствомъ должно было сойти въ могилу. 2) Въ первую эпоху своего существованія, предѣломъ которой можно считать четвертое столѣтіе до Р, Хр., когда совершилось объединеніе Италіи, религія Римлянъ опиралась на иныхъ началахъ, болѣе симпатичныхъ, чѣмъ тѣ, съ которыми встрѣчаемся въ періодѣ ея упадка. Даже самое названіе ея первоначально содержало въ себѣ смыслъ не тотъ, что впослѣдствіи. Подъ словомъ *религія* Римляне первоначально разумѣли взаимный союзъ между божествомъ и человѣкомъ (*religio*—одного корня съ *ligo*, *religo*). Особенное откровеніе божественной воли, предостереженіе человѣка отъ грядущихъ бѣдъ, дарованіе ему благъ за добрыя дѣла и наказаніе его за дурныя, что въ совокупности выражалось словомъ *divinatio* (срав. съ *divus*, *deus*), имѣло значеніе союза *божества съ человѣкомъ*. Сюда же надо причислить ученіе о самомъ божествѣ, о происхожденіи міра и человѣка, о душѣ и о загробной жизни. Союзъ *человѣка съ божествомъ* Римляне запечатлѣли разнообразными видами богопочитанія, каковы—молитвы, жертвы, обѣты, праздники и другія чувственныя проявленія любви къ божеству съ одной стороны и богобоязливости съ другой; однимъ словомъ—это была *pietas adversus deos* съ ея внѣшнимъ отраженіемъ въ *cultus deorum*. Въ слѣдующую за симъ эпоху съ словомъ *религія* Римляне стали соединять понятіе о

---

[1]) Октавіанъ Августъ.

внѣшнемъ, чисто-формальномъ отношеніи человѣка къ божеству и отождествили его съ культомъ. *Религіознымъ* человѣкомъ у Римлянъ сталъ считаться тотъ, кто исполнялъ всѣ постановленія, относившіяся къ почитанію боговъ; этою же мѣркою опредѣлялась и степень его нравственности: „religio est cultus deorum. Qui autem omnia, quae ad cultum deorum pertinet, diligenter tractarent....., sunt dicti religiosi", говоритъ великій знатокъ религія своего народа, Цицеронъ [1]. 3) Римскія религіозныя вѣрованія могутъ быть изучаемы съ двоякой точки зрѣнія: а) въ послѣднемъ актѣ ихъ развитія, какъ нѣчто цѣлое, вполнѣ законченное, и б) въ самомъ процессѣ развитія, состоявшемъ въ измѣненіи болѣе простыхъ формъ богопочитанія на осложненныя. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія имѣетъ свои достоинства и выгодныя стороны; но мы избираемъ первую, потому что она лучше подходитъ къ статьѣ небольшаго размѣра, какою должна быть настоящая статья. Впрочемъ нельзя оставить совершенно безъ вниманія и исторіи религіозныхъ вѣрованій потому, что безъ нея былъ-бы темнымъ тотъ путь, по которому двигались и развивались эти вѣрованія до крайняго ихъ предѣла.

Въ силу этого соображенія слѣдуетъ указать на тѣ черты римской религіи, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ самой глубокой древности. Такими чертами надо считать прежде всего тѣ, которыя намекаютъ на давно прошедшее служеніе единому Богу, вѣчному источнику жизни, началу и концу всего, что существуетъ во вселенной, потому что идея единаго Бога, отвлеченнаго отъ чувственной физической оболочки, есть первобытная идея. Съ теченіемъ времени по мѣрѣ удаленія отъ первоначальнаго образа, является поклоненіе единой физической силѣ, которая у всѣхъ народовъ древности облекалась въ чувственную и удобопонятную оболочку свѣта, соединеннаго съ теплотою, имѣющаго конкретное и рельефнѣйшее выраженіе въ солнцѣ. На этой стадіи языческій монотеизмъ сдѣлался источникомъ новыхъ представленій о божествѣ, дошедшихъ путемъ обособленія отдѣльныхъ божественныхъ свойствъ и

---

[1]) De nat. deor. II, 3, 28. Срав. тамъ же I, 2, 42; Фестъ (de verborum significatione) говоритъ почти тѣми же словами: religiosi dicuntur, qui faciendarum praetermittendarumque rerum divinarum secundum morem civitatis dilectum habent...." О религіозныхъ предметахъ см. у него же и у Макробія *Satur.* III, 3 (по Лейпциг. изд. 1674 г.).

силъ до пантеизма. Вслѣдъ за поклоненіемъ солнцу появилось поклоненіе другому крупному свѣтилу—лунѣ, которая съ солнцемъ составила божественную чету. Къ этой парѣ начали мало по малу присоединяться вочеловѣчившіяся явленія природы, какъ то: явленія молніи, огня, воды, обилія плодовъ земныхъ и т. д. Заключительнымъ актомъ было обоготвореніе людей съ ихъ душевными качествами и распредѣленіе божествъ по двумъ большимъ группамъ: на добрыя и злыя. По такому пути прошли, безъ сомнѣнія, и римскія божества, какъ это видно изъ множества названій, украшающихъ собою божественный пантеонъ древнихъ Римлянъ.

Переходя послѣ этихъ замѣчаній къ обозрѣнію религіи древнихъ Римлянъ, мы начнемъ съ описанія боговъ, а такъ какъ изъ всѣхъ ихъ наиболѣе чертъ первоначальнаго религіознаго воззрѣнія удержалъ въ себѣ *Янусъ* (Janus), то объ немъ и скажемъ свое первое слово. По объясненію древнихъ, [1]) принятому и новою наукою о языкѣ, имя *Ianus*—тождественно съ именемъ *Dianus* и одного корня съ словами: *deus*, *dies*, *divus*, *день*, [2]) Столь близкая связь его со словами, заключающими въ себѣ понятіе о свѣтѣ, показываетъ, что въ религіозномъ представленіи древнихъ язычниковъ онъ казался богомъ свѣта, не имѣющимъ однако опредѣленнаго образа *). Въ образѣ солнца [3]) онъ явился гораздо позже. Начало дня съ появленіемъ на горизонтѣ этого свѣтила выразилось въ

---

[1]) Макроб. Satur I, 9 стр. 247. Цицеронъ съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ производитъ имя Януса отъ глагола *ire* такъ, что оно у него значитъ: грядущій, проходящій (De Nat. deor. II, 27).

[2]) Кажется, что того же корня должны быть русскія: ясный, сіяніе, въ коихъ звукъ *c* можно принимать за такое же придыханіе какъ звукъ *d* въ словѣ *Dianus*.

*) На зарѣ своей исторической жизни Римляне, подобно всѣмъ Италіотамъ, старались изображать своихъ боговъ не образами, а символами. Такъ напр. Марса они изображали въ видѣ стрѣлы, Юпитера въ видѣ камня. Знаменитый ученый временъ Августа Варронъ говоритъ, что Римляне не имѣли никакихъ статуй въ теченіи 170 лѣтъ отъ основанія Рима. (Бл. Авг. de Civit. Dei IV, 31). Весту и послѣ того долгое время изображали не иначе, какъ символически—огнемъ. (Овид. Фасты. VI, 295).

[3]) Макроб. Satur. I, 9 стр. 247: „Ianum quidam solem demonstrari volunt". Срав. у него еще I, 17 стр. 302.

Янусѣ эпитетомъ *утренній* (matutinus) [1]. Видимое движеніе солнца по небесному своду отъ восхода до заката его создало изъ Януса фигуру небеснаго сторожа, отворяющаго и затворяющаго врата дня и свѣта [2]. Къ этимъ представленіямъ присоединилось древнѣйшее понятіе о Богѣ, какъ о началѣ и концѣ бытія такимъ образомъ, что вѣчный духъ, стоящій независимо отъ физическихъ силъ природы и управляющій ими, самъ превратился въ эти силы и, такъ сказать, утонулъ въ природѣ. Въ смыслѣ космической силы, Янусъ сдѣлался творцомъ не только дня, мѣсяца и года, [3] но и рѣки, ключей, зародышей органической жизни и наконецъ началомъ и концемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, гдѣ-бы и въ чемъ-бы они не обнаруживались: въ семейномъ-ли быту, или въ строѣ общественной и государственной жизни [4]. „Онъ все въ мірѣ образуетъ, всѣмъ управляетъ", говоритъ объ немъ авгуръ Мессала [5]) Идея начала и конца, воплотившаяся въ Янусѣ, нашла себѣ въ древнѣйшей италійской символикѣ выраженіе въ формѣ полукруга, а въ позднѣйшей римской—въ образѣ двуликой головы.

Сначала этотъ богъ былъ единственнымъ, которому покланялись италійскіе предки Римлянъ и они сами предъ основаніемъ своего государства, потомъ одинъ за другимъ выдѣлились его свойства и, преобразовавшись въ отдѣльныя божества, оттѣснили его самого въ задніе ряды пантеона. Воспоминаніе, хотя и довольно смутное, о той отдаленной эпохѣ, когда Янусъ былъ единственнымъ богомъ, сохранилось во 1-хъ въ преданіи объ управленіи имъ Италіей, во 2-хъ въ его эпитетахъ *отецъ* и *богъ боговъ*, появившихся, очевидно, въ моментъ его разложенія на отдѣльныя божества, которыя съ той поры стали въ филіальныя къ нему отношенія, продолжавшіяся впрочемъ не долго, и въ 3 хъ въ молитвенныхъ формулахъ, гдѣ онъ между богами занимаетъ первое мѣсто [6].

---

1) Горац. Sat. II, 6, 20.

2) Макр. Satur. I, 9, стр. 248, 249.

3) „Тамъ же" Junonium (invocamus) quasi non solum mensis Januarii, sed omnium mensium ingressus tenentem. Unde et Varro scribit: Jano duodecim aras pro totidem meusibus dedicatas".

4) Когда-то онъ даже былъ царемъ Италіи, какъ гласитъ преданіе (Макр. Sat. I, 7 стр. 236)

5) Макр. Satur. I, 9 стр. 248, 249.

6) Лив. VIII, 9; Циц. de Nat. deor. II, 27; Овид. Fast. I, 171, 172; Макр. Satur. I, 9, стр. 248. Преллеръ: Römis. Myth. стр. 148—164.

Наконецъ сохранилась сказка, по которой выходитъ, что въ то время, когда Янусъ управлялъ Италіей, прибылъ къ нему въ гости Сатурнъ, котораго хозяинъ не только принялъ по дружески, но даже отдалъ ему полъ царства своего [1]). Въ сказкѣ этой слышится отдаленный голосъ прошедшаго, указывающій на паденіе Януса, такъ какъ ему пришлось уступить половину своей власти другому, пришлому божеству, хотя впрочемъ, по преданію, они жили между собою въ добромъ согласіи и управляли міромъ сообща дружно. И такъ, Янусъ есть самый древній изъ боговъ языческаго культа Римлянъ. Ему молились и приносили жертвы, когда о другихъ богахъ еще и помину не было.

Второе божество, личность котораго въ римской религіозной системѣ запечатлѣна чертами глубокой древности, есть двойникъ Януса *Сатурнъ*. Корень *sat* (откуда *satis*, *satur*, *satura* и русское *сытый*), заключающійся въ его имени, указываетъ на понятіе о довольствѣ и счастіи, которое, по вѣрованію Римлянъ, вкушали нѣкогда ихъ предки, но которое исчезло безповоротно. Сохранилась даже легенда о томъ счастливомъ времени, когда царствовалъ Сатурнъ. Въ его царствованіе жившіе люди были непорочны, какъ ангелы, и на землѣ былъ настоящій „рай". „Всего тогда было въ изобиліи, говоритъ преданіе; не было различія между рабствомъ и свободою; никто не совершалъ воровства, потому что не было частной собственности, а все было общественнымъ достояніемъ и сложено было для храненія въ храмѣ Сатурна" [2]) Подобно Янусу, Сатурнъ носилъ названіе главы боговъ, подобно ему, считался солнцемъ и началомъ всѣхъ временъ [3]). Общность чертъ, присущихъ обоимъ божествамъ, въ соединеніи съ миѳическимъ сказаніемъ о совмѣстномъ управленіи ими Италіей, служитъ несомнѣннымъ ручательствомъ того, что въ древнѣйшемъ народномъ представленіи оба божества составляли нераздѣльное цѣлое, такъ что, произнося слово *Янусъ*, язычники хотѣли выразить свое понятіе о свѣтѣ и его божественной силѣ, не обращая вниманіе на отношеніе его къ благополучію людей; когда же употребляли слово *Сатурнъ*, то непремѣнно думали тогда о свѣтѣ, оказывающемъ благодѣянія роду человѣческому. Внѣ всякаго сомнѣнія,

---

[1]) Макр. Satur. I, 7 стр. 237; Овид. Fast. I, 235 и слѣд.

[2]) Макр. Satur. I, 8 стр. 244.

[3]) Тамъ же I, 7 стр. 235; I, 22 стр. 332; I, 8 стр. 245; Циц. de Nat. deor. II, 25; III, 24.

что съ теченіемъ времени Сатурнъ отдѣлился отъ Януса и сталъ изображать собою совершенно самостоятельное божество; но когда совершилось его обособленіе,—сказать трудно. Обособленіе божественной субстанціи ведетъ за собою отдѣльное поклоненіе и устройство отдѣльнаго храма; но о времени сооруженія послѣдняго у Римлянъ ходили самые разнообразные слухи. По народному преданію, самъ Янусъ выстроилъ ему храмъ; по извѣстіямъ же историковъ то Туллъ Гостилій, то Тарквиній Гордый, то наконецъ онъ былъ выстроенъ въ періодъ республики [1]). Которому изъ всѣхъ этихъ извѣстій отдать предпочтеніе, рѣшить не легко; но, кажется, вѣрнѣе первое, сбереженное народною памятью, вѣрнѣе въ томъ смыслѣ, что Сатурнъ, какъ независимое отъ Януса божество, явился задолго до основанія римскаго государства; оно имѣетъ на своей сторонѣ свидѣтельство Діонисія Галикарнасскаго, который положительно утверждаетъ, что въ Италіи повсюду попадаются его храмы и многіе города и мѣстности названы его именемъ [2]). Такая распространенность чествованія имени Сатурна между народцами древней Италіи въ то время, когда въ Римѣ все болѣе и болѣе старались его забыть, доказываетъ, что онъ—богъ очень старый. Доказательствомъ его древности служитъ также распространившееся у Римлянъ убѣжденіе, что онъ есть богъ безплодія [3]).

Въ развитіи религіозныхъ вѣрованій италійскихъ язычниковъ первое мѣсто послѣ солнца занимаетъ луна. Въ лицѣ Януса—Сатурна солнце преобразовалось въ божество мужскаго пола; въ лицѣ *Діаны* луна явилась божествомъ женскаго пола. Своимъ слабымъ, блѣднымъ свѣтомъ она оставляла на впечатлѣніи язычника слѣдъ не активной силы, представителемъ которой во всѣ времена былъ мущина, а пассивной, характеризующей женщину; поэтому луна представлялась его воображенію слабою, кроткою и ласковый взглядъ бросающею на землю божественною супругою Януса. Въ филологическомъ смыслѣ она то же что и *Iana*, то есть ясная, свѣтлая, сіяющая [4]). Подобно своему божественному супругу она не только свѣтитъ, но и грѣетъ, и питаетъ, откуда получили свое начало ея эпитеты: *Opis* и *Consivia*, что значитъ изобилующая и сѣю-

---

[1]) Макр. Satur. I, 8 стр. 243, 244; Ливій II, 21.

[2]) Римск. Археол. I, 27 (по Лейпциг. изд. 1691 г.)

[3]) Преллеръ Röm. Myth. стр. 419.

[4]) Макр. Satur I, 9 стр. 247.

щая [1]) Разсматриваемая безъ этихъ эпитетовъ, просто какъ извѣстный источникъ свѣта, какъ луна, Діана есть *fac—simile* Януса, но какъ *Opis* и *Consivia*, т. е. какъ кормилица рода человѣческаго, она есть совершенное подобіе Сатурна [2]). Поклоненіе ей въ Римѣ не отличалось особенною торжественностью: вмѣстѣ съ Янусомъ и Сатурномъ Діана уступила свое первенствующее мѣсто другимъ богамъ, которые въ государственной религіи Рима пользовались преимуществомъ предъ прочими, болѣе древними.

Съ теченіемъ времени первоначальное языческое представленіе о богѣ, какъ объ источникѣ свѣта и теплоты, осложнилось новыми прибавленіями, имѣющими нерѣдко весьма отдаленную связь съ идеей свѣта, каковы напр. прибавленія о виновникѣ побѣды, засухи, моровой язвы, государственнаго устройства, семейной жизни и т. д.; но при всемъ томъ оно не затерлось ими окончательно. Оно оставило явственный слѣдъ на всѣхъ божественныхъ фигурахъ, выдѣлившихся постепенно изъ первоначальной свѣтовой субстанціи. Такъ оно сообщило свой отпечатокъ свѣта *Юпитеру*, котораго Римляне величали громовержцемъ, молніеноснымъ, сверкающимъ, свѣтоноснымъ (tonans, fulgens, elicius, lucifex, lucetius, fulminator, fulgurator), *Юнонѣ—Люцинѣ*, т. е. свѣтящей, *Венерѣ*—богинѣ пламенной любви, *Вестѣ*—богинѣ домашняго очага, *Вулкану*—пламенному богу огня, *Аполлону*—богу просвѣщенія, *Минервѣ*—богинѣ мудрости и т. д.

Такъ какъ цѣль наша состоитъ не въ томъ, что-бы начертать картину развитія изъ первоначальнаго простаго источника отдѣльныхъ божественныхъ фигуръ, а въ томъ, чтобы описать эти фигуры такъ, какъ онѣ сохранились у писателей древности, то, ограничившись тѣми немногими выводами, которые представлены выше, обратимся теперь непосредствено къ своей задачѣ, при чемъ для удобства распредѣлимъ римскія божества по главнымъ сферамъ ихъ дѣятельности на группы. Первую группу со-

---

[1]) Тамъ же V, 22 стр 566. Здѣсь Діана названа *Opis*, а въ кн. III, 9 стр 436 послѣдняя—Консивіей. Фестъ говоритъ: „Opis dicta est conjux Saturni". Объ отношеніи ея къ рожденію дѣтей см. у Плинія Hist. Natur. II, 63 и у бл. Августина De civ. Dei IV, 11.

[2]) Цип. De Nat. Deor. II, 27 „Dianam autem et lunam eandem esse putant... eadem est Lucina". Макр. Sat. VII, 16, стр. 696: „Diana, quae luna est... Lucina invocatur". См. еще тамъ же I, 8 стр. 244.

ставятъ *божества небесной сферы*, вторую—*водной стихіи*, въ третью войдутъ *божества огня* и наконецъ четвертую составятъ *божественные образы земли*. Въ заключеніе сдѣлаемъ краткій очеркъ тѣмъ олицетвореніямъ, которыя по разнымъ причинамъ не могли быть отнесены къ той или другой изъ названныхъ группъ. Къ божествамъ неба кромѣ Януса и Сатурна принадлежатъ:

1) *Юпитеръ*. Прежде всего это *богъ видимаго неба*; но, признавая его владыкою небеснаго пространства, древній язычникъ долженъ былъ по—неволѣ перенести на него свои собственныя впечатлѣнія, пріобрѣтенныя путемъ наблюденія надъ атмосферными явленіями, проходившими предъ его глазами. Воображеніе его не могло не быть пораженнымъ величіемъ и силою свѣта, ежедневно разливавшагося надъ нимъ и вокругъ него, и не поискать источника, испускающаго изъ себя эту дивную силу. Такимъ источникомъ казался ему не иной кто, а самъ богъ—отецъ (Iupiter=deus pater или Dispiter); вотъ почему въ молитвенныхъ воззваніяхъ его величали именемъ свѣтоноснаго: *lucetius*; вотъ почему поэты называли его улыбающимся (serenus) и говорили, что его улыбкою все небо улыбается [1]). Кроткій, улыбкою проникнутый свѣтъ еще не исчерпываетъ собою всѣхъ явленій необъятнаго небеснаго пространства. Причудливыя формы облаковъ, надвигающіяся грозныя тучи, сопровождаемыя дождемъ, молніей и громомъ, радуга, опоясывающая чудной лентою сводъ небесный, бури и непогоды—все это, вмѣстѣ взятое, наполняло душу древняго язычника самыми разнообразными чувствами и давало его воображенію богатый матеріалъ для фантастическихъ помысловъ. Если въ тихую, ясную погоду Юпитеръ улыбается, то въ грозныхъ тучахъ онъ выступаетъ съ нахмуреннымъ челомъ и съ сердитымъ взглядомъ: его могучія очи мечутъ молніи, его разгнѣванныя уста шлютъ раскаты грома [2]). Въ тѣсной связи съ тѣмъ или другимъ состояніемъ неба находится цѣлый рядъ явленій, имѣющихъ мѣсто на земной поверхности; человѣку трудно не примѣтить, что плодородіе почвы, обиліе плодовъ земныхъ, приростъ въ стадѣ и наоборотъ—неурожай, большая

---

[1]) Виргил. Энеид. I, **254**: „Olli subridens hominum sator atque deorum vultu quo coelum tempestatesque serenat“. Въ объясненіе этого мѣста у Серв. Virg. Aen. приведенъ стихъ Эннія „Iupiter hic risit tempestatesque serenat riserunt omnes ritu Iovis omnipotentis“.

[2]) Отсюда его названія: tonans, fulgurator, imbricitor, pluvialis и пр.

смертность въ людяхъ, или въ средѣ домашнихъ животныхъ состоятъ такъ или иначе въ зависимости отъ того, что совершается надъ его головою. Связь между небомъ и землею естественно привела Римлянъ къ мысли о томъ, что тотъ, кто громами повелѣваетъ, предъ кѣмъ все живое трепещетъ, есть виновникъ и тѣхъ благъ, которыя необходимы человѣку. Такимъ образомъ возникло понятіе, что Юпитеръ есть не только богъ неба и атмосферныхъ явленій, но въ то же время онъ—богъ плодородія, богъ—кормилецъ и владыка надъ жизнью и смертью всей животной природы [1]). Ставъ на эту точку, Юпитеръ легко могъ проникнуть во всѣ проявленія человѣческой жизни: въ семейство, въ общественныя учрежденія и наконецъ въ государственный строй. Римляне вѣрили, что Юпитеръ слѣдитъ за ними во всю ихъ жизнь, начиная съ ранней юности и оканчивая преклонною старостью. Они вѣрили, что онъ охраняетъ ихъ юность, давая ей здоровье и рѣзвость, бережетъ ихъ въ зрѣломъ возрастѣ, сообщая ему мужество, воинственность и разумъ, лелѣетъ въ старости, окружая тихимъ покоемъ. На этомъ основаніи, въ молитвахъ своихъ они называли его *Iuvenis*, *custos*, *conservator* и проч. Какъ покровитель домашней, семейной жизни онъ назывался у Римлянъ именемъ *deus penetralis*, т. е. богомъ, проникающимъ во внутренность дома. Трудно представить себѣ такую область римской жизни, которой не касалась-бы мощная, державная рука Юпитера; вотъ почему бѣднякъ и богачъ, старецъ и юноша, мущина и женщина, здоровый и больной—всѣ обращались къ нему, ибо всѣ считали его своимъ добрымъ покровителемъ и защитникомъ. Если онъ оберегаетъ и защищаетъ семью, то тѣмъ паче онъ долженъ стоять на стражѣ государства, которое слагалось изъ совокупности отдѣльныхъ семействъ. И дѣйствительно, Юпитеръ считался верховнымъ богомъ римскаго государства; но такъ какъ служеніе государственнымъ цѣлямъ съ давнихъ поръ было поставлено выше семейныхъ и личныхъ интересовъ то посему *Юпитеръ рано сдѣлался богомъ государства по преимуществу*. Государство римское составляетъ предметъ его особенныхъ заботъ и попеченія. Чтобы однако имѣть возможность охранять его, Юпитеръ долженъ былъ обладать несокрушимою силою, быть воинственнымъ и побѣждать противящихся волѣ его. Таковымъ онъ въ самомъ дѣдѣ является въ религіозномъ представленіи Римлянъ, а потому они выстроили ему въ свое время храмъ подъ именемъ храма *Stator'а*, [1]) храмъ *Victor'у*

[1]) Отсюда его названіе: frugifer, almus.

[2]) Названіе это дано ему въ воспоминаніе того, что онъ *остановилъ* и въ бѣгство обратилъ враговъ Рима. См. Ливій I, 12.

и др.; но самымъ знаменитымъ между ними былъ Капитолійскій, выстроенный въ честь Юпитера, названнаго *Optimus Maximus*. Кромѣ того именемъ его начинались и оканчивались всѣ дѣла государственнаго характера; такъ его именемъ клялись въ вѣрности данному слову, подъ именемъ *fides* призывали его во свидѣтели заключаемаго общественнаго договора, его-же именемъ велись международныя отношенія, все равно какого-бы свойства они ни были-враждебныя или дружественныя; наконецъ подъ именемъ *Terminus*'а онъ былъ призываемъ при обозначеніи государственныхъ границъ.

:) *Марсъ*. Послѣ Юпитера изъ божественныхъ фигуръ мужскаго пола чуть-ли не наибольшимъ почетомъ въ Римѣ пользовался Марсъ. Съ именемъ его привыкли соединять обыкновенно представленіе о богѣ войны по преимуществу; и въ самомъ дѣлѣ въ періодъ республики и имперіи Марсъ выступаетъ именно съ характеромъ бога воителя; но изъ наиболѣе древнихъ памятниковъ видно, что первоначально Римляне и другіе народы Италіи видѣли въ немъ бога, покровительствовавшаго земледѣлію и скотоводству. Доказательствомъ такого значенія его въ глубокой древности служитъ то обстоятельство, что издавна ему были посвящены рабочій волъ и конь, овцы и свиньи. Мало того: сохранились очень древнія религіозныя пѣснопѣнія, съ которыми обращались къ Марсу земледѣльцы и пастухи, призывая его милости на свои поля и стада, а слѣд. свидѣтельствующія о самомъ близкомъ отношеніи его къ земледѣльческой и пастушеской жизни древнихъ Италіотовъ. Такъ напр. они молились: „Отче Марсъ! Молю тебя, ниспошли милости твои мнѣ, моему дому и моему семейству! За это я приношу тебѣ въ жертву свинью овцу и быка (Suovetaurilia). Отверни отъ насъ всѣ болѣзни, всякую язву, и отъ грома и молніи спаси насъ! Дай намъ урожай полевыхъ плодовъ, зерноваго хлѣба, винограда и плодовыхъ деревьевъ! Защити нашихъ пастуховъ и нашъ домашній скотъ". Въ другой пѣснѣ читаемъ: „Когда ты Фавнъ [1]), гоняешься за убѣгающими нимфами, будь милостивъ

[1]) Хотя въ этомъ воззваніи говорится о Фавнѣ, а не о Марсѣ, но это не значитъ ничего, ибо Фавнъ есть одно изъ названій Марса точно такъ, какъ Квиринъ, Сильванъ и Паленъ. Удовлетворяя своей религіозной потребности имѣть рядомъ съ мужскимъ образомъ извѣстной силы еще и женскій, Римляне создали женское подобіе Марса и называли его то Фавной, то Маей, то Карментой, то наконецъ просто *доброй богиней* (bona dea).

къ нашимъ полямъ и лѣтнимъ плодамъ и не тронь нѣжнаго приплода моихъ стадъ. Когда наступитъ твой день, я ежегодно буду приносить тебѣ въ жертву молоденькаго козленка, наполню чашу дорогимъ виномъ и задымится алтарь отцевъ обильнымъ дымомъ", [1]) и т. д. Такъ какъ жизнь скотовода и земледѣльца протекаетъ среди постоянныхъ волненій, тревожныхъ ожиданій и опасеній за свое благосостояніе, которое иногда нарушается независящими отъ нихъ обстоятельствами, и такъ какъ Марсъ долженъ располагать средствами для устраненія ихъ, то изъ этого соображенія вскорѣ возникло вѣрованіе, что Марсъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ воинственный богъ, борющійся за благо своихъ почитателей и съ враждебными имъ явленіями природы, и съ людьми, тревожащими ихъ спокойствіе. Борьба его со зломъ, по вѣрѣ Римлянъ. обнаруживалась двояко; а) въ непосредственномъ участіи на полѣ битвы и б) въ вѣщемъ голосѣ, который въ смыслѣ откровенія иногда раздавался свыше и, если это случалось въ пылу сраженія, то врагъ, проникнутый паническимъ страхомъ, терялъ присутствіе духа и отдавалъ побѣду въ руки Римлянъ. Съ теченіемъ времени воинственность затмила собою всѣ другія божественныя черты Марса, отъ чего онъ сталъ по-преимуществу богомъ войны, и, какъ выраженіе его божественныхъ свойствъ, Римляне въ особой святынѣ (Regia) хранили посвященные ему щиты и копья (ancilia, hastae).

3) *Аполлонъ*. До Децемвировъ Аполлона не существовало на римскомъ небѣ между національными богами. Въ первый разъ онъ вошелъ въ ихъ среду тогда, когда было послано въ Грецію посольство съ цѣлью изученія на мѣстѣ греческаго законодательсвга [2]). При посредствѣ вернувшихся депутатовъ Римляне вмѣстѣ съ новыми законами приняли и новое богопочитаніе. Съ тѣхъ поръ Аполлонъ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ боговъ Рима. На новой почвѣ это божество удержало за собою всѣ тѣ дивныя свойства, какія приписывали ему Греки, и благодаря которымъ какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ оно пользовалось всеобщимъ почитаніемъ. Греки смотрѣли на него, какъ на благодѣтельную силу свѣтоваго луча, поражающую мрачную тьму, а вмѣстѣ съ нею и все то, что можетъ вредить человѣку. Какъ сынъ верховнаго Зевса, помогающій своему отцу въ трудномъ дѣлѣ управленія міромъ, Аполлонъ представлялся Грекамъ въ образѣ сильнаго юноши, постоянно готоваго выступить на

---

[1]) Горац. Од. III, 18...

[2]) Ливій III, 63.

борьбу со зломъ, гдѣ-бы оно ни проявлялось. Такъ онъ поражаетъ злаго Пиѳона, опустошавшаго нѣкогда окрестности Дельфъ, такъ онъ ведетъ упорную борьбу съ невѣжествомъ и умственною тьмою, внося повсюду свѣтъ знанія, музыки и поэзіи. Въ умственномъ и эстетическомъ образованіи Греки видѣли высшій даръ небесъ, ниспосылаемый на землю чрезъ посредничество сына божія, тотъ вѣщій даръ, посредтвомъ котораго можно знать будущее и открывать его непросвѣщеннымъ. Это убѣжденіе привело Грековъ къ мысли основать во имя Аполона пророческую святыню—Дельфійскій оракулъ, который издавна пріобрѣлъ всемірную, можно сказать, извѣстность. Изрѣченія его принимались за непреложную истину, за чистое проявленіе воли божьей. Слухи объ немъ проникли и въ Римъ, что, какъ говоритъ преданіе, случилось, при Тарквиніи Гордомъ. Желая имѣть у себя подъ рукою собраніе пророческихъ отвѣтовъ Дельфійскаго бога для того, чтобы въ случаѣ надобности обратиться къ нимъ, какъ къ указаніямъ свыше, онъ выписалъ изъ Кумъ пророчицу Сивиллу, а вмѣстѣ съ нею и таинственныя книги, находившіяся въ ея распоряженіи. При посредствѣ этихъ книгъ возбуждалось любопытство познакомиться и съ самимъ виновникомъ оныхъ, а такимъ виновникомъ былъ Аполлонъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если вскорѣ явилась потребность узрѣть самого бога на томъ священномъ мѣстѣ, на которомъ устами Пиѳіи исходитъ его божественное слово, и собственными ушами услышать его небесныя велѣнія. Какъ глубоко вѣрили Римляне въ святость Дельфійскаго оракула, видно изъ того, что, еще не покланяясь Аполлону, какъ своему національному богу, они уже обращались къ его оракулу за совѣтомъ и именно въ самыя трудныя минуты жизни. Не удивительно также, если вслѣдъ за симъ они съ радостью признали его за своего бога и съ подобающею торжественностью поклонились ему.

4) *Юнона*. Юнона есть женственное выраженіе тѣхъ же небесныхъ силъ, представителемъ которыхъ былъ Юпитеръ, на что указыветъ и самое имя ея: *Iuno=Iovino*. Если провести параллель далѣе и вдуматься въ эпитеты, сопровождающіе обыкновенно имя Юноны, то не трудно убѣдиться въ томъ, что образъ богини небеснаго пространства есть истинное подобіе Юпитера. Юпитера звали Римляне отцемъ, Юнону они называли матерью; Юпитеръ носилъ величавое названіе свѣтоноснаго (lucetius), подобнымъ же именемъ величали и Юнону (Iuno Lucina); Юпитера считали владыкою (rex), Юнону называли царицей (regina); Юпитеръ металъ громы, и Юнона обладала тою-же способностью, т. е. была *Matrona Tonantis*; Юпитеръ былъ верховнымъ хранителемъ семей-

ной и государственной жизни и Юнонѣ отведено было здѣсь самое почетное мѣсто. Разница между ними состоитъ только въ томъ, чтъ Юпитеръ есть чувственное изображеніе небесной силы во всей ея полнотѣ, Юнона же—нѣкоторой ея части. Такъ Юпитеръ есть владыка полнаго—свѣта, откуда-бы онъ ни истекалъ: отъ солнца-ли, или отъ звѣздъ и луны; на этомъ основаніи онъ держитъ въ своемъ распоряженіи и дни, и ночи; на этомъ же основаніи ему посвящены были полнолунія каждаго мѣсяца или такъ называемыя Иды, тогда какъ Юнона считалась главнымъ образомъ богинею луннаго (а не болѣе сильнаго солнечнаго) свѣта и, хотя раздѣляла съ Юпитеромъ чествованіе во время полнолунія, но не этотъ день былъ посвященъ спеціяльно ей, а другой, именно календы, т. е. первое число каждаго мѣсяца или иначе день новолунія. Переносясь отъ космическаго значенія этихъ божествъ къ ихъ значенію въ мірѣ людей, замѣчаемъ и тутъ разницу между ними. Юпитеръ есть отецъ, покровитель и защитникъ по преимуществу кравящей половины рода человѣческаго, т. е. мущинъ; Юнона же завѣдуетъ болѣе слабою другою половиною, т. е. женщинами и занята исключительно ихъ потребностями и нуждами; она и мать ихъ, и покровъ, и защита.

5) *Діана*. Какъ въ Юнонѣ мы видѣли женственное дополненіе личности Юпитера, такъ Діана можетъ быть названа подобнымъ же дополненіемъ древнѣйшаго изъ италійскихъ боговъ Януса. Мы видѣли, что Янусъ есть ничто иное, какъ *Dianus*, точно также наоборотъ Діана вполнѣ тождественна съ словомъ *Iana*, другими словами: она есть женское олицетвореніе той самой сферы, мужскимъ представителемъ которой древніе Италіоты, а вмѣстѣ съ ними и Римляне, считали Януса. Подобно Янусу, она принадлежитъ къ разряду наиболѣе древнихъ божествъ и, подобно ему, должна была уступить первое мѣсто иному божеству. Какъ мѣсто Януса занялъ Юпитеръ, такъ Діану смѣнила Юнона и, хотя поклоненіе ей продолжалось по прежнему, но оно не было столь торжественнымъ, какъ служеніе Юнонѣ; самый образъ Діаны, какъ покровительницы женскаго пола, блѣднѣлъ предъ величественной спутницею Юпитера и мало по малу слился съ фигурою греческой Артемиды, представлявшей изъ себя божество ночи.

6) *Минерва*. Погрузившись въ созерцаніе небеснаго пространства, умъ человѣческій поражается не только величественными свѣтилами, плывущими по лазурному небу, но и самимъ планомъ творенія, тѣмъ чуднымъ планомъ, въ которомъ все разсчитано, все размѣрено, все совершается съ необыкновенною правильностью и облечено въ удивитель-

ную гармонію. Эта правильность, эта гармонія естественно приводитъ къ мысли объ особенной силѣ, заправляющей природою и регулирующей ея явленія, о силѣ ума. Хотя, по вѣрованію Римлинъ, каждое божество одарено умомъ и, казалось бы, не было нужды выдѣлять умственную способность боговъ въ особенную божественную личность, тѣмъ не менѣе Римляне нашли нужнымъ сдѣлать это и создали образъ Минервы. Божество это они считали высшимъ выраженіемъ ума Юпитера, того ума, отъ котораго зависитъ гармонія всего міра и который ведетъ человѣка по пути усовершенствованія въ ремеслахъ, искусствахъ и наукѣ. Римляне были убѣждены, что если ихъ женщины умѣютъ ткать и шить, ихъ мастеровые—приготовлять обувь, одежду, мебель, строить жилища, ихъ художники, поэты и (со времени распространенія между ними греческой образованности) ученые и философы могутъ проявлять свои чудныя дарованія, то это потому, что они получаютъ свое знаніе свыше, отъ божесвенной мудрости той, которая въ Капитолійскомъ храмѣ сидѣла одесную великаго громовержца, отъ мудрости Минервы, Въ силу этого убѣжденія всѣ ремесленники, учащіе и учащіеся [1]), всѣ люди высшаго знанія считали ее своею покровительницею и поклонялись ей съ особенною торжественностью.

7) *Венера.* Поэтическое, религіознымъ чувствомъ проникнутое воображеніе древнихъ Римлянъ не могло ограничиться однимъ хладнокровнымъ созерцаніемъ окружающихъ силъ природы и довольствоваться признаніемъ въ ней высшаго разумнаго начала. Природа стучала въ ихъ грудь, будила въ нихъ чувства, между которыми роскошное чувство любви заговорило прежде всего. Нельзя было не увлечься и тою точкой зрѣнія на природу, съ которой она представляется красою [2]), которая манитъ къ себѣ и теплымъ благоуханіемъ весны съ ея разрумяненными цвѣтками, и пламеннымъ дыханіемъ лѣта съ его сочными плодами. Глядя на природу этими очами, нельзя не прійти къ выводу, что чудное устройство ея хотя и вызвано руководящею силою божественнаго ума, но оно насквозь проникнуто и поддерживается другою, не меньшею силою любви. Эта-то сила и получила у Римлянъ выраженіе въ женскомъ образѣ богини *Венеры.* Корень ея имени *ven*, сохранившійся въ латинскихъ

[1]) Если кто брался учить другого тому, чего самъ не зналъ, то Римляне говорили о такомъ человѣкѣ: „Sus Minervam". Выраженіе это, сдѣлавшееся пословицей, равносильно было нашему: и свинья съ своимъ рыломъ". См. Фестъ: Sus.

[2]) Греки вселенную прямо назвали *красотою* (κόσμος).

словахъ *venia, venustas* и др. обозначаетъ: любить, быть расположеннымъ, страстно желать. Римская Венера дѣйствительно была настоящимъ воплощеніемъ идеи, лежащей въ основѣ ея имени. Это, по выраженію Преллера [1]), красивая, любезная хозяйка весны, всѣхъ цвѣтовъ и прелестей природы. Она владычица не только на лугу, у береговъ журчащаго ручья, въ рощахъ и садахъ; она господствуетъ и подъ мирнымъ кровомъ домашняго союза, и въ сердечныхъ отношеніяхъ знакомыхъ и друзей, и повсюду проявляется ея благодѣтельное вліяніе.

Ближайшую связь съ небесными свѣтовыми божествами имѣютъ боги огненной стихіи. Поклоненіе огню у всѣхъ народовъ Индо-европейской или Арійской группы послѣ поклоненія небеснымъ свѣтиламъ занимаетъ найболѣе видное мѣсто. По древнѣйшему вѣрованію Индусовъ *Агни* (то же, что латинское *ignis* и русское *огонь*) есть своего рода мессія; въ качествѣ сына и посланника верховнаго бога *Индры* онъ сошелъ съ неба на землю затѣмъ, чтобъ помогать людямъ въ ихъ борьбѣ съ нуждами, возносить отъ нихъ моленія и жертвенные дары на небо, а оттуда приносить имъ божіе благословеніе и помощь. Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ-же высокопоэтическимъ чувствомъ проникались при взглядѣ на огонь и древніе Италіоты, потому что къ нему они относились съ величайшимъ благоговѣніемъ. Это благоговѣніе перешло отъ нихъ къ Римлянамъ, у которыхъ оно выразилось во 1-хъ въ употребленіи огня при жертвоприношеніяхъ и вообще въ храмахъ, во 2-хъ въ необычайно древнемъ, ко временамъ первобытныхъ Аріевъ восходящемъ, обычаѣ сожиганія покойниковъ, основанномъ на вѣрѣ въ то, что съ огнемъ душа покойника переносится въ міръ тѣней, и въ 3-хъ въ усвоеніи себѣ древняго италійскаго богопочитанія двухъ его представителей *Вулкана* и *Весты*, изъ коихъ послѣдняя въ соединеніи съ почитаніемъ тѣней усопшихъ удостоилась въ Римѣ особеннаго вниманія. Важное значеніе огня въ общежитіи, тѣсная связь его съ дорогими сердцу покойниками создало Вестѣ высшій почетъ не только въ римской семьѣ, но и въ римскомъ государствѣ, для котораго она стала такимъ-же очагомъ и такимъ-же свѣтлымъ пріютомъ, соединяющимъ людей въ тѣсный родственный союзъ, какимъ была она въ семьѣ каждаго хорошаго Римлянина [2]). Въ храмѣ ея огонь составлялъ средоточіе всѣхъ священнодѣйствій обусловленныхъ

---

[1]) см. его Röm. Myth. стр. 383.

[2]) Focus urbis, focus publicus. Циц. de leg. II, 8, 12.

потребностями религіознаго чувства, и считался самою важною святынею. Впрочемъ, поклоненіе огню въ Римѣ не составляло исключительной принадлежности одного только храма Весты; и въ храмахъ другихъ боговъ взоры молящихся обращались къ нему, какъ къ земному представителю небеснаго свѣта, но только здѣсь онъ не имѣлъ такого важнаго значенія, какъ тамъ, гдѣ ему устроено было спеціальне служеніе и гдѣ цѣломудренныя дѣвы богини (Весталки) съ незапамятныхъ временъ ухаживали за нимъ и оберегали его.

Какъ сказано уже, огонь у Римлянъ имѣлъ двоякое олицетвореніе: въ мужескомъ образѣ Вулкана и въ женскомъ—Весты.

1) *Вулканъ.* Созданная воображеніемъ личность этого бога служила у Римлянъ выраженіемъ той энергической силы огня, которая иной разъ выступаетъ въ своей образовательной творческой роли, каковы напр. кузнечество, плавка металловъ, иной-же разъ дѣйствуетъ разрушительно, какъ напр. въ пожарѣ и вулканическихъ изверженіяхъ. Разсматриваемый въ смыслѣ энергическаго благотворнаго начала, Вулканъ казался Римлянамъ богомъ, принимающимъ самое живое участіе въ образованіи союзовъ—семейнаго, пастушескаго, государственнаго и даже международнаго. И тамъ, и здѣсь онъ есть *горячее* чувство любви, объединяющее людей во имя общихъ интересовъ и какъ бы сплавляющее ихъ въ нераздѣльное цѣлое. Съ этой точки зрѣнія Вулканъ находился въ близкомъ родствѣ съ богинею любви Венерою. Но въ благодѣтельной природѣ Вулкана была еще другая сторона: онъ—богъ мастерства и производства главнымъ образомъ металлическаго. Подобно греческому Гефесту онъ научилъ людей обдѣлывать руду, плавить металлы, ковать желѣзо, производить земледѣльческія и ремесленныя орудія, дѣлать щиты, мечи и т. д. Другой его образъ пугалъ воображеніе какъ чудовищная сила подземнаго міра, способная въ раздраженіи своемъ заставить трепетать землю и передвигать горы съ мѣста на мѣсто. Для успокоенія страшнаго бога требовались умилостивленія и жертвы, можетъ быть даже кровавыя.

2) *Веста.* Это—кроткій женскій образъ той благодатной силы огня, которая теплымъ дыханіемъ согрѣваетъ озябшее тѣло, которая къ очагу собираетъ домочадцевъ, которая переработываетъ невкусную сырую пищу въ лакомое блюдо. Веста слѣд. есть прежде всего божество, покровительствующее развитію благосостоянія домашней жизни; но этою дѣятельностью еще не исчерпывается значеніе Весты въ средѣ рмискихъ божествъ. Такъ какъ Римъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ совокупностью

домовъ, а въ каждомъ домѣ былъ свой очагъ, каждый же очагъ находился въ вѣдѣніи Весты, то отсюда возникла вѣра, что эта богиня есть охранительница цѣлаго города. Далѣе: такъ какъ Римъ былъ столицею цѣлаго римскаго государства, то по необходимости должно было возникнуть понятіе о томъ, что (съ извѣстной, разумѣется, точки зрѣнія) Веста есть глава римскаго государства. Не даромъ Римляне въ центрѣ своей столицы устроили ей общественный храмъ и алтарь: focus urbis, focus publicus, недаромъ они называли ее праматерью своею, т. е. матерью своихъ предковъ (penates), не даромъ требовали, чтобы символъ ея безсмертія огонь никогда не угасалъ, вотъ почему также Весталки—дѣвы, служившія ей въ храмѣ, пользовались въ Римѣ необычайнымъ почетомъ. Предки, по древнѣйшему вѣрованію Римлянъ [1]), невидимо присутствовали среди живыхъ потомковъ своихъ и, любя ихъ, оказывали имъ свое содѣйствіе и помощь; изъ этой вѣры родилась у нихъ издревле потребность совмѣстно съ Вестою чтить и пенатовъ. Почитаніе ихъ съ теченіемъ времени преобразилось въ настоящее обоготвореніе: имъ молились, приносили жертвы, называли богами, именемъ ихъ, наконецъ, клялись [2]).

Обратимся теперь къ божествамъ земли.

Если при взглядѣ на величественный небесный куполъ, вѣнчающій не менѣе величественное зданіе земной поверхности, воображеніе древняго язычника Италіи уносило его въ міръ чистыхъ образовъ свѣта и создало цѣлый сонмъ божествъ, то можно-ли удивляться, если то же воображеніе, перенесясь въ ближайшую сферу и широкимъ полетомъ фантазіи окрыливъ поверхность и нѣдра земли, и здѣсь открыло присутствіе высшихъ силъ, такъ или иначе заправляющихъ питательными соками почвы, такъ или иначе проявляющихъ свое могущественное дѣйствіе? Божественныя силы земли были извѣстны у Римлянъ подъ разными наименованіями, имѣвшими, кажется, значеніе не столько собственное, сколько нарицательное, служившее обозначеніемъ различныхъ проявлемій одной и той же силы. Таковы были: Tellus=Tellumo, Consivia, Ops, Dea dia, Ceres, Liber и др.; въ числѣ ихъ находимъ и старика Сатурна. Трудно навѣрное сказать, какое именно изъ проявленій земной силы олицетво-

---

[1]) См. ниже объ этомъ.

[2]) Серв. Vir. Aen. II, 469: „culina (sacrata est) diis Penatibus". Тамъ же III, 178: „...penatibus sacrificat". Циц. Acad. II, 20, 65: „jurarem per Iovem deosque penates".

рялось въ томъ или другомъ божествѣ, потому что не достаетъ тѣхъ очертаній, которыя можно было-бы считать характеристическими особенностями данной божественной фигуры; невольно поэтому приходится довольствоваться болѣе или менѣе гадательными построеніями. Такъ

1) *Tellus* была, по всей вѣроятности, божествомъ, завѣдывавшимъ *почвою* или, что называется, нѣдрами земли и, какъ попечительная мать, она охраняла, лелѣяла и взращивала зерно, которое съ полнымъ довѣріемъ земледѣлецъ давалъ въ ея распоряженіе [1]). Впрочемъ эта роль принадлежала, повидимому, не одной ей исключительно, но совмѣстно съ другимъ божествомъ той же сферы, а именно: совмѣстно съ Церерой, которая точно также считалась производительницею растительнаго царства и въ праздникахъ земледѣльца была призываема наравнѣ съ Теллусъ. Слѣдя за жизнью растеній отъ всхода до увяданія, не трудно прійти къ убѣжденію, что земля есть не только колыбель, но и могила, что она обратно принимаетъ въ свое лоно жизнь, которой нѣкогда была виновницею. И не только растенія, но и животныя, и люди возвращаются къ ней: извѣстное выраженіе: „земля еси и въ землю отыдеши" — было, повидимому, однимъ изъ основныхъ вѣрованій и Римскаго народа, не даромъ же на порогѣ смерти вспоминали Теллусъ. Когда Децій Мусъ — отецъ рѣшился своею жизнью пожертвовать для спасенія чести своего отечества, то онъ такъ молился: „О боги неба и земли! молю васъ — дайте силу и побѣду Римскому народу, а враговъ его поразите ужасомъ и смертью! Ради этого я приношу себя въ жертву Манамъ и Теллурѣ" [2]). Отсюда слѣдуетъ, что образъ этого божества можно считать двуликимъ такъ точно, какъ образъ Януса, хотя Римляне только послѣдняго изображали такимъ образомъ. Относительно Теллумо нужно замѣтить, что въ лицѣ этого бога Римляне запечатлѣли свой взглядъ на почву, какъ на вмѣстилище двоякой производительной силы: мужской и женской. Представителями ихъ были: Теллусъ — женской и Теллумо — мужской.

2) *Consivia.* Судя по близкому соотношенію этого имени къ имени Сатурна и къ глаголу сѣять (serere), можно думать, что Консивіей Римляне называли божество, присутствующее при посѣвахъ въ качествѣ не-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ она иногда и носила имя матери; такъ напр. извѣстна клятва: „Tellus mater teque Iupiter obtestor". Макр. Satur, III, 9.

[2]) Лив. VIII, 9. Рѣчь приведена въ сокращеніи. См. подобное же воззваніе у Ливія X, 28.

видимой помощницы земледѣльца, ввѣряющаго зерно почвѣ. На это предположеніе наводитъ встрѣчающееся сочетаніе имени Консивіи съ именемъ Опсъ, которое у Римлянъ обозначало собою способность, силу, помощь, обиліе [1]). Кромѣ того есть указаніе, что древніе Римляне обращались къ ней и призывали ее при жатвѣ и уборкѣ хлѣба съ полей, изъ чего можно заключить, что это божество имѣло своею спеціальною задачею охранять и покровительствовать земледѣліе вообще.

3) *Dea dia.* Личность этого божества представляется весьма неясною; невозможно съ точностью опредѣлить, какое именно отношеніе ея къ производительнымъ силамъ земли; не подлежитъ однако-же сомнѣнію, что она есть одно изъ выраженій этихъ силъ, потому что во 1-хъ для болѣе торжественнаго чествованія ея издавна въ Римѣ было установлено особое братство, извѣстное подъ именемъ *fratres arvales*, т. е. братство пахарей, и во 2-хъ потому, что это братство въ концѣ мая совершало въ честь ея особенныя церемоніи въ рощѣ, недалеко отъ Рима, при чемъ важное символическое значеніе имѣли употреблявшіеся братствомъ вѣнки и свѣжеиспеченный изъ новаго зерна хлѣбъ. Судя еще по тому, что праздникъ ея въ Римѣ наступалъ вскорѣ за флораліами, совершавшимися въ честь *Флоры*—богини цвѣтенія, и именно тогда, когда отцвѣтшій колосъ начинаетъ наливаться питательными соками и приближаться къ созрѣванію [2]), можно думать, что на два діа Римляне взирали, какъ на божесто, завѣдующее главнымъ образомъ созрѣваніемъ хлѣбныхъ злаковъ.

4) *Церера.* Древнѣйшее представленіе Римлянъ и родственныхъ имъ Италійскихъ племенъ объ этомъ божествѣ намъ не извѣстно; можетъ быть, поэтическое воображеніе приписывало ему силу производить совмѣстно съ божествами свѣтоваго пространства древесные плоды и охранять фруктовыя деревья; на такую роль Цереры указываетъ названіе вишневаго дерева и его плодовъ, взятое, очевидно, отъ ея имени: *cerasus*, *cerasum*, а также очень тѣсная связь ея съ *Либеромъ* и *Либерою* — божествами винодѣлія и соединеннаго съ нимъ весе-

---

[1]) Макр. Satur. III, 9; Варр. L. L. VI, 21. Отсюда—ея названіе *Opeconsiva.*

[2]) Въ концѣ мая; флораліи же совершались между 28 апрѣля и 3 Мая.

лія; [1]) но было-ли такъ въ дѣйствительности, за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній утверждать трудно. Начиная съ республиканскаго періода римской жизни, Церера пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе греческую физіономію и наконецъ, подъ вліяніемъ греческихъ миѳовъ, отождествляется съ Деметрою; Деметра же значитъ то же, что Γῆ μήτηρ, т. е. мать земля. Вмѣстѣ съ нею огречились и древне-латинскіе *Liber* и *Libera*, сдѣлавшись: первый—Діонисомъ или Вакхомъ, т. е. богомъ пьянства и веселія, а вторая—Персефоною (по латыни: Прозерпиною),—богинею подземнаго ада и женою Аидонея (по латыни: Диспатера или Оркуса) [2]). Какъ мать—земля Церера является богинею плодовъ земныхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и богинею зерноваго хлѣба въ частности. Въ послѣднемъ смыслѣ она представлялась *кормилицею римскаго народа* и потому къ ней всегда обращались съ мольбою и жертвоприношеніемъ, но въ особенности тогда, когда чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ. Такъ какъ Церера съ теченіемъ времени преобразовалась въ греческое божество, но только на римской почвѣ, и такъ какъ на нее перешелъ и греческій миѳъ о Деметрѣ, то для уясненія личности этого божества не безъинтересно ознакомиться съ тѣмъ миѳическимъ сказаніемъ, которое составилось у древнихъ Грековъ относительно Деметры и ея дочери.

Вотъ это сказаніе: Деметра отъ брака съ Зевсомъ имѣла единственную дочь, которую любила безгранично, Персефону. Лелѣемая матерью, Персефона росла и развивалась, окруженная нимфами, среди садовъ, усѣянныхъ роскошнѣйшими цвѣтами, и проводила время въ дѣтскихъ забавахъ, играя и рѣзвясь, какъ чистое непорочное дитя. Самымъ любимымъ ея занятіемъ было собирать цвѣтки и дышать ихъ благоуханіемъ. Свѣтлый образъ небеснаго существа проникъ лучемъ своимъ до бездны ада и помутилъ голову его страшнаго владыки. Въ тотъ самый мигъ, когда Персефона прикоснулась рукой къ цвѣтку (нарциссу), чтобъ сорвать его, подъ нею разверзается земля, и изъ страшной пропасти вы-

---

[1]) Въ Римѣ по изгнаніи рода Тарквиніевъ былъ построенъ храмъ, носившій названіе храма *Cereris*, *Liberi Liberaeque*. Прел. Röm. Myth. 432.

[2]) Сервій въ толкованіи на Виргилія (Serv. Vir. Geor. I, 344) говоритъ: „aliud est sacrificium, aliud nuptias Cereris celebrare, quae *Orci nuptiae* dicebatur". У Феста же читаемъ: „graeca sacra festa Cereris ex Graecia translata, quae *ob inventonem Proserpinae* matronae colebant". См. еще у Серв. Virg. Aen. III, 139: „alii dicunt: Cererem propter raptum filiae nuptias execratam.

глянувшая мрачная фигура Аидонея хватаетъ ее въ свои демоническія объятія и уноситъ въ подземное царство. Дѣвушка успѣла только вскрикнуть и исчезла. Это былъ отчаянный, душу раздирающій крикъ безпомощной дочери. Услышавъ его, Деметра предалась тому безутѣшному горю, которое только способна чувствовать мать, теряющая единственное и притомъ возлюбленное чадо. Въ тяжкой скорби она разорвала на себѣ покрывало, распустила волосы и, облачившись въ трауръ, съ факеломъ въ рукѣ отправилась разыскивать любимую дочь. Была она во всѣхъ земляхъ, на всѣхъ моряхъ, избѣгала всѣ концы свѣта, дошла до крайняго солнечнаго заката и не нашла любимаго существа нигдѣ, 9 дней, не умываясь, не принимая ни пищи, ни питія, провела она въ поискахъ; на 10-й день она встрѣчаетъ Гекату—богиню луны и спрашиваетъ ее, не видѣла-ли она ея дочери. Хотя Геката и слышала крикъ, но не могла разглядѣть лицо таинственнаго похитителя, потому что онъ съ ногъ до головы былъ закутанъ въ туманъ и облака. Не получивъ отъ нея радостнаго сообщенія, Деметра отправляется къ всевидящему солнцу и узнаетъ у него объ ужасной катастрофѣ. Въ безсильной злобѣ и отчаяніи бѣдная мать отказывается отъ міра и боговъ, замыкается въ самой себѣ, въ своемъ тяжкомъ горѣ и предается полнѣйшему уединенію. Горе ея отразилось на людяхъ, такъ какъ въ это время они стали терпѣть голодъ: Деметра, отъ которой зависитъ производительность почвы, отказалась производить плоды до тѣхъ поръ, пока не увидитъ своей дочери, и на землѣ прекратилась растительная жизнь. Между тѣмъ похищенная Персефона уже отвѣдала *гранатъ* Аидонея, что у Грековъ было символомъ ея супружеской связи съ невидимымъ богомъ подземнаго царства, и хотя бы голодъ на землѣ продолжался вѣчно, она не смѣла расторгнуть брачнаго союза. Деметрѣ однакожъ удалось уговорить суроваго Аидонея отпустить Персефону для свиданія съ матерью и даже заключила съ нимъ договоръ, по которому онъ обязался отпускать свою жену къ матери на цѣлые полгода отъ начала весны до начала осени, послѣ чего она должна обратно возвращаться въ царство тьмы.

Въ этомъ миѳѣ можно видѣть поэтическое возрѣніе на появленіе и исчезновеніе растительной жизни въ природѣ, на вѣчную метаморфозу жизни и смерти. Этимъ-же возрѣніемъ можно объяснить, почему въ Римѣ на Цереру въ иныхъ случаяхъ смотрѣли, какъ на представительницу безплодія и смерти, что видно изъ того напр., что послѣ сраженія при Каннахъ, имѣвшаго столь роковыя послѣдстия для Римлянъ, послѣдніе устроили Церерѣ праздникъ и принесли ей жертву,—изъ того, что иму-

щество тяжкаго преступника, осужденнаго на смерть, считалось собственностью этой богини (sacrum Cereris), изъ того, что ее старались умилостивить во время голода, и т. д.

Названныя сейчасъ божества далеко еще не исчерпываютъ собою всего сонма божественныхъ силъ, изъ коихъ каждая была облечена Римлянами въ особый образъ. И воздушное пространство, и поверхность земли, и находящаяся на ней вода, и глубочайшія нѣдра земли—все было населено особеннаго рода демонами; одни изъ нихъ считались добрыми, другіе—злыми. Среди нихъ помѣщались и незримые образы покойниковъ. Такъ демоны, носившіеся въ атмосферѣ, получили общее названіе *геніевъ*; подъ ихъ ближайшимъ надзоромъ находились люди. Каждый человѣкъ, по глубокому вѣрованію Римлянъ, имѣлъ своего генія—покровителя, который неотступно сопровождалъ его во всѣхъ путяхъ жизни и велъ его отъ колыбели до дверей гроба [1]). Отъ природы генія зависѣли и человѣческіе поступки: геній хорошъ и человѣческіе поступки хороши; злой—геній, и къ дурнымъ дѣламъ приводитъ онъ [2]). Геніямъ Римляне приписывали ощущенія какъ радости, такъ и печали, смотря по тому, радуются, или печалятся ихъ кліенты. Геніи были не только у отдѣльныхъ лицъ, но и въ каждой отдѣльной семьѣ; были геніи цѣлаго рода, города, отдѣльной области, геніи площадей, улицъ, воротъ т. д. Въ христіанскую эпоху число этихъ геніевъ возросло до такой степени, что, по выраженію одного христіанскаго писателя, не было той скважинки, изъ которой-бы не выглядывала фигура какого—нибудь генія. Во главѣ ихъ стоялъ *genius populi romani.*

Жидкая стихія имѣла также своихъ отдѣльныхъ представителей какъ мужескаго, такъ и женскаго пола. Главою ихъ въ древнѣйшее время считался *Fons* или *Fontus*, сынъ двуликаго Януса, взявшій въ свое вѣдѣніе источники и рѣки, созданные его отцемъ. Впослѣдствіи времени, подъ вліяніемъ этрусскихъ и греческихъ вѣрованій, Фонсъ

---

1) „Genius ita nobis assiduus observator appositus est, говоритъ Цензоринъ ut ne puncto quidem temporis longius abscedat, sed ab utero matris acceptos ad extremum vitae diem comitetur.“ гл. 3.

2) „Scit genius (Горац. Ep, II, 2), natale comes qui temperat astrum, *naturae deus humanae*, mortalis in unumquodque caput, voltu mutabilis, albus et ater“.

былъ вытѣсненъ другимъ божествомъ — *Нептуномъ*, державнымъ властителемъ морской поверхности, по которой порою скользитъ чуть слышно, порою мчится стрѣлою на пѣнящихся рысакахъ. Кромѣ Фонта былъ еще батюшка Тиберинъ (pater, иногда divus Tiberinus), Волтурнъ (богъ рѣки того же имени), были Ютурна, соотвѣтствовавшая Фонту, Эгерія, Камены и другія женскія фигуры, завѣдывавшія ключами и ручьями. У Римлянъ онѣ назывались общимъ именемъ лимфъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ греческимъ нимфамъ.

Лѣса, рощи, луга и поля имѣли своихъ лѣшихъ и русалокъ, изъ коихъ одни проявляли свою благодѣтельную природу, другія были страшными пугалами, отъ которыхъ всякій суевѣрный Римлянинъ старался держаться какъ можно подальше.

Среди этой безконечной вереницы разныхъ геніевъ и нимфъ вращались и неясныя очертанія умершихъ Римлянъ. Посмотримъ теперь, какъ въ воображеніи древняго Римлянина, не просвѣтленнаго еще животворнымъ лучемъ христіанскаго ученія, рисовался тотъ загадочный міръ, постигнуть который составляетъ труднѣйшую задачу обыкновеннаго ума, и который однакожъ не оставляетъ человѣка дотолѣ, пока такъ или иначе онъ не разрѣшитъ свои сомнѣнія, пока не успокоитъ своего тревожнаго сердца. Что же въ самомъ дѣлѣ, спрашивалъ себя древній Римлянинъ, станется со мною, когда пробьетъ для меня роковой часъ смерти? Неужели я исчезну безслѣдно? Неужели такъ же безслѣдно исчезли и тѣ, кто недавно жилъ со мною, съ кѣмъ я еще вчера дѣлилъ свои радости и горе? Неужели намъ нѣтъ мѣста среди столькихъ, незримо въ мірѣ присутствующихъ демоническихъ существъ? Нѣтъ; не можетъ быть, чтобы земною жизнью кончалось все; есть жизнь другая, есть и за гробомъ жизнь,—такъ говорили себѣ Римляне, и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ для нихъ служили тѣ сновидѣнія, во время которыхъ имъ грезились, какъ живыя существа, образы отошедшихъ въ вѣчность.

Но какова эта будущая жизнь? Опредѣленно, съ увѣренностью не могъ отвѣтить ни одинъ изъ римскихъ язычниковъ. Замогильный міръ каждому изъ нихъ представлялся въ весьма неясныхъ формахъ. То казалось напр., что гдѣ-то тамъ, въ глубочайшихъ нѣдрахъ земли [1]), есть особое мѣсто, въ которомъ безпощадный богъ смерти *Dis-Pater* осно-

---

1) „Imus in viscera terrae et in sede manium opes quaerimus", говоритъ Плиній (H. N. XXXIII, 1).

валъ свою резиденцію и, окруженный многочисленною свитою, какъ ночь, темныхъ полубоговъ, принимаетъ къ себѣ тѣхъ, кого вѣрный исполнитель его велѣній Орксъ приведетъ къ нему. Часто у Римлянъ имя Оркса отождествлялось съ Диспатеромъ и обыкновенно переносилось на самое то мѣсто, гдѣ помѣщался Диспатеръ [1]). Темныя эти силы, представлявшіяся въ воображеніи древнихъ Римлянъ обыкновенно чудовищами, назывались у нихъ *ларвами* и *лемурами*. По вѣрѣ ихъ, чудовища эти въ опредѣленныя времени года и въ извѣстные дни покидали свою мрачную обитель и появлялись на землѣ съ тѣмъ, чтобъ тревожить миръ и покой не только людей, но и животныхъ. Иногда имъ казалось, что эти чудовища ничто иное, какъ безпокойныя тѣни умершихъ насильственною смертью и требующихъ возмездія за преждевременно угасшую жизнь [2]), то опять, что это черти, наводящіе на людей безуміе и карающіе ихъ за гробомъ. Кромѣ этого представленія были еще многія другія, изъ коихъ самое поэтическое находимъ у художественнѣйшаго изъ римскихъ поэтовъ Виргилія, сложившееся впрочемъ подъ сильнымъ вліяніемъ греческой миѳологіи. Въ Энеидѣ его читаемъ слѣдующее:

Желая увидѣться съ своимъ отцемъ, находившимся въ преисподней, Эней обращается за совѣтомъ къ кумской сивиллѣ [3]). Та охотно согласилась дать ему наставленіе, какъ пробраться на тотъ свѣтъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтоби онъ сначала съ честью похоронилъ одного изъ злополучныхъ спутниковъ своего странствованія Мизена. Эней немедля принялся за совершеніе погребальной церемоніи; но такъ какъ для этого нуженъ былъ костеръ, то онъ отправилъ въ сосѣдній лѣсъ людей для рубки дровъ. Въ это время въ видѣ двухъ голубей прилетѣли къ нему вѣстники отъ матери Венеры и приказали ему слѣдовать за собою. Послушный высшей волѣ, Эней вмѣстѣ съ сивиллой отправляется

---

[1]) Греческое ὅρκος въ религіозномъ смыслѣ обозначало страшную клятву, которая произносилась именемъ подземной рѣки Стикса.

[2]) Такова напр. тѣнь убитаго Рема у Овидія: „Umbra cruenta Remi visa est assistere lecto atque exiguo murmure verba loqui“. Fast. V, 457—458.

[3]) Городъ Кумы-греческая колонія на западномъ берегу Италіи славился издревле своими вѣщими женщинами, называвшимися у Римлянъ сивиллами. Подлѣ этого города въ рощѣ, посвященной Прозерпинѣ, находилось Авернское озеро, подлѣ котораго была довольно глубокая пещера, наводившая на жителей этой мѣстности суевѣрный страхъ.

за этими голубями и приходитъ въ рощу стигійской Юноны [1]); здѣсь на одномъ чудномъ деревѣ, скрытомъ въ самомъ затаенномъ мѣстѣ, голуби сѣли: остановился подъ деревомъ и Эней. Сивилла объяснила Энею, что прежде, чѣмъ отворятся ворота въ царство тѣней, нужно отломать отъ таинственнаго дерева одну вѣтку, отличавшуюся отъ остальныхъ своимъ особеннымъ составомъ, а именно она была золотая. Сломавъ вѣтку, Эней подалъ ее сивиллѣ, послѣ чего они отправились въ темную пещеру и принесли въ ней жертву подземнымъ обитателямъ. Дѣло было при закатѣ солнца. Едва окончилось жертвоприношеніе, какъ изъ-подъ земли раздался страшный гулъ; вторя ему зашумѣлъ лѣсъ, завыли собаки. Чтожь это такое?—идетъ владычица подземнаго царства. Сивилла тогда съ дивною вѣткой стремительно направляется къ пещерѣ, увлекая за собою Энея, который между тѣмъ для безопасности извлекъ изъ ноженъ мечъ. Вооруженные такимъ образомъ (она-вѣткою, онъ—мечемъ), идутъ они по длинному ущелію пещеры и доходятъ наконецъ до порога, за которымъ начинается царство тѣней. Какихъ только ужасовъ тутъ нѣтъ! Тутъ скорби и печали, страхъ и голодъ, болѣзни и дряблость, сонъ и смертъ: ссора, война и фуріи имѣютъ здѣсь свой притонъ; мечты висятъ здѣсь на предвѣчномъ и высочайшемъ вязѣ. Эней могъ видѣть здѣсь также и тѣ страшилища, предъ которыми никто изъ смертныхъ устоять не можетъ, а именно: центавровъ лютыхъ [2]), сциллъ ненасытныхъ [3]), гидру лернейскую [4]), Бріарея чудовищнаго [5]), грей безобразныхъ [6]), горгонъ змѣевласыхъ [7]) и Геріона трехтѣлаго [8]). Пройдя мимо этихъ замогильныхъ жильцовъ, они приблизились къ Ахерону, на

---

[1]) Стигійская Юнона=Прозерпина.

[2]) Кентавръ—получеловѣкъ и полубыкъ или получеловѣкъ и полуконь; верхняя половина его- человѣчья, нижняя—быка или лошади.

[3]) Морское чудувище съ 6-ю головами и 12-ю острыми когтями, на скалѣ подстерегающее мореходовъ.

[4]) Морская змѣя, у которой на мѣсто отсѣченной головы выростать могли новыя.

[5]) Бріарей—великанъ, производящій землетрясеніе,—одинъ изъ Гекатонхейровъ (т. е. сторукихъ).

[6]) Греи—старухи, у которыхъ на трехъ-одинъ глазъ и одинъ зубъ, по очереди переходившіе отъ одной къ другой.

[7]) Между горгонами самая страшная—медуза; отъ взора ея люди превращались въ камень.

[8]) тоже—одинъ изъ великановъ.

которой правитъ ладьею своею свирѣпый Харонъ, старецъ съ всклокоченной густой бородой и выкатившимися большими огненными глазами. Какъ стаи птицъ несутся въ теплой край, какъ кучи листьевъ опадаютъ на землю, такъ всѣ тѣни стремятся къ нему. Всѣ желаютъ перевезтись, но не всѣмъ удается; перевозятся только тѣ, кто какъ слѣдуетъ похороненъ; только тѣмъ можно достигнуть успокоенія. Бѣдняки, которымъ отказали въ этой послѣдней услугѣ, т. е. въ должномъ погребеніи, сотни лѣтъ блуждаютъ у береговъ рѣки, пока наконецъ ихъ переправитъ Харонъ. Переправившись на противуположный берегъ рѣки, оба спутника (Эней и сивилла) очутилась подлѣ Цербера [1]); потомъ они встрѣтились съ душами преждевременно умершихъ младенцевъ, которые издавали жалобный вопль, потомъ съ невинноосужденными на смерть, съ самоубійцами, которые теперь напрасно обращали къ жизни умильные взоры. Не вдалекѣ отсюда разстилалась долина скорби, заросшая миртомъ, на которой блуждали тѣни погибшихъ отъ любви съ стрѣлою любви въ сердцѣ. Отсюда они вступили въ то отдѣленіе, гдѣ помѣщались герои ѳиванской и троянской войны; и прошли его въ торопяхъ, потому что аврора [2]) возвѣщала уже грядущее утро. Такъ достигли они до перекрестка: направо находился старинный дворецъ Плутона [3]) и Прозерпины, гдѣ обитаютъ праведники, налѣво спускъ въ адъ и бездну тартара [4]). Взглянувъ въ эту пропасть, Эней видитъ крѣпость, окруженную тройною стѣною и раскаленнымъ кипящимъ потокомъ Флегегона [5]), и слышитъ страшные звуки цѣпей и удары бичей. Онъ узнаетъ, что это область Радаманта [6]), гдѣ строгій судья наказываетъ грѣшныя души и сдаетъ ихъ потомъ фуріямъ [7]). Внутри ада дико ревутъ 50 водоворотовъ Сциллы; подъ адомъ [8]) на протяженіи, равномъ двойному разстоянію отъ неба до земли, начинается область тартара, гдѣ въ вѣчномъ и непроницаемомъ мракѣ томятся титаны. [9]). Среди нихъ увидѣлъ Эней

---

[1]) Собака—трехголовое чудовище.

[2]) Утренняя заря.

[3]) То же, что Айдонея.

[4]) Тартаръ—самое глубокое и темное мѣсто въ землѣ.

[5]) Флегетонъ—адская рѣка, текущая огненной струей.

[6]) Радамантъ—одинъ изъ судей загробнаго міра.

[7]) Фуріи (греческія—эринніи)—мучительницы совѣсти.

[8]) Выходъ изъ ада, по мнѣнію Виргилія, невозможенъ.

[9]) Титаны—великаны дерзнувшіе бороться съ высшимъ божествомъ.

безнадежно кающихся въ своей гордынѣ Алоидовъ, Салмонея, Иксіона и Пейриѳооса [1]). Здѣсь же испытываютъ тяжкія муки братоненавистники и лжесвидѣтели, корыстолюбцы, тѣ, которые своихъ отцовъ убили, которые измѣнили клятвѣ и отечеству. Отсюда взоры Энея обращаются въ иную сторону: Сивилла ведетъ его по тѣнистой рощѣ Прозерпины въ селеніе подземныхъ боговъ. Эней ступаетъ на порогъ, орошаетъ его свѣжею водою, вѣшаетъ на дверяхъ золотую вѣтку и вступаетъ въ обитель праведныхъ, которая представляется ему страшнымъ контрастомъ съ тѣмъ, что онъ видѣлъ доселѣ. Повсюду пышнымъ ковромъ разстилается нѣжная зелень, повсюду разлито благоуханіе и краса, небо блещетъ чистѣйшимъ сіяніемъ никогда незаходящаго солнца и вѣчной весны. Въ обители этой одни занимаются гимнастикой, а другіе танцуютъ подъ звуки чарующей музыки и сладостныхъ пѣсень Орфея [2]). Здѣсь Эней встрѣчается съ своими предками, которые въ видѣ тѣней веселятъ себя забавами, напоминающими геройскіе подвиги ихъ на землѣ, нѣкоторые изъ нихъ, расположившись въ роскошнѣйшей долинѣ, по которой журчитъ хрустальный ручей, пируютъ и пѣсни поютъ. Радости ихъ вкушаютъ и тѣ, кто жизни своей не щадилъ за отечество, и тѣ, кто своими талантами принесъ услугу человѣчеству, какъ напр. чистые служители боговъ и пѣвцы, а во главѣ всѣхъ Музей [3]). Послѣдній ведетъ пришельцевъ чрезъ одну возвышенность въ цвѣтущую долину, гдѣ толпа тѣней пьетъ отъ рѣки забвенія [4]) и гдѣ находится также отецъ Энея [5]). Послѣ взаимныхъ выраженій радости отъ встрѣчи, отецъ просвѣщаетъ сына относительно возрожденія душъ и показываетъ ему славные ряды будущихъ потомковъ Энея и судьбы Рима отъ его основанія до временъ Октавіана Августа. Вопросъ о душѣ Анхизъ разрѣшаетъ такъ: тотъ міровой духъ, который живитъ небо и землю, звѣзды и всякую плоть, есть виновникъ и той жизни, которою живутъ люди и четвероногія, рыбы и птицы. Это есть огненная сила божественнаго происхожденія; но сила эта, будучи замкнута въ тѣлесной оболочкѣ, стѣсняется ею и потому не можетъ имѣть того простора, который она могла-бы проявить

---

[1]) Все это—гордецы, дерзавшіе силою своею мѣряться съ богами, за что и посажены въ тартаръ.

[2]) Миѳическій пѣвецъ, могучею силою своей пѣсни потрясавшій скалы.

[3]) Миѳическій родоначальникъ вдохновеннаго музыкальнаго искуства.

[4]) Называвшейся Летою.

[5]) Имя его—Анхизъ.

на свободѣ; отсюда происходятъ разныя проявленія человѣческой души, какъ напр. желанія, опасеніе, надежды, печали, заботы, радости и. т. д. Даже послѣ смерти не вполнѣ разрывается это тѣсное единеніе души и тѣла; чтобы окончательно порвать связь, нужно еще подвергнуть человѣка очищенію посредствомъ пытки, или воды, или огня; тогда только душа снова получаетъ свой первоначальный чистый образъ и, испивъ воды забвенія, можетъ вновь появиться въ человѣческомъ тѣлѣ и снова начать жизнь на землѣ. Выслушавъ отца, Эней простился съ нимъ и покинулъ подземное царство.

Такова поэтическая картина будущей жизни, нарисованная Виргиліемъ; на ней виднѣются и мученія ада, и радости рая и даже чистилище, но такъ-ли думали и прочіе Римляне? Сомнительно. Можно полагать, что въ этомъ отношеніи у нихъ были самыя разнообразныя представленія и ни одного не было яснаго. Съ достовѣрностью извѣстно только, что они вѣровали въ существованіе такъ называемыхъ *Мановъ* (*manes*, *dii manes*), *ларовъ* (*lares*, *lares familiarum*) и *пенатовъ*, и что эти три разряда существъ различались по широтѣ и объему своей особенной дѣятельности, по семействамъ, родамъ и даже въ общественномъ и государственномъ отношеніяхъ.

Что-жь такое маны, лары и пенаты? Подъ именемъ *мановъ* Римляне разумѣли существа чистыя, свѣтлыя и добрыя; но каково происхожденіе этихъ существъ и была-ли какая-нибудь родственная связь ихъ съ живыми людьми,—ничего не извѣстно; или это были свѣтлые духи, соотвѣтствующіе нашимъ ангеламъ, или это общее родовое названіе для демоновъ и душъ усопшихъ, или это наконецъ названіе для неизвѣстнаго намъ разряда душъ, находившихся въ извѣстной степени родства съ живыми Римлянами, сказать съ достовѣрностью не возможно, хотя, кажется, можно допустить третье предположеніе, и вотъ почему: У Римлянъ былъ обычай при закладкѣ новаго города на открытомъ мѣстѣ рыть воронкообразную яму, нижняя часть которой посвящена была манамъ (diis manibus) совмѣстно съ подземными божествами: Оркусомъ, Церерою и др. и закрывалась камнемъ, который назывался *lapis manalis*. Въ этой ямѣ приносилась жертва манамъ и подземнымъ богамъ, а потомъ вокругъ нея обводилось стѣною столько пространства, сколько считалось нужнымъ для постройки города. Жертва въ честь мановъ имѣла, по видимому, цѣлью призвать тѣни родныхъ покойниковъ изъ прежняго мѣста жительства на новое, и склонить ихъ не прекращать добрыхъ отношеній къ живымъ на новомъ мѣстѣ поселенія. Если такъ, то можно пред-

полагать далѣе, что манами назывались у Римлянъ ближайшіе родственники, отошедшіе въ вѣчность, потому что болѣе далекіе родственники носили названіе *ларовъ*. Обычный ихъ эпитетъ: *фамильный* (lar familiaris) заставляетъ догадываться, что подъ ними разумѣли умершихъ родоначальниковъ и считали ихъ патронами и охранителями цѣлаго рода. Такъ былъ ларъ рода Тарквиніевъ, Валеріевъ, Клавдіевъ и проч., былъ ларъ цѣлаго села, если село образовалось изъ развѣтвленія одного рода; если село превращалось въ городъ, то лары становились городскими. Какъ сельскіе, такъ и городскіе лары (lares compitales, lares viales) въ отличіе отъ ларовъ родовыхъ получали названіе общественныхъ (lares publici [1]), потому что ихъ чтило цѣлое общество даннаго села, округа и города. Къ ларамъ Римляне относились съ особеннымъ уваженіемъ; каждый Римлянинъ имѣлъ въ своемъ домѣ отдѣльное для нихъ помѣщеніе и, наставивъ ихъ изображенія, во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей или своего семейства жизни обращался къ нимъ съ просьбою и ставилъ имъ на особомъ подносикѣ (patella) частицы того кушанья, которое потреблялъ самъ.

Такимъ-же точно почетомъ пользовались и *пенаты*, которыхъ въ сущности очень трудно отличить отъ ларовъ, потому что какъ тѣ, такъ и другіе считались добрыми геніями, оберегающими людей. Единственная разница, которую можно усмотрѣть между ними, заключается въ томъ, что лары считались охранителями личности членовъ рода и общества, а пенаты-охранителями имущеетва, что видно изъ самаго названія, происшедшаго отъ *penus*. т. е- всѣ пожитки, принадлежащіе фамиліи, и изъ того, что чествованіе ихъ неразлучно было съ почитаніемъ Весты, богини домашняго очага, который въ этомъ случаѣ есть символъ первой потребности семьи—пищи, а пища есть первѣйшее имущество человѣка. Души-ли это предковъ, или добрые демоны, не знаемъ. Таковы главнѣйшія божественныя существа, обозрѣть которыя мы предположили въ настоящемъ очеркѣ; но ими еще далеко не исчерпывается римскій пантеонъ. Чѣмъ больше впередъ подвигалось время, тѣмъ больше божественныхъ фигуръ появлялось на горизонтѣ римской религіи. Часто божества эти образовывались изъ совершенно отвлеченныхъ понятій и съ чисто практическою цѣлью охранить человѣка на всѣхъ путяхъ его

---

[1]) См. у Плинія H. N. XXI, 3: „jam tunc coronae deorum honos erant et *larum publicorum* privatorumque, ae sepulcrorum et Manium“.

жизни; такъ напр. особое божество открываетъ новорожденному уста и учитъ его кричать (Vagitanus или Vaticanus), другое (Levana) заставляетъ отца взять новорожденнаго на руки, т. е. признать его своимъ дитятею, *Cunina*--охраняетъ его въ колибели. *Carna*—бережетъ его тѣло, *Educa* и *Potina* учатъ его ѣсть и пить, *Ossipaga*—бережетъ его кости, *Adeona* и *Abeona*—учатъ его ходить и т. д. [1]). Они имѣли боговъ торговли (Mercurius, Pecunia, здоровья (Strenua, Salus, Carna или Cardea, Febris, Aesculapius), войны и соединенныхъ съ нею побѣды и мира (Victoria, Pavor, Honos, Virtus, Pax), свободы и счастья, (Libertas, Spes, Felicitas, Bonus eventus), душевныхъ свойствъ (Concordia, Pietas, Mens, Clementia, Aequitas, Providentia, Fides). Кромѣ того въ свой культъ они приняли (въ періодъ имперіи) божества азіатскихъ народовъ и Египтянъ. Такъ они стали поклоняться египетскиимъ—Серапису и Изидѣ, азіатскимъ—Беллонѣ, Идеѣ и Митрѣ и др. Такимъ образомъ римская религія изъ политеистической мало по малу передѣлалась въ пантеистическую (изъ многобожія во всебожіе).

Разсмотримъ теперь отношеніе римскихъ боговъ къ людямъ и обратно отношеніе римскихъ язычниковъ къ своимъ божествамъ.

Исторія религіозныхъ вѣрованій показываетъ, что тотъ или иной взглядъ язычника на взаимныя отношенія между божествомъ и человѣкомъ вытекаетъ изъ его взгляда на происхожденіе міра и человѣка. Пояснимъ это примѣрами, взятыми изъ религіи двухъ народовъ древняго Востока—Египтянъ и Индусовъ, у коихъ по этому вопросу сложились рѣзко противуположныя понятія. Такъ Египтяне думали, что видимый міръ есть произведеніе творческаго духа (Кнефа), а человѣкъ—божественнаго происхожденія; онъ есть духъ, облеченный въ плоть; духъ этотъ есть падшій; онъ получилъ плоть на то, чтобъ жить на землѣ и земною жизнью купить себѣ прежнее небесное блаженство. Жизнь эта должна быть направлена къ одной цѣли—довести духъ до той чистоты, какая у боговъ. Единственное средство для достиженіе этой цѣли заключается въ нравственности и безропотномъ повиновеніи учрежденіямъ и волѣ боговъ, которые составили опредѣленный кодексъ и черезъ посланца своего Тота передали его народу съ требованіемъ отъ него точнаго исполненія тѣхъ предписаній, которыя содержатся въ кодексѣ, и съ угрозой жестокихъ наказаній за ихъ нарушеніе. Отсюда вытекала увѣ-

---

[1]) Еще *Farinus*, *Locutius*, *Camena*, *Numeria*...

ренность въ томъ, что кто въ точности соблюдаетъ предписанныя правила вѣры, къ тому боги являются на помощь, предохраняютъ его отъ разныхъ бѣдъ и несчастій, кормятъ и поятъ его. Въ благодарность за это, Египтянинъ чувствовалъ себя обязаннымъ молиться, приносить жертвы, устраивать праздники и строить храмы своимъ божествамъ.

По одной изъ многихъ религіозныхъ системъ, созданныхъ для Индусовъ ихъ жрецами—*браманами*, вселенная со всѣми живущими на ней организмами, въ томъ числѣ и съ человѣкомъ, есть принявшій физическую оболочку самъ богъ—Брама. Процессъ превращенія его въ форму видимаго міра совершился по этой системѣ вслѣдствіе страданій Брамы, послѣ которыхъ онъ какъ-бы ради отдыха погрузился въ міръ и заснулъ въ немъ глубокимъ сномъ. Разумѣется, что сонному богу нѣтъ никакого дѣла до выстраданной имъ формы, нѣтъ дѣла слѣд. и до человѣка. Въ свою очередь и человѣку нѣтъ дѣла до соннаго бога; поэтому-то отъ Индуса, строго говоря, не требовалось ни молитвы, ни жертвоприношеній, ни храмовъ. Теорія эта не замедлила обратиться въ полное отрицаніе божества и въ замѣщеніе его природой, которая, по ученію индѣйскаго философа Капилы, есть вѣчная матерія, все производящая, но сама никѣмъ не произведенная. И такъ Браманы порвали нравственное единеніе человѣка съ Творцемъ и поставили человѣка въ безпомощное положеніе.

Древніе Римляне твердо вѣрили, что какъ окружающая человѣка природа, такъ и самъ онъ, созданы верховнымъ существомъ, которое не погрузилось въ сонъ подобно индѣйскому Брамѣ, но бодрствуетъ и ежеминутно обнаруживаетъ свою дѣятельность въ созданномъ имъ твореніи. Въ данномъ случаѣ рѣшительно все равно, какъ-бы воображенію древняго Римлянина ни представлялось верховное существо: въ образѣ-ли Единаго Бога, или собирательной единицы, вмѣщающей въ себя и Юпитера, и Януса, и Діану и проч., потому что такъ или иначе, но онъ никогда не разставался съ мыслью, что вездѣ, куда-бы ни обратился взоръ его, вездѣ онъ встрѣтится съ проявленіемъ живой божественной дѣятельности.

Кромѣ тѣхъ доказательствъ, которыя въ изобиліи можно извлечь изъ знакомства съ отдѣльными божествами римской религіи [1]), у насъ есть еще одно доказательство, которое, какъ эхо самаго отдаленнаго вѣрованія,

---

[1]) См. выше.

занесено Овидіемъ въ его поэтическую картину мірозданія [1]): „Послѣ-жь того, когда Богъ (неизвѣстно доселѣ который)... землю скруглилъ на подобіе шара большаго,... пролилъ моря,... къ этому придалъ источниковъ бездну, озера, болота,... повелѣлъ протянуться полямъ, приподняться пригоркамъ, зеленью лѣсу покрыться, возстать каменистымъ стремнинамъ,... по странамъ прозрачнымъ онъ повелѣлъ размѣститься и влажнымъ туманамъ, и бурямъ, и молніямъ, и вѣтрамъ... Въ небѣ зажглися... звѣзды.,. Рыба, блестя чешуею, нырнула въ прозрачныя воды; воздухъ удобоподвижный достался въ жилище птицамъ; дикіе звѣри въ удѣлъ получили сухія пространства. Не было только животнаго съ разумомъ крѣпкимъ и волей, чтобы законы всѣмъ прочимъ предписывать, властвовать всѣми. Произошелъ человѣкъ. Изъ земли безобразной и грубой строителемъ міра былъ сотворенъ человѣческій образъ, незнаемый прежде". Далѣе Овидій описываетъ первоначальную жизнь рода человѣческаго, которая по его словамъ такъ же, какъ и по словамъ свящ. писанія, была блаженною и счастливою до тѣхъ поръ, пока люди не забыли Бога и не впали въ различные пороки. Когда же они погрязли въ преступленіяхъ, разгнѣванный Богъ наслалъ на землю потопъ, отъ котораго спаслось только одно семейство, сдѣлавшееся основаніемъ для новаго поколѣнія людей.

Итакъ съ перваго появленія человѣка на землѣ, верховное существо ни на минуту не перестаетъ слѣдить за его поступками, даритъ его блаженствомъ за добрыя дѣла и наказываетъ за дурныя. Точно также, когда послѣ потопа настало новое поколѣніе людей, не ослабѣло дѣйствіе божественной силы, продолжающей обнаруживать свое могущество самыми разнообразными способами. Римляне вѣровали, что ихъ боги, принимая непосредственное участіе во всѣхъ явленіяхъ видимой природы, и человѣка не упускаютъ изъ виду. Они даже болѣе заинтересованы имъ, чѣмъ самою природою, потому что эту природу они предназначили служить потребностямъ человѣка. Они его поддерживаютъ, укрѣпляютъ, и тамъ, гдѣ собственными своими усиліями онъ ничего сдѣлать не можетъ, они сообщаютъ ему свою божественную волю и посредствомъ откровенія направляютъ въ ту или другую сторону его дѣятельность. По вѣрѣ римскаго язычника волю свою боги открываютъ во 1-хъ посредствомъ разныхъ феноменовъ природы,

---

1) См. Метаморф. кн. I.

каковы напр. громъ и молнія, затмѣніе солнца и луны, землетрясеніе, завываніе бури и др, во 2-хъ посредствомъ животныхъ, изъ которыхъ самое большое вниманіе обращалось на птицъ, въ 3-хъ посредствомъ неожиданныхъ случайностей и въ 4-хъ наконецъ посредствомъ сновидѣній. Во всякомъ изъ этихъ видовъ откровенія главная роль приписывалась главѣ божественнаго сонма—Юпитеру, что видно изъ того, что всѣ гаданія производились исключительно его именемъ [1]). Такъ какъ языкъ боговъ не понятенъ обыкновеннымъ смертнымъ, а между тѣмъ пониманіе его въ высшей степени важно, то римскіе язычники стали обращаться за разъясненіемъ къ тѣмъ лицамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, были одарены высшею способностью понимать чудесныя явленія. Таковы были *гаруспики и авгуры*, изъ коихъ послѣдніе занимали въ государствѣ весьма почетное положеніе. Они составляли изъ себя общества истолкователей божественной воли Юпитера и были офиціально призваны служить для государственныхъ цѣлей. Такъ какъ знаменія, посылаемыя Юпитеромъ, могли проявляться различно, то и гаданія были весьма разнообразны. Римляне подводили ихъ подъ слѣд. разряды: 1) гаданіе по птицамъ, 2) по небу, 3) по четвероногимъ животнымъ, 4) по ѣдѣ куръ и 5) по дурнымъ признакамъ.

Въ гаданіи по птицамъ (ex avibus) главное вниманіе обращалось на ихъ полетъ, а именно на то, съ которой стороны отъ наблюдателя онѣ показываются на горизонтѣ, хотя гадатели не пренебрегали и такими фактами изъ птичьей жизни, какъ пѣніе, постукиваніе клювомъ, хлопанье крыльями и т. п. По направленію полета птицы раздѣлялись на лѣвыхъ (sinistrae) и правыхъ (dextrae) [2]); полетъ первыхъ былъ встрѣчаемъ съ большею радостью, потому что онъ предвѣщалъ доброе; на правыхъ же смотрѣли какъ на дурныхъ вѣстниковъ [3]). Кромѣ того авгурская наука произвела сортировку вѣщихъ птицъ по свойству ихъ природы такимъ образомъ, что однѣ считались приносящими добрую вѣсть, другія дурную [4]). Самую важную роль въ римской символикѣ

---

[1]) „Interpretes autem Jovis optimi maximi publici augures signis et auspiciis postea vidento"—слова Циц. въ его *de leg*. II, 8. Срав. у него же *de leg*. III, 19 и *de divina*. II, 18, 34, 35.

[2]) Фестъ: Quinque стр. 413, Sinistrae aves стр. 511.

[3]) Циц. de divinat. I, 53; II, 37.

[4]) Фестъ: Supervaganea стр. 548; Макроб. *in somn. Scip*. I, 19, стр. 104.

въ гаданіяхъ занимали голубь, сова, коршунъ, дятелъ и орелъ. *Гаданіе по ѣдѣ куръ или другихъ птицъ* (ex tripudiis) состояло въ наблюденіи за тѣмъ, какъ ѣдятъ онѣ. Хорошимъ предзнаменованіемъ считалось, когда онѣ ѣдятъ пищу съ такою жадностью, что она выпадаетъ у нихъ изъ клюва. Это значило, что боги готовы оказать свое содѣйствіе извѣстному предпріятію столь же охотно, какъ усердно птицы клюютъ засыпанный имъ кормъ. Такъ какъ этотъ родъ гаданій при своей необыкновенной простотѣ отличался наглядностью и скоростью, то Римляне чаще обращались къ нему, чѣмъ къ другимъ, въ особенности во время похода. Вмѣстѣ съ арміей въ походъ отправлялся и птичникъ (pullarius) съ курятникомъ, наполненнымъ голодными курами; по требованію вождя онъ выпускалъ ихъ всякій разъ, когда войско собиралось расположиться лагеремъ или дать сраженіе; выпустивши, онъ кормилъ ихъ и потомъ докладывалъ, какъ онѣ ѣли [1]). Гаданіе *по четвероногимъ животнымъ* (ex quadrupedibus) состояло въ объясненіи значенія произведеннаго ими тѣлодвиженія и голоса [2]). Къ сожалѣнію, характеръ этихъ объясненій остался для насъ неизвѣстнымъ. Гадать *по небу* (ex coelo) у Римлянъ значило объяснять смыслъ замѣченныхъ въ атмосферѣ физическихъ явленій (signa или auguria coelestia). Между этими явленіями особенное вниманіе они обращали на молнію и громъ, потому что эти явленія казались имъ орудіемъ силы и дѣятельности ихъ старшаго бога Юпитера [3]). Смотря по состоянію неба въ моментъ сверканія молніи, авгуры приходили къ двоякому толкованію: если молнія появляется какъ ступникъ грозы, то, по ихъ мнѣнію, она предзнаменуетъ непремѣнно дурное; если же она сверкаетъ въ чистомъ небѣ, то это знакъ прекрасный. Вмѣстѣ съ симъ слѣдили за направленіемъ молніи: если она проносилась по небу съ востока на западъ, то получала смыслъ хорошаго предзнаменованія, если же на оборотъ,—то вѣщала дурное [4]). Различіе въ этомъ отношеніи не дѣлалось только тогда, когда

---

[1]) Фестъ: *Puls, Solistimum tripudium* Цип. *de divin.* II, 34, 35; I, 35; *de nat. deor.* II, 3; Лив. X, 40; XI, 14; XXII, 42.

[2]) Фестъ говоритъ, что въ гаданіяхъ этого рода пользовались разными животными; „Pedestria auspicia arbitrabantur a vulpe, lupo, serpente, equo ceterisque animalibus quadrupedibus“.

[3]) Тамъ-же: coelestia auguria vocant, quod fulminat aut tonat“.

[4]) Циц *de divin.* II, 35, 39: „fulmen sinistrum auspicium optimum quod habemus“.

происходило народное собраніе по комиціямъ. Сверканіе молніи въ день, назначенный для собранія, безъ отношенія къ состоянію неба и направленію, почему-то считалось дурнымъ предзнаменованіемъ и приводило къ закрытію комицій; по той же неизвѣстной намъ причинѣ законъ запрещалъ собирать народъ въ день, въ который назначалось гаданіе по небу [1]). Гаданіемъ по *дурнымъ признакамъ* (ex diris) называлось наблюденіе за чрезвычайными явленіями, которыя случались внезапно во время совершенія какого-нибудь важнаго акта. Если напр. во время авспиціи, когда требовалась совершенная тишина (silentium), вдругъ раздается трескъ или шумъ отъ паденія на середину храма какого-нибудь предмета, если что-нибудь подобное случится среди домашнихъ благочестивыхъ занятій или размышленій; если при произнесеніи пріуроченныхъ къ гаданію формулъ жрецъ нечаянно ошибется; если во время народнаго собранія съ кѣмъ нибудь приключится внезапная болѣзнь, называемая Фестомъ *morbus comitialis* и мн. др.— все это *dirae*, т. е. дурное предзнаменованіе. Своею неожиданностью они обыкновенно потрясали воображеніе и потому всегда относились къ разряду дурныхъ предзнаменованій; на нихъ смотрѣли, какъ на предостереженіе, въ силу котораго слѣдовало воздержаться отъ предпринятаго дѣла.

Кромѣ перечисленныхъ главныхъ видовъ гаданія у Римлянъ практиковались и другія, находившіяся въ распоряженіи особеннаго разряда гадателей, изъ которыхъ одни назывались *гаруспиксами*, другіе—хранителями Сивиллиныхъ книгъ. Таковы напр. гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, по ихъ мычанію или блеянію, по паденіи ихъ тѣла при закланіи на ту, или другую сторону и т. п. [2]). Вообще говоря, авспиціи имѣли весьма широкую распространенность среди римскаго языческаго общества; уже одинъ перечень случаевъ, сопровождавшихся ими, показываетъ, что ни одно сколько-нибудь важное явленіе изъ общественной-ли, или изъ государственной жизни Рима не обходилось безъ авспицій. Безъ нихъ нельзя было приступить къ сооруженію храма или другого общественнаго зданія; безъ нихъ нельзя было составить

---

[1]) Тамъ же: Jove tonante fulgurante comitia populi habere nefas. (II; 18). См. еще у него II, 39; рѣчь *in Vat.* 8; *pro domo* 15.

[2]) Фестъ: *Caduca*, *Prohibere*, *Pestifera auspicia. piacularia auspicia;* Циц. *de divin.* II, 35, 36; *de nat deor.* II, 3; Ливій XXII, 1, 8, XLIII: 13; Арноб. II, 67.

никакого общественнаго союза; къ нимъ слѣдовало обращаться предъ занятіемъ общественной должности, предъ размежевкою и раздѣленіемъ полей, предъ періодическимъ разлитіемъ рѣкъ, при основаніи колоній, предъ открытіемъ сенатскихъ и комиціатскихъ собраній, предъ каждымъ объявленіемъ войны и по заключеніи мира, однимъ словомъ—въ началѣ и концѣ всякаго предпріятія [1])

Такъ какъ гаданіе представляло изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ торжественную бесѣду людей съ богами, то поэтому требовалось, чтобы никто и ничто не прерывало этой бесѣды, чтобы люди и природа въ безмолвномъ спокойствіи внимали вѣщему голосу неба. По правиламъ авгуровъ, наиболѣе удобное для авспицій время полагалось тотчасъ послѣ полуночи, въ началѣ перваго часу наступающаго дня, потому что тогда и воздухъ, и земля—все объято глубокимъ сномъ, и ничто такимъ образомъ не нарушаетъ той высокоторжественной тишины, которая составляетъ непремѣнное условіе всякаго гаданія. Съ восходомъ солнца гаданіе обыкновенно прекращалось, потому что во 1-хъ исчезало главное условіе его—silentium, а во 2-хъ съ зарею достигалась цѣль его—видѣть проснувшихся и пролетѣвшихъ птицъ, зарницу, сверканіе атмосферы и т. д. Авспиціи всегда назначались предъ зарею того дня, въ который должно было начаться извѣстное предпріятіе; иначе авспиція считалась неотносящеюся къ этому предпріятію [2]). Въ книгахъ авгуровъ заключались постановленія не только относительно времени, но и относительно мѣста, гдѣ долженствовали происходить гаданія. Вообще, мѣсто для гаданія должно быть избрано тамъ, гдѣ предположено начать то или другое предпріятіе, такимъ образомъ, что предъ открытіемъ засѣданій сената—зданіе, избранное для засѣданія [3]), предъ куріатскими комиціями—внутренность померія, для

---

[1]) Циц. *de divin.* I 2: „Hujus urbis parens Romulus;.... auspicato urbem condidisse.... Deinde auguribus et reliqui reges usi et exactis regibus *nihil* publice *sine auspiciis*, nec domi nec militiae *gerebatur*". Еще у него I, 17.; *de nat. deor* II, 3, 4; фестъ: *Manalis fons*, *Peremne, Petrania amnis;* Ливіи VI, 41. Циц. *de divin.* II, 36; *de leg. agr.* II, 12.

[2]) Фестъ: *Silentio*, *Sinistrum;* Лив. X, 40; Діон. Гал. XI, стр. 701. (по Лейпц. изд. 1691 г.) Циц. *de nat. deor.* II, 4; Авлъ Геллій Noct Att. III, 2; Макр. Satur. I, 3.

[3]) Лив. III, 20; Авлъ Геллій Noct, Att XIV, 7.

центуріатскихъ—мѣсто внѣ померія, предъ выступленіемъ въ походъ—внутри городскихъ стѣнъ, предъ сраженіемъ—на полѣ битвы. Сообразно съ этими постановленіями, въ Римѣ нѣсколько мѣстъ отведено было для гаданія: а) *auguraculum*, или *arx*—на Капитолійскомъ холмѣ; на это мѣсто отправлялись всегда для инавгураціи (посвященія) высшихъ государственныхъ (свѣтскихъ и духовныхъ) сановниковъ, при объявленіи войны и заключеніи мира; б) Марсово поле, гдѣ происходило народное собраніе по центуріямъ; в) храмы и такъ называемыя куріи (Гостиліева, Помпеева, Юліева), которыя назначались обыкновенно для засѣданія сената и куріатскихъ комицій.

При гаданіи по небу и по полету птицъ, если оно совершаемо было внутри городскаго района (померія), а не за стѣнами его, наблюдались слѣд. правила: на канунѣ авспиціи магистратъ въ сопровожденіи авгура отправлялся на одно изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ, называвшихся на языкѣ авгуровъ малымъ храмомъ [1]), разбивалъ на немъ свою палатку (tabernaculum) [2]). и ложился въ ней спать. Въ полночь онъ просыпался, молился вмѣстѣ съ авгуромъ державному и лучшему Юпитеру (Iovi Optimo Maximo) и наконецъ послѣ молитвы ожидалъ желаннаго знаменія. Присутствіе авгура при этомъ священнодѣйствіи считалось непремѣннымъ условіемъ; въ противномъ случаѣ авспиція теряла свою силу. Во времена Цицерона однакожъ, по его собственному заявленію, высшее сословіе магистратовъ относилось къ авспиціямъ съ такимъ пренебреженіемъ, что на мѣсто „храма“ (templum) нерѣдко, вопреки авгурскимъ постановленіямъ, призывали не авгуровъ, а кого попало, случалось даже, что и сами они не являлись въ палатку, а вмѣсто себя посылали другихъ [3]). Изъ обрядностей, которыя при гаданіи по небу и по полету птицъ были совершаемы авгурами, намъ извѣстны только тѣ, которые по поводу инавгураціи царя Нумы Помпилія записаны Титомъ Ливіемъ, а именно: Приступая къ гаданію, авгуръ садился лицемъ къ югу и, покрывъ какъ свою, такъ и голову посвящаемаго покрываломъ, бралъ въ руки священный, богами хранимый жезлъ, называвшійся lituus [4]), чер-

---

[1]) Фест: minora templa; Серв. ad Virg. Aeneid. I, 92, 446; VI, 191 и проч.

[2]) Циц. *de divin.* I, 15; II, 29; *de nat. deor.* II, 3 и др.

[3]) Циц. *de leg* III, 19; *de divin* II, 34. 35.

[4]) Циц. *de pivin* I, 18: „id est incurvum et leviter a summo inflexum bacillum.... cum situs esset in curia Saliorum,... eaque deflagravisset, inventus est integer“.

тилъ имъ по небу кругъ и, не сводя глазъ съ намѣченнаго пространства, ожидалъ, съ которой стороны въ заколдованный кругъ влетятъ птицы [1]); если съ лѣвой (т. е. съ восточной), то это—благопріятный знакъ; если съ правой (т. е. съ западной), то наоборотъ—неблагопріятный. При чемъ само собою разумѣется, авгуръ молился.

Понятно, что если боги римскаго пантеона принимали столь дѣятельное и живое участіе въ судьбѣ человѣческой, что даже посылали на землю въ видѣ вѣщихъ птицъ и другихъ знаменій посланниковъ своихъ, то съ своей стороны и Римляне обязаны были какимъ нибудь способомъ выразить по отношенію къ нимъ шевелившія ихъ чувства благодарности, благоговѣйной покорности ихъ велѣніямъ и т. п. И дѣйствительно. Покамѣсть подъ вліяніемъ заносныхъ вѣроученій римская національная религія не пошатнулась въ своихъ основахъ, Римляне съ религіозной точки зрѣнія принадлежали къ разряду самыхъ благочестивыхъ, самыхъ набожныхъ язычниковъ. На всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ лежала печать глубокой религіозности. Прежде всего они сознали потребность душевной бесѣды съ высшими небесными силами, и плодомъ этого сознанія явились молитвы и священныя пѣснопѣнія. Съ развитіемъ жреческихъ коллегій эти, первоначально простые, безъискуственные молитвенные возгласы и воззванія, были приведены въ должную систему и, будучи обработаны въ церковныя пѣсни, стали достояніемъ общественнаго богослуженія. Такъ какъ боговъ было много и разнообразныхъ поводовъ обращенія къ нимъ съ молитвою также много, то жрецы распредѣлили эти молитвы по содержанію и учредили особыя братства для изученія ихъ и приложенія къ каждому данному случаю. Такъ возникло особое земледѣльческое *братство Арваловъ*, на обязанности котораго лежало испрашивать у боговъ обилія плодовъ земныхъ и молить ихъ объ отвращеніи могущихъ постигнуть земледѣльца бѣдствій. Такъ возникло братство *Саліевъ*,—съ полурелигіозною, полувоенною цѣлью и др. На молитву благочестивые Римляне смотрѣли какъ на актъ величайшей важности въ особенности, когда это была молитва общественная. Кромѣ благоговѣйнаго настроенія духа, какъ отъ молящихся, такъ, или еще больше, отъ жрецовъ требовалось соблюденіе различныхъ обрядностей и церемоній, которыя соотвѣтствовали-бы важности общественнаго богослуженія. Между обрядностями этими самое важное значеніе имѣли тѣ, которыя Римляне называли словомъ

---

[1]) Лив. I, 18,

castitas, т. е. чистота, очищеніе. [1]) *Castitas* требовала не только чистоты тѣла, но и чистоты всей богослужебной обстановки, а также безукоризненной торжественности богослуженія. Изъ этой потребности мало по малу возникло удивительное разнообразіе окропленій, омовеній, перетираній, кажденій и окуриваній; отсюда очистительныя процессіи (такъ назыв. *lustrationes*) по городу и его окрестностямъ, по селу и его полямъ, между стадами и даже въ ихъ стойла; малѣйшія упущенія влекли за собою оскверненіе религіи, считались пятномъ, которое слѣдовало непремѣнно смыть посредствомъ такъ называемаго *expiatio*, [2]) т. е. возобновленія неудавшагося священнодѣйствія, и притомъ не сейчасъ, а въ другое время. Обиліе церемоній составляетъ достояніе всѣхъ сколько-нибудь развитыхъ языческихъ религій; на нихъ опирается сила язычества; но *est modus in rebus*, который римскіе жрецы упустили изъ виду. Подъ конецъ республики въ римской религіи оказалось столько обрядности и церемоній, что онѣ стали подавлять собою благовѣйное чувство и наконецъ обратились въ пустую формальность, соблюденіе которой однакожъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность. Римляне до того были поглощены формальными требованіями своей *castitas*, что забывали о чистотѣ души, о которой, по справедливому замѣчанію Цицерона, слѣдуетъ заботиться болѣе, чѣмъ о тѣлѣ. Вотъ почему Цицеронъ вынужденъ былъ напомнить современникамъ своимъ великую истину, что пятно и грязь на тѣлѣ легко уничтожить, стоитъ только вспрыснуть водою, или даже само время сотретъ ихъ; пороки же души ни время не уничтожитъ, ни рѣка не смоетъ. [3]) Когда стало распространяться христіанство, отторгая у языческаго общества все большее и большее число его членовъ, тогда язычество стало придумывать мѣры, которыя остановили бы его паденіе; но лучшаго ничего придумать не могли, какъ умноженіе обрядностей до крайняго предѣла. Всѣ свои реформы въ этомъ направленіи жрецы приписывали миѳическому царю Нумѣ, прикрываясь такимъ образомъ его именемъ и вводя въ ошибку христіанскихъ писателей.

---

[1]) У Циц. (de leg II, 8) есть такое извлеченіе изъ древняго римскаго законодательства: „ad divos adeunto caste, pietatem adhibento, opes amovento: qui secus (т. е. иначе) faxit, deus ipse vindex erit“.

[2]) Циц. *de leg.* II, 9: „sacrum commissum, quod neque expiare poterát, impie commissum esto; quod expiari poterit, publici sacerdotes expianto“.

[3]) *De leg* II, 10.

Одинъ изъ нихъ [1]) такъ отзывается объ этихъ обрядностяхъ: „Si Numae Pompilii superstitiones revolvamus, si sacerdotalia officia et insignia et privilegia, si sacrificalia ministeria et instrumenta et vasa ipsorum sacrificiorum ac piacularum et votorum curiositates consideremus, *nonne manifesto diabolus morositatem illam Iudaicae legis imitatus est?*“. И не только христіане замѣчали эту дьявольскую *morositus*; ее видѣли и язычники. Такъ напр. Авлъ Геллій свидѣтельствуетъ, что жрецу Юпитера предписано было множество церемоній. (Ceremoniae, impositae flamini Diali, multae; item castus multiplices). [2])

Не малую важность въ древнеримской языческой религіи имѣли жертвоприношенія. Вообще говоря, жертвенный даръ есть осязательное вещественное доказательство готовности человѣка служить Богу; но у Римлянъ жертва имѣла еще другой смыслъ: смыслъ сдѣлки, договора. Приносились жертвы съ тою увѣренностью, что, принявъ ее, боги непремѣнно исполнятъ желаніе приносящаго. Таковъ былъ характеръ *жертвы просительной*; то же слѣдуетъ сказать и относительно жертвъ *благодарственной* и *искупительной или очистительной*. По отношенію къ предметамъ, употреблявшимся при жертвоприношеніи, римскія жертвы могутъ быть раздѣлены на *безкровныя* и *кровавыя*. Что касается первыхъ, то онѣ были весьма разнообразны и разнообразіе ихъ зависѣло отъ времени года, отъ характеристическихъ свойствъ каждаго отдѣльнаго божества и обстоятельствъ, вызвавшихъ жертвоприношеніе. Такъ божествамъ земледѣлія приносимы были первые колосья хлѣба, первые гроздья винограда, первые плоды отъ фруктовыхъ деревьевъ, вино молодое, вино выдержанное,.... и т. п. Богамъ небесной сферы нерѣдко пекли пироги съ медомъ, бублики и соленыя лепешки (такъ назыв. *mala salsa*). Подъ кровавою жертвою надо разумѣть закланныхъ животныхъ; для этой цѣли служили обыкновенно баранъ, овца, свинья, бычокъ, корова и лошадь. Иногда случалось, что въ одинъ разъ приносимы были разныя животныя, какъ напр. бычокъ и корова (въ день Януса и Юноны), свинья, овца и быкъ (въ честь Марса и т. д. Послѣдняя тройная жертва называлась у Римлянъ Suovetaurilia (т. е. какъ-бы свиноовцебычья). Нужно замѣтить, что а) богамъ небеснымъ Римляне имѣли обыкновеніе приносить въ жертву бѣлой масти животныхъ, а подземнымъ—черной, б) что тѣмъ и

---

[1]) Тертул. *De praescrip. Haeret. 40.*

[2]) Noct. Att. X, 15.

другимъ приносились въ жертву всегда молодыя животныя и в) что божествамъ мужескаго пола приносились самцы, а богинямъ—самки. Въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ Римляне не останавливались и предъ кровавою человѣческою жертвою; но такая жертва была не вынужденная, а добровольная: когда дѣло шло о спасеніи цѣлаго народа, находились люди, которые безъ всякаго принужденія извнѣ, обрекали себя на гибель и шли на вѣрную смерть, какъ на веселый пиръ. Этотъ родъ жертвъ носилъ названіе *devotio*. Римская исторія представляетъ намъ нѣсколько примѣровъ такого самопожертвованія. Такъ пожертвовалъ собою М. Курцій, бросившись въ провалъ, образовавшійся среди Рима на форумѣ; точно также обрекли себя на вѣрную гибель тѣ сенаторы, которыхъ всѣхъ до одного перебили Галлы (390 г. до Р. Хр.); такъ наконецъ своею кровью запечатлѣли спасеніе римскаго народа оба Деція Муса (отецъ и сынъ).

Особый видъ жертвы представляли у Римлянъ дары, приносимые въ храмъ или для его украшенія, или вслѣдствіе раньше даннаго обѣта (*votum*). Иные храмы отличались необыкновеннымъ богатствомъ своихъ *келій* и разнообразіемъ даровъ; но ни одинъ изъ нихъ не могъ сравниться въ этомъ отношеніи съ храмомъ Юпитера Капитолійскаго, гдѣ подъ престоломъ этого бога хранились въ золотѣ и серебрѣ несмѣтныя сокровища; вся храмовая посуда была золотая или серебряная; разные божественные символы, какъ напр. молнія, скипетръ, колесница (quadriga) были тоже золотые. Кромѣ того въ этомъ храмѣ было множество золотыхъ вѣнковъ. По разграбленіи этого храма въ эпоху междоусобій Марія съ Суллою и тріумвиратовъ, Августъ рѣшился возстановить хоть часть утерянныхъ сокровищъ; съ этою цѣлью онъ внесъ въ келію Юпитера единовременно 16, 000 ф. золота, не считая такой же цѣнности драгоцѣнными камнями и жемчугомъ [1]).

Своеобразная вѣра Римлянъ въ вездѣсущіе божіе, по которой каждое божество, имѣя свое отдѣльное вѣдомство на землѣ, должно по необходимости имѣть и свою, по крайней мѣрѣ временную, резиденцію между людьми, рано привела ихъ къ мысли о томъ, что богамъ нужно отвести особое помѣщеніе. Само собою разумѣется, что зданіе, въ которомъ невидимо будетъ присутствовать то или другое божество, должно быть несравненно лучше и величественнѣе всякой другой постройки;

---

[1]) Лив. V, 50; Светон. Octav. 30; Плин. Hist. Nat. XXXIII, 1.

оно должно соотвѣтствовать величію того, для кого предназначается; однимъ словомъ,—храмъ долженъ быть достоинъ своего бога. Надо отдать честь римскому народу; онъ не щадилъ никакихъ средствъ, лишь-бы только ихъ храмы сіяли великолѣпіемъ архитектуры и роскошью богатаго убранства. Будучи сами плохими архитекторами, они прибѣгали къ помощи болѣе искусныхъ въ дѣлѣ сооруженій иностранцевъ. Такъ они призывали сначала Этрусскихъ мастеровъ, а потомъ обратились къ Грекамъ, которые въ этой области искусства не имѣли себѣ соперниковъ въ древнемъ мірѣ.

Благодаря сильному генію греческихъ художниковъ, Римъ вскорѣ украсился такими чудными храмовыми зданіями, такими прекрасными подлѣ нихъ статуями, что заѣзжихъ иностранцевъ приводилъ въ изумленіе. Такъ какъ боговъ у Римлянъ было много, то и храмовъ въ Римѣ красовалось очень много (по крайней мѣрѣ, начиная съ конца II в. до Р. Хр.). Обилію храмовыхъ построекъ особенно способствовали многочисленныя войны Римлянъ и обычай полководцевъ давать обѣтъ (votum) послѣ побѣды выстроить храмъ тому или другому богу. Вслѣдствіе такихъ обѣтовъ возникли храмы Юпитера Статора [1]), Юпитера Феретрія [2]), Юпитера Виктора [3]), Марса Ультора [4]) и мн. др.

Очеркъ римской религіозной жизни остался-бы незаконченнымъ, если бы не было обращено вниманіе еще на одинъ, послѣдній видъ богопочитанія,— на *праздники*, тѣмъ болѣе что Римляне очень любили праздникъ и, какъ только представлялся удобный случай, очень охотно учреждали его. Этою любовью объясняется, почему въ римскомъ календарѣ эпохи Октавіана Августа большая часть года состояла изъ праздничныхъ дней. Кромѣ религіозной потребности отправляться въ извѣстные дни въ храмъ и присутствовать при богослуженіи, у Римлянъ были еще другія, вытекавшія изъ такихъ фактовъ ихъ семейной, общественной и государственной жизни, которыя не могли обойтись безъ религіознаго священнодѣйствія уже потому, что въ національномъ характерѣ ихъ заключалась особенная расположенность къ обрядовымъ церемоніямъ.

---

[1]) Построенъ во время Ромула. См. Лив. I, 12.

[2]) Построенъ въ то же время. Лив. I, 10.

[3]) Построенъ послѣ побѣды Фабія Максима Рулліана надъ Самнитянами въ 297 г. до Р. Хр. Лив. X, 36.

[4]) Построенъ Октавіаномъ тоже по обѣту. Діонъ Кас. LIV, 8.

Сколько поводовъ напр. представляла римская семья къ тому, чтобы устроить праздникъ! Рожденіе младенца, вступленіе дитяти въ юношескій возрастъ, совершеннолѣтіе, выдача дочери за мужъ, женитьба сына, возвращеніе отца или сына съ поля битвы и т. д.—все это—такія радостныя событія въ жизни семейства, что не ознаменовать ихъ торжественною обстановкою нельзя.

Многія обстоятельства, среди которыхъ текла жизнь всего римскаго народа, имѣли для него не менѣе важное значеніе, чѣмъ иныя обстоятельства, сопровождающія его семейную жизнь; въ нихъ-то и заключается объясненіе происхожденія у Римлянъ праздниковъ *народныхъ* и *государственныхъ*.

Народные праздники сложились подъ условіями пастушеской и земледѣльческой жизни римскаго народа и обнимали собою кругъ сельскихъ общественно-религіозныхъ установленій, тогда какъ подъ именемъ государственныхъ праздниковъ слѣдуетъ разумѣть тѣ, которыми высшая государственная власть запечатлѣвала воспоминаніе о какомъ-нибудь важномъ для цѣлаго государства событіи. Праздники этого рода обыкновенно совершались въ городахъ, отчего ихъ можно назвать въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова *городскими*, помня въ то же время, что въ городѣ каждый ремесленный цехъ, каждое сословіе и даже женщины имѣли еще свои особыя празденства, совершавшіяся независимо отъ праздниковъ государственныхъ. Что касается праздниковъ перваго рода, т. е. сельскихъ, то относительно ихъ мы ограничимся на сей разъ однимъ только замѣчаніемъ, что найбольшею веселостью отличались между ними два: а) *форнакаліи*, что значитъ—праздникъ пробы новаго хлѣба, и б) осеннія *виналіи* (винограда и вина) (были еще весеннія), когда пробовалось молодое и прошлогоднее вино [1]).

Между праздниками, которые имѣли мѣсто въ городѣ и притомъ въ столицѣ римскаго государства, преимущественное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующіе:

1) *Праздникъ новаго года.* Первоначально Римляне начинали годъ съ весны, и такъ какъ первый весенній мѣсяцъ есть Мартъ, названный такъ по имени бога Марса, то новый годъ сталъ праздноваться 1-го

---

[1]) Хотя сельскіе праздники Римлянъ и очень интересны, но такъ какъ мы стѣснены размѣрами настоящаго очерка, то и откладываемъ обозрѣніе ихъ всторону.

числа этого мѣсяца. Впослѣдствіи, а именно во второй половинѣ II ст. до Р. Хр. по исправленіи календаря, первымъ мѣсяцемъ года сдѣланъ былъ январь, названный такъ въ честь бога Януса, и тогда положено было праздновать новый годъ 1-го января. На этотъ день были перенесены съ 1-го марта многія обрядности, которыя первоначально ему не принадлежали и которыя составляли отличительную особенность праздника 1-го марта, причемъ не обошлось безъ борьбы съ силою народной привычки, не желавшей разстаться съ праздникомъ 1-го марта и удержавшей за этимъ днемъ нѣкоторыя изъ его прежнихъ характеристическихъ чертъ. Такъ по свидѣтельству Овидія [1]) и Макробія [2]), желая въ символѣ изобразить начинающееся обновленіе природы, Римляне въ этотъ день замѣняли вѣнки, коими украшались наружныя двери храма Весты, дворцовъ Фламиновъ [3]), Царской палаты (Regia) и Куріи (т. е. помѣщенія сената), новыми свѣжими и разводили новый огонь на жертвенникѣ Весты. День начинали гаданіемъ по какимъ—нибудь изъ извѣстныхъ уже намъ способовъ, стараясь замѣченное явленіе объяснить въ свою пользу. Сенаторы отправлялись, ради хорошаго начинанія, на короткое засѣданіе въ курію, гдѣ занимались назначеніемъ новой подати (vectigalia). 1-го марта родители обыкновенно расплачивались съ учителями ихъ дѣтей; матроны устраивали своимъ служанкамъ въ награду за ихъ службу праздникъ и, помѣнявшись ролями, услуживали имъ за столомъ, какъ настоящимъ баринямъ; въ свою очередь онѣ получали подарки отъ мущинъ, оказывавшихъ имъ въ этотъ день особенную предупредительность. Всѣмъ подобнымъ церемоніямъ предшествовало, разумѣется, общественное богослуженіе, сопровождаемое жертвоприношеніемъ въ честь Марса и его матери Юноны—Луцины [4]). Между многочисленными святилищами Рима находилось одно, называвшееся *Regia*. Въ немъ помѣщались священныя копья и такіе же щиты, къ которымъ Римляне относились съ особеннымъ благоговѣнімъ, потому что они были видимымъ знакомъ божьяго къ нимъ благоволенія, проявившимся еще во времена чуть не святаго царя Нумы Помпилія. Преданіе, сложившееся по поводу ихъ, гласитъ, что однажды рано утромъ набож-

---

[1]) Fasti III 170, и проч.

[2]) Saturn. I, 12.

[3]) Фламинами (возжигателями отъ *flamen*=пламя) назывались жрецы, отправлявшіе богослуженіе.

[4]) По преданію, Марсъ род. 1-го марта. См. Fasti III, 170 и проч.

ный царь Нума стоялъ въ молитвенномъ настроеніи духа съ приподнятыми къ небу руками подлѣ дверей царской палаты (Regia), какъ вдругъ съ неба на его руки падаетъ щитъ (ancile) и слышится голосъ, вѣщающій, что Римъ будетъ процвѣтать до тѣхъ поръ, пока въ немъ будетъ сохраняться этотъ щитъ. Боясь, чтобы часто нападавшіе на Римъ враги не похитили его, Нума послалъ за мастеромъ Мамуріемъ Ветуріемъ, которому заказалъ сдѣлать 11 щитовъ, подобныхъ небесному. Заказъ былъ выполненъ до того удачно, что распознать, гдѣ искуственный щитъ, а гдѣ небомъ посланный, не было никакой возможности. Если бы поэтому и погибъ который—нибудь изъ 12-ти щитовъ, то всегда оставалась надежда, что погибъ не небесный, а сдѣланный Мамуріемъ [1]). Эти-то щиты и хранились въ Регіи. Во всѣ праздники въ честь Марса они носились въ торжественной процессіи 12-ью членами особаго военнаго братства Саліевъ, которые подъ звуки флейты совершали свой военнорелигіозный танецъ вокругъ жертвенника Марса.

Праздникъ 1-го января начинался съ разсвѣтомъ. И власти и народъ, и жрецы и міряне, и мущины и женщины, и старцы и дѣти, и господа и слуги-все въ этотъ день чуть заря поднималось на ноги и каждый спѣшилъ сообразно съ своимъ состояніемъ и общественнымъ положеніемъ принять участіе въ праздникѣ. Первымъ дѣломъ каждаго было обратиться къ авспиціямъ: къ нимъ обращался и простолюдинъ, и представитель власти. Послѣ гаданія въ каждомъ домѣ наступали поздравленія съ новымъ годомъ и соотвѣтствующія случаю заявленія благопожеланій. Если хозяинъ дома былъ представителемъ государственной власти, то онъ принималъ еще поздравленіе отъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ. Въ республиканскую эпоху римской государственной жизни во главѣ правительства стоялъ, какъ извѣстно, консулъ. Со второй половины II ст. до Р. Хр. консулы вступали въ отправленіе своей обязанности 1-го января. Начало своей служебной дѣятельности они открывали тѣмъ, что по совершеніи обряда гаданія облачались въ знаки консульскаго достоинства и, сопровождаемые сенаторами, всадниками и цѣлою свитою низшихъ магистратовъ, всѣ съ пальмовою или лавровою вѣткою въ рукахъ, отправлялись въ торжественномъ шествіи въ храмъ капитолійскаго Юпитера для молитвы. Помолившись и принеся жертву державному владыкѣ

---

[1]) Діонис. Гал. II, 130; Фестъ—Mamurii; Овид. Fast. III, 345—392.

государства, консулъ отправлялся въ засѣданіи сената и устраивалъ коротенькое совѣщаніе по какому-нибудь государственному вопросу. Этимъ собственно и оканчивалась офиціальная сторона дѣятельности высшаго сановника въ день новаго года; за тѣмъ онъ входилъ въ роль обыкновеннаго гражданина и веселился радостью, составлявшею общее, такъ сказать, достояніе. Въ императорскій періодъ римской жизни высшій постъ въ государствѣ занимали, разумѣется, цезари. Какъ они проводили 1-е января, собственно говоря, мы не знаемъ; намъ извѣстно только, что и они принимали поздравленія и не брезгали подарками, которые зачастую доходили до весьма почтенныхъ размѣровъ. Такъ напр., по свидѣтельству Светонія, цезарь Калигула офиціальнымъ эдиктомъ объявилъ, что въ наступающія календы января [1]) онъ намѣренъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ принимать дары; вслѣдствіе такого заявленія въ нему стали являться цѣлыя толпы съ полными, по выраженію его біографа, руками и пазухами [2]). Кромѣ извѣстной доли участія въ праздникѣ совмѣстно съ правящими классами, каково напр. хожденіе съ поздравленіями и дарами, а также составленіе торжественной процессіи въ Капитолій [3]), свободное населеніе Рима имѣло еще свое неофиціальное празднество, налагавшее на каждаго обязанность быть въ этотъ день непремѣнно веселымъ. Для хорошаго почина каждый долженъ былъ съ удовольствіемъ начать какую-нибудь работу, но не утомляться ею, потому что праздникъ исключалъ всякій трудъ и утомленіе; всѣ должны уклоняться отъ гнѣвнаго раздраженія, ни съ кѣмъ не заводить ссоры и въ разговорѣ употреблять только одни вѣжливыя и деликатныя выраженія, даже по отношенію къ слугамъ и рабамъ. Вмѣстѣ съ симъ существовалъ обычай посѣщать друзей и знакомыхъ. Отправляясь, римскій гражданинъ бралъ въ одну руку пальму или лавръ, въ другую-дары и въ такомъ видѣ обходилъ своихъ друзей. Пожелавъ другъ другу счастья и благополучія, они обмѣнивались подарками, которые обыкновенно состояли изъ сладкихъ овощей, какъ напр. фигъ или финиковъ, изъ орѣховъ и

---

1) Календами называлось первое число каждаго мѣсяца.

2) Calig. 42: „stetitque in vestibulo aedium ad captandas stipes, quam plenis ante cum manibus ac sinu omnis generis turba fundebat.„

3) Также съ пальмой или лавромъ въ рукѣ. Пальма и лавръ причислялись Римлянами къ разряду такъ называемыхъ счастливыхъ деревьевъ (felices arbores) и употреблялись, какъ символическій знакъ радости.

сладкихъ пирожковъ; нерѣдко одни другихъ одаряли монетою, съ вычеканеннымъ на ней изображеніемъ двуликаго Януса, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ. Слуги и рабы также не исключались изъ участія во всеобщемъ веселіи: но ихъ роль въ этомъ случаѣ была, повидимому, болѣе или менѣе пассивною. Поздравивъ своихъ господъ и получивъ отъ нихъ подачку, они отправлялись по своимъ мѣстамъ и принимались каждый за свою работу; но и то уже было для нихъ большимъ утѣшеніемъ, что въ этотъ день отъ нихъ не требовалось особеннаго труда и что съ ними ихъ господа обходились ласково, а бóльшаго рабъ и не требовалъ [1]).

2) *Праздникъ поминовенія всѣхъ усопшихъ, или Фераліи.* Праздникъ этотъ былъ совершаемъ 21-го февраля, и такъ какъ февраль нѣкогда считался послѣднимъ мѣсяцемъ года, то отнесенное на вторую половину этого мѣсяца поминовеніе покойниковъ было такимъ образомъ заключительнымъ священнодѣйствіемъ цѣлаго года. И дѣйствительно, этимъ праздникомъ полагался конецъ году, что видно изъ того, что 23-го февраля приносилась жертва богу предѣловъ *Терминусу*, а въ слѣдующіе за симъ дни приготовлялись къ достойному празднованію новаго года, который, какъ извѣстно, въ старину начинался 1-го марта. Приготовленія состояли главнымъ образомъ въ такъ называемыхъ *Эквиріяхъ*, т. е. конскихъ ристалищахъ или точнѣе въ дрессировкѣ лошадей для предстоявшихъ въ мартѣ въ честь Марса ристалищъ. День Фералій Римляне проводили довольно похоже на то, какъ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли проводимъ мы, христіане, а именно среди могильныхъ насыпей скрывающихъ подъ собою дорогіе останки дорогихъ родственниковъ. Подобно намъ, они приносили на кладбище яства и напитки (вино) и разставляли ихъ по могиламъ; потомъ совершали заупокойиую молитву, послѣ которой принимались за трапезу, удѣляя часть оной покойникамъ. Подчиваніе послѣднихъ основывалось на вѣрованіи, что въ этотъ день раскрывается *mundus*, изъ-подъ коего выходятъ мертвецы и невидимо участвуютъ въ предложенной имъ трапезѣ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ въ этотъ день угощаютъ, чувствуютъ признательность и потомъ сторицею вознаграждаютъ своихъ даятелей; тѣ же, кои не удостоились угощенія, впослѣдствіи жестоко мстятъ за нанесенную обиду,—вѣрованіе, которому не чужды и наши крестьяне. „Надо отдать честь и могиламъ, гово-

---

[1]) См. описаніе новаго года у Овидія въ его фастахъ I, 71 и далѣе.

ритъ поэтъ, и къ душамъ воззвать родительскимъ; надо и имъ принести. нѣкоторый даръ; тѣни усопшихъ малымъ довольны; почтеніе къ нимъ станетъ для нихъ щедрымъ даромъ; Стиксъ содержитъ у себя скромныхъ боговъ [1]); довольны они и тѣмъ, если на могилу поставятъ имъ горшочекъ, убранный цвѣтами, да горсточку соли, да плодовъ немножко, да вина и фіалокъ. Можно, конечно, и больше; но и этимъ довольствуются тѣни" [2]).

3) *Флораліи,* или праздникъ цвѣтенія длился отъ 28 апрѣля по 3 мая. Въ пышный нарядъ изъ зелени и цвѣтовъ одѣтая майская природа такъ нѣжно ласкала древнихъ Римлямъ, что они должны были откликнуться на ея зовъ къ веселію. Плодомъ невольнаго увлеченія красотою природы и былъ праздникъ флоралій. Праздникъ этотъ отличался необыкновенною веселостью и беззаботностью. „Прочь съ увѣнчаннаго цвѣтами чела всякая забота", восклицаетъ поэтъ, „Вакхъ любитъ цвѣты и вино, и потому роскошный столъ уставленъ розами; пьютъ не воду, а вино и, одѣтые въ бѣлый нарядъ, ведутъ свой хороводъ рѣзвыя дѣвы, а межъ нихъ виномъ разогрѣтая гостья—прыгунья" [3]). Такъ говоритъ о сельскихъ флораліяхъ Овидій. Все село, одѣтое по-праздничному, выходило въ рощу, посвященную богинѣ Флорѣ, и тамъ предавалось самому широкому веселію, допускавшему всякія шутки и шалости. Городскія увеселенія сосредоточивались въ театрѣ, гдѣ въ эти дни танцовщицы давали свои представленія, и въ циркѣ, гдѣ производилась травля козъ и зайцевъ. Случалось также, что молодые люди, одѣвшись въ разноцвѣтное платье и взявъ въ руки зажженные свѣтильники, бѣгали по улицамъ города, стараясь перегнать другъ друга. Къ числу увеселеній этого праздника надо отнести бросаніе въ толпу собравшихся людей гороху и бобовъ; ловля ихъ и набиваніе ими кармановъ представляло довольно забавную сцену.

4) *Сатурналіи* праздновались цѣлую недѣлю (отъ 17-го до 23-го Декабря). Праздникъ этотъ можно назвать однимъ изъ самыхъ веселыхъ праздниковъ Рима. Онъ учрежденъ въ воспоминаніе того счастливаго времени, когда Италіей управлялъ богъ Сатурнъ, подъ управленіемъ котораго люди не знали рабства и наслаждались полнымъ блаженствомъ. Чтобы дать нагляд-

---

[1]) т. е. мановъ, которыхъ Римляне называли *dii manes.*

[2]) Овид. Fasti II, 553 и проч.

[3]) **Philyra**, т. е. веселая нимфа. См. **Fast**. V. 261 пр.

ное, такъ сказать, представленіе о давнопрошедшемъ счастіи, во время Сатурналій открывался полный просторъ разнаго рода увеселеніямъ, которыя приходились даже на долю рабовъ. Въ эти дни рабы обѣдали вмѣстѣ съ своими господами и не только не услуживали имъ, но даже сами пользовались услужливостью своихъ господъ. Въ дни, назначенные для Сатурналій, не допускалось ничего, что могло напоминать собою какую-нибудь враждебность: суды закрывались, виновные не подвергались взысканію, даже нельзя было вести войны въ эти дни. Городъ тогда освѣщался множествомъ огней, повсюду устраивалось маскерадное шествіе [1]), разсылались остроумные, а иногда сатирическіе стишки, дѣтямъ дарились куклы и восковыя свѣчки, устраивались дѣтскія игры въ орѣхи и кости. Однакожъ предаваясь играмъ и забавамъ, Римляне не забывали и виновника торжества—Сатурна. Они отправлялись въ храмъ, посвященный его имени, молились предъ его статуею и приносили ему жертву.

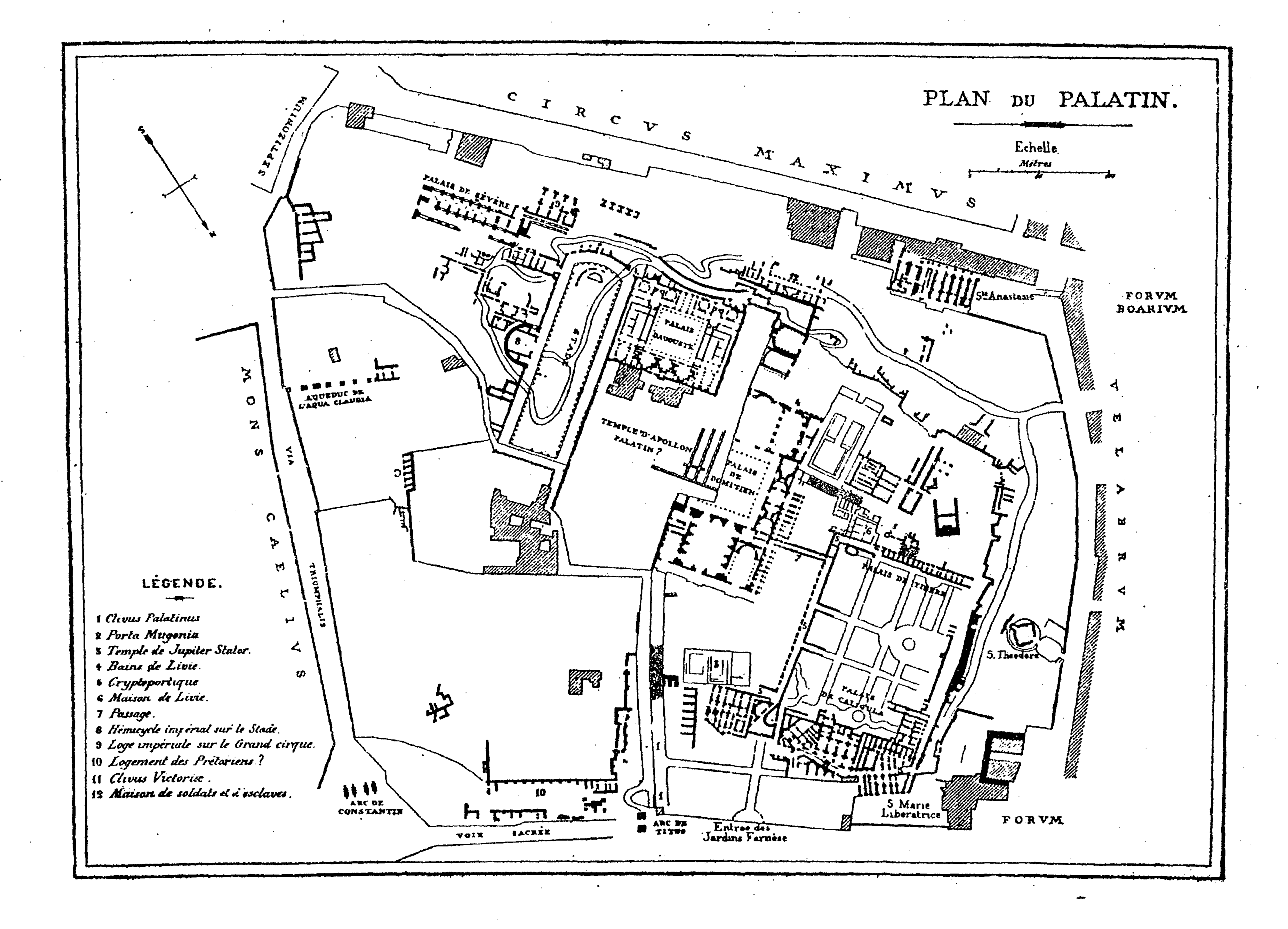
5) *Игры* въ честь Юпитера (*Ludi*). Празднества, называвшіяся *ludi*, были нѣсколькихъ родовъ (ludi Circenses, Maximi, Romani и др.); одни происходили въ сентябрѣ, другія—въ октябрѣ, въ ноябрѣ и весною (въ апрѣлѣ или маѣ.) Изъ нихъ мы познакомимся только съ *ludi Romani*, такъ какъ по нимъ не трудно составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе и объ остальныхъ. Игры эти праздновались въ половинѣ сентября и длились въ теченіи 5-ти дней. Начинались онѣ на Капитолійскомъ холмѣ, оканчивались въ циркѣ. Первымъ актомъ праздника было жертвоприношеніе Юпитеру и Юнонѣ; потомъ слѣдовалъ жертвенный пиръ тремъ Капитолійскимъ божествамъ (Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ) и дружеская трапеза для высшихъ чиновъ государства. Второй актъ заключался въ торжественной процессіи по главнымъ улицамъ Рима, въ коей принимали участіе люди всевозможныхъ званій, состояній и возрастовъ. Средоточіе шествія составляли священные божественные символы, каковы: *quadriga*, т. е. колесница Юпитера,—знакъ его міроваго владычества, и такъ называемыя *tensae* съ *exuvia'* ми, т. е. колесницы Капитолійскихъ боговъ, въ которыхъ помѣщались молнія, скипетръ, тронъ и вѣнокъ Юпитера вмѣстѣ съ вѣнками и облаченіемъ прочихъ божествъ. Эти аттрибуты несли дѣти (12—15-ти лѣтняго возраста)

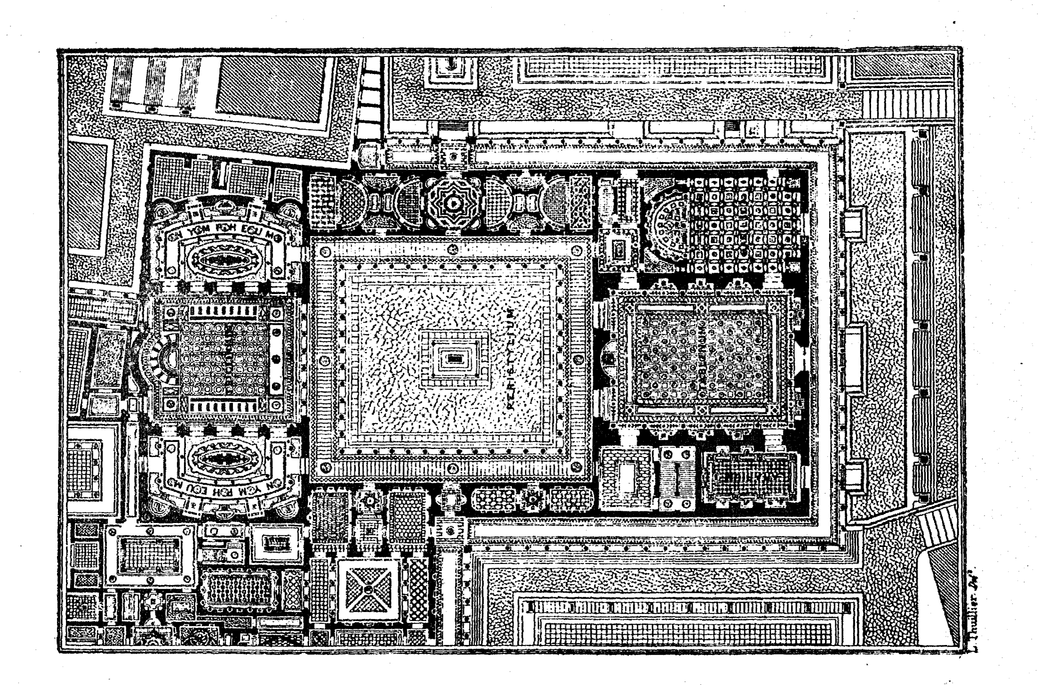
---

[1]) *Маска* обозначала, что люди дѣйствительно перерождились въ людей сатурнова вѣка, оттого у нихъ и физіономіи стали другія.

знатныхъ родителей и притомъ требовалось, чтобы родители ихъ были живы; они назывались *камиллами*. Шествіе открывалъ собою въ тріумфальную одежду облаченный высшій магистратъ; а подлѣ *тенсъ* тѣснилась густая толпа музыкантовъ, танцоровъ, разнаго рода священнодѣйствующихъ плясуновъ (Salii, Ludiones), жрецовъ и накопецъ шествіе замыкалось массою дѣтей, юношей и взрослыхъ; одни пѣшкомъ, другіе на коняхъ. Обойдя главные кварталы города, процессія вступала въ циркъ и здѣсь, помѣстивши тенсы въ особомъ мѣстѣ, называвшемся *pulvinar*, предавалась любимому развлеченію. т. е. любовалась конскими ристалищами и театральными представленіями.

Таковы общія черты языческой религіи древнихъ Римлянъ.


PLAN DU PALATIN.
Echelle.
Mètres
CIRCVS MAXIMVS
SEPTIZONIUM
PALAIS DE SÉVÈRE
AQUEDUC DE L'AQUA CLAUDIA
MONS CAELIVS
VIA TRIUMPHALIS
PALAIS D'AUGUSTE
STADE
TEMPLE D'APOLLON PALATIN ?
PALAIS DE DOMITIEN
PALAIS DE TIBÈRE
PALAIS DE CALIGULA
Ste Anastasie
FORVM BOARIVM
VELABRVM
S. Theodore
S Marie Liberatrice
FORVM
Entrée des Jardins Farnèse
ARC DE TITUS
VOIE SACRÉE
ARC DE CONSTANTIN
LÉGENDE.
1 Clivus Palatinus
2 Porta Mugonia
3 Temple de Jupiter Stator.
4 Bains de Livie.
5 Cryptoportique
6 Maison de Livie.
7 Passage.
8 Hémicycle impérial sur le Stade.
9 Loge impériale sur le Grand cirque.
10 Logement des Prétoriens ?
11 Clivus Victoriæ.
12 Maison de soldats et d'esclaves.



L. Thuillier Del.

ПАЛАТИНЪ *).

Раскопки Палатинскаго холма, также какъ и раскопки, произведенныя на форумѣ, имѣли результатомъ весьма любопытныя открытія. Этотъ холмъ, занятый когда-то помѣстьями вельможъ и монастырскими садами, куда нельзя было проникнуть, сдѣлался мѣстомъ одной изъ самыхъ интересныхъ прогулокъ по Риму. Я полагаю, что нигдѣ воспоминанія прошедшаго не возникаютъ въ памяти болѣе рельефно и что нигдѣ такъ сильно не чувствуется вѣяніе древности. Впрочемъ, нужно признаться, что древность эта возвращена намъ въ очень несовершенномъ видѣ; люди же, позволяющіе обманывать себя надписью, которая находится надъ входомъ въ фарнезскіе сады, и вѣрующіе, что дѣйствительно найденъ „дворецъ Цезарей", будутъ сильно удивлены при видѣ того, что отъ него осталось: нашимъ глазамъ представляется только нѣсколько остатковъ развалинъ, и для того, чтобы представить себѣ дворецъ такимъ, какимъ онъ былъ нѣкогда, нужно очень сильное воображеніе. Впрочемъ, чтобы Римъ произвелъ на посѣтителя какое-нибудь впечатлѣніе, это усиліе воображенія необходимо для него почти вездѣ. Объ этомъ нужно предупредить всѣхъ, собирающихся ѣхать въ Римъ, чтобы избавить ихъ отъ разочарованій. Римъ совершенно не похожъ на другіе города Италіи, какъ напр. Венецію, Неаполь, Флоренцію, которые поражаютъ путешественника съ перваго взгляда; Римъ напротивъ не производитъ сразу никакого эффекта: для пониманія его и полнаго наслажденія имъ необходимо особаго рода посвященіе. Есть много причинъ, почему великіе памятники, которые заключаетъ въ себѣ Римъ, не отвѣчаютъ тому представленію, какое о нихъ заранѣе составлено. Обыкновенно, какъ

*) Изъ сочиненія Г. Буассье: Археологическія прогулки по Риму и Помпеямъ.

только пріѣзжаютъ въ Римъ, спѣшатъ сейчасъ же осмотрѣть древнія развалины, о которыхъ такъ много слышали; но эти развалины большею частью окружены зданіями новѣйшей архитектуры, и эта—то невыгодная обстановка мѣшаетъ въ первую минуту понять всю ихъ красоту. Спѣшатъ посѣтить древнія церкви первыхъ вѣковъ христіанства; но такъ какъ онѣ часто были возстановляемы и обновляемы, то уже и утратили свои характеристическія черты и первоначальную оригинальность. При бѣгломъ осмотрѣ онѣ не оставятъ у насъ впечатлѣнія, а потому нельзя довольствоваться этимъ поверхностнымъ осмотромъ для правильной и безпристрастной оцѣнки ихъ. Можно сказать, что ежегодно тысячи торопливыхъ путешественниковъ посѣщаютъ Римъ, и, не употребивъ достаточно времени для подробнаго осмотра, выносятъ объ этомъ городѣ только самое поверхностное впечатлѣніе. И только самые смѣлые и искренніе изъ нихъ рѣшаются признаться въ своемъ разочарованіи; остальные же умышленно, не желая показаться профанами и признать свое путешествіе безплоднымъ, дѣлаютъ то же, что и всѣ, т. е. удивляются и восхищаются. Не будемъ слѣдовать ихъ примѣру; постараемся неоднократно посѣтить эти прекрасныя развалины. Сначала онѣ не произведутъ на насъ никакого впечатлѣнія; пусть воображеніе поможетъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Постараемся мысленно изолировать эти развалины отъ позднѣйшихъ безобразныхъ построекъ; окружимъ ихъ великими историческими воспоминаніями, возстановляющими и возвышающими ихъ, и, я увѣренъ, тогда все приметъ въ нашихъ глазахъ совершенно другой видъ.

Однако узнать и понять Римъ составляетъ трудъ, требующій времени и извѣстныхъ усилій; но потраченное на это время будетъ употреблено съ пользою,—и наградою за нашъ трудъ будетъ то высокое наслажденіе, какое можетъ испытывать только образованный человѣкъ. Это удовольствіе не уменьшится отъ продолжительнаго ожиданія; напротивъ оно получитъ особенную прелесть, потому что является такъ сказать нашимъ дѣломъ, мы сами отчасти создали его, и намъ пріятны тѣ труды, которые нужно было преодолѣть для достиженія его. Къ довершенію всего у насъ является тайное удовлетвореніе самими собою и чувство гордости при мысли, что только умъ образованнаго человѣка способенъ чувствовать подобное наслажденіе, что для этого необходимо близкое знакомство съ древностію и всестороннее ея пониманіе, и наконецъ что невѣжды и глупцы не въ состояніи испытать что - либо подобное. Относительно другихъ городовъ, даже самыхъ дорогихъ для насъ, можно сказать, что мы бываемъ довольны только ими; Римъ

же имѣетъ то преимущество, что мы всегда бываемъ довольны и имъ, и въ тоже время собою. Прибавимъ, что если удовольствіе, испытываемое нами отъ посѣщенія Рима и не получается съ перваго взгляда, за то всегда съ теченіемъ времени увеличивается.

Ближе изучая памятники древности, мы безпрестанно находимъ новый источникъ восхищенія; чѣмъ болѣе мы ихъ разсматриваемъ. тѣмъ болѣе они поражаютъ, и кончается обыкновенно тѣмъ, что оторваться отъ нихъ—сосвавляетъ уже большое лишеніе. Римъ—это единственный въ мірѣ городъ, гдѣ любознательность и удивлсніе менѣе всего притупляются, и даже замѣчено, что жившіе долго въ Римѣ весьма неохотно его покидаютъ и всегда стремятся снова его увидѣть. Папа Григорій XVI, человѣкъ очень умный, всегда спрашивалъ иностранцевъ при прощаньи, сколько времени они пробыли въ Римѣ. Когда ему отвѣчали, что нѣсколько недѣль, онъ говорилъ „прощайте", но тѣмъ, кто провелъ въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ всегда говорилъ „до свиданья".

Эти соображенія, относящіяся къ цѣлому Риму, въ частности подходятъ кажется болѣе всего къ развалинамъ Палатина. Здѣсь обыкновенно слишкомъ торопливый путешественникъ рискуетъ ничего не понять, но за то любознательный человѣкъ, не жалѣющій времени, можетъ быть особенно хорошо вознагражденъ за свой трудъ. Такъ какъ Палатинскій холмъ былъ самымъ древнимъ кварталомъ Рима, то на немъ болѣе чѣмъ гдѣ либо собраны сооруженія различныхъ эпохъ. Этотъ холмъ игралъ видную роль во всѣ эпохи: и эпоха царей, и республика, и имперія оставили здѣсь значительные памятники, находившіеся подъ землей впродолженіи десяти вѣковъ. Только раскопки послѣдняго времени возстановили ихъ для насъ, но къ несчастью сооруженія эти открыты всѣ сразу. Будучи нѣкогда нагромождены одни на другія, онѣ возстановляются разомъ, и сначала казалось, что въ этомъ хаосѣ никогда нельзя будетъ разобраться. Къ счастью каждый вѣкъ въ Римѣ отличался своеобразнымъ характеромъ сооруженій, и въ каждую эпоху его существованія употреблялись различные матеріалы, такъ что если стѣна построена изъ пеперина, или травертинскаго туфа, или же наконецъ изъ кирпича, если работа принадлежитъ къ такъ называемому „opus incertum" или „opus reticulatum", то можно уже приблизительно опредѣлить время ея происхожденія. Кромѣ того, въ способѣ, которымъ кирпичи соединены между собою или балки положены одна на другую, опытный археологъ всегда найдетъ вѣрныя указанія, которыя никогда не обманутъ его. Иногда случается, что находятъ надписи на оловянныхъ трубахъ, служившихъ для

проведенія воды, или что кирпичи носятъ клеймо мастерской, откуда они вышли, или имя консула, при которомъ они были сдѣланы, что окончательно уничтожаетъ всякія сомнѣнія. Такимъ образомъ приблизительно точно удалось опредѣлить время, къ которому относятся найденные памятники. Воспользуемся всѣми этими указаніями, чтобы опредѣлить, что осталось отъ дворца Цезарей и постараемся узнать все, что послѣднія раскопки доставили намъ интереснаго изъ различныхъ періодовъ исторіи древняго Палатина.

I.

Какъ были предприняты раскопки Палатина. Roma quadrata и стѣны Ромула. Храмъ Юпитера Статора. Что осталось изъ эпохи царей. Раннее возникновеніе письменности у Римлянъ. Послѣдствія этого. Палатинъ во времена республики. Причины, почему раскопки въ Римѣ всегда такъ плодотворны.

—

Палатинскій холмъ имѣетъ около 1800 метровъ въ окружности, высота же его доходитъ до 35 метровъ; расположенъ онъ на подобіе острова, въ центрѣ тѣхъ холмовъ, соединеніе которыхъ образовало „Вѣчный Городъ“. Хотя между ними онъ самый незначительный, но „другіе“, какъ говоритъ одинъ писатель „какъ будто окружаютъ его съ почтеніемъ, какъ своего владыку“. Этотъ холмъ дѣйствительно игралъ очень видную роль въ исторіи Рима. Нѣсколько разъ производились здѣсь раскопки, такъ какъ естественно было предполагать, что въ немъ сохраняются прекрасные памятники прошлаго. Здѣсь выискивали, по обычаю того времени, мозаику, статуи и другіе предметы искусства, но какъ только любопытство и жадность изслѣдователей бывали удовлетворены, тотчасъ же развалины спѣшили засыпать землею, и такимъ образомъ они только временно оставались открытыми. Серьезныя и послѣдовательныя работы начались только съ нашего времени, по инициативѣ Франціи. Императоръ Наполеонъ III, питавшій, какъ извѣстно, страсть къ Римской исторіи, въ особенности же къ исторіи Цезарей, въ 1861 году задумалъ купить у Неаполитанскаго короля Франца II сады фарнезскіе, занимавшіе сѣверную сторону Палатинскаго холма. Это намѣреніе встрѣтило большія препятствія со стороны Римскаго двора, не желавшаго, чтобы Франція владѣла землей, такъ близко примыкавшей къ его владѣніямъ. Приду-

маны были тысячи затрудненій, съ которыми не легко было справиться. Леону Ренье, извѣстному эпиграфисту, хорошо понимавшему всю важность этого пріобрѣтенія и подавшему императору эту идею, удалось наконецъ совершить сдѣлку. Когда все было окончено, и Палатинъ сталъ принадлежать намъ (Франціи), онъ указалъ императору на архитектора, наиболѣе способнаго, по его мнѣнію, распоряжаться предстоявшими работами; этотъ архитекторъ былъ Пьетро Роза, извѣстный въ ученомъ мірѣ своими топографическими работами на римской почвѣ. Роза тотчасъ же съ жаромъ принялся за дѣло и не замедлилъ оправдать оказанное ему довѣріе, сдѣлавъ весьма важныя открытія *).

Эти открытія не ограничились императорскою эпохою. Въ то время какъ вездѣ искали дворца Цезарей, найдены были развалины Ромулова Рима, который, казалось, навсегда былъ потерянъ. Достовѣрно извѣстно, что онъ было построенъ на Палатинскомъ холмѣ. Историки разсказываютъ, какъ первый царь, собравъ вокругъ себя окрестныхъ бродягъ, очертилъ границы города, согласно этрусскимъ обрядамъ. Они говорятъ, что онъ запрегъ въ плугъ быка и корову и обвелъ имъ холмъ, обозначая глубокой бороздой окружность будущаго города, и поднимая лемехъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны были быть ворота. Эта борозда, или скорѣе пространство, заключавшееся внутри очерченныхъ линій, образовало такъ называемый pomoerium, (pone muros) т. е. священное мѣсто города, на которомъ было запрещено погребать мертвыхъ, а также ставить изображенія чужеземныхъ боговъ. Границы этого мѣста составляли камни, расположенные въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга во всю длину Палатина. При Тацитѣ кажется еще помнили и указывали это мѣсто. То былъ „квадратный Римъ" (Roma quadrata). какъ его называли отъ формы холма, на которомъ онъ былъ расположенъ, или скорѣе даже потому, что онъ былъ основанъ по правиламъ искусства авгуровъ и воспроизводилъ то идеальное на землѣ пространство (templum), которое авгуръ очерчивалъ своимъ жезломъ на небѣ. И не смотря на то, что протекло столько вѣковъ и произошло столько перемѣнъ, слѣды древняго Рима не исчезли совершенно и донынѣ. Во многихъ мѣстахъ Палатина найдены, и видны остатки стѣнъ,

---

*) Вскорѣ послѣ событій 1870 года, Италія купила Палатинъ у Императора Наполеона III, въ то время, когда онъ еще былъ въ плѣну въ Германіи.

построенныхъ первыми основателями города. Это громадные куски камня, добытые изъ тогоже холма, на которыхъ позднѣе Цезари утверждали фундаменты своихъ дворцовъ. Когда императорскіе дворцы разрушились, эти старые обломки, находившіеся подъ ними, явились на свѣтъ.

Въ иныхъ мѣстахъ не только нашли ограду древняго Рима, но, кажется даже, и главный входъ. Одна улица, идущая по направленію къ аркѣ Тита, уклоняется отъ священной дороги (via sacra) и идетъ прямо къ холму; она не шире и не круче другихъ дорогъ, и отличается только отъ всѣхъ, намъ извѣстныхъ, величиной плитъ, образующихъ мостовую: это была улица Палатинская или скорѣе всходъ на Палатинъ „clivus Palatinus". Идя по ней, тотчасъ встрѣчаемъ еще замѣтные остатки фундамента большихъ воротъ; немного далѣе громадныя каменныя глыбы, оторвавшись отъ стѣны, врѣзались въ землю: это та самая стѣна, сооруженіе которой приписываютъ Ромулу; ворота гораздо менѣе древняго происхожденія, но думаютъ, что они поставлены на мѣсто тѣхъ, которыя нѣкогда служили главнымъ входомъ въ „Roma quadrata". Эти ворота назывались „Vetus porta" или „porta Mugonia";—послѣднее названіе они получили, говорятъ, отъ рева быковъ, выходившихъ отсюда каждое утро пастись на тѣхъ сосѣднихъ болотахъ, гдѣ позднѣе былъ построенъ форумъ. Когда императоры поселились на Палатинскомъ холмѣ, они выстроили новыя ворота, несравненно болѣе изящныя, чѣмъ прежнія; прежнія же ворота были забыты. Въ это время тамъ не было уже ни быковъ, ни болотъ, и чрезъ ворота проходили вельможи и придворные, сновавшіе цѣлый день по широкой мостовой Палатинской дороги, направляясь къ дому своего владыки; но очень вѣроятно, что новыя ворота были построены около старыхъ, и что зная положеніе первыхъ мы можемъ указать мѣстоположеніе вторыхъ.

Въ этомъ мѣстѣ сдѣланы и другія открытія. Производя раскопки на право отъ воротъ, скоро нашли груду большихъ камней, въ которой можно было узнать основаніе очень древняго храма. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что это храмъ Юпитера Статора, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ Римѣ, для котораго археологи до сихъ поръ придумывали различныя мѣста, не имѣя возможности узнать его настоящее положеніе. Титъ Ливій разсказываетъ, по какому случаю храмъ этотъ былъ построенъ. Сабины, овладѣвъ Капитоліемъ, бросились оттуда на солдатъ Ромула; перепуганные Римляне въ смятеніи бѣжали. „Уже армія, говоритъ историкъ, въ безпорядкѣ прибѣжала къ старымъ воротамъ Палатина, когда Ромулъ, котораго бѣглецы до сихъ поръ

увлекали съ собою, вдругъ остановился и. поднявъ руки къ небу, воскликнулъ: „Юпитеръ, ты вдохновилъ меня основать на этомъ холмѣ городъ. Умоляю тебя, отецъ боговъ и людей, удали отъ насъ врага, разсѣй страхъ моихъ воиновъ, останови ихъ постыдное бѣгство,—и я построю тебѣ на этомъ мѣстѣ храмъ, который будетъ вѣчно напоминать потомству, что Римъ былъ спасенъ твоей помощью“. И вотъ храмъ, остатки котораго теперь найдены, посвященъ богу, „останавливающему бѣглецовъ“. (Jupiter Stator). Разъ это мѣсто обозначено, тогда можно уже довольно легко оріентироваться въ древнемъ Римѣ. Намъ нужно только представить его себѣ въ умѣ и отыскать выдающіеся памятники его существованія. „Возлѣ Юпитера Статора, продолжаетъ Ливій, жилъ Тарквиній Древній“, и вотъ Піетро Роза обозначилъ надписью то мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться его домъ. Немного ниже возвышался храмъ Весты, гдѣ горѣлъ священный огонь; предполагаютъ, что основанія этого храма существуютъ и теперь подъ церковью св. Маріи Искупительницы. Позади церкви св. Ѳеодора, на склонѣ холма, лежащаго прямо противъ „Forum boarium“, любопытнымъ и набожнымъ людямъ показывали до самыхъ послѣднихъ временъ имперіи небольшой гротъ, осѣненный фиговымъ деревомъ, который называли Люперкалемъ. Говорили, что здѣсь волчица кормила божественныхъ близнецовъ; здѣсь же впослѣдствіи была поставлена бронзовая фигура волчицы работы одного этрусскаго скульптора, и, какъ полагаютъ, та самая, что найдена въ началѣ XV вѣка и находится въ Капитолійскомъ музеѣ. Немного далѣе, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь св. Анастасіи, находился большой жертвенникъ (Ara maxima), посвященный, какъ говорятъ, Эвандромъ, и гдѣ до самаго конца имперіи праздновалась побѣда Геркулеса надъ Какусомъ *). Выше на холмѣ находился памятникъ, пользовавшійся еще большимъ уваженіемъ, куда истинный Римлянинъ не могъ войти безъ волненія, именно домъ или скорѣе хижина Ромула—скромное жилище, гдѣ два царя, какъ говоритъ поэтъ, довольствовались однимъ очагомъ; хижина эта предсталяла странный контрастъ съ великолѣпными мраморными дворцами, ее окружавшими. Ее охраняли и поддерживали съ такимъ усердіемъ, что сохранили до конца IV вѣка. Мы можемъ составить себѣ о ней понятіе не только по описаніямъ древнихъ писателей, но даже увидѣть ее собственными глазами, благодаря недавно произведеннымъ раскопкамъ. Разрывая старое подземное кладбище возлѣ Альбы, нашли очень

*) Титъ Ливій, I, 2,—

грубо сдѣланныя погребальныя урны изъ обожженной глины, представляющія собой родъ узкаго, круглаго зданія съ остроконечной крышей. Намъ извѣстно, что это типъ древней хижины латинскихъ земледѣльцевъ, „выстроенной изъ тростника и покрытой соломой." Латины имѣли обыкновеніе устраивать свои могилы на подобіе домовъ, и жилище мертвыхъ имѣло форму жилаго дома. По этому же образцу строили самые древніе храмы, какъ напримѣръ храмъ Геркулеса Побѣдителя или храмъ Весты, и естественно, что жилище царей походило на жилище боговъ. Хотя эти памятники, находившіеся нѣкогда на Палатинѣ, нынѣ болѣе не существуютъ, но намъ извѣстно, гдѣ они должны были находиться, и мы не ошибемся, если укажемъ нѣкоторые изъ нихъ въ нагроможденныхъ кучахъ обломковъ, находящихся въ различныхъ мѣстахъ холма. Быть можетъ найдутъ, что я слишкомъ серьозно отношусь къ этимъ древнимъ воспоминаніямъ, и что вѣрить Титу Ливію или Діонисію Галикарнасскому въ томъ, что они разсказываютъ объ этихъ отдаленныхъ временахъ, слишкомъ рисковано; но, какъ уже замѣтилъ Амперъ, если ученому легко въ своемъ кабинетѣ насмѣхаться надъ Ромуломъ и его потомками и видѣть въ разсказахъ о нихъ только интересныя басни, или объяснять ихъ только какъ миѳы, не имѣющіе никакой достовѣрности, то, напротивъ, когда посѣтишь Римъ, такая увѣренность исчезаетъ. Ибо здѣсь прошедшее, казавшееся такимъ давно минувшимъ, такимъ сомнительнымъ, становится для насъ близкимъ: мы его видимъ и осязаемъ. Оно само по себѣ оставляетъ такіе глубокіе и живые слѣды, что не возможно совершенно не признавать его существованія. Еслибы ничего не осталось отъ древнихъ вѣковъ, то можно было бы подумать, что греческіе писатели-хроникеры, которые первые начали рыться въ лѣтописяхъ Рима, забавлялись, выдумывая всевозможныя басни, для того чтобы какимъ нибудь образомъ пополнить пробѣлы исторія. Но даже будучи отъявленными лжецами, какъ о нихъ думаютъ, они не могли передать намъ только плоды своего причудливаго воображенія: у нихъ предъ глазами были преданія, которыя нужно было уважать. Эти преданія не могли исчезнуть, потому что они связаны съ неразрушимыми памятниками, относящимися къ самымъ первымъ временамъ существованія города. Поколѣнія передавали поколѣніямъ имена ихъ основателей; кромѣ того, глядя на памятники, вспоминали о тѣхъ бѣдствіяхъ или побѣдахъ, по поводу которыхъ они были воздвигнуты. Конечно, изслѣдователи VI вѣка должны были многое прибавить къ этимъ преданіямъ, такъ какъ воображеніе Римлянъ не отличалось плодовитостью и

полетомъ, да кромѣ того они не имѣли дара, подобно Грекамъ, прикрашивать свою исторію чудесными событіями. По мѣрѣ того какъ время изглаживало изъ памяти слѣды прошлаго, народная фантазія не съумѣла пополнить эти пробѣлы новыми и интересными выдумками. И наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, изъ древней исторіи не осталось ничего кромѣ нѣсколькихъ именъ и событій, на основаніи которыхъ можно было многое присочинить; но если выдумки и покрываютъ всю поверхность, то въ основаніи ихъ должно же находиться хоть немного истины.

Вотъ размышленія, неизбѣжно являющіяся при посѣщеніи Палатина: съ особенною же силою вызываются они при видѣ громадныхъ обломковъ стѣнъ, составлявшихъ ограду Ромула, о чемъ я уже говорилъ выше. Эти стѣны были построены почти по той же системѣ, какъ и тѣ, сооруженіе которыхъ приписываютъ Сервію, но только вѣроятно—древнѣе послѣднихъ. Какъ тѣ, такъ и другія сложены изъ кусковъ пеперина, лежащихъ одинъ на другомъ безъ всякаго цемента и держащихся только благодаря своей тяжести. Расположеніе слоевъ тоже одинаковое: въ кладкѣ камней соблюдается извѣстная послѣдовательность сообразно ихъ длинѣ и высотѣ. Было мнѣніе, что этотъ способъ постройки принадлежитъ исключительно Этрусскамъ, и что Римляне заимствовали его у нихъ, какъ это обыкновенно бывало; Римляне брали, какъ говоритъ Плиній, вездѣ все, что находили удобнымъ взять, заимствуя съ величайшею охотою всякія полезныя вещи (omnium utilitatum rapacissimi). Но если, это умное, чуждое всякаго пристрастія къ самому себѣ, племя и безсовѣстно заимствовало у сосѣдей, и даже у своихъ подданныхъ все, что считало для себя полезнымъ, то оно умѣло и усвоить себѣ заимствованное. Вводя у себя чужія изобрѣтенія, Римляне подчиняли ихъ своему генію; они такъ сказать овладѣвали ими вполнѣ, измѣняя и обновляя сообразно своимъ нуждамъ: это были ученики, быстро становившіеся учителями. Беле справедливо замѣчаетъ, что въ великомъ искусствѣ строить, переданномъ Этруссками Римлянамъ, сами Этруски не сдѣлали ничего замѣчательнаго, Римляне же усовершенствовали и развили его несравненно больше. Они все болѣе и болѣе придавали этому искусству свой характеръ и примѣняя его или для сооруженія полезныхъ общественныхъ зданій—какъ мосты, водостоки, водопроводили зданій величественныхъ и грандіозныхъ—какъ напр. амфитеатры, тріумфальныя арки и т. п., создавали чудеса искусства. Мнѣ даже кажется, что достаточно взглянуть на прекрасныя стѣны, уцѣлѣвшія на Палатинѣ или въ другихъ мѣ-

стахъ *) изъ эпохи царей, чтобы предугадать тотъ полетъ, который приметъ архитектура въ Римѣ, и то направленіе, въ какомъ она будетъ развиваться. Строители этихъ стѣнъ во всякомъ случаѣ не могли быть варварами. Такія громадныя сооруженія показываютъ, что Римляне достигли тогда уже извѣстной степени цивилизаціи. Они располагали могущественными приспособленіями для укладыванія и поднятія камней на значительную высоту. Римляне знали себѣ цѣну и вѣрили въ прочность своего существованія—характеристическая черта всѣхъ великихъ народовъ. Они не довольствовались, подобно дикарямъ, устройствомъ временнаго, на скорую руку сколоченнаго убѣжища, лишь бы защититься въ теченіи нѣсколькихъ ночей отъ неожиданнаго нападенія; они думали о будущемъ, трудились для потомства. Среди болотъ и лѣсовъ Римляне воздвигали укрѣпленія, предназначенныя существовать тысячелѣтія и, какъ говоритъ Монтескье, „уже начинали строить вѣчный городъ". При этомъ въ виду имѣлась не одна только прочность стѣнъ. Подборъ камней показываетъ, что у Римлянъ хотя еще смутно, но уже проявляется инстинктъ величія, понятіе о пропорціональности, однимъ словомъ вкусъ къ такой красотѣ, начало которой лежитъ въ силѣ. Итакъ, еще разъ повторяю, люди, строившіе такія стѣны, не могутъ быть названы варварами.

Доказательствомъ основательности такого мнѣнія служитъ одно изъ послѣднихъ открытій. При раскопкахъ различныхъ кварталовъ города, начатыхъ въ 1870 году, особенно по направленію къ банямъ Діоклетіана, найдено было множество развалинъ прекрасныхъ стѣнъ эпохи царей. Разсматривая ихъ внимательнѣе прежняго, замѣтили, что на большихъ кускахъ камней находятся какіе то знаки. Нѣкоторые изъ нихъ мелко вырѣзаны и разобрать ихъ трудно, но большею частью древніе рабочіе, какъ видно проводили глубокія борозды, которыя такъ отчетливы, какъ будто вчера были высѣчены. Вѣроятно знаки эти обозначали или

---

*) Изъ обломковъ стѣнъ Сервія самые красивые находятся на Авентинѣ, насупротивъ церкви святой Приски, въ vigna Maccarani, нынѣ принадлежащемъ князю Торлонію. Тамъ существуетъ часть стѣны въ 30 метровъ длины и 10 метровъ вышины, которая прекрасно сохранилась и поражаетъ своею оригинальною красотою. На нее непремѣнно слѣдуетъ взглянуть, чтобы имѣть понятіе о древнихъ сооруженіяхъ этого рода.

каменоломню, откуда взятъ камень, или мѣсто, куда его слѣдовало положить. Такъ какъ камни доставлялись изъ сосѣднихъ горъ, то во избѣжаніе ошибокъ, необходимо было намѣтить перевозчикамъ, куда именно слѣдуетъ сложить каждый кусокъ камня. Знаки эти весьма часто —буквы, а именно большею частью буквы древней латинской азбуки *). Впрочемъ такое открытіе не особенно поразило ученыхъ. Хотя Отфридъ Миллеръ и утверждалъ, что Римляне первыхъ временъ не умѣли писать и научились этому искусству только во времена децемвировъ, когда были обнародованы 12 таблицъ; но Моммзенъ уже давно опровергъ это мнѣніе. Нынѣ вполнѣ несомнѣнно, что на стѣнахъ эпохи царей начертаны буквы, слѣдовательно нѣтъ основанія считать невѣроятнымъ, что могли сохраниться и письменные памятники того времени. Прежде было принято насмѣхаться надъ Светоніемъ за его разсказъ, что при пожарѣ Капитолія, въ царствованіе Вителлія, погибло болѣе трехъ тысячъ мѣдныхъ досокъ, на которыхъ были начертаны законы, рѣшенія сената и опредѣленія Римскаго народа со времени основанія города, paene ab exordio urbis **). Также считалось невѣроятнымъ, чтобы могли существовать со временъ Августа копіи договоровъ между Тулломъ Гостиліемъ и Сабинянами и между Тарквиніемъ и жителями Габій, хотя Горацій и говоритъ, что ими восхищались антикваріи. Конечно нельзя принять на вѣру, что эти документы были подлинные, но возможность такого факта очень вѣроятна. Нѣтъ слѣдовательно и основанія съ презрѣніемъ отвергать показанія историковъ, въ родѣ Діонисія Галикарнасскаго, утверждающаго, что подобные документы существовали, и что онъ ихъ читалъ. Итакъ, въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что основатели Рима умѣли писать, употребляя письмо даже для обыденныхъ житейскихъ надобностей. Грамотность не была, какъ видно, достояніемъ только нѣкоторыхъ классовъ—аристократіи или жрецовъ, но писать умѣли уже и подрядчики общественныхъ работъ, а быть можетъ и сами рабочіе. Безъ сомнѣнія смѣшно бы было утверждать вмѣстѣ съ Цицерономъ, что въ Римѣ уже при Ромулѣ процвѣтали науки и литература: трудно представить себѣ сенаторовъ, покрытыхъ звѣриными шкурами, въ видѣ ученыхъ, выходящихъ изъ школы Пиѳагора и повторяющихъ его лекціи; но мы

---

*) Начертанія эти разсмотрѣны въ весьма интересномъ сочиненіи ученаго монаха О. Бруцца, Ann. de l'inst: arch. 1876. См. также изслѣдованіе Іордана, Городъ., I, p. 259.

**) Светоній, Vespas., 8.

не менѣе грубо ошибемся, если будемъ думать, что Римляне того времени были совершенные дикари, варвары, чуждые всякихъ знаній и искусствъ. Они конечно не были эпическими героями, какими ихъ представляетъ Нибуръ,—Аяксами и Гекторами, явившимися въ такое время, когда военные подвиги сохранились только въ пѣсняхъ рапсодовъ; неумѣстны также и гипотезы о легендахъ и эпическихъ разсказахъ въ эпоху, когда уже умѣли читать и писать.

Городъ Ромула не долго оставался въ тѣсныхъ границахъ, начертанныхъ ему первымъ царемъ. Вскорѣ Римъ раскинулся во всѣ стороны и наконецъ занялъ всѣ сосѣдніе холмы. Съ этихъ поръ Римъ не ограничивается уже однимъ Палатиномъ; Палатинъ сдѣлался только однимъ изъ главнѣйшихъ кварталовъ разросшагося города. На Палатинѣ находилось много знаменитыхъ храмовъ: Юпитера Побѣдителя, богини Viriplaca—примирительницы семей, Матери боговъ, откуда ежегодно 27 марта веселая процессія благочестивыхъ людей и нищихъ жрецовъ выносила статую богини и съ веселыми пѣснями шла по улицамъ Рима къ рѣчкѣ Альмо, чтобы окунуть статую. На Палатинѣ селились и многіе знатные граждане, съ цѣлію быть поближе къ форуму и общественнымъ дѣламъ. Если только мнѣнія Висконти и Ланчіани вѣрны, что развалины, находящіяся нынѣ въ углу Велабра принадлежатъ портику Катула, то мы можемъ точно опредѣлить мѣсто, гдѣ находился домъ Цицерона, такъ какъ извѣстно, что онъ стоялъ близь этого портика. Цицеронъ гордился тѣмъ, что живетъ на лучшемъ мѣстѣ Рима, in pulcherrimo urbis loco, откуда ему виденъ весь форумъ и всѣ кварталы города. Судьба этого дома тѣсно была связана съ превратностями жизни его хозяина. Послѣ изгнанія Цицерона, Клодій заставилъ народъ издать декретъ, по которому домъ его былъ разрушенъ, а на этомъ мѣстѣ воздвигнутъ храмъ Минервѣ. Когда же Цицерона возвратили изъ ссылки, сенатъ велѣлъ вновь построить ему домъ на общественный счетъ, для чего и выдано было Цицерону 2 миліона сестерцій (около 120 тысячъ рублей).

Въ настоящее время отъ всѣхъ этихъ частныхъ домовъ временъ республики существуетъ только нѣсколько развалинъ, уцѣлѣвшихъ, благодаря странной случайности. Всѣ дома, стоявшіе на верху Палатинскаго холма, велѣно было снести, чтобы очистить мѣсто для императорскихъ дворцовъ; но въ томъ мѣстѣ, которое варварски называютъ теперь intermontium, тоже находились дома. Палатинъ, подобно Капитолію, первоначально раздѣлялся на двѣ части узкою долиною, идущею съ сѣвера на югъ, отъ арки Тита до большаго цирка. При спланировкѣ

мѣстъ подъ императорскіе дворцы всю землю валили въ эту застроенную домами небольшую долину. Большинство домовъ, находившихся тамъ отъ тяжести наваленной земли совершенно разрушились; уцѣлѣвшіе же и открыты въ настоящее время.

Кстати я хочу указать на одну изъ причинъ, быть можетъ самую главную, почему раскопки въ Римѣ всегда такъ богаты результатами. Это обиліе открытій обыкновенно изумляетъ тѣхъ, кто знакомъ только съ современными городами и знаетъ, какъ они у насъ обновляются. Римъ, какъ и всѣ столицы, нѣсколько разъ перестраивался въ теченіи своего долголѣтняго существованія; но пріемы Римлянъ при реставраціяхъ города не были такъ гибельны для древнихъ построекъ и развалинъ, какъ наши современные. Мы разбираемъ ненужныя строенія—они ихъ засыпали. Мы желаемъ, чтобы улицы нашихъ городовъ были возможно прямѣе, затѣмъ стараемся, для облегченія движенія безчисленныхъ экипажей, выровнять всякую возвышенность, сносимъ холмы, такъ что уровень поверхности нашихъ городовъ, напр. Парижа, постоянно понижается; въ Римѣ же напротивъ онъ становился все выше. Римскіе аристократы любили пользоваться обширными видами и желали дышать возможно болѣе чистымъ воздухомъ въ этомъ климатѣ, зараженномъ міазмами Понтійскихъ болотъ; поэтому они строили свои дома на чрезвычайно высокихъ фундаментахъ. Кромѣ того, если требовалось образовать новый кварталъ, то старый засыпали привозною землею и постройки производились уже на этой насыпи. Поэтому несомнѣнно, что, снимая насыпь, можно добраться до материка и открыть развалины древнѣйшихъ построекъ.

Тоже было на Палатинѣ, что и въ другихъ мѣстахъ *),—и подъ дворцами Цезарей открыли нѣсколько домовъ, относящихся къ

---

*) Чтобы наглядно показать, что можно встрѣтить, углубляясь въ почву Рима, я приведу здѣсь исторію, всѣмъ впрочемъ уже извѣстную, о произведенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ раскопкахъ въ церкви св. Климента. Эта церковь—прекрасная базилика XII вѣка, украшенная прелестными фресками Мазакчіо. Производя работы, подъ нею, неожиданно открыли болѣе древнюю церковь съ замѣчательною живописью и колоннами изъ мрамора и гранита. Происхожденіе этой церкви относится ко времени Константина, и извѣстна она была въ теченіи 7-ми вѣковъ до разграбленія Рима Робертомъ Гюискаромъ. Стали рыть дальше, и подъ церковью оказалось святилище Митры и нѣсколько частей римскаго дома начала временъ имперіи, а еще глубже—

болѣе древней эпохѣ. Одинъ изъ этихъ домовъ, неизвѣстно почему называемый банями Ливіи", особенно хорошо сохранился **). Уцѣлѣло еще нѣсколько комнатъ, потолки которыхъ украшены граціозно разбросанными по золотому фону группами, фигурами и арабесками—скромная и въ то же время изъящная декорація, дающая очень высокое понятіе объ искусствѣ Римлянъ временъ республики. Вѣроятно при Цицеронѣ и Цезарѣ на Палатинѣ находилось много подобныхъ домовъ, но это единственный, отъ котораго сохранились сколько нибудь значительные остатки.

постройки изъ пеперина, вѣроятно первыхъ годовъ республики, а быть можетъ и эпохи царей Итакъ намъ представляется послѣдовательный рядъ памятниковъ всѣхъ эпохъ, и, спускаясь по ступенькамъ, можно видѣть всю исторію Рима отъ основанія его и до возрожденія.

**) См. на планѣ № 4.

II.

Домъ Августа на Палатинскомъ холмѣ. Какъ онъ мало по малу становился дворцомъ. Что отъ него осталось. Употребленіе мрамора въ эпоху императоровъ. Новые пріемы въ строительномъ искусствѣ. Дворецъ Тиберія. Дворецъ Калигулы, Подземный портикъ, гдѣ погибъ Калигула. Домъ Ливіи и живопись въ немъ. Дворецъ Нерона.

—

Вмѣстѣ съ имперіею и для Палатина наступаетъ новая эра—онъ становится жилищемъ Императоровъ, центромъ римскаго міра, arx imperii, по словамъ Тацита. Въ молодости Августъ жилъ близь форума; нѣсколько позднѣе, когда онъ былъ только однимъ изъ честолюбцевъ, жаждавшихъ наслѣдства великаго диктатора, онъ купилъ на Палатинѣ весьма скромный домикъ, принадлежавшій оратору Гортензію. Здѣсь не было ни мрамора, ни мозаикъ; все украшеніе составляли не особенно изящные портики съ каменными колоннами. Этотъ домикъ положилъ начало императорскимъ дворцамъ, непрестанно распространявшимся и покрывшимъ весь холмъ. Вмѣстѣ съ значеніемъ хозяина росъ и его домикъ, и весьма интересно прослѣдить послѣдовательно совершавшіяся въ немъ приращенія. Въ искусныхъ пріемахъ Августа, который незамѣтно, и ни въ комъ не возбуждая протеста, превращалъ свой частный домъ въ дворецъ главы государства, кажется выразилась вся политика этого ловкаго человѣка.

Несомнѣнно во всѣхъ дѣйствіяхъ Августа можно отыскать тайную заднюю мысль. Даже въ самой интимной жизни онъ ничего не предоставлялъ случаю; исторически извѣстно, что даже разговоры съ женою онъ подготовлялъ напередъ письменно, опасаясь, какъ бы не сказать больше того, что слѣдуетъ ей сообщить. Слѣдовательно и въ предпочтеніи Палатина другимъ кварталамъ Рима, для устройства своего дома, у него были свои основанія, весьма впрочемъ понятныя. Древніе цари

Рима, согласно преданію, жили на Палатинѣ. Августъ стремился тоже попасть въ ихъ кампанію. Когда онъ рѣшился оставить имя Октавія, омраченное проскрипціями, то сперва остановился на имени Ромула, но насильственная смерть перваго римскаго царя, показалась ему дурнымъ предзнаменованіемъ. Поселяясь на холмѣ, гдѣ жили цари, онъ разсчитывалъ унаслѣдовать и то уваженіе, которое связано было съ воспоминаніями, къ нему относящимися; оттого то Августъ и послѣдующіе правители весьма заботливо поддерживали и сохраняли все, что осталось на Палатинѣ изъ прошлыхъ отдаленныхъ временъ. Всякому замѣтно, что царскіе дворцы на Палатинѣ часто почтительно сторонятся предъ древними развалинами, и что стараются принять всѣ мѣры къ огражденіи этихъ развалинъ отъ новыхъ построекъ. Думали вѣроятно, что почтенные памятники древнихъ царей защитятъ и освятятъ собою дворцы новыхъ властителей имперіи.

Августъ взялъ себѣ за правило никогда ни въ какомъ дѣлѣ не поступать поспѣшно и круто; онъ мастерски умѣлъ обходиться безъ рѣзкихъ переходовъ, избѣгать неожиданныхъ скандаловъ и проводить самыя серьезныя перемѣны тихо и почти незамѣтно. Такъ поступилъ онъ и въ этомъ хотя маловажномъ случаѣ. Зная, что монарху нуженъ дворецъ, что владыка міра не можетъ жить, какъ простой смертный, онъ рѣшилъ расширить маленькій домикъ Гортензія, уже не соотвѣтствовавшій его положенію. Послѣ побѣды надъ Секстомъ Помпеемъ, когда вся Италія освободилась отъ страха войны съ рабами, благодаря могуществу Августа, онъ велѣлъ скупить и снести извѣстное количество домовъ, окружавшихъ его дворецъ. Для предупрежденія всякихъ толковъ людей подозрительныхъ, онъ объявилъ, что дѣлаетъ это не лично для себя, а для общаго блага, что часть скупленной земли онъ предназначаетъ для священныхъ построекъ. Дѣйствительно, здѣсь былъ построенъ знаменитый храмъ Аполлона и двѣ библіотеки—греческая и латинская, такъ часто упоминаемыя писателями того времени. Великолѣпіе этихъ зданій исключительно привлекло вниманіе общества, а между тѣмъ незамѣтно росъ и видоизмѣнялся и дворецъ императора. Немного спустя новый дворецъ сгорѣлъ до основанія. Въ Римѣ существовалъ обычай, что послѣ несчастій подобнаго рода друзья потерпѣвшаго дѣлали складчину и вознаграждали его за потерю; эта добровольная дань замѣняла наше теперешнее страхованіе имуществъ. Пожаръ Палатинскаго дворца показалъ, какъ много друзей было у Августа: всѣ граждане Рима спѣшили принести ему свою лепту, но онъ отказался принять ее, а взялъ только не болѣе денарія съ человѣка и сталъ строить дворецъ на

свои собственныя средства, только конечно въ гораздо большемъ и великолѣпнѣйшемъ видѣ. Когда Августа возвели въ санъ великаго понтифика (pontifex maximus), онъ, вопреки обычаю предшественниковъ, поселявшихся въ отдѣльномъ зданіи близъ храма Весты, остался въ своемъ дворцѣ, удовольствовавшись лишь тѣмъ, что воздвигъ въ немъ-же храмъ Вестѣ. Такимъ образомъ съ одной стороны и древній обычай былъ соблюденъ, съ другой—великій понтификъ всегда находился вблизи божества, покровительствовавшаго Риму. Овидій въ одномъ любопытномъ, часто цитованномъ мѣстѣ описываетъ дворецъ Августа въ томъ видѣ, какъ онъ былъ въ послѣдніе годы царствованія этого государя. Находясь въ изгнаніи чуть не на краю свѣта, тоскуя о Римѣ, куда ему запрещено было возвращаться, бѣдный поэтъ посылалъ свои произведенія, какъ своихъ ходатаевъ, въ Римъ. Онъ изображаетъ стихи свои блуждающими по городу, имъ чуждому; они распрашиваютъ у проходящихъ, гдѣ дорога къ дому того человѣка, который ихъ такъ жестоко преслѣдуетъ, но можетъ и помиловать. Указанія пути ко дворцу, даваемыя стихамъ—ходатаямъ, такъ точны, что мы можемъ путешествовать съ ними и въ настоящее время. Вотъ форумъ и священная дорога; „смотрите, говорятъ имъ, вотъ здѣсь направо ворота Палатинскія, близъ храма Юпитера Статора". Нѣсколько выше видѣнъ домъ, болѣе роскошный, чѣмъ другіе, домъ, достойный бога. Онъ окруженъ храмами, украшенъ оружіемъ и гербами, входъ въ него оттѣненъ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ, два лавра растутъ по обѣ стороны дверей. Эти лавры, этотъ гражданскій вѣнецъ присуждены пожизненно Августу сенатомъ „отъ имени спасенныхъ имъ граждань", и указываютъ на жилище владыки міра.

Раскопки послѣдняго времени еще не обнаружили дворца Августа, но цитованныя нами строки Овидія ясно указываютъ, гдѣ его слѣдуетъ искать. Онъ находился возлѣ храма Юпитера, выше по пути отъ Палатинскихъ воротъ, т. е. на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположены сады виллы Мильсъ. Раскопки, производившіяся въ 1775 году аббатомъ Ранкурейлемъ, которому принадлежитъ это мѣсто, открыли среди обломковъ, нагроможденныхъ со всѣхъ сторонъ одни на другіе, двухъ-этажный домъ, устройство котораго попытались узнать. Верхній этажъ сильно пострадалъ, но нижній былъ почти цѣлъ. Обломки завалили нѣкоторыя комнаты; другія же были пусты, такъ что по нимъ свободно можно было пройти и къ несчастью—разграбить. Въ нихъ сохранились еще штукатурка, драгоцѣнный помостъ, мраморныя украшенія, прикрѣпленныя къ стѣнамъ стальными скобами. Великолѣпные рисунки, гораздо

болѣе изящные, чѣмъ Помпейскіе, украшали потолки. Замѣчательныя статуи, и между ними статуя Аполлона Сауроктонскаго (въ Ватиканѣ), стояли совершенно неповрежденныя. Постарались не оставить здѣсь ни одного предмета искусства; все, изъ чего надѣялись извлечь прибыль, было взято. Что касается обломковъ колоннъ и стѣнъ, то съ ними совсѣмъ не церемонились, нагрузили ими нѣсколько повозокъ и продали въ ломъ какому-то продавцу мрамора изъ „Campo Vaccino". Собственникъ этихъ раскопокъ, ревностный любитель древностей, но въ тоже время и ловкій торгашъ, скрывалъ свою находку самымъ тщательнымъ образомъ. Онъ не позволялъ приближаться къ этому мѣсту другимъ археологамъ, и разсказываютъ, что знаменитый Пиранези, желавшій видѣть раскопки, проникнулъ какъ воръ ночью въ садъ, рискуя быть разорванеымъ собаками, и набросалъ тамъ при лунномъ свѣтѣ рисунокъ развалинъ. Этотъ набросокъ, сдѣланный имъ на скорую руку во время романической экскурсіи, сохранился и до сихъ поръ; но существуетъ и еще болѣе важный планъ архитектора Барбери, производившаго тогда эти раскопки подъ руководствомъ Ранкурейля *).

Достаточно бросить одинъ взглядъ на планъ Барбери, для того чтобы увидѣть, что этотъ домъ, въ которомъ съ большой долей вѣроятности предполагали дворецъ Августа, по устройству ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ вообще римскихъ домовъ. Онъ содержитъ въ себѣ внутренній дворъ или перистиль, окруженный колоннами: сюда выходили многочисленныя комнаты дворца. Эти комнаты состояли изъ цѣлой серіи помѣщеній—круглыхъ, четырехугольныхъ, продолговатыхъ, которыя довольно правильно соотвѣтствуютъ одно другому; кажется цѣлъ архитектора была—соединить разнообразіе съ симметріею **.) Здѣсь есть даже двѣ восьмиугольныя залы такой причудли-

*) Планъ Барбери былъ перепечатанъ въ Monumenti antichi inediti di Roma, издан. Гватіани въ 1785 г. съ очень интересными изображеніями главныхъ памятниковъ, тогда найденныхъ и тогда же разрушенныхъ и уничтоженныхъ; на нашемъ планѣ Палатина можно найти снимокъ съ плана Барбера. Въ настоящее время эта часть холма еще не видна, но говорятъ, что скоро не замедлятъ открыть ее для публики и возобновятъ работы, которыя окончательно возвратятъ намъ все, что осталось отъ дворца Августа.

**) Среди различныхъ комнатъ, найденныхъ въ домѣ Августа, есть такая, какой, какъ извѣстно, нѣтъ во дворцѣ Версаля; приличія ради назову ее по латыни sterquilinium, это настоящій памятникъ искусства. Гватіани говоря объ ней senza vergogna даетъ подробное описаніе ея и замѣчаетъ quanto gli antichi fossero ingegnosi nell' invenzione ed uso delle commodita le piu indispensabili e necessarie all' umana vita.

вой формы, что напоминаютъ странныя постройки Борронини тѣмъ, кому случалось ихъ видѣть. Страннымъ показалось съ перваго взгляда, что среди этихъ многочисленныхъ залъ и комнатъ не было ни одной большой, гдѣ бы можно было устроить оффиціальные пріемы *), всѣ комнаты вообще чрезвычайно тѣсны. Но извѣстно, что Августъ старался показать, что живетъ какъ простой гражданинъ: ему хотѣлось слыть человѣкомъ регулярнаго образа жизни, экономнымъ и умѣреннымъ; онъ спалъ на низкой и жесткой постели; носилъ платье, сотканое женой или дочерью; не ѣлъ никогда больше 3-хъ блюдъ за обѣдомъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ обращаетъ вниманіе читателя на то, что иногда постился по утрамъ „строже, чѣмъ еврей въ день шабаша". Конечно въ простотѣ, выставляемой на показъ съ такимъ самодовольствомъ, есть и доля лицемѣрія. И хотя Августъ носилъ личину скромной простоты, дворецъ его, какъ видимъ, былъ внутри весьма роскошенъ. Августъ, всегда хвалившій обычаи предковъ, произвелъ тѣмъ не менѣе переворотъ въ нравахъ и обычаяхъ своихъ современниковъ: никто такъ много не содѣйствовалъ развитію роскоши, которую онъ всегда на словахъ порицалъ. Разсказываютъ, что по его приказанію была прочитана предъ сенатомъ и народомъ древняя рѣчь Рутилія „противъ тѣхъ, кто любитъ строить зданія"; онъ забылъ, что самъ имѣлъ эту страсть, и первый подалъ дурной примѣръ, построивъ столько великолѣпныхъ зданій; такъ что большая часть упрековъ, посылаемыхъ имъ другимъ, падала на него самого.

„Я засталъ Римъ кирпичный, а покидаю его мраморнымъ", говорилъ онъ иногда, Г. Іорданъ справедливо замѣчаетъ, что никогда метафора не была такъ близка къ истинѣ, какъ въ данномъ случаѣ. До Августа мраморъ рѣдко употреблялся при постройкахъ; онъ вошелъ во всеобщее употребленіе только со времени имперіи. Тогда стали употреблять мраморъ не только для украшенія императорскихъ дворцовъ, но въ Помпеѣ напр. мы находимъ его даже въ лавкахъ валяльщиковъ и виноторговцевъ; но особенно много его на Палатинѣ: здѣсь онъ находится въ такомъ огромномъ количествѣ, что не возможно было бы себѣ представить, какимъ образомъ архитекторы, строившіе дворцы Цезарей такъ легко доставали этотъ рѣдкій и цѣнный мраморъ, привозимый со всѣхъ странъ свѣта, еслибы недавнее открытіе не объяснило намъ этого.

---

*) Когда Августъ, состарѣвшись, захотѣлъ собрать сенатъ вблизи отъ себя, онъ собиралъ его въ храмѣ Аполлона Палатинскаго.

На берегу Тибра, невдалекѣ отъ оригинальной горы Testaccio, составленной изъ черепковъ разбитыхъ сосудовъ, въ 1867 году была открыта древняя римская гавань. До сихъ поръ видны кольца, которыми привязывались суда къ вершинамъ кампей, и лѣстницы, по которымъ спускали и поднимали наверхъ тяжести. Вокругъ гавани были выстроены огромные амбары, въ которые послѣ выгрузки временно складывались товары. Тамъ было еще при открытіи много мраморныхъ глыбъ, которыя уже начали было обтесывать. Надписи, начертанныя на этихъ кускахъ мрамора, подобно надписямъ на обломкахъ старой стѣны Сервія, даютъ намъ весьма любопытныя указанія относительно мѣста происхожденія мрамора и способа его перевозки въ Римъ *). Знаменитѣйшія во всемъ мірѣ каменоломни, доставлявшія наилучшій мраморъ, принадлежали императорамъ: они хранили его для памятниковъ, которые приказывали воздвигать. Раскопки, производимыя тамъ, и количество работниковъ, требуемыхъ при добываніи мрамора, во время Траяна, стали такъ значительны, что учреждено было специальное управленіе ими (ratio marmorum), подчиненное по всей вѣроятности управленію королевскими имуществами (ratio patrimonii). Каждая каменоломня управлялась императорскимъ чиновникомъ (procurator Caesaris), подъ начаальствомъ котораго находилась масса всякаго рода чиновниковъ — секретарей, надсмотрщиковъ, мастеровъ. Число работниковъ было весьма значительно и состояло большею частью изъ осужденныхъ имперскими судами на каторжныя работы; эти несчастные люди, въ большинствѣ случаевъ не привычные къ такимъ тяжелымъ работамъ, заживо погребались въ этихъ ужасныхъ пещерахъ подъ властью жестокихъ рабовъ или вольноотпущенниковъ. Это было однимъ изъ самыхъ ужасныхъ наказаній, предоставленныхъ судьямъ, и особенно часто примѣнялось во время гоненій къ христіанамъ. Нужно было не только добыть мраморъ изъ каменоломни, но и доставить его въ Римъ. Изъ гаваней Греціи и Азіи, Александріи и Кароагена безпрестанно отправлялись тяжелыя суда, нагруженныя громадными кусками мрамора; они переплывали море съ безчисленными трудностями, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ. Такъ какъ огромныя барки не могли плыть по Тибру, то ихъ разгружали въ Остіи; здѣсь тоже было устроено цѣлое управленіе для пріемки мрамора

---

*) Неутомимый о. Бруцци тоже собралъ эти надписи и помѣстилъ ихъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ:" inscrizzioni dei marni grezzi (Ann. de l'inst. de corr. arch. 1870).

и отправленія его въ Римъ. Плиты средней величины помѣщались на обыкновенныхъ баркахъ, но для колоннъ, вырубленныхъ изъ цѣльнаго куска, для колоссальныхъ статуй или гранитныхъ обелисковъ нужно было строить особенныя суда. Можно себѣ представить, какъ велики были издержки, затрачиваемыя на эти сложныя операціи, сколько шло денегъ на жалованье тысячамъ рабочихъ, чиновниковъ и матросовъ! Сколько долженъ былъ стоить мраморъ съ той минуты, когда выходилъ изъ каменоломни и до того времени, когда наконецъ поступалъ въ мастерскую скульптора для обработки! Но нужно было ослѣплять толпу, показывая ей постоянно новыя диковинки; нужно было, чтобы „общественное благоденствіе", о которомъ такъ часто упоминается въ древнихъ надписяхъ и на медаляхъ, било всѣмъ въ глаза. Чтобы не дать основанія заподозрить во лжи декреты сената, воспѣвавшіе при восшествіи на престолъ каждаго новаго императора о возстановленіи общественнаго благоденствія и упроченіи мира, слѣдовало дать очевидныя доказательства этого благоденствія, т. е. безпрестанно устраивать празднества и увеличивать число памятниковъ. Такимъ образомъ, начиная съ Августа, роскошь стала дѣломъ политики, средствомъ для того, чтобы управлять міромъ.

Этой политикѣ способствовали необыкновенно благопріятныя обстоятельства: въ то самое время, когда императоры принялись за великолѣпныя постройки съ цѣлью занять и ослѣпить народы, въ строительномъ искусствѣ произошелъ переворотъ, облегчившій эту расточительность. Шуази въ своемъ ученомъ сочиненіи *) говоритъ, что Римляне въ теченіи многихъ вѣковъ употребляли для постройки памятниковъ громадные куски камней отесанныхъ и неотесанныхъ, но всегда положенныхъ одинъ на другой безъ всякаго цемента. Римляне никогда вполнѣ не оставляли этой манеры строить, при которой каждый положенный такимъ образомъ камень невольно напоминаетъ о преодолѣнныхъ при укладкѣ его трудностяхъ, что даетъ зданію вообще величественный и импозантный видъ; но такъ какъ такой способъ постройки стоитъ очень дорого и совершался очень медленно, то со временъ имперіи ему стали предпочитать другой способъ. Вмѣсто того чтобы сооружать корпуса своихъ зданій изъ большихъ каменныхъ глыбъ, Римляне стали употреблять различной величины и неправильной формы матеріалы и соединяли ихъ известковымъ растворомъ. Этотъ способъ, хотя и не ими изобрѣтенный, потому что

*) Строительное искусство у Римлянъ, par A. Choisy. Paris 1873.

они, какъ я уже говорилъ, ничего не изобрѣтали, но впервые употребленный методически и введенный во всеобщее употребленіе, представлялъ громадныя преимущества для тѣхъ, кто хотѣлъ строиться скоро и дешево. „Они такимъ образомъ свободно воздвигали колоссальные своды при помощи однихъ чернорабочихъ и употребляя камушки да известь". Для насъ осталось неизвѣстнымъ откуда Римляне заимствовали это искусство и долго ли продолжался періодъ опытовъ и блужданій въ этомъ дѣлѣ. Г. Шуази говоритъ, что самымъ древнимъ изъ памятниковъ, построенныхъ по этой системѣ, представляется намъ Пантеонъ. Итакъ въ царствованіе Августа этотъ образъ постройки достигъ совершенства; онъ до того былъ согласенъ съ практическимъ духомъ Римлянъ, такъ полезенъ для ихъ политики, что и продержался во все время существованія имперіи. "Среди общаго упадка искусствъ, говоритъ Шуази, добрыя преданія римской методы строенія передавались, не измѣняясь и не совершенствуясь. Въ царствованіе Антониновъ строили тѣмъ же образомъ, какъ и при первыхъ Цезаряхъ". Благодаря этой быстрой и экономической манерѣ строить, бывшей въ употребленіи до послѣднихъ дней существованія Рима, только и возможно было во времена имперіи воздвигнуть такія громадныя постройки.

Тиберій не былъ такъ тароватъ на постройки и не особенно любилъ строиться; впрочемъ на Палатинѣ существуютъ нѣкоторые и ему принадлежащіе памятники. Какъ кажется, онъ не жилъ въ домѣ своего предшественника, а имѣлъ собственный, названный его именемъ (Domus Tiberiana). Объ этомъ домѣ нѣсколько разъ упоминается въ разсказахъ историковъ, и отъ нихъ мы узнаемъ мѣсто, гдѣ онъ находился. Среди этихъ разсказовъ есть нѣсколько весьма замѣчательныхъ: такъ Тацитъ разсказываетъ, что 15 января 64 г. императоръ Гальба приносилъ жертву въ храмѣ Аполлона, близь дворца Августа. Подлѣ него находился одинъ изъ его друзей Отонъ, который жаждалъ царской власти. Боги оказались неблагосклонными, примѣты на внутренностяхъ жертвъ неблагопріятными и одинъ гаруспикъ (утробогадатель) предвѣщалъ императору неминуемую опасность. Отонъ радовался, зная что близка минута, когда осуществится составленный его друзьями заговоръ противъ стараго императора. Вдругъ входитъ одинъ изъ вольноотпущенниковъ Отона и, произнеся условный пароль, уводитъ его за собою. Отонъ, опираясь на его руку, проходитъ черезъ „домъ Тиберія", оттуда спускается къ Велабру, и повернувъ направо отъ форума, приходитъ вблизи храма Сатурна къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ золотой милліарій, отъ котораго расходились

всѣ дороги имперіи. Тамъ его встрѣчаютъ 23 солдата преторіанской гвардіи, провозглашаютъ императоромъ и усаживаютъ въ носилки, затѣмъ несутъ въ лагерь; а между тѣмъ, Гальба, говоритъ Тацитъ, не перестаетъ безпокоить своими молитвами боговъ имперіи, уже болѣе ему не принадлежащей". Изъ этого разсказа видимъ, что домъ Тиберія долженъ былъ находиться въ сѣверной части Палатина, со стороны Велабра. Это вѣроятно былъ старинный домъ его рода, который онъ увеличилъ, чтобы сдѣлать приличнымъ своему новому, высокому положенію. Отъ этого дома теперь осталось нѣсколько тѣсныхъ комнатъ, служившихъ вѣроятно помѣщеніемъ рабовъ; быть можетъ найдено будетъ еще больше, когда раскопаютъ сады, еще покрывающіе древнія постройки.

Нѣсколько выше къ тому углу Палатина, который находится противъ форума, стоялъ дворецъ Калигулы. Говорятъ, что это былъ роскошный домъ, украшенный живописью и статуями, похищенными изъ всѣхъ знаменитыхъ храмовъ Греціи. Но Палатинъ былъ тѣсенъ для Калигулы; онъ выдвинулъ свои постройки до форума, и храмъ Кастора сталъ вестибуломъ его дома. Постоянно величаемый богомъ, Калигула серьезно считалъ себя божествомъ и ставилъ себя совершенно наравнѣ съ обитателями Олимпа. Не довольствуясь воздвигнутымъ ему лично храмомъ, гдѣ ему приносились въ жертву павлины, попугаи и другія рѣдкія птицы, онъ желалъ имѣть долю и въ почестяхъ, оказываемыхъ всѣмъ другимъ богамъ—его товарищамъ; онъ часто приходилъ въ храмъ Кастора, важно садился между двумя Діоскурами и предоставлялъ народу поклоняться имъ и себѣ. Разсказываютъ, что однажды въ толпѣ молящихся Калигула замѣтилъ одного сапожника, громко хохотавшаго, и желая вѣроятно дать ему возможность извиниться въ своемъ неприличномъ поведеніи, спросилъ, какое онъ производитъ на него впечатлѣніе: „впечатлѣніе большаго дурака ,,отвѣчалъ сапожникъ. Весьма замѣчательно, что Калигула простилъ сапожнику его дерзкій отвѣтъ. Но однажды Калигула разсердился на Юпитера Капитолійскаго, великаго Римскаго бога, обвиняя его въ невѣжливости. Часто, въ бѣшенствѣ, онъ шепталъ на ухо деревянной статуѣ угрозы. ,,Надо, чтобы одинъ изъ насъ погибъ" повторялъ онъ, и уже стали опасаться, что императоръ велитъ отнять голову у статуи и приставить къ ней изваяніе своей головы, какъ уже и дѣлалъ относительно другихъ статуй боговъ; но вдругъ Калигула успокоился: ,,Юпитеръ попросилъ у меня прощенія", сказалъ онъ, и переходя вдругъ отъ яростныхъ припадковъ гнѣва къ самымъ страстнымъ изліяніямъ любви, онъ не хотѣлъ болѣе разставаться

съ своимъ новымъ другомъ. Чтобы быть поближе къ нему и безпрепятственно навѣщать его во всякое время, онъ велѣлъ построить мостъ, который, смѣло перекинутый надъ высочайшими зданіями форума соединялъ Палатинъ съ Капитоліемъ.

Этотъ мостъ былъ вскорѣ разрушенъ; но тѣмъ не менѣе воспоминанія о Калигулѣ живы на Палатинѣ: они связаны съ другими развалинами императорскаго жилища, которыя для насъ открыты раскопками. Невдалекѣ отъ древнихъ воротъ Мугоніи, близь храма Юпитера Статора, найденъ одинъ изъ тѣхъ проходовъ, которые у Римлянъ назывались криптопортиками; они были вырыты въ землѣ и соединяли строенія такъ, что по нимъ можно было сообщаться изъ дома въ домъ помимо улицъ и площадей *). Открытый нынѣ самый длинный изъ всѣхъ пока намъ извѣстныхъ криптопортиковъ начинается у самой Палатинской улицы, идетъ на протяженіи 100 метровъ вдоль домовъ Тиберія и Калигулы, потомъ круто поворачиваетъ направо и продолжается до того мѣстта, гдѣ стоялъ одинъ изъ нынѣ разрушившихся дворцовъ. Проходъ этотъ, какъ видно былъ тщательно декорированъ и освѣщался чрезъ отверстія, оставленныя въ сводѣ. Тамъ въ полусвѣтѣ этой подземной галлереи 24 январи 41 г. случилось ужасное событіе, которое историкъ Іосифъ описалъ во всѣхъ подробностяхъ. Римляне въ началѣ такъ любили Калигулу, что въ первые три мѣсяца послѣ его восшествія на престолъ убито было 160.000 жертвъ въ благодарность богамъ за его воцареніе; но уже черезъ три года онъ успѣлъ внушить всѣмъ ужасъ и ненависть: вслѣдствіе этого общаго негодованія составился заговоръ подъ руководствомъ военнаго трибуна Кассія Хереи, съ цѣлью освободить имперію отъ тирана. Херея, хотя былъ уже не молодъ, сохранилъ привычки изящества въ одеждѣ и разговорѣ, кромѣ того извѣстную безпечность и мягкость характера, вслѣдствіе которой можно было считать его совсѣмъ не такимъ энергическимъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности; но подъ внѣшностью щеголя у Хереи была душа солдата; сверхъ того это былъ республиканецъ, не забывающій прежняго правительства даже среди людей, льстившихъ новому. Калигула настолько же дерзкій, какъ и жестокій безпрестанно оскорблялъ Херею. Всякій разъ, когда трибунъ, согласно обычаю, приходилъ къ нему за паролемъ, онъ, желая посмѣяться надъ его женственными привычками, придумывалъ для пароля

---

*) См. планъ № 5.

или неприличное, или совсѣмъ пахабное слово, такъ что Херея становился предметомъ насмѣшекъ для солдатъ и офицеровъ. Калигула преимуществено избиралъ его для исполненія непріятныхъ порученій. Однажды онъ поручилъ Хереѣ пытать одну актрису, любовника которой хотѣли погубить; но актриса, несмотря на ужаснѣйшія страданія, не сказала ничего, что могло бы погубить любимаго ею человѣка. Херея, недовольный собою и другими, стыдясь роли, которую его заставляли играть, выведенный изъ терпѣнія сыпавшимися на него оскорбленіями, рѣшился убить Калигулу. Послѣ долгихъ колебаній порѣшили привести въ исполненіе это намѣреніе во время Палатинскихъ игръ, устраиваемыхъ въ честь Августа. Игры эти праздновались у подножія холма, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи воздвигнута была арка Тита. Тамъ устраивался временный досчатый театръ, гдѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней толпился народъ. Въ день, назначенный для убійства, толпа была особенно велика, потому что вечеромъ предстоялъ странный спектакль—представленіе сценъ изъ ада, даваемыхъ труппою Египтянъ и Эѳіоповъ. Около полудня императоръ имѣлъ обыкновеніе возвращаться на нѣкоторое время въ свой дворецъ, чтобы пообѣдать и отдохнуть: тамъ его ожидали заговорщики. Онъ вышелъ изъ театра съ дядей своимъ Клавдіемъ и нѣкоторыми друзьями; впереди шли германскіе солдаты, составлявшіе его обыкновенную стражу. Когда онъ прошелъ черезъ Палатинскія ворота, свита пошла по дорогѣ къ дворцу, онъ же свернулъ къ криптопортику, гдѣ хотѣлъ посмотрѣть на дѣтей одной большой семьи, выписанной имъ изъ Азіи для игръ, которыя онъ намѣренъ былъ дать народу. Въ этомъ уединенномъ мѣстѣ они упражнялись въ пѣніи гимновъ и пиррихической пляскѣ. Херея, бывшій въ тотъ день дежурнымъ трибуномъ, послѣдовалъ за нимъ; онъ постарался устранить любопытныхъ и придворныхъ, говоря, что императоръ желаетъ быть одинъ, а самъ съ заговорщиками пошелъ за Калигулою. Калигула разговаривалъ съ молодыми людьми; Херея подошелъ и ударилъ его мечемъ по головѣ. Императоръ, получивъ рану, упалъ, но тотчасъ вскочилъ и бросился бѣжать, его настигли сообщники Хереи и поразили тридцатью ударами кинжаловъ. На шумъ прибѣжали солдаты стража, а заговорщики, которымъ нельзя было вернуться, не встрѣтясь съ императорскими офицерами и Германцами, продолжали бѣжать по криптопортику до того мѣста, гдѣ, какъ говоритъ Іосифъ, стоялъ домъ Германика, черезъ который имъ уже легко было ускользнуть. Стоитъ прочесть, какъ историки описываютъ ужасное смятеніе, происшедшее послѣ смерти императора. Германцы, сожалѣвшіе о немъ, уби-

вали всѣхъ, попадавшихся имъ на пути близь портика и дворца: невинные и виновные, безъ разбора погибали отъ ихъ рукъ. Между тѣмъ слухъ объ этомъ событіи достигъ театра. Хотя всѣ того желали, но никто не смѣлъ этому вѣрить, и терроръ, подъ впечатлѣніемъ котораго всѣ тогда находились, былъ, какъ говоритъ Светоній, такъ великъ, что вообразили, будто самъ императоръ распространяетъ слухи о своей смерти, чтобы потомъ наказать радующихся. Ходили самые странные слухи; не знали, что дѣлать, ни у кого не хватало мужества выразить свои чувства или оставить свое мѣсто, когда пришли Германцы, все болѣе пьянѣвшіе отъ крови и гнѣва, и стали грозить нападеніемъ на беззащитную толпу, подозрѣвая вездѣ сообщниковъ убійцъ, Съ большимъ трудомъ удалось ихъ успокоить, и зрители бѣжали среди страшнѣйшаго безпорядка.

Криптопортикъ, гдѣ происходили эти трагическія событія, почти совершенно сохранился. Можно пройтись по немъ и легко представить себѣ ту ужасную сцену, которая произошла здѣсь 18 столѣтій тому назадъ. Воскресаетъ образъ императора, истощеннаго излишествами всякаго рода—этого 29-ти лѣтняго старца, въ томъ видѣ какъ его мастерски изобразили Сенека и Светоній, съ маленькою головою на громадномъ туловищѣ, съ впавшими глазами, блѣдножелтымъ цвѣтомъ лица, хищнымъ взглядомъ и мрачнымъ отъ природы лицомъ, которое онъ по странному кокетству старался сдѣлать еще болѣе страшнымъ. Можно мысленно прослѣдить убійцъ съ той минуты, какъ они вмѣстѣ съ Калигулою вошли въ портикъ, до той минуты, когда они бѣжали черезъ домъ Германика, прося убѣжища у отца, убивъ сына. Этотъ домъ, благодаря счастливой случайности, существуетъ быть можетъ и до сихъ поръ, такъ какъ многіе ученые полагаютъ, что домъ, найденный почти нетронутымъ у крайняго предѣла портика, есть именно тотъ самый.

Онъ былъ отрытъ г. Розою въ 1869 году и представляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ открытій на Палатинѣ. Много спорили о томъ, кому бы онъ могъ принадлежать. Естественно было думать, судя по близости его къ дворцу Тиверія, что это былъ домъ его семейства, тотъ, въ которомъ онъ родился и который ему былъ завѣщанъ отцемъ. Такъ сперва его и назвали, но затѣмъ найдена была подъ фундаментомъ свинцовая труба, служившая водопроводомъ, на которой въ разныхъ мѣстахъ рельефно вырѣзаны были слова: Iuliae Augustae. Это имя, вѣроятно обозначавшее владѣльца, принадлежало многимъ лицамъ, между прочимъ Ливіи, супругѣ Августа; и г. Леонъ Ренье убѣжденъ, что это

домъ, въ который Ливія перешла послѣ смерти своего мужа; здѣсь, по, мнѣнію Ренье, она въ печали и уединеніи провела послѣдніе дни своей жизни, преслѣдуемая ненавистью и завистью сына, который стыдился, что обязанъ ей своимъ величіемъ. По мнѣніямъ же гг. Висконти и Ланчіани, этотъ маленькій домикъ есть тотъ, о которомъ говоритъ Іосифъ, и изъ котораго бѣжали убійцы Калигулы; поэтому они рѣшительно называютъ его домомъ Германика. Какъ бы ни были различны мнѣнія, которыя впрочемъ возможно было бы и согласить, такъ какъ послѣднее мнѣніе быть можетъ зависитъ отъ неправильнаго народнаго наименованія, несомнѣнно однако, что домъ древнѣе портика: различныя детали этой постройки показываютъ, что она относится къ концу республики или первнмъ годамъ имперіи. Домъ устоялъ среди всѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергался Палатинъ; все болѣе и болѣе закрываемый и погребаемый большими дворцами, которые возникали вокругъ него, онъ пережилъ ихъ. Весь нижній этажъ вполнѣ сохранился. Вокругъ атрія, куда надо спуститься по нѣсколькимъ ступенькамъ, расположены четыре залы, украшенныя превосходными рисунками, наиболѣе сохранившимися изъ всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ въ Римѣ. Вдоль карнизовъ идутъ изящныя арабески; гирлянды листьевъ и цвѣтовъ, переплетенныя крылатыми геніями; фантастическіе пейзажи сдѣланы съ необыкновеннымъ вкусомъ. Посреди филенокъ находятся пять большихъ фресокъ, изображающихъ отдѣльные сюжеты. Двѣ менѣе важныя и по размѣрамъ, и по достоинству изображаютъ сцены изъ области магіи, и именно сцены посвященія въ таинства. Третья, около трехъ метровъ вышиною, представляетъ улицу Рима, какъ бы изъ открытаго окна. Такъ обыкновенно старались увеличить или сдѣлать веселѣе комнату и дать римскимъ домамъ видъ на улицу, чего имъ обыкновенно не достаетъ. Этотъ обычай существуетъ еще и до сихъ поръ. Перро говоритъ: „всѣ путешествовавшіе по Италіи знаютъ, какъ Итальянцы любятъ эти обманы зрѣнія, эти перспективы, въ которыхъ такъ искусны ихъ декораторы. Входишь во дворъ и на задней стѣнѣ, вмѣсто сѣраго тусклаго цвѣта грязнаго гипса или рѣзкой бѣлизны извести, видишь улицу, уходящую вдаль, окаймленную прекрасными зданіями, или садъ, или лѣсокъ съ птицами, порхающими въ листвѣ, или рѣшетчатый заборъ, обвитый виноградомъ съ висячими зрѣлыми кистями. Взоръ, хотя и не поддается обману, но пріятно покоится на этомъ подлогѣ; наслаждаешься иллюзіей, болѣе или менѣе удачной, которая, смотря по степени искусства художника, можетъ продолжаться короче или долѣе. Традиція этого искусства непрерывно идетъ

изъ вѣка въ вѣкъ, несмотря на всѣ политическія перемѣны, какъ правильно переходящее наслѣдство отъ артистовъ, украшавшихъ дома городовъ Кампаніи и императорскаго Рима, до маляровъ, кладущихъ свои краски на стѣнахъ домовъ Генуи, Милана, Падуи и Болоньи". Перспектива на Палатинѣ представляетъ видъ улицы, дома которой украшены или открытыми террасами или балконами, надъ которыми на колоннахъ утверждена крыша, какъ въ современныхъ Loggia. Изъ оконъ выглядываютъ люди, наблюдающіе за прохожими; одна женщина вышла изъ дверей дома, и такъ какъ за нею идетъ молодая дѣвушка съ блюдомъ, на какомъ обыкновенно носили жертвенные пироги, то можно предположить, что онѣ идутъ въ сосѣдній храмъ принести жертву. Слѣдовательно это пейзажъ вѣрный дѣйствительности, точно воспроизведенный уголокъ Рима, гдѣ мы находимъ то, чего недостаетъ Помпеѣ,—домъ въ нѣсколько этажей.

Остальныя двѣ картины миѳологическія. На одной изображенъ Полифемъ, преслѣдующій Галатею. Великанъ до половины погрузился въ волны, а чтобы показать, что онъ горитъ страстью, художникъ сзади его нарисовалъ маленькаго амура безъ крыльевъ, который стоитъ у Полиѳема на плечѣ, зануздавъ его двумя лентами. Галатея убѣгаетъ, сидя на морскомъ конѣ (гиппокампѣ), она оборотилась въ сторону циклопа; правою рукою она опирается на крупъ лошади, лѣвою ухватилась за шею ея и придержала красный плащъ, спустившійся ниже поясницы. Красная драпировка и черная грива гиппокампа рѣзко оттѣняютъ бѣлизну тѣла нимфы. На заднемъ планѣ виднѣется часть моря, заключенная между высокими утесами. Горы увѣнчаны деревьями, воды сохранили свою прозрачность: „я не знаю античнаго пейзажа, говоритъ г. Перро, въ которомъ бы природа была схвачена лучше и шире". Другая фреска, лучшая изъ всѣхъ по исполненію, изображаетъ Іо въ тотъ моментъ, тогда Гермесъ готовится освободить ее отъ Аргуса. Ничего нельзя себѣ представить изящнѣе позы отчаявшейся молодой дѣвушки, глаза которой обращены къ небу, и которая въ горѣ, забывъ о безпорядкѣ своего костюма, едва удерживаетъ на груди плащъ, готовый соскользнуть. Сзади ея, скрытый отъ взглядовъ ея и ея стража, тихонько подкрадывается Гермесъ; взоры бодрствующаго Аргуса устремлены на свою жертву, поза выражаетъ готовность тотчасъ броситься на могущаго явиться освободителя, котораго онъ опасается. Г. Гельбигъ, одинъ изъ лучшихъ цѣнителей древней живописи, говоритъ, что „эта картина написана весьма искусною и самоувѣренною кистью, контуры тонко оттѣнены, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ

вполнѣ опредѣленные; вся гамма красокъ относительно свѣтлыхъ тоновъ производитъ гармоническое впечатлѣніе, успокоительно дѣйствующее на зрѣніе. Въ Помпеѣ нельзя найти фигуры; которая могла бы сравниться съ фигурою Іо на Палатинѣ; размѣры ея болѣе нѣжны и стройны, колоритъ болѣе прозраченъ и мягокъ, чѣмъ у художниковъ Кампаніи. Нелязя ли объяснить эту высшую тонкость мысли и выполненія тѣмъ, что художники Рима имѣли гораздо болѣе случаевъ, чѣмъ художники провинціальные, видѣть и изучать вблизи греческіи оригиналы? Нельзя ли также видѣть причину этого въ томъ вліяніи, какое имѣла на римскихъ художниковъ окружающая ихъ дѣйствительность и изящество свѣтскихъ женщинъ большаго города? Не смѣю рѣшать этихъ вопросовъ"!

Непонятнымъ кажется, какъ этотъ изящный домъ, отдѣленный отъ императорскихъ дворцовъ только портиками и улицами, могъ сохраниться безъ значительныхъ измѣненій, начиная отъ конца республики до паденія имперіи. Быть можетъ его защищали воспоминанія о знаменитыхъ хозяевахъ, жившихъ въ немъ въ первые годы; быть можетъ и послѣдующіе императоры имѣли особенныя основанія поддерживать и старательно ремонтировать его *). Какъ ни пріятно быть императоромъ или королемъ, но бываютъ минуты, когда это тягостное бремя надоѣдаетъ, и чувствуется потребность снизойти на время съ высоты. Эта оффиціальная и общественная жизнь утомила бы самыхъ рьяныхъ честолюбцевъ, еслибы время отъ времени она не прерывалась отдыхомъ въ одиночествѣ и неизвѣстности. Даже Людовикъ XIV, созданный для вѣчнаго представительства и привыкшій къ нему съ дѣтства, уѣзжалъ въ Марли, гдѣ не такъ строгъ былъ этикетъ, чтобы избѣжать „придворнаго механизма", какъ выражается Сенъ-Симонъ. Кто знаетъ, быть можетъ этотъ прелестный домъ, находившійся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ императорскими дворцами, а между тѣмъ совершенно отдѣленный отъ нихъ, гдѣ ничто не напоминало о высшелъ величіи, служилъ иногда убѣжищемъ для императоровъ, утомленныхъ государственными заботами? Онъ былъ совершенно приспособленъ къ тому, чтобы развлечь ихъ; здѣсь они жили жизнью частнаго человѣка, о которой всегда вспоминаешь съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, послѣ того какъ покинешь ее. Итакъ, мнѣ кажется, что независимо отъ удовольствія глядѣть на прелестныя картины, покрывающія стѣны

---

*) Надписи, встрѣчающіяся на оловянныхъ трубахъ, найденныхъ здѣсь, показываютъ, что онъ ремонтированъ при Домиціанѣ и Септиміи Северѣ.

этого дома, интересъ посѣтителя еще возвышается при мысли, что Веспасіанъ или Титъ, Траянъ или Маркъ Аврелій часто посѣщали его и проводили время въ пріятныхъ бесѣдахъ съ своими друзьями.

Отъ Нерона ничего не осталось на Палатинѣ. Такъ какъ у него вкусъ былъ исключительно направленъ на все гигантское, онъ мечталъ устроить себѣ дворяцъ, въ которомъ заключался бы цѣлый городъ. Узкая долина, покрытая храмами и домами знатныхъ лицъ, не представляла достаточно простора для выполненія его плана; онъ рѣшился выстроить себѣ дворецъ въ другомъ мѣстѣ. Уже Калигула для своего дворца завладѣлъ форумомъ; Неронъ задумалъ соединиться съ садами Мецената черезъ обширную равнину, отдѣляющую Палатинъ отъ Целія Эсквилинскаго. Когда ужасный пожаръ, продолжавшійся десять дней, очистилъ мѣстность отъ нагромажденныхъ на ней зданій, архитекторы Нерона Северъ и Целеръ принялись за дѣло. Ихъ смѣлое воображеніе, богатое непредвидимыми комбинаціями, было создано для того, чтобы привести въ восторгъ императора, больной духъ котораго любилъ только новыя зрѣлища и необыкновенные проекты. Они выстроили ему дворецъ, доселѣ невиданный. Громадное пространство, предоставленное имъ, наполнилось постройками всякаго рода. У входа, гдѣ впослѣдствіи Адріанъ воздвигъ храмъ Рима, они поставили статую императора, колоссъ вышиною въ 120 футовъ, обращенный потомъ въ статую солнца. Въ сторону Эсквилина, гдѣ почва такъ плодородна, простирались обширные луга, поля, виноградники, лѣса, въ которыхъ блуждали дикіе звѣри. Въ центрѣ равнины выкопанъ былъ прудъ, по словамъ Светонія, обширный какъ море; на берегахъ его возвышались прекраснѣйшія зданія. Что касается дворца, въ тѣсномъ смыслѣ слова, онъ весь сіялъ отъ драгоцѣнныхъ металловъ и рѣдкихъ камней, вдѣланныхъ въ стѣны: его называли поэтому золотымъ домомъ. Тамъ были громадные портики, столовыя съ столами изъ слоновой кости и фонтаны, изъ которыхъ въ видѣ дождя брызгали на присутствующихъ духи и драгоцѣнныя эссенціи, купальни съ морскою водою въ прудахъ (писцины) и всякаго рода сѣрнистыми водами. Когда Неронъ перешелъ въ свой новый дворецъ, онъ снизошелъ до того, что поблагодарилъ своихъ архитекторовъ и сказалъ, что наконецъ-то онъ имѣетъ помѣщеніе.

III.

Флавіи и ихъ политика.—Описаніе дворца Домиціана.—Дворецъ Севера.—Императорская ложа въ большомъ циркѣ.—Помѣщенія для солдатъ и прислуги.

—

Династія Флавіевъ, замѣнившая династію Цезарей, принуждена была держаться другой политики. Флавіи только что возвысились, за ними не было преимушества славныхъ преданій, и потому необходимо было опереться на общественное мнѣніе, прислушиваться къ жалобамъ общества и придавать имъ большое значеніе. Изъ всѣхъ безумныхъ предпріятій Нерона кажется болѣе всего раздражило честныхъ людей сооруженіе золотаго дома: съ этимъ связано было воспоминаніе о величайшемъ бѣдствіи его царствованія, пожарѣ Рима, тѣмъ болѣе ужасномъ, что всѣ обвиняли Нерона въ умышленномъ поджогѣ города, съ цѣлью очистить мѣсто для своихъ построекъ. Историкъ говоритъ, что едва погасъ огонь пожара, какъ Неронъ поспѣшилъ воспользоваться развалинами роднаго города, чтобы воздвигнуть себѣ великолѣпный дворецъ. Всѣ возмущались, видя вмѣсто прежнихъ домовъ бѣднаго люда — поля, сады, луга и среди города, переполненнаго народомъ, громаднѣйшее пространство, занятое однимъ домомъ. Въ сатирическихъ стихахъ того времени читаемъ между прочимъ: „Римъ скоро будетъ состоять изъ одного дворца; готовьтесь, граждане, удалиться въ Веи; если только и Веи не понадобятся подъ дворецъ“ *). Притомъ же эти прихоти весьма дорого стоили, архитекторы Нерона не экономничали, и казначейство всегда было пусто; чтобы наполнить его, по обыкновенію прибѣгали къ конфикаціямъ

*) Светоній, Nero, 39.

и убійствамъ, такъ что золотой домъ казалось напоминалъ о всѣхъ преступленіяхъ, цѣною которыхъ онъ былъ воздвигнутъ. Новые императоры не только не принимались за его окончаніе, но тотчасъ разрушили его. Участки, занятые подъ дворецъ, были отчасти возвращены обществу, и оставлено было только то количество земли, какое понадобилось для нѣсколькихъ величественныхъ памятниковъ,—на мѣстѣ Нероновыхъ прудовъ выстроенъ былъ амфитеатръ, Флавія такъ называемый Колизей. На Эсквилинѣ начали строить термы, названныя позднѣе Титовыми, а въ концѣ Палатинской улицы, на священной дорогѣ, изящная тріумфальная арка напоминала о взятіи Іерусалима. Эти зданія, которыми новая династія хотѣла добиться популярности, имѣли преимущество предъ зданіями Нерона въ томъ отношеніи, что ими пользовался весь народъ. „Римъ, говоритъ Марціалъ, возвращенъ самому себѣ; благодаря тебѣ, Цезарь, то, что доставляло наслажденіе одному лицу, служитъ для удовольствія всѣхъ“.

Итакъ имперія вернулась на Палатинъ съ тѣмъ, чтобы уже никогда не уходить оттуда. Веспасіанъ и Титъ слѣдовали политикѣ Августа, то есть не жалѣли ничего для зданій общественныхъ, а сами жили просто, скорѣе какъ частныя лица, чѣмъ какъ государи. Они пристроились, какъ кажется, въ древнихъ императорскихъ дворцахъ, реставрированныхъ послѣ пожара; но наслѣдникъ ихъ Домиціанъ не любилъ этой простоты. У него была манія, или, какъ выражается Плутархъ, болѣзнь строительства. Немногіе государи воздвигли такія великолѣпныя зданія, и самымъ лучшимъ изъ нихъ, какъ говорятъ, былъ дворецъ его. Человѣкъ, заставлявшій обожать себя, приказывавшій, чтобы въ прошеніяхъ его титуловали „владыкой и богомъ“ могъ жить только въ „святилищѣ“; такъ онъ самъ называлъ и требовалъ, чтобы другіе называли, его домъ. Очень понятно, что домъ долженъ былъ соотвѣтствовать названію.

Раскопки послѣдняго времени открыли этотъ дворецъ, бывшій предметомъ удивленія для современиковъ. Онъ впрочемъ не впервые выходитъ изъ-подъ земли: въ началѣ прошлаго столѣтія герцогъ Пармскій Францискъ I, которому принадлежала эта часть холма, сталъ его откапывать при посредствѣ ученаго Біанкини; найдена была масса развалинъ признанная за дворецъ Домиціана. Онъ тогда былъ въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ теперь, и во многихъ залахъ еще сохранилось многое изъ первоначальнаго ихъ убранства. Унеся все, что можно было взять, въ фарнезскіе музеи, развалины засыпали землею на полтора вѣка. Роза окончательно возвратилъ ихъ намъ, и такъ какъ они тщательно очищены и вполнѣ откопаны, можно начертать общій планъ зданія, наи-

болѣе соотвѣтствующаго нашему понятію о дворцѣ, и потому иностранцы охотнѣе всего посѣщають на Палатинѣ эти именно развалины и дольше сохраняютъ воспоминаніе о нихъ, чѣмъ обо всемъ остальномъ *).

Дворецъ Домиціана представляетъ все тотъ-же римскій домъ, построенный по тому-же плану, какъ и другіе дома, съ тою только разницею, что размѣры его больше. Къ нему вела крутая улица (clivus palatinus) которая, какъ я уже говорилъ, отдѣлялась отъ священной дороги, у арки Тита и со временъ Ромула служила обыкновеннымъ путемъ на Палатинъ. Въ концѣ этой улицы находился главный фасъ дворца. Подъ великолѣпнымъ портикомъ, покоившемся на колоннахъ, пилястры которыхъ найдены нынѣ, находилось три двери. Средняя вела въ одну изъ величайшихъ и оригинальнѣйшихъ комнатъ, безъ сомнѣнія пріемную залу, за которой г. Роза удержалъ древнее названіе tablinum. Здѣсь императоръ давалъ аудіенціи, принималъ иностранныхъ пословъ, депутатовъ отъ провинцій, приносившихъ ему ежегодно въ большіе праздники поздравленія и пожеланія отъ имени самыхъ отдаленныхъ подданныхъ. Эта зала служитъ живымъ доказательствомъ тѣхъ успѣховъ, какіе сдѣлало монархическое направленіе римскаго общества со временъ Августа. Въ концѣ этой залы, насупротивъ входныхъ дверей, видна ниша, гдѣ вѣроятно стоялъ тронъ императора, потому что у Домиціана былъ тронъ: со времени его царствованія этикетъ восточныхъ дворовъ вошелъ въ употребленіе и при дворѣ римскихъ императоровъ. Стацій, любимый поэтъ Домиціана, открыто называлъ его царемъ. Цезарь не осмѣливался такъ называть себя, но Стацій зналъ, что этимъ онъ не прогнѣвитъ Домиціана. Убранство залы соотвѣтствовало ея величинѣ. Біанкини разказываетъ, что, когда ему удалось откопать его, онъ нашелъ здѣсь замѣчательные остатки былаго великолѣпія. Вокругъ стѣнъ, покрытыхъ драгоцѣннѣйшимъ мраморомъ, стояло 16 коринѳскихъ колоннъ въ 28 фут; высоты, превосходной работы. Въ осьми большихъ нишахъ съ фронтонами, какъ въ Пантеонѣ Агриппы, стояло 8 колосальныхъ базальтовыхъ статуй; двѣ изъ нихъ—Бахуса и Геркулеса были найдены на своихъ мѣстахъ. По обѣимъ сторонамъ входной двери стояли двѣ колонны изъ желтаго мрамора, которыя были проданы за 2 т. секиновъ;

---

*) Г. Фердинандъ Дютеръ, изучившій эти прелестныя развалины въ то время, какъ ихъ откапывали, сдѣлалъ опытъ реставраціи и напечаталъ его въ Revue archeologique за январь и февраль 1873 г; фотографическій снимокъ съ этого плана я при семъ прилагаю.

порогъ былъ сдѣланъ изъ такого громаднаго куска мрамора, что его употребили на столъ главнаго алтаря одной церкви. Всѣ эти богатства были расхищены; вдоль стѣнъ и на мостовой, тамъ и сямъ находятся обломки мрамора, по которымъ нельзя составить себѣ никакого представленія о бывшемъ великолѣпіи этой залы.

Tablinum находится между двумя другими покоями неодинаковой величины, входъ въ эти покои и tablinum.—изъ главнаго портика. Думаютъ, что меньшій изъ этихъ покоевъ составлялъ домовую божницу, гдѣ поклонялись домашнимъ пенатамъ, и потому назвали его lararium, но это еще весьма сомнительно. Что касается другого покоя, то назначеніе его не подлежитъ никакому сомнѣнію: это была базилика т. е. зала въ которой творили судъ. Всѣ части ея еще отчетливо можно различить, а вокругъ полуциркульной ниши, гдѣ засѣдали судьи, еще сохранился остатокъ мраморныхъ перилъ, отдѣлявшихъ судей отъ публики. Здѣсь императоръ разбиралъ гражданскія и уголовныя дѣла, подлежащія его усмотрѣнію. Домиціанъ очень дорожилъ этою прерогативою своей верховной власти; онъ хотѣлъ заслужить репутацію строгаго судьи и безжалостно каралъ другихъ за преступленія, которыя легко прощалъ самому себѣ.

За этими тремя залами, занимающими всю переднюю сторону дворца, находится перистиль, обширный дворъ, окруженный портиками, болѣе чѣмъ въ 3 т. кв. метровъ протяженія. Тамъ находятся еще остатки желобчатыхъ колоннъ изъ Карійскаго мрамора, поддерживавшихъ крышу. и плиты Нумидійскаго мрамора, покрывавшія нѣкогда стѣны. Въ глубинѣ перистиля, насупротивъ tablinum, находитси широкая дверь, чрезь которую входили въ triclinium, или столовую дворца. Марціалъ говоритъ, что до Домиціана на Палатинѣ не существовало столовой, достойной цезарей, и поздравляетъ императора съ сооруженіемъ такой, которая можетъ сравниться по красотѣ со столовою Олимпа; „боги могли бы пить въ ней нектаръ и принимать изъ рукъ Ганимеда священный кубокъ“. Хотя сравненіе это и слишкомъ смѣло, но должно быть зала въ своемъ первоначальномъ видѣ была дѣйствительно великолѣпна. Согласно римскому обычаю здѣсь было три стола; изъ нихъ два стояли вдоль боковыхъ стѣнъ, а третій, главный—насупротивъ входной двери, въ прекрасно декорированной нишѣ, отъ которой и теперь еще осталась часть пола изъ порфира, серпентина

*) Всего нельзя было еще расчистить. Остается полоса земли подъ террасами виллы Миллсъ.

и желтаго мрамора, за этимъ столомъ обѣдалъ императоръ и высокопоставленныя лица. Средина залы оставалась пустою для свободнаго движенія прислуги. Съ каждой стороны находилось по пяти большихъ оконъ, отдѣленныхъ одно отъ другого колоннами изъ краснаго гранита, выходившихъ въ двѣ ванныя, посреди которыхъ найдены еще остатки бассейна, украшеннаго маленькими нишами, гдѣ должно быть стояли статуи. Съ ложа, на которомъ лежали обѣдающіе, имъ видна была вода, бьющая изъ фонтана и падающая каскадами съ одного этажа на другой среди зелени, мрамора и цвѣтовъ. Объ этой изящной столовой часто упоминаютъ древніе писатели того времени. Домиціанъ хотѣлъ слыть любителемъ литературы и въ молодости даже писалъ стихи, которые льстецы называли божественными, поэтому онъ иногда удостоивалъ поэтовъ приглашеніями къ своему столу.

Стацій, на долю котораго выпала тоже эта великая честь, описалъ свою радость въ одной изъ своихъ Silves; радость эта просто безумна; онъ говоритъ, что войдя въ царскій triclinium ему показалось, что онъ перенесся въ область звѣздъ и находится за столомъ самого Юпитера. „Тебя ли я вижу, говоритъ онъ императору, тебя владыку и отца покореннаго міра, тебя надежду людей и заботу боговъ? И такъ я съ тобою! Среди кубковъ и блюдъ, покрывающихъ столъ, я созерцаю твой ликъ!“ И затѣмъ спѣшитъ добавить: „но сознаюсь, мои взоры были устремлены не къ роскошной обстановкѣ трапезы, не къ дубовымъ столамъ на колоннахъ изъ слоновой кости, не къ этой арміи рабовъ: я глядѣлъ на одного только императора, его одного я желалъ видѣть. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого спокойнаго лица, которое видомъ кроткаго величія, казалось желало умѣрить блескъ своего счастья; но ему не удавалось скрыть своего превосходства: оно помимо его воли, блистало въ чертахъ его лица. Самые отдаленные народы, самыя варварскія орды, взглянувъ на него, тотчасъ узнали бы своего владыку.“ Хвалы эти поражаютъ насъ напыщеностью особенно, когда относятся къ Домиціану, но честь, оказанная императоромъ Стацію была такъ велика, что вскружила головы поэтовъ. Марціалъ объявляетъ, что еслибы Юпитеръ и Домиціанъ одновременно пригласили его на обѣдъ, онъ, не взирая на отца боговъ, отправился бы къ императору.

Отъ всѣхъ этихъ громадныхъ залъ, теперь остались только мраморныя полы, базы колоннъ и нѣсколько частей стѣнъ: все остальное разрушено, Но достаточно прочесть описаніе современныхъ Домиціану авторовъ, чтобы составить себѣ надлежащее понятія о томъ, что для насъ

утрачено. Всѣ они единогласно восхищаются обширными размѣрами зданія и описываютъ его высоту. На своемъ гиперболическомъ языкѣ они выражаются такъ: „глядя на него думаешь, что Пеліонъ взгроможденъ на Оссу; что своды его пронизываютъ эѳиръ и касаются Олимпа; снизу едва можно различить крышу дворца, а золоченый верхъ крыши сливается съ сіяющимъ блескомъ небесъ“. Они упоминаютъ и о безчисленномъ множествѣ колоннъ „способныхъ поддержать сводъ небесный въ то время, когда Атласъ будетъ отдыхать“; они перечисляютъ всѣ сорта мрамора, изъ которыхъ составлены были декораціи стѣнъ; они наконецъ такъ подробно и многорѣчиво говорятъ, что невольно является мысль, не было ли тамъ излишества въ украшеніяхъ. Во времена Домиціана. любви къ простотѣ уже не существовало. Вкусъ и талантъ артистовъ утратилъ свои твердыя основы, они не умѣли созидать прекраснаго, а заботились только о пышности: такое направленіе всегда принимаютъ искусства во времена своего упадка. Императоръ болѣе другихъ страстно любилъ эту необузданную роскошь; одинъ шутникъ сравнивалъ его съ царемъ Мидасомъ, который обращалъ въ золото все, до чего прикасался *).

Въ этомъ громадномъ дворцѣ есть еще много другихъ залъ, но тѣхъ комнатъ, которыя необходимы для жизни частнаго семейнаго человѣка, здѣсь не оказалось. Слѣдовательно дворецъ предназначенъ былъ только для оффиціальныхъ пріемовъ: и дѣйствительно государи жили не тамъ. Ихъ настоящее мѣстопребываніе, кажется, всегда было въ домахъ Августа или Тиберія. Чтобы пройти изъ дома Тиберія во дворецъ Домиціана, не проходя площади, вырыта была подземная галлерея, существующая и донынѣ и сообщающаяся съ криптопортикомъ, о которомъ я уже говорилъ **). Такимъ образомъ жизнь императоровъ дѣлилась на двѣ части:

---

*) Во многихъ средневѣковыхъ манускриптахъ нашли описанія дворца въ которомъ г. Росси узнаетъ дворецъ Домиціана. (Piante di Roma p. 123). Это любопытное мѣсто рукописей показываетъ, что названія, данныя различнымъ отдѣльнымъ комнатамъ дворца, совершенно вѣрны. Въ рукописяхъ пріемная зала названа salutatorium, подлѣ нея находится consistorium т. е. базилика, а затѣмъ trichorum, т. е. столовая съ тремя ложами (triclinium). Судя по этимъ описаніямъ должно заключить что этотъ прекрасный домъ существовалъ даже послѣ паденія имперіи, всегда составлялъ центръ Палатина и представлялъ для всѣхъ націй образецъ или типъ царскаго дворца.

**) См. № 7 на общемъ планѣ Палатина.

одну часть, вѣроятно наименѣе пріятную, они проводили въ этомъ великолѣпномъ дворцѣ, на дверяхъ котораго Нерва написалъ слѣдующее: Aedes publicae, чтобы показать, что сюда каждый имѣетъ право придти и требовать справедливости, другую часть времени они проводили въ домѣ менѣе пышномъ, но болѣе уединенномъ, болѣе удобномъ, лучше приспособленномъ для семейной жизни, гдѣ, отбывъ свою царскую службу, они могли, согласно прекрасному выраженію Антонина, наслаждаться возможностью быть человѣкомъ.

Прошелъ цѣлый вѣкъ—лучшій вѣкъ имперіи,—съ тѣхъ поръ, какъ Императоры жили въ древнихъ дворцахъ, какъ вдругъ у Септимія Севера явилась мысль выстроить новый дворецъ. Быть можетъ предлогомъ для этого послужилъ ужасный пожаръ, опустошившій Палатинъ, въ концѣ царствованія Коммода, но вѣроятно Септимій имѣлъ для этого другого рода основанія. Начинающія править династіи всегда находятъ нужнымъ поразить воображеніе народовъ какимъ нибудь великимъ предпріятіемъ. Эта новая династія, наслѣдовавшая Антонинамъ, которой надо было заставить народъ забыть ихъ иностранное происхожденіе, дѣлала видъ, что весьма заботится о Римѣ, его украшеніи и велелѣпіи. Северъ, какъ всѣ тѣ, кто вдругъ выскочитъ въ люди, постоянно боялся, чтобы не вспомнили о его бывшемъ положеніи, и старался заставить забыть о немъ. Разсказываютъ, что когда въ званіи высокопоставленнаго сановника пріѣхалъ онъ на свою родину, одинъ изъ его прежнихъ друзей, обрадовавшись, хотѣлъ обнять его, за что Северъ велѣлъ его высѣчь розгами, чтобы научить, какъ нужно вѣжливо обходиться съ высшимъ правительственнымъ лицомъ римскаго народа. Ему вѣроятно казалось, что соперничая, относительно роскоши, съ своими предшественниками, онъ становится достойнымъ наслѣдникомъ ихъ. Онъ хотѣлъ также завладѣть императорскимъ холмомъ, построивъ на немъ дворецъ, который бы носилъ имя его фамиліи.

Палатинъ уже былъ загроможденъ, и мѣста для новыхъ построекъ были очень рѣдки. Оставалось впрочемъ еще свободное мѣсто вдоль тріумфальной улицы, насупротивъ Целія. Тамъ не такъ много строили, потому что мѣстоположеніе было отлогое къ самой долинѣ и не представляло поэтому ровной поверхности для обширнаго зданія. Однако дворецъ Домиціана какимъ то образомъ растянулся вплоть до этого мѣста. Изъ перистиля, о которомъ я говорилъ выше, занимавшаго такое большое пространство, рядъ комнатъ, еще мало извѣстныхъ, велъ къ дому Августа, который такимъ образомъ вошелъ въ составъ обширнаго дворца

Домиціана. За домомъ Августа Домиціанъ устроилъ ристалище (стадію), теперь совершенно расчищенное. Ристалищемъ или стадіею называли родъ цирка, предназначеннаго для бѣга людей и атлетическихъ игръ. Игры эти были однимъ изъ любимыхъ развлеченій Грековъ: для этого артистическаго народа не было высшаго удовольствія, какъ видѣть прекрасное, обнаженное тѣло, проявляющее свою силу и грацію въ разнообразныхъ упражненіяхъ. Римляне же видѣли въ этихъ упражненіяхъ только неприличіе и опасность, и не любили ихъ. Впрочемъ во времена имперіи и имъ стали нравиться эти игры, благодаря главнымъ образомъ Домиціану. Онъ устроилъ большой циркъ на Марсовомъ полѣ, форму и планъ котораго сохранила донынѣ Piazza Navona; и любилъ присутствовать тамъ въ греческомъ костюмѣ, въ пурпуровой мантіи, съ золотой короной на головѣ. Неудивительно, что онъ пожелалъ имѣть стадію въ своемъ дворцѣ, гдѣ могъ наслаждаться этимъ зрѣлищемъ одинъ или съ друзьями, между тѣмъ какъ на Марсовомъ полѣ онъ раздѣлялъ это удовольствіе со всѣми Римлянами. Ему вѣроятно пріятно было испробовать въ обществѣ знатоковъ, искусство быстраго бѣгуна или ловкаго атлета, котораго онъ потомъ представлялъ римскому народу. Мѣсто, гдѣ происходили эти увеселенія, отличалось особеннымъ изяществомъ *): теперь нашли императорскій циркъ, состоящій изъ двухъ залъ, расположенныхъ одна надъ другою, изъ которыхъ верхняя, кажется, была великолѣпнѣе нижней **). Этотъ циркъ окруженъ былъ двумя этажами портиковъ, поддерживаемыхъ мраморными колоннами. Можно себѣ представить, какой видъ имѣлъ этотъ циркъ, когда императоръ сидѣлъ въ своей ложѣ, а придворные, осчастливленные позволеніемъ участвовать въ царской забавѣ, толпились подъ портиками.

Вотъ за этой-то стадіей Домиціана, въ самомъ углу холма Северъ построилъ свой дворецъ, обращенный на западъ и югъ. Должно быть онъ ему не дешево обошелся, потому что, прежде чѣмъ начать постройку, пришлось такъ сказать создавать для нея грунтъ. Мы уже говорили, что мѣсто это представляетъ склонъ къ долинѣ, его выравняли посредствомъ громадныхъ фундаментовъ, составленыхъ изъ каменныхъ арокъ. Эти фундаменты и теперь существуютъ: когда сняли землю, то и откры-

---

*) Въ библіотекѣ школы изящныхъ искусствъ существуетъ интересный опытъ реставраціи стадіи Домиціана, сдѣланный Паскалемъ, бывшимъ воспитанникомъ французской академіи въ Римѣ.

**) Смотри № 8 на планѣ.

лись эти арки, со всѣхъ сторонъ взгромоздившіяся одна на другую и представляющія собою самыя причудливыя группы. Если смотрѣть на нихъ изъ сосѣднихъ улицъ, то онѣ кажутся такими высокими, такъ поражаютъ глазъ, что иногда ихъ принимаютъ за самый дворецъ императоровъ; но въ сущности это, какъ мы сказали, только фундаменты или подпочва Северова дворца, который нѣкогда стоялъ на нихъ. Теперь отъ него осталось еще нѣсколько довольно крѣпкихъ стѣнъ, это самыя высокія и найлучше сохранившіяся стѣны на всемъ Палатинѣ. Одна изъ нихъ поддерживала великолѣпную лѣстницу, ведшую въ верхніе этажи. Но всѣ эти величественныя развалины все таки не могутъ сравниться съ развалинами императорской ложи большаго цирка *). Она примыкала къ самому дворцу, такъ что императоръ, не выходя изъ дому, присутствовалъ при бѣгѣ колесницъ и лошадей. Ложа эта состояла изъ закрытой залы, гдѣ императоръ съ семействомъ могъ отдохнуть, и террасы, съ которой видѣнъ былъ весь циркъ. Видъ оттуда въ дни большихъ празднествъ, когда собирался весь римскій народъ, должно быть былъ замѣчателенъ. Длинная и тѣсная долина, простирающаяся между Палатиномъ и Авентиномъ, теперь составляетъ одинъ изъ наиболѣе печальныхъ и бѣдныхъ кварталовъ Рима. А тогда это былъ громаднѣйшій гипподромъ, украшенный колоннами, обелисками, статуями, окруженный мраморными ступенями, на которыхъ во время игръ размѣщалось до 400000 любопытныхъ. Толпа эта особенно воодушевлялась, когда должны были появиться на аренѣ любимые публикою лошади и кучера. Лактанцій говоритъ, что самое интересное зрѣлище представляли сами зрители; они страстно слѣдили за всѣми случайностями бѣга, кричали, орали, дѣлали разныя жесты, прыгали на скамьяхъ; каждый изъ нихъ интересовался успѣхами своей партіи; они ругали или рукоплескали кучерамъ, смотря по цвѣту ихъ одежды-зеленому или синему, бѣлому или красному, мелькавшему предъ глазами въ то время, какъ они неслись вокругъ spina. Съ того момента какъ правительственное лицо, предсѣдательствующее на этомъ празднествѣ, давало сигналъ начать бѣгъ, бросая бѣлый платокъ на арену, и до того мгновенія, когда какая нибудь болѣе счастливая колесница, пробѣжавъ 7½ километ. разстоянія, достигала цѣли, вся публика такъ немилосердно орала, что за нѣсколько верстъ отъ Рима былъ слышенъ гулъ. Императоры также принимали

*) Планъ. № 9.

участіе въ общемъ воодушевленіи. У нихъ тоже были свои избранныя лошади и любимые кучера, и они не особенно бывали довольны, когда ихъ опережали другіе. Я представляю себѣ, что здѣсь именно, въ этой императорской ложѣ, до сихъ поръ сохранившейся по счастливой случайности, произошла та страшная сцена, о которой разсказываетъ Геродіанъ. Когда позволили себѣ освистать кучера голубой партіи, состоявшей подъ покровительствомъ Каракаллы, онъ велѣлъ своимъ стражамъ наказать виновныхъ. Солдаты бросились на сторожей цирка, и не разбирая, кто правъ кто виноватъ, стали убивать всѣхъ кого попало. Произошла невыразимая сцена смятенія и убійствъ, очень понравившаяся императору, прекрасно все видѣвшему изъ своей ложи *).

Септимій Северъ, послѣдній изъ Цезарей, строившихъ себѣ новые дома. Имперія послѣ него стала слишкомъ жалкою для того, чтобы императоръ могъ себѣ позволить такую роскошь. Итакъ перечень построенныхъ на Палатинѣ дворцовъ законченъ, но тамъ были и другія зданія кромѣ царскихъ палатъ; вблизи императора надо было помѣстить и его стражу и его слугъ. Хотя эти дома для солдатъ и рабовъ были вѣроятно и не такъ изящны и не такъ дороги, но и отъ нихъ остались понынѣ слѣды въ различныхъ мѣстахъ холма. Внизу Палатинской улицы, близь арки Тита, раскопки открыли много комнатъ различной величины **).

*) Другая часть дворца Севера стала тоже весьма знаменитою. Внизу холма, насупротивъ Целія, вдоль тріумфальной дороги, онъ велѣлъ построить трехэтажный портикъ, называвшійся Septizonium. Онъ желалъ, чтобы это, былъ главный входъ во дворецъ, но римскій префектъ, дорожившій должно быть древними обычаями, не допустилъ этого, поставивъ статую императора на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была находиться дверь. Итакъ Septizonium сталъ не болѣе какъ прекраснымъ украшеніемъ, совершенно безполезнымъ. Проказники острили, говоря, что Северъ поставилъ портикъ противъ дороги, ведущей изъ Африки, съ цѣлью поразить своихъ соотечественниковъ, когда они прибудутъ въ Римъ. Septizonium счастливо простоялъ во всѣ средніе вѣка. Онъ былъ почти совершенно еще цѣлъ, когда Папѣ Сиксту V пришла фантазія его уничтожить и взять его колонны для какой-то церкви, которую онъ тогда реставрировалъ: „возрожденіе искуства, говоритъ Дютеръ, было сигналомъ изуродованія и разрушенія лучшихъ произведеній искусства.“ Папы часто разрушали древніе памятники, которые Остроготы поддерживали и подчиняли. Развѣ не Павелъ V разрушилъ дивные остатки храма Паллады на форумѣ Нервы, чтобы декорировать фонтанъ Паулины? Più Goto de' Goti.

**) См. планъ №10. Развалины, здѣсь найденныя, кажется, принадлежатъ къ довольно отдаленной эпохѣ. Гг. Висконти и Ланчіани предполагаютъ, что онѣ построены были императоромъ Максиміаномъ.

Г. Роза предполагаетъ, что это были помѣщенія преторіанской когорты, охранявшей цезарей; дѣйствительно весьма вѣроятно, что казарма находилась подлѣ главнаго входа на Палатинъ. Значитъ здѣсь, согласно Тациту, несчастный Пизонъ, усыновленный Гальбою, собралъ солдатъ стражи, тотчасъ какъ узналъ о возмущеніи Оттона, и произнесъ предъ ними ту честную и печальную рѣчь, которая ни въ какомъ случаѣ не могла тронуть сердца преторіанцевъ. Интереснѣе этихъ безобразныхъ развалинъ, назначеніе которыхъ въ сущности довольно сомнительно, это развалины, найденныя на противоположномъ концѣ, къ Велабру. Здѣсь открыта цѣлая улица, довольно хорошо сохранившаяся, которую считаютъ бывшимъ clivus victoriae *). Это тоже остатокъ первыхъ временъ существованія Рима. Въ нее вели „римскія ворота“ происхожденіе которыхъ относится къ временамъ Ромула. Отъ нихъ до вершины холма шла узкая крутая улица съ высокими домами по обѣимъ сторонамъ, такъ что она должно быть никогда не была особенно свѣтлою, но со временъ Калигулы стала еще темнѣе, такъ какъ онъ часть ея покрылъ, чтобы распространить террасы своего дворца. Правая сторона этой улицы, примыкающая къ холму, вѣроятно составляла службы императорскихъ дворцовъ. Когда войдешь въ сохранившіяся до сихъ поръ комнаты, хотя еще до половины засыпанныя землей, и глазъ нѣсколько освоится съ господствующею здѣсь темнотою, то нельзя не удивиться, что эти темныя комнаты, которыя сперва казались неподходящими даже для рабовъ очень изящно отдѣланы; во многихъ сохранилась штукатурка и мозаика, на нѣкоторыхъ стѣнахъ существуетъ прелестная живопись и на одномъ изъ балконовъ осталась тонкая мраморная балюстрада. Слѣдовательно, если здѣсь, какъ должно думать, жили слуги императора, то вѣроятно самые важные, т. е. рабы и вольноотпущенники, составлявшіе аристократію царской прислуги. Вѣроятно здѣсь жили тѣ люди безъ отечества и имени, купленные на рынкахъ Греціи, въ которыхъ заискивали самые важные чиновники, потому что они имѣли вліяніе на императора и часто управляли имперіей. Сдѣлавшись богатыми и вліятельными, они рѣшались жить въ этихъ комнатахъ безъ воздуха и свѣта, чтобы не удаляться отъ своего владыки, какъ при Людовикѣ XIV самыя знатныя особы, имѣвшія свои прекрасныя замки и громадныя палаты, тѣснились въ зараженныхъ міазмами комнатахъ Версаля, чтобы быть всегда на глазахъ у короля.

*) См. планъ № 11.

Но если римскіе рабы и вольноотпущенники считали необходимымъ жить въ этихъ лишенныхъ свѣта компатахъ, они хотѣли по крайней мѣрѣ украсить ихъ, на сколько возможно, и сдѣлать сколько нибудь соотвѣтствующими ихъ богатству: только такъ можно объяснить себѣ эту роскошь живописи и мрамора и прелестные орнаменты стѣнъ въ такихъ компатахъ, гдѣ ихъ едва можно было разглядѣть.

Съ другой стороны Палатина, близь большаго цирка, найденъ одинъ изъ тѣхъ старинныхъ домовъ, которые сохранились, послѣ того даже какъ холмъ занятъ былъ императорскими дворцами и были назначены для помѣщенія прислуги *). Въ немъ въ различныя времена жили вѣроятно солдаты и рабы. Комнаты, окружающія atrium, полны надписей, сдѣланныхъ углемъ или нацарапанныхъ остріемъ какого нибудь орудія; такія надписи у Итальянцевъ называются graffiti. Большинство этихъ надписей сдѣлано, какъ видно, солдатами, называющими себя ветеранами императора (veteranus domini nostri); въ иныхъ встрѣчаемъ ѣдкія эпиграммы на счетъ того какъ мало пріобрѣлъ ветеранъ за свою службу **). Другія надписи доказываютъ, что здѣсь когда-то помѣщалась школа юныхъ рабовъ (paedagogium), гдѣ заботливо воспитывали дѣтей, предназначенныхъ служить императору, составлять его общество, увеселять его своими разговорами. Многіе изъ дѣтей оставили на стѣнахъ надписи, свидѣтельствующія, что школа ихъ нисколько не интересовала, и что они весьма желали бы растаться съ нею. Тамъ же найдена была знаменитая карикатура, о которой такъ много говорили, находящаяся теперь въ музеѣ Кирхера. На ней изображенъ человѣкъ съ ослиной головою, распятый на крестѣ; внизу другой, грубо нарисованный человѣкъ стоитъ, устремивъ глаза на распятаго и держа руку у рта. Греческая надпись поясняетъ рисунокъ: „Алексаменъ обожаетъ своего Бога“. Очевидно эта насмѣшка надъ какимъ-то христіаниномъ: во времена Антониновъ, даже въ самыхъ просвѣщенныхъ классахъ общества, думали, что христіане и евреи боготворятъ осла. Алексаменъ, императорскій

---

*) См. планъ № 12.

**) На стѣнѣ одной изъ комнатъ нарисованъ былъ маленькій оселъ, ворочающій мельничное колесо. Внизу была слѣдующая подпись: „Работай, мой осликъ, какъ работалъ я, это будетъ тебѣ полезно“. Labora, aselle, quomodo ego laboravi, et proderit tibi“. Этотъ прелестный рисунокъ недавно былъ уничтоженъ бурею.

солдатъ или рабъ, принявшій христіанство, былъ предметомъ насмѣшекъ своихъ товарищей; но онъ мужественно переносилъ ихъ и среди этого враждебнаго народа не отрекся отъ своей вѣры. Г. Висконти въ 1870 г. нашелъ надпись, начерченную вѣроятно самимъ Алексаменомъ, изъ которой можно заключить, что онъ открыто исповѣдуетъ свою вѣру, а именно тамъ встрѣчаются слѣдующія слова: Alexamenos fidelis. Хотя христіанство рано проникло въ домъ цезарей, но это единственное, воспоминаніе оставшееся о немъ на Палатинѣ.

IV.

Видъ холма въ третьемъ столѣтіи.—Здѣсь находятся строенія всѣхъ временъ.—Памятники императорской эпохи.—Различіе ихъ отъ дворцовъ современныхъ.—Красота соразмѣрности.

—

Какъ ни пространно мы говорили до сихъ поръ, но считаю полезнымъ добавить еще нѣсколько словъ. Перечисливъ въ частности зданія каждаго вѣка, находящіяся на Палатинѣ, надо еще попытаться дать себѣ отчетъ, какой видъ представляли они въ цѣломъ. Итакъ предположимъ, что мы живемъ въ 3-мъ вѣкѣ около времени, когда Септимій Северъ построилъ послѣдній изъ всѣхъ императорскихъ дворцовъ и представимъ себѣ тотъ весьма рѣдкій моментъ въ жизни имперіи, когда господствуетъ полное спокойствіе послѣ одержанныхъ побѣдъ; затѣмъ посѣтимъ знаменитый холмъ. Онъ принадлежитъ всецѣло цезарямъ; на немъ живутъ ихъ семьи, солдаты, слуги. Здѣсь видимъ зданія различныхъ эпохъ даже временъ основанія Рима, но всѣ они поддерживаются и тщательно оберегаются. Взоръ не оскорбляется никакой развалиной; цезари ихъ не терпятъ, ничто въ ихъ имперіи не должно имѣть вида бѣдности или запустѣнія, потому что такой видъ служилъ бы позоромъ ихъ царствованія. Извѣстно, что одинъ изъ нихъ уничтожилъ безъ дальныхъ околичностей общества, которыя образовались съ цѣлію скупать большія участки и которыя! заработавъ барыши на продажѣ ихъ по частямъ, не заботились поддерживать дома, не нашедшіе покупщиковъ. Императоръ возмутился этимъ и въ эдиктѣ своемъ объявилъ, что „это преступная коммерція, враждебная общему миру“, посягающая на общественное благополучіе „что вмѣсто того, чтобы покрывать поля развалинами,

въ нашемъ счастливомъ вѣкѣ слѣдуетъ строить новые дома, чтобы блескъ счастья рода человѣческаго сталъ еще ярче" *). Понятно, что эти принципы практиковались на Палатинѣ строже, чѣмъ гдѣ либо: приличіе требовало, чтобы вокругъ императорскихъ дворцовъ все было въ исправномъ видѣ; поэтому несмотря на бѣдственное состояніе имперіи здѣсь никогда не допускали ни одного зданія до разрушенія; этимъ и объясняется, почему на Палатинѣ всѣ самыя старыя лачуги сохранились до самаго нашествія варваровъ.

Итакъ, на Палатинѣ находишь памятники всѣхъ вѣковъ и, что наиболѣе интересно для посѣтителя, въ этомъ ограниченномъ пространствѣ заключалась такъ сказать вся исторія Рима. Начиная съ того времени, "когда быки аркадца Евандра приходили сюда отдыхать" и до того момента, когда здѣсь утвердилась африканская и восточная династія Северовъ, каждый вѣкъ оставилъ послѣ себя какое нибудь воспоминаніе. Тутъ была и хижина перваго царя, и дворецъ перваго императора; были дома, гдѣ жили великіе консулы республики и лучшіе изъ государей. Здѣсь можно было прослѣдить всѣ видоизмѣненія общественной религіи; храмъ Юпитера Статора, Аполлона и храмъ матери боговъ, напоминали постепенно о времени, когда Римъ довольствовался божествами Лаціума, затѣмъ когда онъ допустилъ къ себѣ боговъ Греціи, наконецъ когда онъ отправился на поиски за экзальтированными культами востока, которые вызвали новыя религіозныя потребности и подготовили путь христіанству. Сюда приходили съ благоговѣніемъ взглянуть на всѣ эти памятники, и самые древніе, несмотря на ихъ простоту, пользовались наибольшимъ уваженіемъ. Римляне не похожи были на тѣхъ выскочекъ, которые стыдятся незнатности своего происхожденія и стараются его скрыть; они напротивъ гордились, ею потому что такимъ образомъ яснѣе обозначалось все величіе пройденнаго пути. Ни одна эпоха исторіи не была исключена изъ ихъ благодарной памяти: они знали, что каждый вѣкъ трудился для славы Рима; ни политическая ненависть, ни предразсудки партій не могли сдѣлать ихъ неблагодарными къ кому бы то ни было; какъ ни страстна бывала борьба—время все примиряло, и въ памяти изъ прошлаго всегда оставались только живыя воспоминанія о заслугахъ, оказанныхъ отече-

---

*) Этотъ любопытный декретъ противъ черной банды у Римлянъ былъ изданъ и комментированъ Еггеромъ въ Mémoires de la Société des antiquaires de France, 4 série, tome III

ству. Патріотизмъ Римлянина 3-го вѣка состоялъ въ одинаковомъ удивленіи и къ героямъ республики и къ великимъ императорамъ, такъ что съ одинаковымъ чувствомъ уваженія и гордости посѣщали они и хижину Ромула, и домъ Цицерона, и дворецъ Августа.

Но наиболѣе оставила воспоминаній на Палатинѣ все таки эпоха имперіи. Однако было бы не совсѣмъ точно, еслибы мы предположили, что Палатинъ, какъ написано на вывѣскѣ фарнезскихъ садовъ, заключалъ въ себѣ дворецъ цезарей (Palazzo de'Cesari); судя по этому можно было бы думать, что тамъ находилось только одно большое зданіе, постоянно увеличиваемое и украшаемое императорами, по мѣрѣ того какъ они слѣдовали другъ за другомъ, въ родѣ напр. французскаго Тюльери *). Нѣтъ, Палатинъ былъ скорѣе кварталомъ дворцовъ, которыхъ было пять, и каждый назывался именемъ построившаго его императора **). Ничего подобнаго нѣтъ въ нашихъ современныхъ столицахъ. Когда, по капризу или тщеславію, наши государи вздумаютъ воздвигнуть для себя новый дворецъ, то всегда строятъ его подальше отъ стараго. Имъ нравится перемѣна, другое мѣстоположеніе, новыя виды. Двѣ главныя резиденціи Папъ—Ватиканъ и Квириналъ, находятся на двухъ противоположныхъ концахъ Рима. Въ древнемъ Римѣ напротивъ все соединено на одномъ и томъ-же холмѣ: разъ онъ сталъ жилищемъ имперіи, то казалось, что государь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и жить не можетъ Діонъ говоритъ, что даже тѣ мѣста, гдѣ во время путешествій останавливались императоры, стали называть Палатинами ***).

Это собраніе дворцовъ должно было производить очень сильное впечатлѣніе на посѣтителей. Представимъ себѣ образованнаго, любопытнаго провинціала—Галла, Африканца или Испанца, какихъ было много въ то время, пріѣхавшаго посмотрѣть, что это за Римъ, о которомъ гово-

---

*) Такъ думали современники Біанкини. Въ его сочиненіи Palazzo de'Cesari интересно прочесть, какъ онъ предполагаетъ реставрировать императорскій дворецъ. Этотъ проектъ представляетъ громадное сооруженіе, по наружному виду весьма похожее на дворецъ Фарнезскій, гдѣ всѣ части строенія составляютъ одно цѣлое и какъ бы принадлежатъ одному и тому же времени, Въ проектѣ нѣтъ даже намека на то представленіе, какое мы теперь имѣемъ о Палатинѣ.

) По крайней мѣрѣ дворецъ Тиберія, какъ кажется, всегда сохранялъ свое наименованіе. Смотри **Авла Геллія, XIII, 19 и Histoire Aug. Prob., 2.

***) Dion, L III, 1, 16.

ритъ весь міръ. Даже послѣ посѣщенія императорскихъ форумовъ и чудесъ Капитолія, Палатинъ долженъ былъ поразить его. Благодаря раскопкамъ послѣдняго времени, возстановившимъ для насъ довольно точно топографію холма, намъ возможно вообразить себѣ ту картину, которая должна была представиться предполагаемымъ путешественникамъ. Когда являлись сюда чрезъ clivus Palatinus, о которомъ я неоднократно говорилъ, и прошли подъ древними воротами Ромула, стоящими по сосѣдству съ храмомъ Юпитера Статора, то предъ глазами путешественниковъ являлся фасадъ дворца Домиціана. Этотъ дворецъ, прежде другихъ бросающійся въ глаза, былъ въ тоже время и самымъ значительнымъ между ними, наиболѣе соотвѣтствующимъ величію цезарей; площадь, которую считаютъ за area Palatina, лежитъ вправо и дѣлитъ императорскіе дворцы на двѣ различныя группы: въ первой заключаются дома Тиберія и Калигулы, построенныя на сѣверной сторонѣ холма, вдоль Велабра и форума; вторая состоитъ изъ 3-хъ различныхъ дворцовъ, имѣющихъ каждый свой фасадъ, свой входъ, свой собственный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ соединенныхъ между собою такъ, что въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ они могли составлятъ какъ бы одно цѣлое. Дворецъ Домиціана былъ смеженъ съ домомъ Августа, подвинувшимся болѣе на югъ и занимавшемъ почти центръ холма, на той-же линіи, нѣсколько далѣе, стоялъ дворецъ Севера, къ южному углу Палатина. Всѣ остальныя здѣсь находившіяся постройки, кромѣ храмовъ и историческихъ зданій, служили помѣщеніемъ для рабовъ или вольноотпущенниковъ императора.

Однако мнѣ кажется, что еслибы мы могли увидѣть Палатинъ, какимъ онъ былъ въ 3-мъ вѣкѣ; несмотря на удивленіе, восторгъ нашъ былъ бы нѣсколько умѣренъ. Вкусъ нашъ пріобрѣлъ уже извѣстныя привычки, есть у него требованія, которымъ Палатинъ не могъ бы удовлетворить. Вѣроятно всходы и площадки императорскихъ дворцовъ показались бы намъ мизерными; clivus Palatinus не широкимъ, clivus Victoriae еще уже, area Palatina слишкомъ тѣсною. Если вѣрить словамъ Стація о необычайной высотѣ дворца Домиціана, то неизвѣстно, откуда же надо было смотрѣть на него, чтобы увидѣть всю его высоту.—Внутренность этихъ великолѣпныхъ дворцовъ понравилась бы намъ уже гораздо болѣе. Залы, дворы, портики восхитили бы насъ. Но отсутствіе садовъ показалось бы страннымъ. Римскіе императоры, когда желали насладиться природою, уѣзжали изъ Рима. Вблизи самаго города, у Албанскаго озера, въ Тибурѣ, у нихъ были прелестныя виллы, гдѣ они могли свободно проводить, сколько имъ угодно времени Если же они желали

вкусить настоящей деревенской жизни, безъискусственной и первобытной (rus verum barbarumque), они отправлялись подальше: извѣстно, какъ Антонинъ любилъ присутствовать при сборѣ винограда въ своихъ большихъ помѣстьяхъ въ Лаціумѣ. Это ихъ вполнѣ удовлетворяло, и никогда, какъ ка ,тся, они не разводили на Палатинѣ такихъ пышныхъ садовъ, какими современные богачи любятъ окружать свои жилища *). Только одинъ Неронъ предупредилъ наши вкусы, но вѣроятно имъ при этомъ руководило скорѣе „высокое удовольствіе покорить себѣ природу", чѣмъ любовь къ сельской природѣ. Ему безъ сомнѣнія казалось достойнымъ цезаря и вполнѣ оригинальнымъ перенести въ средину Рима лѣса и имѣть прудъ соленой воды въ 10 миляхъ отъ моря.—Сдѣлавъ эти оговорки, мы подобно Римлянамъ, стали бы восхищаться красотою построенныхъ на Палатинѣ зданій. Хотя и созданныя разновременно, они все таки не могли представлять такой дисгармоніи, которая можетъ оскорбить требовательный вкусъ. Пожары, этотъ хроническій бичъ древняго Рима, часто добирались и до дворцовъ; но всякій разъ ихъ спѣшили возобновить, потому что Римъ по словамъ Марціала, походилъ на феникса, который сгорая возрождается, а когда возобновляли, то всегда старались нѣсколько придерживаться требованій существующей моды. Такимъ образомъ могущія шокировать несообразности сглаживались, но въ общемъ оставалось такое различіе между зданіями, что для зрителя не утрачивалось впечатлѣніе контраста. Каждый дворецъ имѣлъ свой особый характеръ и свои особенныя достоинства. Дворецъ Августа должно быть былъ проще и болѣе строгаго стиля, дворецъ Домиціана роскошенъ до излишества, дворецъ Севера исполненъ того величія, какое встрѣчаемъ и въ грандіозной постройкѣ термъ Каракаллы. Внутренность покоевъ была невообразимо роскошна: залы и портики походили на настоящіе музеи, гдѣ соединены были лучшія произведенія всѣхъ вѣковъ. Плиній говоритъ, что уже при немъ можно было тамъ найти произведенія самыхъ знаменитыхъ художниковъ Греціи. Послѣдующіе императоры, въ особен-

*) Впрочемъ упоминаютъ о садахъ Адониса (Adonea), находившихся въ дворцѣ Домиціана, но они должно быть были очень миніатюрны. Подъ словомъ Adonea Сиряне и Египтяне подразумѣвали скорѣе жардиньерки, чѣмъ сады. Это были глиняные сосуды, въ которыхъ сѣяли, во время празднествъ въ честь Адониса, растенія, скоро растущія и быстро погибающія. Это скорое и краткое прозябаніе было образомъ судьбы героя, преждевременную смерть котораго и вспоминали въ дни его праздника.

ности Гадріанъ, страстный любитель изящныхъ искусствъ, должно быть, особенно увеличили эту коллекцію. Для полноты цѣлаго здѣсь же собрано было множество рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ книгъ. Во всемъ мірѣ были извѣстны латинская и греческая библіотеки Аполлонова портика и дома Тиберія.

Наконецъ нужно присоединить еще, что мѣстоположеніе императорскихъ дворцовъ соотвѣтствовало ихъ красотѣ. Цицеронъ говоритъ, что Палатинъ было самое красивое мѣсто въ Римѣ. Съ него открывался видъ на весь городъ и всѣ почти знаменитые памятники, которыми его украсили республика и имперія. „Владыки міра не могли избрать для себя лучшаго мѣстопребыванія, говоритъ Клавдіанъ; на этомъ холмѣ власть имѣетъ болѣе величія; кажется, что здѣсь она лучше сознаетъ свою силу. Дворецъ монарховъ, подымая надъ форумомъ свою гордую голову, видитъ у ногъ своихъ храмы боговъ, окружившіе его какъ аванпосты, ему покровительствующіе. Величественное зрѣлище! Оттуда взору представляются гиганты, повисшіе съ Тарпейской скалы надъ алтарями Юпитера громовержца, ворота Капитолія, украшенныя золотой рѣзьбою, и на вершинахъ храмовъ, со всѣхъ сторонъ возносящихся въ небесныя пространства, статуи, которыя кажутся какъ бы парящими въ облакахъ; далѣе ростральныя колонны, покрытыя мѣдью судовъ, зданія, построенныя на верхушкѣ высочайшихъ горъ—смѣлое произведеніе рукъ человѣческихъ, дополняющее дѣло природы, безчисленныя тріумфальныя арки, отягощенныя добычею, взятою у всѣхъ народовъ. Повсюду блескъ золота поражаетъ ослѣпленные глаза и своимъ постояннымъ сверканіемъ утомляетъ дрожащія зрачки“. Все это исчезло, остались только фундаменты бывшихъ мраморныхъ дворцовъ, съ вершины которыхъ поэтъ созерцалъ золоченыя зданія форума: теперь это развалины, съ которыхъ представляется видъ на другіе развалины; но если намъ кажется невозможнымъ представить себѣ теперь того прошлаго, то нельзя не припомнить что путешественники, бывшіе въ Римѣ уже въ послѣднія времена существованія западной имперіи, говорили, что большей роскоши уже нельзя себѣ вообразить, и что дворцы Палатина—это идеалъ царскаго жилища. Начиная съ 3-го вѣка слово *палаты*, (palais) производное отъ Палатина, полатини и погречески означало дворецъ монарха, отсюда это названіе перешло и въ современныя языки, наравнѣ съ словамъ цезарь (царь), которое варвары, разрушившіе имперію, почтительно заимствовали, чтобы употреблять его, какъ лучшій титулъ верховной власти.

---

*) Клавдіанъ, in sext. cons. Honorii, 35.

Водоснабженіе древняго Рима.

Римляне были велики и наиболѣе самостоятельны въ области государственной, политики, военнаго дѣла, права и матеріальной культуры. Въ области культуры, какъ соотвѣтствовавшей вполнѣ ихъ народному генію, они, получивъ богатое наслѣдіе Грековъ и вообще старѣйшихъ культурныхъ народовъ, пріумножили его и создали свое самостоятельное, такимъ образомъ довершили великую древнюю культуру и распространили ее. Въ этомъ оправданіе ихъ міроваго владычества; и какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ ново-европейская философія въ сущности продолжала прерванную нить умственнаго развитія Грековъ, такъ въ сферѣ матеріальной культуры новые народы—только еще позже—стали постепенно приближаться къ Римлянамъ, къ ихъ высокому культурному масштабу и наконецъ стали ихъ достойными преемниками и продолжателями, хотя и теперь впрочемъ еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не сравнялись съ ними. И это не пустыя слова, а признанная, непреложная истина.

Главнымъ, такъ сказать, національнымъ искуствомъ Римлянъ было искусство по преимуществу практическое, полезное—зодчество; оно было у нихъ въ чести, не унижало и свободнаго гражданина. Истый Римлянинъ всегда любилъ зодчество до увлеченія, иногда до крайностей, а строили эти люди такъ, какъ будто не думали никогда умирать. „Какъ на всемъ, что исходило отъ Римлянъ, такъ и на ихъ постройкахъ лежитъ печать мощи и величія; солидность исполненія ихъ и превосходный матеріалъ могли уступить только насильственному разрушенію, такъ что даже развалины ихъ свидѣтельствуютъ о великолѣпіи почти непреходящемъ“ (Любке). Величественные остатки ихъ зодчества сохранились въ большемъ количествѣ и разсѣяны по всѣмъ частямъ греко-римскаго міра; и въ особенности такія, какъ величественная громада Колизея, чудный куполъ Пантеона и высокія аркады ихъ водопроводовъ, говорятъ намъ

непосредственно, лучше, краснорѣчивѣе всякихъ книгъ о величіи народа, ихъ строившаго. „Еслибы отъ времени Римлянъ пропали всѣ другія свѣдѣнія, говоритъ одинъ писатель (Фридлендеръ), то уцѣлѣвшіе на всемъ пространствѣ древняго міра въ столь большомъ числѣ остаки ихъ сооруженій, часто столь громадные, а также громадное количество вынутыхъ изъ—подъ муссора и пепла остатковъ образовательныхъ искусствъ одни уже достаточно громко свидѣтельствовали бы, какая высокая и богатая культура исчезла вмѣстѣ въ римскою міровою державою“.

Изъ построекъ римскихъ особенно замѣчательны тѣ, которыя служили пользѣ, цѣлямъ государственнымъ и общественнымъ. Мы остановимся на ихъ вопроводныхъ сооруженіяхъ и вообще на водоснабженіи Рима. „Изъ всѣхъ чудныхъ сооруженій Римлянъ—говоритъ одинъ авторъ—ни одни не представляютъ собою болѣе яркаго доказательства ихъ предпріимчивости, энергіи и искусства и того, какъ они не щадили ни труда, ни издержекъ, когда дѣло шло о достиженія великой общеполезной цѣли, чѣмъ сооруженія, которыя явились въ ранній періодъ и все умножались въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, имѣя цѣлью доставлять всѣмъ частямъ столицы обильное количество чистой воды. Обильные потоки были проведены издалека, несмотря на препятствія, представляемыя горами и долинами, то проходя по большимъ подземнымъ каналамъ, то поддерживаемыя длинными рядами высокихъ арокъ“.

Довольно долго Римляне не имѣли такого водоснабженія и довольствовались водою Тибра, городскихъ источниковъ и колодцевъ (Фронтинъ). Вода рѣка Тибра бѣловатаго цвѣта, переходящаго въ голубоватый (отъ глины, образующей его дно), а большую часть года—желтоватаго (отсюда caeruleus Tiberis, flavus); однако, если отстоится, годится для употребленія и даже вкусна. Поэтому она употреблялась Римлянами даже, когда были у нихъ водопроводы (Виргилій, Энеида, VII, 715 и Овидій, Fast. IV, 68).

Совершенно невѣрно поэтому утвержденіе, будто эта вода нездорова, вредна для человѣка (въ средніе вѣка и даже въ новое время она считалась даже цѣлебною) *). Именно благодаря тому, что была въ го-

*) См. Lanciani, Le acque e gli aquedotti и Ниссенъ, Italische Landeskunde I, 315: „Während der älteren Republik und das ganze Mittelalter hindurch bis 1450 haben die Römer Tiberwasser getrunken, Päpste führten es auf Reisen mit sich und noch in diesem Iahrhundert ward es von einigen Klöstern dem Wasser der Aquäducte vorgezogen, dessen Kalkgehalt gelegentlich die Ver-

родѣ здоровая вода рѣки и много хорошихъ источниковъ, Римляне могли такъ долго (болѣе 440 лѣтъ по обыкновенному счисленію) обходиться безъ водопроводовъ.

Но съ увеличеніемъ населенія города и устройствомъ канализаціи вода Тибра въ городѣ все должна была ухудшаться, такъ какъ клоаки выходили устьями въ рѣку въ городѣ. Страбонъ говоритъ: „Τῶν ὑπονόμων τῶν δυναμένων ἐκκλύζειν λύματα τῆς πόλεως εἰς τὸν Τίβεριν". Прокопій Кессарійскій: „οἵπερ (т. е. ὑπόνομοι) ἐκ τῆς πόλεως, εἴ τι οὐ καθαρόν, ἐκβάλλουσιν ἔξω .. εἰς τόν ποταμὸν Τίβεριν τὰς ἐκβολὰς ἔχουσιν ἅπαντες". Можетъ быть, здѣсь слѣдуетъ указать и на то, что при имперіи вверхъ по Тибру было множество поселеній (Плиній, N. H, III, 54: „pluribus prope solus quam ceteri in omnibus terris amnes adcolitur adspiciturque villis").

Источниковъ въ Римѣ всегда было и въ древности много, и это составляло важное преимущество города. Еще во второмъ вѣкѣ послѣ Р. Х. врачъ Галенъ писалъ, что Римъ, въ которомъ много другихъ прекрасныхъ вещей, имѣетъ также очень много превосходныхъ источниковъ; онъ считаетъ воду ихъ даже лучше воды водопроводовъ. Это мы должны помнить, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о количествѣ родниковой воды въ Римѣ, когда онъ устроилъ у себя столько водопроводовъ. Фронтинъ упоминаетъ источники Ютурны, Аполлона и Каменъ. Источникъ Каменъ (Нимфъ и Эгеріи) былъ очень обиленъ, и вода его

---

dauung stört."—М. Каркани, Le Tevere e le sue inondazioni R. 1875 (стр. 25) говоритъ: „Кажется невѣроятнымъ, что въ позднѣйшіе вѣка она считалась выше другой воды, даже Vergine, и предпочиталась послѣдней нѣкоторыми папами. Правда, что по химическому анализу ея, сдѣланному профессоромъ Киментп, выходитъ, что она лучше воды Сены и Темзы, которую пьютъ жители двухъ наиболѣе населенныхъ городовъ Европы".

Но не считалась ли вода Тибра цѣлебною и въ древности? Мнѣ кажется, что между прочимъ и для рѣшенія этого вопроса важна слѣдующая надпись, если она подлинна: Imp. Diocletianus. C. Aug. pius. felix. plurimis. operibus. in. colle. hoc. excavato. saxo. quaesito. aquam. ex. profluvio. ex. tofo. hic scatentem. invenit. Mar. salubriorem. Tiber. leviorem. curandis. aegritudinibus. и пр. Или, можетъ быть, мѣсто въ ней о свойствѣ воды Тибра и должно считать критеріемъ ея неподлинности, возникновенія въ эпоху, когда вода Тибра дѣйствительно считалось цѣлебною? Ланчіани, считающій эту надпись подлинною, приводя ее, обращаетъ вниманіе только на родникъ, о которомъ она говоритъ.

была отличнаго качества; онъ находился въ южной части города, у Целія (Ветрувій, VIII. Объ осадѣ Рима въ 538 году говорится въ Liber pontificalis: „intra civitatem grandis fames erat, ita ut aqua venum daretur pretio, nisi Nympharum remedium subvenisset“). Кромѣ этихъ источниковъ упоминаются древними источникъ Меркурія, Люперкальскій, въ Tullianum (тюрьмѣ), источникъ Пика и др. (См. Lanciani, le acquee gli aquedotii di Roma 8. Рудорфъ, Zeitschrift für geschichtl. Rechtswissenschaft, XV в.).

Заимствоволи ли Римляне искусство водоснабженія, нельзя утверждать рѣшительно, по крайней мѣрѣ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ. Но несомнѣнно, что они могли при устройствѣ своего 1-го водопровода имѣть образцы этого рода построекъ весьма замѣчательные. Мы укажемъ только на Сиракузы, громадный, многолюдный греческій городъ,— эти дорическія Аѳины (изъ греческихъ колоній Италіи и Сициліи Римляне несомнѣнно многое заимствовали), которыя имѣли водопроводы уже до пелопоннезской войны. (Ѳукидидъ, VI, 100). И теперь сохранились эти древніе водопроводы, изъ нихъ одинъ вполнѣ, а другой отчасти и теперь выполняетъ свое первоначальное назначеніе. Водопроводы эти самотечные, подземные, какъ и другіе греческіе; каналы высѣчены въ каменной почвѣ, на большей или меньшей глубинѣ. Нѣмецкій ученый (Шубрингъ, Bewässerung von Syrakus въ Philologus, 22 томъ), изслѣдовавшій ихъ, говоритъ: „Современные Сиракузяне и не подозрѣваютъ, какъ колоссальны сооруженія ихъ предковъ, которыя и теперь еще имъ приносятъ пользу“.

Водопроводы Римлянъ были такого-же типа, какъ и греческіе, т. е. самотечные, въ которыхъ вода двигалась по понижающемуся постепенно каналу собственнымъ напоромъ. Поэтому они проводили воду съ окружающихъ долину Тибра возвышенныхъ мѣстъ. Что касается выбора воды, то Римляне въ этомъ случаѣ (какъ впрочемъ уже и Греки) руководствовались очень вѣрными соображеніями, такъ что новые ученые выставляютъ ихъ въ этомъ отношеніи образцомъ для подражанія новому времени; именно они старались увеличить въ городѣ количество родниковой воды, проводя ее часто издалека и не щадя на это никакихъ средствъ, не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями. Одинъ нашъ инженеръ (Штукенбергъ) говоритъ: „Дурныя послѣдствія, сопряженныя съ употребленіемъ для довольства жителей рѣчной воды, которыхъ даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ нельзя вполнѣ устранить, дали поводъ въ новѣйшее время послѣдовать примѣру древнихъ и снабжать при возможности города хорошею ключевою водою, проводя

ее нерѣдко изъ дальняго разстоянія посредствомъ открытыхъ обдѣланныхъ каналовъ, пользуясь естественнымъ паденіемъ воды, гдѣ только устройство оказалось возможнымъ по климату.... Этимъ способомъ достигается все, что желательно для хорошаго водоснабженія.... Издержки, требуемыя на устройство подобныхъ водопроводныхъ сооруженій, бываютъ весьма значительны, но, если только средства позволяютъ, ихъ не надобно пугаться для осуществленія подобнаго предпріятія, такъ какъ, по удачному выраженію, ключевая вода золото, а рѣчная серебро“.

Римскіе водопроводы имѣли общія черты съ греческими, но имѣли и существенное отличіе отъ послѣднихъ; это существеное отличіе какъ всей вообще римской архитектуры, такъ и водопроводовъ заключалось въ употребленіи свода; Римляне, если впервые не ввели его въ архитектуру, то они довели технику его до высшаго совершенства. Въ первыхъ водопроводахъ аркадъ было мало, но впослѣдствіи начинаются спеціально римскіе по типу водопроводы. Сводъ сотавлялъ главное отличіе и преимущество римскихъ водопроводовъ. Пользуясь этимъ средствомъ и ведя воду изъ высоко лежащихъ мѣстъ, Римляне устраивали и высокіе и длинные водопроводы; доставляя городу громадное количество воды, могли провести ее и на самыя высокія части города, а въ старыхъ водопроводахъ употребляли для сокращенія пути свое излюбленное средство—аркады.

Конечно, еслибы у Римлянъ этого новаго средства не было, они все таки устроили бы у себя несомнѣнно водоснабженіе въ большихъ размѣрахъ, при существованіи потребности въ немъ, но несомнѣнно и то, что, при существованіи только прежнихъ техническихъ средствъ, водоснабженіе ихъ не получило бы того своеобразнаго характера и не достигло бы такого изумительнаго развитія, не могло бы быть столь цѣлесобразно и грандіозно.

Данныхъ разнаго рода для изученіе водоснабженія Рима имѣется весьма значительное количество, *) и, изучая вопросъ во всемъ объемѣ

*) Драгоцѣнно для насъ спеціальное сочиненіе Фронтина (прибл. 40—103 г. по Р. Х.) De aquaeductibus urbis Romae; Витрувій говоритъ о водопроводахъ въ своей Архитектурѣ (8 книга); случайныя замѣчанія и свѣдѣнія о томъ же предметѣ находимъ и у другихъ греческихъ и римскихъ писателей. Весьма важны многочисленные остатки самихъ водопроводовъ и надписи. Новѣйшее сочиненіе о водоснабженіи древ. Рима и самое капитальное есть R. Lanciani, Le acque e gli aquedotti di Roma antica. См. Jahresber. Бурсіана, XXXII, 3.

невольно изумляемся необыкновенному всестороннему развитію этого дѣла у Римлянъ.

Мы можемъ здѣсь сообщить только немногое, ограничимся только самыми существенными чертами и будемъ приводить свидѣтельства современныхъ писателей о состояніи водоснабженія Рима, чтобы слышать также отъ нихъ насколько это дѣло всѣхъ интересовало, было популярно.

312—33 г. до Р. Хр.

Haec ratio ac magnitudo animorum in majoribus nostris fuit, ut, cum in privatis suisque sumptibus minimo contenti tenuissimo cultu viverent, in imperio atque in publica dignitate omnia ad gloriam splendoremque revocarent.

Цицеронъ.

Privatus illis census erat brevis,
Commune magnum.....

Горацій.

I. Первый водопроводъ Рима, Аппіевъ, былъ устроенъ знаменитымъ цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ Слѣпымъ въ 312 г. до Р. Х. *), когда Римлянамъ принадлежала незначительная часть Италіи. Это былъ важный шагъ впередъ въ исторіи города. Водопроводъ начинался на востокѣ отъ Рима въ ровной мѣстности (in agro Lucullano, via Praenestina) и имѣлъ около 15 верстъ длины; каналъ былъ на всемъ протяженіи внѣ города подземный и шелъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на значительной глубинѣ (такъ, при началѣ на глубинѣ 50 рим. футовъ). Фронтинъ пред-

*) Ливій, IX, 29; Діодоръ, XX, 36; Фронтинъ, 1, 5, также Цицеронъ „Pro Caelio". Ливій не приводитъ названія водопровода (aquam in urbem duxit), а въ періохѣ 9 книги говорится: Appius Claudius censor aquam Claudiam (sic) perduxit, viam stravit, quae Appia vocata est. Въ индексѣ Вейсенборна водопроводъ называется Anio Vetus! Много невѣрнаго приходится встрѣчать относительно водоснабженія Рима въ сочиненіяхъ новыхъ авторовъ. Такъ, о первомъ водопроводѣ историкъ Г. Веберъ (Weltgeschichte III, 151) говоритъ: „Die erste Wasserleitung, die bald unter bald über der Erde gesundes Quellwasser von südlichen (sic) Gebirgshöhen (sic) der Stadt zuführ e. Другой авторъ говоритъ о водопроводѣ и дорогѣ Аппія: für beide wurden Berge durchgraben, die Niederungen mit riesigen Brücken überbaut.

полагаетъ, что Римляне скрывали каналы своихъ водопроводовъ для того, чтобы сдѣлать ихъ менѣе доступными поврежденію со стороны враговъ: „veteres humiliore directura perduxerunt, sive nondum ad subtile explorata arte librandi, seu quia ex industria; intra terram aquas mergebant, ne facile ab hostibus intercipereutur, cum frequentia adhuc contra Italicos bella gererentur“.

Въ Римѣ сохранилась часть канала. Изслѣдователь римскихъ водопроводовъ, ученый Ланчіани, говоритъ о ней: „Въ первый разъ я спустился сюда въ 1876 г. и проникъ въ древній каналъ Аппіева водопровода, прошелъ по нему около 100 метровъ. Я не могу выразить чувства удивленія и изумленія, испытаннаго много, когда я касался этихъ плитъ, которымъ уже 2216 лѣтъ“.

2. Второй водопроводъ, Аніенъ Anio (Vetus), названный такъ отъ рѣки этого-же имени, построенъ сорокъ лѣтъ спустя въ 282 году, когда Римляне вышли побѣдителями изъ борьбы съ Пирромъ, и на деньги, вырученныя отъ продажи добычи, взятой Римлянами въ эту войну. Это было уже великое сооруженіе („un grandioso lavoro“, Lanciani); а дома Римлянъ были въ это время крыты еще гонтою (Плиній Ст.). Водопроводная линія имѣла болѣе 60 верстъ длины. Начинался водопроводъ на востокъ отъ Рима за Тибуромъ (нынѣ Tivoli) въ горахъ, въ долинѣ рѣки Аніена, изъ которой бралъ воду; начало водопровода было на значительной высотѣ, такъ что онъ достигалъ города довольно высоко и воду его можно было провести на возвышенныя части города. Но и этотъ водопроводъ былъ тоже почти на всемъ протяженіи подземный. Вода была не особенно хороша, по крайней мѣрѣ сравнительно съ родниковою водою другихъ водопроводовъ; но все-же это была вода горной рѣки, не вода Тибра у Рима (Вода Аніена послѣ сліянія его съ Тибромъ близъ Рима на нѣкоторомъ пространствѣ отдѣляется отъ желтоватой, мутной воды Тибра (Паркеръ) *).

Болѣе 100 лѣтъ прожилъ Римъ съ этими двумя водопроводами, это былъ славный вѣкъ республики, время пуническихъ войнъ. Но это

*) Г. Ниссенъ, Italische Landeskunde I, 514: Der Anio, Aniene oder Teverone ist ein 118 km. langer lebhafter Gebirgsstrom, dessen kühles klares Wasser von den Alten mit gutem Grund gepriesen und in zwei künstlichen Leitungen nach Rom geführt wurde. Vergl. Aen. VII, 683; Stat. Silv IV, 4. Dion. Hal V, 37 καλὸς μὲν ὀφϑῆναι, γλυκὺς δὲ πίνεσϑαι. См. также ниже Anio novus.—У Г. Іордана (Topograp. R., I, 1, 463) этотъ водопроводъ начинается „aus den Quellen“!

было время слишкомъ тревожное, не благопріятствовававшее мирному культурному росту. Съ концомъ же второй пунической войны, съ Ганнибаломъ, миновала для Рима опасность вражескаго вторженія и наступилъ періодъ преобладанія Римлянъ, обезпеченности, все болѣе утверждавшейся съ увеличеніемъ силы Рима. Въ 184 году цензоры расширяютъ кинализацію города и улучшаютъ общественные бассейны. Въ 179 году цензоры уже приступаютъ къ устройству новаго водопровода.

3. Третій водопроводъ, Марціевъ—Aqua Marcia—построенъ былъ только въ 144—140 году, слѣдовательно, когда Римъ покорилъ Македонію, Грецію *) разрушилъ Карѳагенъ (Post Punica bella quietus,—Горацій), увеличились значительно средства государства и населенія города возросло (до 900 тысячъ, какъ нѣкоторые высчитываютъ). Какъ на причину, вызвавшую устройство водопровода, прямо указываетъ писатель Фронтинъ на недостаточность воды двухъ водопроводовъ для довольствія населенія города. Этотъ водопроводъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ значительнѣе предыдущаго, и вообще одинъ изъ самихъ значительныхъ водопроводовъ Рима. Длина этого водопроводнаго пути составляла болѣе 85 верстъ. Большая часть и его пути была подземная, но уже 1/9 часть составлялъ надпочвенный каналъ, и почти все это пространство пройдено было

*) Знаменитая aspera цензура 184 года Катона и Флакка ознаменовалась въ исторіи водоснабженія города слѣдующею мѣрою: aquam publicam omnem n privatum aedificium fluentem ademerunt (Ливій, XXXIX, 44). Ср. Фронт., 107 и 108. Конечно, эта мѣра вызывалась ограниченнымъ количествомъ воды, которое давали водопроводы. Уже въ 179 г. М. Эмилій Лепидъ и М. Фульвій хотѣли устроить новый водопроводъ. Ливій, XI, 51: „habuere et in promiscuo... pecuniam ex ea communiter locarunt aquam adducendam fornicesque faciendos. Impendimento operi fuit M. Licinius Crassus, qui per fundum suum duci non est passus". Фронтинъ, 7: „anno ab urbe condita DCVIII, cum Appiae Anionisque ductus vetustate quasssti privatorum etiam fraudibus interciperentur, datum est a senatu negotium Marcio, qui tum praetor inter cives et peregirinos ius dicebat eorum ductuum reficiendorum ac vindicandorum et, *qnoniam incrementum urbis exigere videbatur ampliorem modum aquae,* eidem mandatum a senatu est, ut curaret, quatenus alias aquas, quas posset, in urbem perduceret. Qui lapide quadrato ampliores ductus excitavit, perque illos aquam, quam acquisiverat reipublicae commodo, trium millium opera fabrorumduxst, cui ab auctore Marcia nomen est Legimus apud Fenestellam, in haec opera Marcio decretum sestertіes millies octingenties. sed quoniam ad negotium non sufficiebat spatium praeturae, in annum alterum est prorogatum.

аркадами. Начинался водопроводъ въ той-же мѣстности, въ которой и предыдущій, далеко за Тибуромъ, въ долинѣ рѣки Аніена *) (по нѣсколько далѣе), близъ Валеріевой дороги. Высота канала въ городѣ составляла 55 метровъ.

Вообще чѣмъ позднѣе водопроводъ, тѣмъ выше его начало и значительнѣе высота канала въ городѣ надъ уровнемъ моря. Начинался водопроводъ изъ прекрасныхъ горныхъ источниковъ **), и несъ большое количество во всѣхъ отношеніяхъ превосходной воды. Марціеву воду особенно превозносятъ древніе писатели. Плиній Старшій говоритъ: Марціева вода самая чистая на свѣтѣ, первая по свѣжеести и полезности, она на славу нашему городу дана богами въ числѣ ихъ другихъ даровъ" ***). Географъ Страбонъ говоритъ, что она считается лучше всякой другой воды (παρα τἄλλα εὐδοκιμοῦντος ὕδατα), воды всѣхъ другихъ водопроводовъ. Фронтинъ, управлявшій водоснабженіемъ столицы при Нервѣ и Траянѣ и назначившій воду Марціева водопровода исключительно для употребленія въ пищу и для питья, называетъ ее splendore ac frigore gratissima ****). Марціалъ говоритъ о ней: „Она такъ свѣтла,

*) Къ этой верхней части водопровода относится слѣдующее интересное мѣсто Стація въ описаніи виллы П. Манилія Вописка (ст. 641):

Quid referam alternas gemino super aggere mensas
Albentesque lacus altosque in gurgite fontes?
Teque, per obliquum penitus quae laberis amnem,
Marcia et audaci transcurris flumina plumbo,
Ne solum Ioniis sub fluctibus Elidis amnem
Dulci[illegible] d Aetnaeos deducat semita portus?

**) [illegible]ронтинъ: fontium infinita multitudine sub fornicibus petraeis scatenti, stat immobilis stagni modo, colore perviridi.

***) Clarissima aquarum omnium in toto orbe frigoris salubritatisque palma praeconio urbis Marcia est inter reliqua deum munera tributa. N. H., XXXI, 3, 24.

Витрувій, Arch. VIII, 3. сопоставляетъ ее съ aqua fontalis ab Camoenis. См. также надпись на стр. 185. Проперцій, IV, 22: aeternum Marcius humor opus. Стацій: nives Marsas et frigora ducens Marcia. Плутархъ говоритъ о ней: πλεῖστον ὕδωρ καὶ κάλλιστον ἐν Ῥώμῃ. Арріанъ, Comment. de Ep. II, c, 16.

****) Фронтинъ, 93: Marciam, ipsam, splendore ac frigore gratissimam, balneis ac fullonicis et relatu quoque foedis ministeriis deprehenderimus servientem. Omnes ergo (aquas) discerni placuit, tum singulas ita ordinari, ut in primis Marcia potui tota serviret, et deinceps reliquae secundum suam quaeque qualitatem aptis usibus adsignarentur, sicut Anio Vetus pluribus ex causis, quo inferior excipitur minus salubris, in hortorum rigationem atque in ipsius urbis sordidiora exiret ministeria.

такъ прозрачна, что и не замѣчаешь, что предъ тобою вода, а думаешь, что то блеститъ пустой мраморъ „(бассейна или ванны). Поэтъ Тибуллъ предпочитаетъ ее всякой другой водѣ для смѣшиванія съ виномъ: „Пусть Марціева влага умѣряетъ силу стараго вина“. Тацитъ (Ann. XIV, 22) сохранилъ одно извѣстіе объ императорѣ Неронѣ какъ характеризующее эту воду, такъ и показывающее, что источники водопроводовъ тоже считались священными. Именно, онъ разсказываетъ, что этотъ императоръ, имѣвшій не далеко отъ источниковъ Марціева водопровода виллу, однажды—вѣроятно лѣтомъ-искупался въ этомъ чистомъ источникѣ (nando incesserat) и что вслѣдствіе этого онъ опасно заболѣлъ (очевидно, это была сильная простуда); болѣзнь была доказательствомъ гнѣва божества за оскверненіе чистоты источника. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ ясно, что температура источника Марціева водопровода была очень низка и вода достигала Рима тоже съ довольно низкою температурою. О температурѣ ея можно заключать отчасти и по температурѣ воды новаго Марціева водопровода, начинающагося, вѣроятно, изъ тѣхъ же источниковъ. Ученый италіанскій патеръ А. Секки *) говоритъ: „Столь важное качество (именно свѣжесть воды) древніе цѣнили высоко и потому-то они такъ высоко ставили aqua Marcia, достигавшую Рима съ весьма низкою температурою. Въ источникѣ она имѣетъ 7—8 градусовъ, и теперь достигаетъ Рима съ тепературою 11°, хотя ея желѣзный каналъ, во многихъ мѣстахъ открытый, навѣрно не можетъ защитить ее такъ, какъ толстыя каменныя стѣнки древняго водопровода. Поэтому Римляне также дѣлали водопроводы низкіе и скрывали ихъ подъ землею какъ можно болѣе, именно чтобы сохранить свѣжесть воды“. Одинъ англійскій археологъ (Паркеръ) говоритъ, что, по словамъ лицъ, изслѣдовавшихъ источникъ, въ жаркіе лѣтніе дни Италіи, когда термометръ Фаренгейта стоитъ выше 100, разница между температурою воздуха и воды источника такъ велика, что, если быстро погрузить въ нее стекляный стаканъ, то стекло лопается такъ-же, какъ лопается въ Англіи стаканъ, если влить въ него холодной воды въ холодную погоду.—Великую заслугу Квинта Марція (фамильное имя его Rex) его сограждане оцѣнили вполнѣ: они поставили его статую на Капитоліѣ, куда также была проведена его вода; сохранилась медаль рода

*) Intorno ad alcune opere idrauliche antiche rinuenute nella Campagna di Roma R. 1876. Это, по отзыву Іордана, „überhaupt für die römischen Wasserbauten epochemachende Untersuchung“.

Марціевъ, на одной сторонѣ которой изображенъ водопроводъ (аркада) съ надписью: aquam. Естественно, что вслѣдствіе такого высокаго качества воды водопровода о немъ много заботились и слѣдующія поколѣнія (Агриппа, Августъ, Титъ, Каракалла); такъ, Августъ усилилъ его, прибавивъ къ нему воду источника той-же мѣстности и столь-же хорошаго качества. Вслѣдствіе восторженныхъ отзывовъ древнихъ о Марціевой водѣ и въ новое время, естественно, пришли къ мысли возвратить городу эту драгоцѣнность, провести ту-же по возможности Марціеву воду въ городъ. Планъ этотъ былъ выполненъ недавно, новый водопроводъ несетъ изъ тѣхъ-же мѣстъ, гдѣ начинался и древній, воду отличнаго качества и назывался прежде, при папскомъ правительствѣ, „Marcia-Pia“, а теперь (съ 1870)—просто Marcia. Такимъ образомъ имя Марція, давшаго такъ давно великій примѣръ, вполнѣ заслужено будетъ жить и въ новомъ Римѣ-надо полагать-очень долго...

4. Въ 125 году до Р. Х. цензорами Гнеемъ Сервиліемъ Цепіономъ и Л. Кассіемъ Лонгиномъ устроенъ былъ новый водопроводъ „Тепловатый“, aqua Tepula. Это первый водопроводъ Рима, начинавшійся къ югу, на склонѣ Албанскихъ горъ, близъ Латинской дороги. Начинался водопроводъ изъ источника на высотѣ 150 метровъ надъ уровнемъ моря. Проведеніе этого водопровода не составляло ни въ какомъ отношеніи значительнаго шага впередъ въ развитіи водоснабженія столицы; вода его была не изъ лучшихъ, какъ видно изъ того, что, какъ увидимъ, сдѣлалъ съ нею Агриппа.

Императорскій періодъ.

„Προσήκει ἡμᾶς πολλῶν ἄρχοντας ἐν πᾶσι πάντων ὑπερέχειν“.

Діонъ Кассій.

Simplicitas ante fuit, nunc aurea Roma est
Et domiti magnas possidet orbis opes
. . . .
. . . decrescunt effosso marmore montes.

Овидій.

Вотъ эти 4 водопровода имѣлъ Римъ до конца республиканскаго періода. При республикѣ положено основаніе дѣлу водоснабженія города, но къ концу республики Римляне уже имѣли лучшее въ то время водоснабженіе Четыре водопровода давали весьма значительное количество воды; три изъ нихъ несли воду родниковъ, одинъ даже воду превосходнаго качества. Но республика только подготовила культурную по преимуществу эпоху цезарей; многое оставалось сдѣлать, въ частности

въ столицѣ для достиженія большихъ удобствъ жизни, и это было сдѣлано при императорахъ.

Для водоснабженія столицы сдѣлано было столько, что оно было единственнымъ по размѣрамъ и благоустройству въ древности; такого водоснабженія не было до нихъ, и не имѣли даже большіе города Европы до новѣйшаго времени. Архитектурная техника достигла своего высшаго совершенства въ древности, матеріальныя средства были громадны; „Никогда еще,—говоритъ Страбонъ,—Римляне не наслаждались такимъ глубокимъ миромъ и такимъ обиліемъ благъ, какіе доставилъ Цезарь Августъ съ тѣхъ поръ, какъ получилъ самодержавную власть". *) Населеніе столицы все возрастало и городъ распространялся; при Августѣ цифра населенія превышала милліонъ, а въ первой половинѣ втораго вѣка, когда и система водоснабженія города была почти закончена, она, вѣроятно, переходила за 2 милліона. (См. наше Водоснабж. др. Р., стр. 45). Римъ былъ громадный городъ „urbs immensa" Сенека фил.) съ громадными потребностями. Роскошь тоже все развивалась и порождала новыя потребности.

Весьма много сдѣлалъ для водоснабженія города полководецъ и зять Августа Маркъ Випсаній Агриппа, съ особенною любовью относившійся къ этому дѣлу и пожертвовавшій на него весьма много изъ своихъ средствъ съ истинно кесарскою щедростью. Августъ какъ самъ много заботился объ украшеніи столицы великими общественными сооруженіями (онъ хвалился, что оставляетъ Римъ мраморнымъ), такъ и побуждалъ къ томуже и своихъ приближенныхъ. Меценатъ въ одной рѣчи у Діона Кассія совѣтуютъ Августу украшать столицу: слѣдуетъ де намъ, властвующимъ надъ многими, во всемъ превосходить всѣхъ. **) Агриппа болѣе другихъ вельможъ ст[illegible]илъ въ Римѣ и теперь стоитъ въ Римѣ съ его именемъ построенный имъ Пантеонъ ***). Что касается водоснабженія, то онъ 1) произвелъ капитальную починку прежнихъ водопроводовъ

---

*) Страбонъ VI, 228 εὐπορῆσαι τοσαύτης εἰρήνης καὶ ἀφθονίας ἀγαθῶν οὐδέποτε ὑπῆρξε Ῥωμαίοις καὶ τοῖς συμμάχοις αὐτῶν, ὅσην Καῖσάρ τε ὁ Σεβαστὸς παρέσχεν ἀφ' οὗ παρέλαβε τὴν ἐξουσίαν αὐτοτελῆ, καὶ νῦν ὁ διαδεξάμενος υἱὸς ἐκείνου παρέχει Τιβέριος.

**) LII, 30: Τὸ μὲν ἄστυ τοῦτο καὶ κατακόσμει πάσῃ πολυτελείᾳ καὶ ἐπιλάμπρυνε παντὶ εἴδει πανηγύρεων. προσήκει γὰρ ἡμᾶς πολλῶν ἄρχοντας ἐν πᾶσι πάντων ὑπερέχειν καὶ φέρει πως καὶ τὰ τοιαῦτα πρός τε τοὺς συμμάχους αἰδῶ καὶ πρὸς τοὺς πολεμίους κατάπληξιν.

***) Діонъ Кассій (XLIX) говоритъ объ Агриппѣ: πάντα τὰ οἰκοδομήματα τὰ κοινὰ τοῖς ἰδίοις τέλεσιν οὐδὲν ἐκ τοῦ δημοσίου λαβὼν ἐπεσκεύασε.

(Аппіева, Аніена и Марціева,—paene dilapsos) *); 2) въ 33 до Р. X. провелъ новый 5-й водопроводъ и назвалъ въ честь Октавіана Юліевымъ. Онъ начинался въ той же сторонѣ, гдѣ Tepula (слѣдовательно принадлежалъ къ южной группѣ) изъ родниковъ **) на высотѣ 350 метровъ надъ ур. м.; длина канала составляла около 22 верстъ ($15^1/_2$ римскихъ миль). Агриппа отвелъ въ каналъ этого водопровода воду Тепловатаго водопровода, шедшаго по тому-же направленію, именно, Юліевъ водопроводъ принималъ въ себя въ первой половинѣ воду Tepula и затѣмъ опять выдѣлялъ ее въ особый каналъ, прежній этого водопровода, получавшаго опять свое названіе Tepula и шедшаго особо въ городъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ города каналы этихъ водопроводовъ шли по аркадамъ Марціева, внизу каналъ Марціевъ, затѣмъ Tepula и выше всѣхъ Julia (и теперь напр. въ городской стѣнѣ Авреліана видимъ эти три канала въ такомъ порядкѣ). Древніе не говорятъ, зачѣмъ сдѣлано было Агриппой упомянутое смѣшеніе воды; raison d'être его выяснилъ остроумно А. Секки. Tepula, Тепловатый водопроводъ несъ мало воды и вода эта была тепловата (Албанскія горы вулканическаго происхожденія), а Юліевъ несъ вдвое болѣе воды и достаточно холодной. Секки нашелъ источникъ этого водопровода и доказываетъ, что отъ смѣшанія той и другой воды въ каналѣ на нѣкоторомъ протяженіи должна была выходить затѣмъ въ обоихъ каналахъ вполнѣ удовлетворительная вода (достаточно холодная); а въ Римъ Tepula должна была идти особымъ каналомъ, чтобы не нарушалось установившееся распредѣленіе ея въ городѣ.

5. Тотъ-же Агриппа устроилъ въ 19 году до Р. X. на свой счетъ другой водопроводъ, 6-й по счету, знаменитый водопроводъ Дѣвы, Aqua Virgo ***) и

---

*) Фронтинъ, 9. Діонъ Кассій (XLIX, 4, 2) о починкѣ Марціева водопровода: Ἀγρίππας τὸ ὕδωρ τὸ Μάρκιον ὠνομασμένον ἐκλιπὸν φθορ : τῶν ὀχετῶν καὶ ἀνεκτήσατο δαπάνῃ οἰκείᾳ καὶ ἐπὶ πολλὰ τῆς πόλεως ἐπωχέτευσεν.

**) Анджело Секки говоритъ: что Юліева вода кромѣ другихъ достоинствъ имѣетъ и то, что не оставляетъ въ каналѣ минеральныхъ осадковъ (incrostazioni) и что она немного желѣзиста, такъ какъ выходитъ изъ вулканической лавы и проходитъ сквозь туфъ, содержащій желѣзо („sarebbe quest'una acqua opportunissima da recarsi in Roma, per la sua vicinanza, freschezza e salubrita"). Объ осадкахъ къ каналахъ водопров. см. Водосн. P I, стр. 124.

***) Діонъ Кассій (LXIV, 11): τό τε ὕδωρ τὸ Παρθένιον καλούμενον τοῖς ἰδίοις τέλεσιν εἰσαγαγὼν Αὔγουστον (sic) προσηγόρευσεν.

нынѣ выполняющій свое назначеніе. Онъ начинался въ той-же сторонѣ, гдѣ Аппіевъ, и какъ и этотъ,—in agro urbano, на довольно низкой мѣстности, былъ нѣсколько короче Юліева и шелъ почти на всемъ протяженіи подъ землею. Этотъ водопроводъ снабжалъ водою главнымъ образомъ Марсово поле, т. е. низменную часть города, которая особенно со времени Августа стала покрываться великолѣпными общественными зданіями и садами (въ ней выстроены были и термы Агриппы). Названіе свое водопроводъ получилъ будто-бы отъ того, что солдатамъ Агриппы, разыскивавшимъ родники, указала ихъ одна деревенская дѣвушка (Фронтинъ), а по мнѣнію другихъ такъ онъ названъ вслѣдствіе необыкновенной чистоты его воды. *).

По количеству воды водопроводъ Дѣвы былъ весьма значительнымъ и по качеству его воды былъ изъ числа первыхъ и наиболѣе превозносимыхъ древними. Вода была очень чиста, „purissima“ и холодна,—gelidissima Uirgo называетъ ее Овидій,—хотя не такъ холодна, какъ Марціева, такъ что болѣе той годилась для термъ **). Патеръ Секки говоритъ: „Uirgo имѣетъ еще теперь 14-15^0 даже зимою. Въ это время ванна въ 14^0 не непріятна, даже кажется тепловатою (а. Uirgo часто зимою испускаетъ паръ), и мы знаемъ, что римская молодежь ходила въ началѣ года купаться въ бассейны Агриппы (близъ его термъ), наполнявшіеся водою Uirgo. Но Марціева вода для купанья и омовеній слишкомъ холодна, имѣя темпер. 9-10^0.“ И современный Римлянинъ справедливо гордится своею Acqua Uergine и всемірно извѣстной fontana di Trevi, самымъ большимъ и великолѣпнымъ фонтаномъ Рима; про эту воду народъ

---

*) Марціалъ (VII, 32, II); „Sed curris niveas tantum prope Uirg inisundas“. Кассіодоръ: „Currit aqua Uirgo sub delectatione purissima, quae ideo sic appellata creditur, quod nullis sordibus palluatur· nam cum aliae pluviarum nimietate terrena commixtione violentur, haec aërem perpetuo serenum purissima labens unda mentitur Срв. Плиній, N. H., XXXI.

**) Плиній, N. H.: quantum Uirgo tactu praestat, tantum praestat Marcia haustu. Овидій, Arsam. III, 381: Nec vos Campus habet, nec vos gelidissima Uirgo. Tristia, III, 12 22: Nunc ubi perfusa est oleo labente iuventus Defessos artus Uirgine tinguit aqua. Марціалъ, XI, 47. XIV. 16 (V, 20; VI, 42). Сенека ep, 83: ille tantus psychrolutes, qui Calendis Ianuarüs euripum salutabam, qui anno novo quemadmodum leges scribere, dicere aliquid, sic auspirabar in Uirginem desilire, primum ad Tiberim transtuli castuli castra. Стацій: Uirgo.... exceptura natatus Овид. F., 463: Uirgiuea Campus obitur aqua.

говоритъ, что она имѣетъ силу путешественника, пившаго ее, опять приводить въ Римъ....

Такимъ образомъ Агриппа значительно подвинулъ впередъ дѣло, водоснабженія столицы, увеличивъ количество родниковой воды. Августъ сдѣлалъ менѣе въ этомъ отношеніи. Однажды, сообщаетъ Светоній (въ біографіи Августа), когда народъ жаловался на недостатокъ и дороговизну вина, Августъ сурово заявилъ въ эдиктѣ, что де его зять Агриппа достаточно позаботился о томъ, чтобы населеніе не терпѣло жажды, проведши нѣсколько водопроводовъ (perductis pluribus aquis).

Кромѣ устройства водопроводовъ, Агриппа, когда уже было вполнѣ достаточное количество воды въ городѣ, расписалъ, сколько ея должно идти въ общественныя зданія, сколько частнымъ лицамъ и пр., затѣмъ устроилъ 700 общественныхъ бассейновъ lacus, 105 фонтановъ (?salientes) и украсилъ ихъ 300 мѣдныхъ и мраморныхъ статуй (signa) и 400 мраморныхъ колоннъ; наконецъ *) онъ самъ смотрѣлъ за всѣми этими водопродами (operum suorum et munerum velut perpetuus carator tuitu) и для этой цѣли содержалъ цѣлый спеціальный корпусъ рабовъ, который завѣщалъ Августу. Агриппѣ такимъ образомъ могли подражать и цезари.

По смерти своего великаго друга, Августъ (онъ пережилъ его 28 годами) взялъ въ свои руки столь излюбленное дѣло покойнаго, и учредилъ особое вѣдомство водоснабженія столицы (cura aquarum). Дѣятельность Августа составила эпоху и въ исторіи города, городскаго благоустройства. Онъ постепенно преобразовалъ управленіе столицею на новыхъ началахъ; онъ оставилъ за собою общее наблюденіе за благоустройствомъ ея и поручилъ отдѣльныя части его отдѣльнымъ чиновникамъ, зависѣвшимъ отъ него и не смѣнявшимся ежегодно. Учрежденное въ 10 году до Р. Х. новое особое управленіе разросшимся водоснабженіемъ города, вполнѣ образцовое оставалось впродолженіе всего императорскаго періода. **) При республикѣ строили водопроводы обыкновенно цензоры, а завѣдывали ими эдилы; но это управленіе ежегодно смѣнявшихся магистратовъ было недостаточно организо-

*) Заботился Агриппа и о канализаціи Рима. См. Водосн. 1, 51.

**) Благодаря главнымъ образомъ Фронтину мы имѣемъ о cura aquarum болѣе полныя и точныя свѣдѣнія, чѣмъ о какой либо другой cura имперіи. См. Моммзенъ, R. Staatsrecht, II, 2 1000. O. Hirschfeld, Untersuchungen auf dem Gebiete der römisch. Verwaltungsgeschichte и R. Lanciani, Leaalcque e gli aquedotti.

вано, не представляло самостоятельнаго вѣдомства, и было вообще неудовлетворительно: мы видѣли, что Агриппѣ пришлось починять водопроводы „paene dilapsos.“ Августъ, подаривъ государству завѣщаннымъ ему Агриппою корпусъ рабовъ, учредилъ кураторовъ aquarum publicarum было издано положеніе (lex) объ этомъ вѣдомствѣ и нѣсколько сенатскихъ постановленій, легшихъ въ основаніе дѣйствій кураторовъ. Кураторовъ было 3; но изъ нихъ одинъ стоялъ выше другихъ, такъ что эта магистратура была монархическаго характера. При выѣздѣ изъ города по дѣламъ службы кураторы имѣли при себѣ ликторовъ; имъ подчинено было значительное количество архитекторовъ, мастеровыхъ и рабовъ для наблюденія за частями городскихъ водопроводовъ и водораспредѣленіемъ въ городѣ и для охраны водопроводныхъ путей и пр. внѣ города. Кураторами могли быть только лица, проходившія высшія государственныя должности (viri principes)—консуляры. Кураторъ (съ 97 года) Фронтинъ, оставившій сочиненіе о водоснабженіе Рима, былъ раньше генералъ-губернаторомъ Британіи. Curatores aquarum стояли по рангу выше другихъ кураторовъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ обширно было водоснабженіе города при имперіи и какое важное значеніе Римляне вполнѣ разумно придавали этому дѣлу.

Римъ всегда былъ болѣе чѣмъ столица, онъ всегда оставался въ исключительномъ положеніи, и въ силу старинныхъ политическихъ традицій заявлялъ всегда право какъ на средства провинцій, такъ и на особое вниманіе со стороны цезарей. Послѣдніе, какъ имѣвшіе власть цензоровъ, назначали сооруженіе новыхъ построекъ, и водопроводовъ въ томъ числѣ, и вообще принимали живое участіе въ строительномъ дѣлѣ города, производя многія большія общественныя постройки на свой счетъ.

Августъ, кромѣ учрежденія новаго управленія новоснабженіемъ увеличилъ и систему водопроводовъ; такъ, онъ *) 1) усилилъ первый водопроводъ Аппіевъ новою вѣтвію (A. Appia Augusta); **) 2) прибавилъ побочную вѣтвь къ каналу Аніена близъ города; 3) какъ, сказано уже, усилилъ знаменитый Марціевъ водопроводъ прибавленіемъ воды новаго ис-

*) Monum. Ancyranum: Aquam, quae Marcia appellatur duplicavi fonte novo in rivum eius inmisso. Фронтинъ. 12.

**) Mon. Ancyr.: rivos aquarum compluribus locis vetustate labentes refeci (Фронтинъ, 12, 5). Въ надписи на porta Lorenzo: imp. Caesar..... rivos omnium aquarum refecit.

точника (Marcia Augusta); 4) на свой счетъ производилъ многочисленныя починки въ каналахъ всѣхъ водопроводовъ и 5) наконецъ устроилъ (въ 28 году до Р. Х.) новый 7-й водопроводъ Альзіетскій) (Augusta Alsietina), „proprio opere perduxit" (Фронтинъ). Этотъ водопроводъ, бравшій воду изъ Альзіетскаго озера (L. Alsietinus, l. di Martignano) къ сѣверу отъ Рима, шелъ почти на всемъ протяженіи (около 22 римскихъ миль) подъ землею и вступалъ въ городъ съ очень низкимъ уровнемъ. Замѣтимъ, что онъ назначался уже почти исключительно „ad delectationes", именно для снабженія водою огромнаго искуственнаго пруда, сдѣланнаго Августомъ на правомъ берегу Тибра для потѣшныхъ морскихъ сраженій, навмахій *); вода его шла также на орошеніе огородовъ и садовъ, и только въ крайнемъ случаѣ (когда не было другой лучшей воды) для довольства жителей **). Это былъ первый водопроводъ для Затибрской части, которая прежде,—не знаемъ, съ какого времени,—снабжалась водою водопроводовъ лѣвобережныхъ: трубы шли черезъ Тибръ по мостамъ.

Вотъ въ какомъ состояніи водоснабженіе Рима оставилъ Августъ. Есть свидѣтельства современныхъ ему писателей объ этомъ предметѣ. Такъ географъ Страбонъ говоритъ: водопроводы несутъ такое большое количество воды, что какъ бы рѣки текутъ по городу и почти каждый домъ имѣетъ обильные резервуары и фонтаны ***). Другой современ-

---

*) Monum. Ancyr.: „navalis proelii spectaculum populo dedi trans Tiberim, in quo loco nunc nemus est Caesarum, cavato solo in longitudinem mille et octingentos pedes, in latitudinem mille et ducenti". Фронт., 11.

**) Фронтинъ, 11: „Solet tamen ex ea in Transtiberina regione, quotiens pontes reficiuntur et a citeriore ripa aquae cessant, ex necessitate in subsidium publicorum salientium dari".

***) Страбонъ, (V): „τοσοῦτον δ'ἐστὶν τὸ εἰσαγώγιμον ὕδωρ διὰ τῶν ὑδραγωγίων, ὥςτε ποταμοὺς δια τῆς πόλεως ῥεῖν καὶ τῶν ὑπονόμων, ἅπασαν δὲ οἰκίαν σχεδὸν δεξαμενὰς καὶ σίφωνας καὶ κρουνοὺς ἔχειν ἀφθόνους, ὧν πλείστην ἐπιμέλειαν ἐποιήσατο Μάρκος 'Αγρίππας". (Онъ же въ другомъ мѣстѣ V, с. 235, говоритъ: „οὗτοι (Римляне προὐνόησαν μάλιστα ὧν ὠλιγώρησαν ἐκεῖνοι (Греки), στρώσεως ὁδῶν καί εὐδατων εἰσαγωγῆς καὶ ὑπονόμων". Срв. Вод. Р., I, 59). Гор., Ер. I, 10, 20. Проперцій (III, 30) говоритъ:

Flumina sopito quaeque Anione cadunt, (?)
Tot leviter lymphis tota crepitantibus urbe,
Cum subito Triton ore recondit aquam. (?)

никъ, Діонисій (Antiqu. R. III, 308) говоритъ: „ἔγωγ' οὖν ἐν τρισὶ τοῖς μεγαλοπρεπεστάτοις κατασκευάσμασι τῆς Ῥώμης, ἐξ ὧν μάλιστα τὸ τῆς ἡγεμονίας ἐμφαίνεται μέγεθος, τάς τε τῶν ὑδάτων ἀγωγὰς τίθεμαι καὶ τὰς τῶν ὁδῶν στρώσεις καὶ τὰς τῶν ὑπονόμων οὐ μόνον εἰς τὸ χρήσιμον τῆς κατασκευῆς τὴν διάνοιαν ἀναφέρων. . ἀλλὰ καὶ εἰς τὴν τῶν ἀναλωμάτων πολυτέλειαν".

Но и воды 7 водопроводовъ скоро оказалось недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей города. И вотъ, „cum parum et publicis usibus et privatis voluptatibus septem ductus aquarum sufficere viderentur"—(Фронтинъ), два новыхъ громадныхъ водопровода, затмившіе отчасти всѣ прежніе, были начаты въ 38 г. императоромъ Гаемъ (Калигулой) и окончены въ 52 г. Клавдіемъ на свой счетъ, именно *Aqua Claudia* (8) и *Новый Аніенъ* (9), названный такъ въ отличіе отъ перваго Аніена. Aqua Claudia начиналась изъ двухъ превосходныхъ источниковъ, „ex fontibus amplissimis et speciosis", близъ рѣки Аніена, недалеко отъ того мѣста, гдѣ начинался Марціевъ водопроводъ. Длина водопроводнаго пути составляла 46½ римскихъ миль, т. е. болѣе 65 верстъ, изъ которыхъ 9½ римскихъ миль (ок. 14 верстъ) составляли аркады *). Вода этого водопровода была превосходна, самая лучшая послѣ Марціевой (Фронт., 13: „Haec (т. е. Claudia) bonitate proxima est Marciae". Лампридій, с. 30. Светоній: „Claudiae gelidos et uberes fontes" **).

---

*) Надпись на Porta Maggiore: „Ti. Claudius... aquam Claudiam ex fontibus, qui vocantur Caeruleus et Curtius a milliario XXXV, item Anienem novum milliario LXII sua impensa in urbem perducendam curavit". Фронтинъ 13, „quod opus (Клавдій) magnificentissime consummavit dedicavitque". Тацитъ, Ann., XI, 13: „fontes aquarum collibus Simbruinis collectos urbi intulit". Светоній, Calig., 21.

Что касается свѣдѣній о водопроводахъ, которыя сообщаетъ Витрувій (VIII), то мы ожидали бы отъ архитектора Августова несравненно болѣе. „Der gute Mann erzählt dem Augustus viel seltsame und überflüssige Dinge; von denjengen Nutzbauten, in welchen die Römer das höchste leisteten, von Brücken, Strassen Wasserleitungen schweigt er geheimnissvoll wie das Grab" (Ниссенъ). По крайней мѣрѣ о водопроводахъ Рима у него нѣтъ почти ни слова.

**) Кассіодоръ (Formula comitivae formarum urbis): „Quando pulchrius est Nilo Claudiam Romanam per tot siccas montium summitates lavacris ac domibus *liquores purissimos* fistularum uberibus emisisse".

Еще длиннѣе былъ Новый Аніенъ, бравшій воду изъ рѣки Аніена (и отчасти изъ источника *); именно его длина составляла 59 римскихъ миль, т. е. 84 версты. Его арки были самыя высокія, достигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 109 римскихъ футовъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ города эти два водопровода сходились и каналы ихъ шли по общей мощной аркадѣ, каналъ Аніена сверху. Величественная *Porta Maggiore* современнаго Рима есть двойная арка этого двойнаго водопровода. Высота канала Новаго Аніена достигаетъ 3,7 метровъ, т. е. $1^1/_2$ саж., а ширина болѣе одного метра (историкъ Прокопій говоритъ, что въ каналахъ водопроводовъ Рима могъ помѣститься всадникъ на лошади).

Этотъ водопроводъ несъ громадную массу воды, но вода его была не всегда чиста; Фронтинъ говоритъ: „duae aquae Anionis minus permanent limpidae; *nam sumuntur ex flumine* ac saepe etiam sereno turbantur; quoniam Anio, quamvis purissimo defluens lacu, mollibus tamen cedentibus ripis, aufert aliquid, quo turbetur, priusquam deveniat in rivos: quod incommodum non solum hibernis ac vernis, sed aestivis imbribus sentit, quo tempore gratior aquarum sinceritas exigitur“.

Императоръ Траянъ улучшилъ воду этого водопровода, именно: онъ сдѣлалъ начало водопровода выше по рѣкѣ, гдѣ она образовала озеро, въ которомъ вода ея отстаивалась и очищалась, это озеро находилось выше виллы Нерона, называвшейся оттого „Подозерной“, Sublacensis (Фронт. 93: ommisso flumine repeti ex lacu, qui est super villam „Neronianam Sublacensem, ubi limpidissimus est (Anio), jussit. Nam cum oriatur supra trebam Augustum, seu quia per saxosos montes percurrit, paucis circa ipsum oppidum obiacentibus cultis, seu quia lacuum altitudine, in quos excipitur, velut defaecatur, imminentinm quoque nemorum opacitate inumbratus, frigidissimus simulatque splendidissimus eo pervenit. Haec tam felix proprietas aquae omnibus dotibus aequatura Marciam, copia vero superatura, veniet in locum deformis illius ac turbidae novum auctopem imperatorem Caesarem Nervam Traianum Augustum praescribente titulo“ **).

---

*) Фронт., 15: „Anio excipitur ex flumine.. Jungitur ei rivus Herculaneus“. У Іордана и Новый Аніенъ начинается только изъ источника. Topogr. I, 1, 473. онъ говоритъ о Claudia и Anio novus: „beide aus den Quellen“. Срав. Фронтинъ, 90. и Светоній, Claud., 20.

**) Странно читать у Киперта (Lehrbuch der alten Geographie, 417) слѣдующее: „Sublaqueum, Subiáco, benannt von der Lage unterhalb der lacus oder

Не только въ городѣ и вблизи города, но и за Тибуромъ сохранились величественные остатки этихъ водопроводовъ. Изъ-за Тибура, изъ горъ шло четыре большихъ водопровода Рима, изъ нихъ два начинались изъ рѣки Аніена, другіе въ бассейнѣ его, и всѣ они шли долиною этой рѣки, иногда сходясь, то переходя черезъ рѣку, *такъ что рѣка Аніенъ справедливо должна быть отнесена къ системѣ водопроводовъ Рима.*

Объ аркадахъ Клавдіевыхъ водопроводовъ близъ Рима Ланчани говоритъ между прочимъ: „размѣры арокъ слѣдующіе: устои арокъ имѣютъ въ ширину съ фронта 3,705 метра, въ пролетахъ—3,50; ширина пролетовъ 5,48 метра; высота аркады составляетъ 27 метровъ, (т. е 13 саженей). Каменныя плиты имѣютъ слѣдующія измѣреніе: 2,51×0,86, ×0,62 метра. „Пусть представитъ себѣ, читатель—заключаетъ Ланчани, сколько стоило труда, расходовъ, энергіи открыть каменоломню, рѣзать, перевозить на разстояніе миль и поднимать на высоту болѣе 20 метровъ милліоны такихъ громадныхъ массъ“.

Каналы обоихъ водопроводовъ вступали въ городъ довольно высоко, именно на высотѣ болѣе 60 метровъ надъ уровн. моря, и вода ихъ была разведена по всѣмъ 14 кварталамъ города. Плиній (N. H., XXXIV, 122) говоритъ: „Vicit antecedentes aquarum ductus novissimum impendium operis inchoati a C. Caesare et peracti a Claudio, quippe a XXXX lapide ad eam excelsitatem, ut omnes urbis montes lavarentur, influxere Curtius atque Caeruleus fontes et Anien novus erogatis in id opus HS. MMM. D.“. Кассіодоръ восклицаетъ: „Quis possit talia sermonibus idoneis explicare? Claudiam per tantam fastigii molem sic ad Aventinum esse perductam, ut cum ibi ex alto lapsa ceciderit, cacumen illud excelsum quasi immam vallem irrigare videatur!“.. (Срв. Фронтинъ, 87).

Количество воды, которое давали эти водопроводы, было громадно („Claudia abundantior aliis... Anio imprimis abundans“, говоритъ Фронтинъ):

---

stagna Simbruina, künstlicher Teichbauten, in welchen das klare Wasser des oberen Anio behufs Einführung in die nach Rom geführten Wasserleitungen (Aqua Marcia (sic) und Claudia (sic) gesammelt wurde, die daher auch in Folge der Zerstörung der das Wasser zurückhaltenden Dämme gänzlich verschwunden sind“. Объ этихъ stagna срв. Lanciani, наз. соч. стр. 140

они давали почти столько, сколько всѣ остальные водопроводы вмѣстѣ, такъ что воды въ городѣ изъ водопроводовъ стало съ устройствомъ двухъ Клавдіевыхъ водопроводовъ вдвое больше прежняго. Увеличилось также соотвѣтственно *) и число lacus, salientes и пр. въ городѣ.

Соотвѣтственно такому расширенію системы водоснабженія Клавдій подвинулъ впередъ и управленіе aquarum publicarum. Именно, онъ учредилъ должность императорскаго прокуратора и новый корпусъ рабовъ, императорскихъ, familia Caesaris, для этого вѣдомства, состоявшій при Фронтинѣ изъ 460 человѣкъ (а въ казенномъ, ведшемъ начало отъ Агриппы и Августа, было тогда 240 человѣкъ, въ обоихъ вмѣстѣ слѣдовательно 700 человѣкъ).

Приведенные девять водопроводовъ Римъ имѣлъ при Неронѣ, Флавіяхъ, Нервѣ и при Траянѣ до 109 года.

Неронъ выстроилъ громадную аркаду (изъ кирпича) для Клавдіевыхъ водопроводовъ въ городѣ (arcus Neroniani, Coelimontani—уцѣлѣли отчасти и теперь, напримѣръ въ виллѣ Волконскаго). Ее возобновляли въ 201 году Северъ и Каракалла „sua pecunia".

Веспасіанъ починилъ Клавдіевъ водопроводъ (надпись на Porta Maggiore;"... „per annos novem sua inpensa urbi restituit"). Титъ тоже починялъ этотъ водопроводъ, какъ гласитъ надпись на той-же Porta Maggiore: „Imp. T. Caesar divi Vespasiani. Augustus. pontifex. maximus. tribun. potestate X. imperator XVII, pater patriae Censor cos. VIII aquas. Curtiam. et. Caeruleam deductas a divo Claudio. et. postea. a. divo. Vespasiano. patre. suo. urbi. restitutas. cum. a. capite. aquarum. a. solo. vetustate. dilapsae essent. nova. forma. reducendas. sua. pecunia **) curavit". CIL., VI, n. 1258.

Состояніе водоснабженія города при Нервѣ и Траянѣ намъ най-

---

*) Клавдій также возобновилъ аркаду водопровода Virgo на Марсовомъ полѣ, которую разрушилъ Калигула, собираясь тамъ строить амфитеатръ.

**) Обращаю вниманіе читателя на то, какъ много и для водоснабженія столицы строили императоры на свой счетъ (см. также aqua Traiana). Объ императорскихъ кирпичныхъ заводахъ см. Водосн. Р. I, 93.

лучше извѣстно, благодаря сочиненію Секста Юлія Фронтина (издано 98 г.); ему же обязаны мы очеркомъ развитія водоснабженія Рима въ предыдущіе вѣка. Онъ съ любовью, съ увлеченіемъ отнесся къ своей новой задачѣ, старался изучить это дѣло и ввести въ немъ разныя усовершенствованія. Фронтинъ считалъ нужнымъ прежде всего изучить дѣло, за которое брался, и не полагаться во всемъ на своихъ подчиненныхъ. Онъ говоритъ гл. 1 п. 2: „primum ac potissimum existimo, sicut in ceteris negotiis iustitueram, nosse quod suscepi. Neque enim ullum omnis actus fundamentum crediderim; aut aliter, quae facienda quaeque vitanda sint, posse decerni; aliudve tam indecorum tolerabili viro, quam delegatum officium ex adiutorum agere praeceptis.... Quapropter ea, quae ad universam rem pertinentia contrahere potui, more jam per multa mihi officia servato in ordinem et velut in corpus diducta, in hunc commentarium contuli, quem pro formula administrationis respicere possem“ *).

Сообщаютъ кое-что о водопроводахъ Рима и современники его Плиній Старшій и Стацій (жилъ прибл. съ 45—69). Послѣдній въ стихотвореніи (Silv. III, 3, 99), обращенномъ къ Этруску, завѣдывавшему императорскимъ фискомъ упоминаетъ о расходахъ фиска на „высокіе токи водъ“:

“Aes citus evolvit, quantum Romana sub omni
Pila die, quantumque tribus, quid templa, quid *alti*

---

*) Содержаніе этого, въ высшей степени интереснаго и для насъ драгоцѣннаго сочиненія (въ немъ между прочимъ находится нѣсколько подлинныхъ senatus consulta) авторъ даетъ самъ въ началѣ: „ne quid ad totius rei pertinens notitiam praetermisisse videar, nomina primum aquarum, quae in urbem Romam influunt, ponam; tum per quos quaeque earum et quibus consulibus, quoto post urbem conditam anno perductae sint; deinde quibus ex locis et a quoto miliario coepissent, quantum subterraneo rivo, quantum substructione, quantum opere arcuato, post altitudinem cuiusque modulorumque rationem et quae erogationes ab illis factae sint.; quantum extra urbem, quantum intra urbem unicuique regioni pro suo modo unaquaeque aquarum serviat, quot castella publica priuataque sint, et ex his quantum publicis operibus, quantum muneribus, quantum lacibus, quantum nomine Caesaris, quantum privatorum usui beneficio Principi detur; quod jus ducendarum tuendarumque sit earum; quae id sanciant poenas ex legibus senatus consultis et mandatis Principum inrogatae.“

Undarumc cursus, quid propugnacula poscant

Aequoris aut longe series porrecta viarum“ и пр.

Въ другомъ мѣстѣ (Silv. I, 5 Balneum Claudii Etrusci, ст. 24) онъ обращается къ нимфамъ этихъ alti undarum cursus u balnea Рима:

„Vos mihi, quae Latium septenaque culmina, Nymphae,

Incolitis Thybrimque novis attollitis undis,

Quas praeceps Anien atque exceptura natatus

Virgo juvat Marsasque nives et frigora ducens

Marcia, praecelsis quarum vaga molibus unda

Crescit et innumero pendens transmittibur arcu:

Vestrum opus aggredimur, vestra est, quam carmine molli

Pando, domus“.

Отзывъ Плинія объ обиліи воды въ Римѣ приводимъ ниже.

10. Десятый водопроводъ построилъ въ 109 году Траянъ „(il piu grande idraulico dei tempi antichi“ —Ланчани) тоже на свой счетъ (см. надпись у Ланчани и CIL. VI, п. 1260: „aquam Traianam pecunia sua in urbem perduxit locis emptis“ для Затиброной части, которая къ этому времени уже значительно разрослась *).

Начинался водопроводъ въ той-же сторонѣ, гдѣ и Августовъ правобережный Альзіетскій, именно изъ источниковъ **) въ возвышенностяхъ

---

*) Населеніе Затибрской части къ этому времени значительно возросло, и новый водопроводъ, удовлетворяя существовавшей потребности въ водѣ, способствовалъ, конечно, еще большему разростанію этой части.

**) У Іордана (Topogr. I, 1, 475) Aqua Trajana начинается „aus dem lacus Sabbatinus“. Ланчани (163 стр.) рѣшительно утверждаетъ, что Тр. водопроводъ начинался изъ родниковъ („constava di vene purissime saluberrime“) въ указанной мѣстности. „Траянъ навѣрно не касался озера; цѣлью устройства его водопровода было снабженіе водою Затибрской части (regio Transtiberina), которая могла употреблять болотную Альзіетскую воду только въ случаѣ крайней нужды; но прекрасное было-бы снабжені—езамѣнить воду Альзіетскаго водопровода другою болотною столько-же нездоровою.“

окружающихъ lacus Sabatinus (Lago Bracciano), довольно высоко (ок. 30 метр. надъ моремъ), такъ что могъ нести воду на самый высокій холмъ Рима, Яникулъ. Длиною онъ уступалъ только большимъ водопроводамъ лѣваго берега и былъ очень обиленъ водою (см. ниже слова Прокопія).

Этому древнему водопроводу соотвѣтствуетъ нынѣшняя Aqua Paola построенная въ 1612 году папою Павломъ V (у Іордана опечатка: Karl V) съ знаменитой fontana Paolina на вершинѣ Яникула.

Изъ второй половины 2-го вѣка есть интересный отзывъ врача Галена (въ Римѣ былъ съ 164—168 г.) о водѣ водопроводовъ Рима, шедшихъ изъ-за Тибура. Онъ говоритъ: „Въ Римѣ какъ много другихъ прекрасныхъ вещей, такъ и удивительное обиліе прекрасныхъ родниковъ; изъ нихъ ни одинъ не даетъ воды съ дурнымъ запахомъ, съ минеральными примѣсями, мутной или жесткой, какъ и въ родномъ моемъ городѣ Пергамѣ; а во многихъ другихъ городахъ нерѣдко можно встрѣтить дурную воду. *Та вода, которая идетъ въ Римъ по каменнымъ каналамъ изъ Тибурскихъ горъ, правда, другихъ никакихъ недостатковъ не имѣетъ, но однако она нѣсколько жестка.*“ См. Водосн. Р., I, 128 и сл. и Секки, наз. соч. 39.

Антонинъ Каракалла въ 212 году прибавилъ къ Марціеву водопроводу fons Antoninianus. Близъ Рима отъ названнаго водопровода отдѣлялась съ тѣмъ-же названіемъ (fons A.) особая вѣтвь и шла къ термамъ этого императора (надпись... „aquam Marciam. variis. casibus. impepitam. purgato. fonte. excisis et perforatis montibus restituta förma adquisito. etiam fonte novo. Antoniniano. in sacram urbem suam perducendam. curavit“. CIL, num. 1245).

11. Одиннадцатый водопроводъ построенъ былъ Александромъ Северомъ, Aqua Alexandrina, Александровскій водопроводъ—для термъ его на Марсовомъ полѣ. Начинался онъ близъ Габій изъ источниковъ. Значительная часть его аркадъ стоитъ и теперь (см. наше Водосн. Р. I. стр. 135). Ему сотвѣтствуетъ нынѣшній Сикстовъ водопроводъ, Acqua Felice.

Діоклетіанъ и Константинъ выстроилъ каждый громадныя термы но новыхъ водопроводовъ они не строили.

Итакъ въ 3-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. дѣло водоснабженія Рима достигло своего высшаго развитія, слѣдовательно періодъ водопроводовъ обнимаетъ собою болѣе пяти вѣковъ.

Историкъ 6 вѣка Прокопій насчитываетъ 14 водопроводовъ Рима *); но, очевидно, при этомъ нѣкоторыя изъ вѣтвей были приняты за самостоятельные водопроводы. Во всякомъ случаѣ остается несомнѣнныхъ 11 водопроводовъ **). Длина водопроводнаго пути всѣхъ водопроводовъ въ совокупности составляла болѣе 400 верстъ! Водопроводы часто шли, слѣдуя линіямъ большихъ дорогъ (via Valeria, Latina, Claudia) и слѣдовательно съ разныхъ сторонъ уже издалека, за много верстъ напоминали путнику о великомъ городѣ....

Мы видѣли, что большая часть водопроводовъ была питаема источниками: Аппіевъ, Марціевъ, Tepula, Юліевъ, Virgo, Claudia, Траяновъ и Александровскій.

Масса воды, которую всѣ водопроводы вмѣстѣ приносили городу, была по истинѣ громадна. Современный Римъ имѣетъ три водопровода, дающіе весьма значительное количество воды, такъ что частныя лица въ Римѣ могутъ имѣть въ три раза больше воды изъ водопроводовъ, чѣмъ въ другихъ городахъ Европы, наилучше послѣ Рима снабженыхъ водою; но это количество въ семь разъ меньше того, которое могли имѣть Римляне временъ имперіи. Тогда суточное довольствіе водою города составляло 1,500,000 куб. метровъ, т. е. 124 милліона ведеръ! Девять водопроводовъ времени Фронтина несли, какъ высчитано, столько воды, сколько приносила бы рѣчка въ 30 футовъ ширины и 6 глубины, текущая съ быстротою 30 дюймовъ ($2^1/_2$ футовъ), въ секунду.

---

*) Упоминается между прочимъ Северовъ водопроводъ, Aqua Severiana, несшій воду къ термамъ Севера, но неизвѣстно, былъ-ли это самостоятельный водопроводъ или вѣтвь другого,

**) B. Goth 1, 19. Γόθοι... διεῖλον τοὺς ὀχετοὺς ἅπαντας, ὅπως δὴ ὕδωρ ὡς ἥκιστα ἐς τὴν πόλιν ἐνθένδε εἰσίοι. Ρώμης δὲ ὀχετοὶ τεσσαρεσκαίδεκα μέν τὸ πλῆθος εἰσιν εκ πλίνθου ὠπτημένης τοῖς πάλαι ἀνθρώποις πεποίηνται ἐς τοσοῦτον εὔρους και βάθους διήκοντες ὥστε ἀνθρώπῳ ἵππῳ ὀχουμένῳ ἐνταῦθα ἱππεύειν δυνατὰ εἶναι". Размѣры каналовъ здѣсь преувеличены См. ниже и особенно Водосн. Р. 1, стр. 108. Затѣмъ далеко не всѣ водопроводы Рима были построены изъ кирпича. Напротивъ, водопроводныя постройки временъ республики представляютъ opus quadratum и ретикулатъ, тоже отчасти и водопроводы имперіи. Смотри ниже, устройство водопроводовъ. Объ употребленіи кирпича у Римлянъ см. Водосн. Р. 1, стр. 92.

Римляне справедливо гордились этимъ великимъ культурнымъ богатствомъ. Фронтинъ еще при Траянѣ восклицалъ: „Съ этими столь многими и необходимыми громадными сооруженіями стольких нашихъ водопроводовъ можно-ли поставить рядомъ ни на что ненужныя пирамиды, или безполезныя, но превознесенныя молвою сооруженія Грековъ"! *) Онъ же (119) называетъ водопроводы лучшимъ доказательствомъ и критеріемъ величія римской державы („и это дѣло, именно присмотръ за водопроводами —говоритъ онъ,—„заслуживаетъ особенныхъ заботъ,—„cum magnitudinis Romani imperii id praecipuum sit indicium"). Плиній Старшій (N. H., XXXVI, 15,), современникъ Фронтина, восклицаетъ: „Если кто приметъ въ соображеніе обиліе воды для общаго употребленія въ термахъ, баняхъ, городскихъ каналахъ (euripis), садахъ, подгородныхъ виллахъ, пространства, которыя она проходитъ по пути, возведенныя аркады, прорытыя горы, выровненныя долины, то долженъ будетъ согласиться, что ничего не было болѣе удивительнаго во всемъ мірѣ" **).

Грекъ Діонисій Галикарнассецъ уже при Августѣ особенно удивлялся тремъ видамъ сооруженій Римлянъ, именно водопроводамъ, канализаціи города и большимъ дорогамъ, какъ вслѣдствіе полезности ихъ, такъ и громадности средствъ, затраченныхъ на нихъ; изъ нихъ особенно, думалъ онъ, видно величіе римской власти. (См. выше).

Рутилій Намаціанъ (Itinerarium, I, ст. 97) около 417 г. восторженно восклицаетъ:

„Quid loquar aërio pendentes fornice rivos,
Qua vix imbriferas tolleret Iris aquas?
Hos potius dicas crevisse in sidera montes.
Tale giganteum Graecia laudat opus.
Intercepta tuis conduntur flumina muris,
Consumunt totos celsa lavacra lacus!"

---

*) „Tot aquarum tam multis necessariis molibus pyramidas, videlicet otiosas compares, aut inertia, sed fama celebrata opera Graecorum?"

**) „Quod si quis diligentius aestimauerit aquarum abundantiam in publico balineis, piscinis, domibus, euripis, hortis, suburbanis villis spatioque aduenientis exstructos arcus, montes perfossos, convalles aequatas, fatebitur nihil magis mirandum fuisse in toto orbe terrarum".

Кассіодоръ, извѣстный государственный мужъ и писатель 6 вѣка, говоритъ: „Въ римскихъ водопроводахъ все отлично: удивительная постройка и качество воды отмѣнно хорошее. Какъ бы по выстроеннымъ горамъ идутъ потоки воды, подумаешь, что то естественныя русла изъ камня: такой сильный напоръ воды выдерживается ими въ продолженіи стольких вѣковъ! прорѣзанныя горы обыкновенно обрушиваются, русла потоковъ размываются, а эти сооруженія древнихъ не разрушаются, если ихъ не оставлять безъ вниманія" *).

Другія свидѣтельства и остатки водопроводовъ показываютъ, что это не преувеличенія, не реторическія фразы только, напротивъ, эти отзывы лицъ, видѣвшихъ водопроводы Рима еще въ цѣлости, дѣйствовавшими, для насъ весьма интересны. Впрочемъ даже остатки этихъ водопроводовъ, какъ подземные каналы, такъ и аркады, и теперь возбуждаютъ не меньшее удивленіе у всякаго, кто ихъ видѣлъ. И теперь значительная часть водопроводныхъ аркадъ направляется стройными линіями „какъ-бы возвращающіеся домой ветераны" къ вѣчному городу и своею своеобразною живописностью придаютъ такой величественый видъ унылой Campaqua di Roma, окрестностямъ Рима.

Остатки древнихъ водопроводовъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима и въ самомъ городѣ, дѣйствительно весьма замѣчательные, болѣе извѣстны и преимущественно обращаютъ вниманіе на себя обыкновенныхъ путешественниковъ; но есть также не менѣе замѣчательные и величественные остатки водопроводныхъ сооруженій и далѣе отъ Рима, напр. за Тиволи и около Тиволи, водопроводныхъ туннелей, мостовъ, отстойныхъ бассейновъ; но они извѣстны болѣе спеціалистамъ—изслѣдователямъ **).

---

*) Variar., кн. VII, гл. 6. „In formis R. utrumque praecipuum est, ut fabrica sit mirabilis et aquarum salubritas singularis. Quod enim illuc flumina quasi constructis montibus perducuntur, naturales credas alveos soliditatis saxorum, quando tantus impetus fluminis tot saeculis firmiter potuit sustineri. Cavati montes plerumque subruunt, meatus torrentium dissipantur, et opus illud veterum non destruitur, si industria suffragante servetur".

**) Во время пребыванія въ Италіи ($18^{79}/_{80}$ г.) мы далеко не ознакомились лично достаточно со всѣми этими остатками водпроводовъ Рима, какъ по другимъ причинамъ, такъ и потому, что тогда не интересовались спеціально этимъ предметомъ, но теперь глубоко сожалѣемъ объ этомъ упуще-

Мы укажемъ на нѣкоторые изъ мостовъ (о подземныхъ каналахъ говоримъ ниже). Замѣчательны въ особенности тѣ мѣста, гдѣ нѣсколько водопроводовъ сходились вмѣстѣ и иногда переходили по мостамъ Аніенъ или другія рѣчки,—узлы водопроводовъ.

Первый такой узелъ въ долинѣ S. Cosimato близъ впаденія въ Аніенъ Личенцы, Дигенціи Горація; здѣсь сходились четыре водопровода. Въ самой узкой части рѣчной долины шла чрезъ рѣку аркада (длина 36 саж); „на мощныхъ остаткахъ ея устоевъ недавно устроенъ мостъ“ (Ланчани). У Виковаро (древн. Vicus Variae) Клавдіевъ водопроводъ переходилъ съ праваго берега на лѣвый по очень высокому мосту („arcuazioni altissime“, Ланч.), на остаткахъ которой теперь также устроенъ новый мостъ. Въ цѣломъ видѣ аркада состояла изъ двухъ ярусовъ арокъ, трехъ въ нижнемъ и пяти въ верхнемъ. Высота ея надъ уровнемъ воды составляла 31 метръ, наибольшая длина 105 метровъ. Этотъ-же водопроводъ переходилъ fosso d' Ampiglione по аркадѣ длиною въ 800 метровъ и 25 метровъ надъ уровнемъ воды. Недалеко за Тиволи есть мѣстность, называемая по остаткамъ древнихъ водопроводовъ въ ней „Долиною арокъ, Valle degli arci“ (другое мѣсто близъ Тиволи называется по той-же причинѣ Arcinelli). Здѣсь былъ самый замѣчательный узелъ водопроводовъ, „un importantissimo e veramente stupendo „nodo“ di tre aquedotti“ (Ланч.), именно два Аніена и Marcia сходились и переходили по общему мосту чрезъ долину и рѣчку, fosso degli Arci. „Хотя віадуктъ, говоритъ Ланчани, имѣвшій на себѣ каналы стараго Аніена и Марціи, и ниже, но не менѣе достоинъ удивленія (чѣмъ болѣе высокій новаго Аніена), если принять въ соображеніе эпоху столь отдаленную его построенія. Я изучалъ его 22 октября 1879 г. Сводъ канала Марціева водопровода находится на высотѣ 240, 66 метра надъ уровнемъ моря. Длина верхней части сооруженія первоначально должна

ніи. Болѣе вниманія обратили мы на водоснабженіе Рима подъ вліяніемъ книги Ланчани.

Изображенія остатковъ водопроводныхъ сооруженій Рима можно найти въ рѣдкихъ теперь, но важныхъ изданіяхъ. Edifizî di Roma antica Л. Канины, Le Antichità Romane Пиранези и у Фабретти, и въ новыхъ сочиненіяхъ: Дж. Г. Паркера (фотогравюры) The Aqueducts of Rome, Ланчани въ назв. соч., а также нѣкоторыя изображенія въ извѣстныхъ энциклопедическихъ словаряхъ класс. древности и другихъ сочиненіяхъ.

была составлять 218 метровъ. Віадуктъ Новаго Аніена весьма высокъ, гораздо выше Марціева. На правомъ берегу fosso degli Arci стоятъ арки, высота коихъ достигаютъ болѣе 16 саж., такъ что здѣсь подтверждаются слова Фронтина, говорящаго, что арки новаго Аніена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ 109 рим. футовъ высоты: „Hi sunt arcus altissimi, sublevati in quibusdam locis CIX pedes“ (гл. 15). Толщина устоевъ арокъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 8, 91 метра, т. е. почти $4^1/_2$ саженей! (Въ виду такой чрезвычайной толщины этихъ пилоновъ Ланчани предполагаетъ, что первоначально и каналъ Клавдіева водопровода (A. Claudiae) также шелъ по нимъ, а не тамъ, гдѣ теперь его находимъ въ туннели, около этого мѣста). Арка, подъ которой проходитъ теперешняя дорога, принадлежитъ новому Аніену, на ней, именно на одномъ ея устоѣ, находится средневѣковая башня (см. у Паркера, Plate VI: „an extremely picturesque effect“ *).

Ниже Тиволи (между Тиволи и Палестриною) Марціевъ водопроводъ шелъ черезъ рѣчку (Ланч.: aqua Raminga) по мосту и теперь существующему и называемому ponte di S. Antonio (отъ старинной капеллы, находящейся возлѣ него). Паркеръ (The Aqueducts, стр. 62) сообщаетъ о немъ слѣдующее: „Этотъ мостъ находится приблизительно отъ Тиволи на разстояніи восьми (англ.) миль. Къ нему нѣтъ проѣзжей дороги, а только сносная тропинка для лошади или для осла. Этотъ мостъ предствляетъ одинъ изъ самыхъ изящныхъ и самыхъ живописныхъ предметовъ на всей линіи водопроводовъ и проходитъ чрезъ рѣчку, называемую fosso di S. Antonio, почти на 100 фут. выше поверхности воды.. Этотъ мостъ есть дѣйствительно великое сооруженіе, длина его 375 фут., ширина 16 и высота около 104 фут. (Срв. Ланч. стр. 79)“.

Недалеко отъ этого мѣста aqua Marcia проходитъ подземнымъ каналомъ въ возвышенности S. Giovanni, и затѣмъ сходится она опять съ тремя остальными водопроводами этой группы (новый узелъ) и они вмѣстѣ переходятъ такъ называемую „Долину мертвыхъ“ или dell acqua Rossa по замѣчательному віадукту, называемому нынѣ ponte Lupo („stupendissimo ponte Lupo“—Ланчани; Паркеръ: „magnificent structure, one of the greatest works of all the Roman aqueducts“). „Объ этомъ удивительномъ мостѣ, говоритъ Лачани, можно было бы написать цѣлый

*) Объ остаткахъ аркадъ у Викаваро и въ долинѣ Арокъ Паркеръ вообще замѣчаетъ: „The ruins of theses splendides arcades are among the finest and most picturesque ruins of the Roman empire“.

томъ текста и дать томъ таблицъ. Онъ находится въ мѣстѣ столь уединенномъ, удаленномъ, сравнительно недоступномъ, что многіе знаютъ о немъ по слуху и только весьма немногіе какъ очевидцы... Мостъ этотъ сначала назначался для одного только Стараго Аніена и имѣлъ тогда высоты 11, 20 метра, въ длину 81, 10 и толщину 2, 75. Когда былъ присоединенъ каналъ Марціева водопровода, размѣры его увеличились соотвѣтственно до 16, 60 метр., 88, 90 и 12. Наконецъ съ присоединеніемъ Клавдіи и Новаго Аніена мостъ достигъ высоты 31, 60 метра, длины 155 и ширины 14, 10 метр., не считая при этомъ прибавленныхъ контрфорсовъ. На немъ представлены всѣ стили, всѣ эпохи римской архитектуры".

Устройство водопроводовъ.

„...nec ullum opus diligentiorem poscit curam quam quod aquae obstaturum est.“ Фронтинъ.

Переходя къ техникѣ водопроводовъ, описанію ихъ устройства, *) мы остановимся прежде всего на вопросѣ, который у читателя, вѣроятно, уже родился при чтеніи историческаго очерка водопроводовъ Рима. Именно мы видѣли, что Альзіетскій водопроводъ доставлялъ воду для навмахіи Августа, и что вода Стараго Аніена, рѣчнаго водопровода, употреблялась отчасти для той-же цѣли, по крайней мѣрѣ когда уже достаточно было для питья лучшей воды, шла тоже на орошеніе. Естественно рождается вопросъ: отчего же Римляне не воспользовались для этихъ цѣлей водою Тибра или не провели воду Аніена съ мѣста, ближе лежавшаго къ Риму? Конечно, это зависѣло отъ тѣхъ способовъ поднятія воды искусственнымъ образомъ на желаемую высоту, какими располагали древніе Римляне. Вотъ о нихъ—то мы теперь и скажемъ нѣсколько словъ; они имѣютъ отношеніе не только къ вопросу о началахъ водопроводовъ, но и къ другимъ сторонамъ водоснабженія города, орошенію и поднятію воды въ домахъ и др.

У древнихъ вообще и у Римлянъ въ частности были и механическія приспособленія, машины для поднятія воды въ значительныхъ количествахъ. Извѣстно напр., что для орошенія т. н. висячихъ садовъ персидскаго царя въ Вавилонѣ воду поднимали изъ рѣки. Діодоръ (ст. 34)

*) Теперь наилучше знакомятъ съ этимъ предметомъ: Р. Ланчани, Le acque e gli aquedotti di Roma antica и Секки, Intorno alcune opere antiche idrauliche и пр. также Гоццадини, Intorno ae l'acquedotto ed alle terme di Bologna-memoria del conte Giov. Gozzadini. („una vera miniera delle informazioni sopra l'idraulia antica“—Ланчани). См. также Dictionnaire des antiquités grecques et romaines Дарембера и Сальо.

говоритъ о машинѣ, употреблявшейся въ Египтѣ для поднятія воды Нила съ цѣлью орошенія полей: „τῶν ἀνθρώπων ῥαδίως ἅπασαν ἀρδευόντων διά τινος μηχανῆς, ἣν ἐπενόησεν Ἀρχιμήδης ὁ Συρακόσιος.“ Страбонъ говоритъ: „ῥάχη, δι' ἧς ἀπὸ τοῦ ποταμοῦ τροχοὶ καὶ κοχλίαι τὸ ὕδωρ ἀνάγουσιν ἀνδρῶν ἑκατὸν πεντήκοντα ἐργαζομένων δεσμίων“.

Тожъ-же Діодоръ сообщаетъ объ испанскихъ рудникахъ, что воду изъ нихъ выкачивали такъ называемыми египетскими κοχλίαις, изобрѣтенными Архимедомъ (Этими-же κοχλίαι, по словамъ Аѳенея, этотъ механикъ чистилъ киль знаменитаго Гіеронова корабля).

Рѣчь идетъ въ этихъ приведенныхъ мѣстахъ объ Архимедовомъ винтѣ.

Витрувій (X, 9: de organis ad hauriendam aquam) описываетъ какъ этотъ винтъ, которымъ при посредствѣ силы человѣка, hominibus calcantibus, поднималась вода, но только на незначительную высоту, (Витр. „magnam vim haurit aquae, sed non tam alte tollit quam rota), такъ и другія также машины, между прочимъ поднимавшія воду на болѣе значительную высоту и безъ помощи животныхъ двигателей. Именно онъ описываетъ водоподъемное колесо, tympanum, дѣйствовавшее hominibus calcantibus, и о его пригодности говоритъ: „id *non alte tollit* aquam, sed exhaurit expeditissime multitudinem magnam.“ И ниже: „ita hortis ad inrigandum vel ad salinas ad temperandum praebetur aquae multitudo.“ *)

Затѣмъ онъ описываетъ водоподъемное колесо, приводимое въ дѣйствіе силою движущейся воды (рѣки, ручья), какія и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребительны: „Fiunt etiam in fluminibus rotae eisdem rationibus. Circa earum frontes adfiguntur pinnae, quae, cum percutiuntur ab impetu fluminis, cogunt progredientes versari rotam et ita modiolis haurientes et in summum referentes, *sine operarum calcatura,* ipsius fluminis impulsu praestat quod opus est ad usum“. Объ этомъ водоподьемѣ говоритъ Лукрецій въ слѣдующемъ стихѣ (De rer. nat., ст. 517): „ut fluvios versare rotas atque haustra videmus“. И это колесо можетъ поднимать скоро значительную массу воды только въ томъ случаѣ, если оно большихъ размѣровъ и приводится въ дѣйствіе очень быстрою рѣкою; во всякомъ случаѣ оно не можетъ поднимать воду на значительную высоту.

Изъ сказаннаго выходитъ, что древніе практиковали водоподьемъ въ

---

*) Онъ указываетъ также, какія перемѣны и приспособленія должно сдѣлать въ этой машинѣ, чтобы она поднимала воду на болѣе значительную высоту.

значительныхъ размѣрахъ и слѣдовательно и въ Римѣ описываемыя Витрувіемъ машины могли употребляться въ разныхъ случаяхъ для разныхъ цѣлей; онъ говоритъ именно, что онѣ весьма полезны: „praestant infinitas utilitates". Но описанныя машины не могли поднимать много воды на значительную высоту, подъемъ былъ медленъ и притомъ обыкновенно стоилъ много труда. Изъ Тибра могли поднимать воду для орошенія и под., но только низменныхъ, близко къ нему лежащихъ мѣстъ; такого сильнаго водоподъемнаго средства, какое современная техника имѣетъ въ паровой машинѣ, Римляне не имѣли, и это составляетъ важный моментъ въ вопросѣ о принципѣ ихъ водопроводовъ. *) Извѣстно, что въ настоящее время, при помощи паровыхъ машинъ иногда поднимаютъ воду при самомъ началѣ водопровода или уже въ городѣ воду поднимаютъ на высоту для разлива по городу, и часто воду рѣки въ городѣ вдавливаютъ въ трубы. У Римлянъ не могло быть значительныхъ водопроводовъ съ искуственно образованнымъ напоромъ воды или подъемомъ.

Въ современномъ намъ водоснабженіи большую роль играетъ сифонный способъ проведенія воды, проведеніе воды отъ одного возвышеннаго пункта къ другому, пользуясь извѣстнымъ свойствомъ жидкости подниматься до одного уровня въ двухъ сообщающихся сосудахъ. Вопросъ о томъ, былъ-ли этотъ способъ примѣняемъ Римлянами и насколько, и даже знали-ли они упомянутый физическій законъ, возбуждалъ болѣе, чѣмъ предыдущій, пререканій и ложныхъ толкованій. Но теперь болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, можно дать на него вѣрный и обстоятельный отвѣтъ.

Римлянамъ извѣстенъ былъ хорошо законъ равновѣсія однородной жидкости въ сообщающихся трубкахъ и извѣстно было хорошо также и примѣненіе этого закона на практикѣ въ водопроводахъ. Витрувій не только знакомъ съ этимъ закономъ, но и описываетъ веденіе воды, основанное на немъ. (De architectura, VIII, 7). См. также Плиній, N. H., XXXI, 3 и 6. и наше Водоснабженіе Р., I, 106. Въ Римѣ (и вообще въ городѣ) распредѣленіе по городу воды водопроводовъ устроивалось преимущественно трубно-сифоннымъ способамъ, слѣдовательно основывалось на упомянутомъ законѣ.

Примѣровъ употребленія сифоннаго веденія воды (aqueduc à siphon, siphon renversé) въ римскихъ водопроводахъ внѣ города указано доселѣ

---

*) Паркеръ: „there were no engines used, as in modern waterworks, to raise the water to a higher elevation than that at which it was required".

весьма немного. Конечно, такія части водопроводовъ легче и скорѣе другихъ могли портиться и исчезнуть безслѣдно, особенно части, проложенныя по дну рѣкъ или по глубокимъ оврагамъ, да и было этихъ сифоновъ вообще—и по этой именно причинѣ—вѣроятно, немного.

Витрувій слѣдующимъ образомъ описываетъ такой aqueduc à siphon (VIII): „cum venerit ad imum, non alte substruitur, ut sit libramentum quam longissimum; hoc autem erit venter, quod Graeci appellant κοιλίαν; deinde, cum venerit adversus clivum, ex longo spatio ventris leniter tumescit, ut exprimatur in altitudinem summi clivi; quod si non venter in vallibus factus fuerit nec substructum ad libram factum, sed geniculus erit, erumpet et dissolvet commissuras. Etiam in ventre colliviaria sunt facienda, per quae vis spiritus relaxetur.“

Но такой способъ онъ рекомендуетъ употреблять только въ такомъ случаѣ, если нельзя обойти низменное мѣсто или устроить субструкцій для поддержанія канала на требуемой высотѣ („sin autem non longa erit circumitio, circumductionibus, sin autem valles erint perpetuae, in declinato loco cursus dirigatur“). Сифонное веденіе воды указываютъ 1) въ водопроводѣ города Патаръ. Каналъ образуютъ цилиндрическія трубы изъ известковаго камня (Dictionnaire des antiquités par D. et S., стр. 341. и Lanciani, 342). 2) Въ водопроводѣ Аспенда въ Памфиліи (изображеніе въ назван. Dictionnaireu у Дюрюи, Hist. des Romains, II. „Знаменитъ своими сифонами водопроводъ Ліона. Первый сифонъ проложенъ по долинѣ рѣки Гарона (Garon) близъ возвышенностей di Soucieux. При переходѣ черезъ эту глубокую долину вода (изъ резервуара, устроеннаго на верху холма) шла въ свинцовыхъ трубахъ... по склону... и по мосту, построенному въ долинѣ, который можно назвать сифоннымъ мостомъ, затѣмъ трубы, проложенныя по склону, противуположному холму, изливали воду въ резервуаръ Шапонó (di Chaponost).“ Второй сифонъ шелъ такимъ-же образомъ по долинѣ di Bonan, болѣе низкой, чѣмъ предыдущая. Третій черезъ овраги Св. Иринея „Трубы въ этой долинѣ не шли по мосту (su di un ponte a sifone): нѣтъ слѣда его. Онѣ лежали на подмуровкѣ. Стокъ воды въ началѣ сифоновъ регулировался рѣшетками, чтобы въ случаѣ излишняго обилія воды давленіе не оказалось сильнѣе сопротивленія. Необходимость, заставившая прибѣгнуть къ этому экономическому способу видна изъ того, что для того чтобы пройти арками эту долину потребовался бы мостъ въ пять ярусовъ длиною въ 398,80 метра (200 саженей); а для долины между Chaponost и Sainte Foy, глубина коей 97,20 метра, длиннѣйшій (ponte lunghissimo) въ восемь ярусовъ и т. д. ......“ Твор-

цомъ этого удивительнаго (stupenda) гидравлическаго сооруженія былъ, кажется имп. Клавдій. 4) Ученый патеръ Анджело Секки открылъ въ 1863 году сифонное веденіе воды въ водопроводѣ города Алетрія (также Alatrium — въ области Герниковъ, нынѣ Alatri) и описываетъ его въ выше приведенномъ интересномъ трактатѣ. Этотъ водопроводъ былъ построенъ (однимъ щедрымъ гражданиномъ города на свой счетъ!) еще во второмъ вѣкѣ до Р. Х., именно около времени революціи Гракховъ, какъ заключаютъ изъ надписи. Какъ поэтому, такъ и вслѣдствіе необыкновенной смѣлости плана — полагаетъ Ланчани — этому сифонному водопроводу принадлежитъ пальма первенства *). Городъ Алатри имѣетъ высокій акрополь и на немъ уцѣлѣли до сихъ поръ древніе бассейны для воды; а у города, значительно ниже, сохранилась часть водопроводной аркады; и поэтому не могло прійти въ голову, чтобы этотъ водопроводъ несъ воду именно въ городъ, а не къ какой-нибудь виллѣ, хотя большія аркады и говорили, повидимому, объ общественномъ водопроводѣ („opera publica e di grande importanza"). Секки прослѣдилъ путь водопровода по остаткамъ его и нашелъ, что начало его выше акрополя Алатри на 103 метра; вначалѣ каналъ былъ высѣченъ въ камнѣ, а затѣмъ шелъ по аркадамъ и субструкціямъ; на разстояніи 4 съ лишнимъ километровъ (верстъ) отъ города каналъ находился приблизительно на одной высотѣ съ акрополемъ города, и съ этого-то мѣста начинался сифонъ, шедшій также по аркадѣ. Самое низкое мѣсто сифона ниже мѣста (резервуара), гдѣ водопроводъ оканчивался въ городѣ, на 101,12 метра! (въ надписи говорится: „aquam. in. opidum. adque arduom. pedes. CCCXL. fornicesque fecit. fistulas. soledas. fecit". CCCXL pedes составляютъ почти 101 метръ.). Секки полагалъ, что сифонныя трубы должны были быть или изъ бронзы или по крайней мѣрѣ изъ свинца, толщиною не менѣе какъ въ 2 сантиметра. Но впослѣдствіи онъ нашелъ остатки огромной трубы изъ терракоты (діам. 0,345 метра, толщина стѣнокъ 0,061 метра), необыкновенно прочно сдѣланной („di pasta sommamente fine e compatta, evidentemente compressa a machina") и несомнѣнно водопроводной (l'interno intartarito); найдена была она на линіи древняго водопровода въ городѣ.

---

*) Другой инженеръ по порученію министерства народнаго просвѣщенія повѣрялъ изслѣдованіе Секки. Ланчани говоритъ, что можетъ быть въ деталяхъ есть неточности у Секки, но главный результатъ его изслѣдованій не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію („l' esistenza di un sifone a grande pressione è fuori di dubbio").

Размѣры трубы таковы, что она могла вмѣщать токъ воды водопровода; сила сопротивленія ея уже сама по себѣ значительна, но труба должна была еще быть укрѣплена со всѣхъ сторонъ стѣнками верхней части аркады и слоемъ цемента; ширина верхней части аркады, по которой была положена труба, такова, что толщина *стѣнки и слоя opus Signinum*, цемента вмѣстѣ, составляла почти $^1/_2$ метра. „Поэтому я не колеблясь полагаю-гов. С.-, что такой каналъ, сдѣланный съ надлежащею тщательностію, могъ отлично выдерживать выше указанное давленіе (101 метръ). Ниже увидимъ, какое opus Signinum умѣли дѣлать въ то время". Секки допускаетъ, что все таки въ мѣстахъ наибольшаго давленія могли быть трубы крѣпче („a materia piü resistente"), а гончарныя находились, гдѣ давленіе начинало уменьшаться. Въ городѣ были найдены мѣдныя трубы; но Секки считаетъ мало вѣроятнымъ, чтобы онѣ были употреблены въ водопроводѣ. „Ихъ незначительный размѣръ (по преданію 10—12 сентим.) оказывается недостаточнымъ для всего тока воды и кромѣ того нѣтъ слѣдовъ, что въ сифонной части водопровода вода раздѣлена была между нѣсколькими параллельными трубами, какъ было въ водопроводѣ Ліонскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ русло водопровода и съ нимъ субструкціи пилоновъ должны бы были быть расширены горизонтально, какъ въ назв. французскомъ водопроводѣ". Но въ нашемъ водопроводѣ пилоны и надъ ними лежащее русло водопродное имѣютъ одинъ и тотъ-же размѣръ по всей линіи. Тѣ мѣдныя трубы, полагаетъ Секки, если онѣ дѣйствительно принадлежатъ водопроводу, весьма вѣроятно, служили для развода воды изъ castellum aquae (Bump., VIII, 7).

„*Во всякомъ случаѣ*, говоритъ Секки, *остается несомнѣннымъ, что 20 вѣковъ тому назадъ могли уже устроить сифонное веденье воды* (una condottura forzata a sifone) *длиною по крайней мѣрѣ въ 5 километровъ подъ максимальнымъ давленіемъ по крайней мѣрѣ десяти атмосферъ*, сифонъ, могшій нести количество воды, которое, судя по размѣрамъ трубы могло составить около 188 литровъ въ секунду т. е. около 350 унцій,—количество даваемое водопроводомъ Vergine". Приведенныя разысканія и открытія Секки весьма важны и для объясненія Витрувія; и самъ Секки дѣлаетъ любопытныя сопоставленія результатовъ своихъ изслѣдованій съ соотвѣтствующими мѣстами текста Витрувія.

И такъ, Римляне умѣли строить сифонные водопроводы, *римскій водопроводъ, акведуктъ, не есть непремѣнно*, eo ipso *водопроводъ исключительно самотечной*, съ естественнымъ паденьемъ воды.

Слѣдовъ сифоннаго веденія воды въ каналахъ водопроводовъ самого Рима внѣ города изслѣдователями ихъ остатковъ до сихъ поръ не указано *). Но нѣтъ-ли указаній на него у писателей? А мнѣ кажется, что примѣненіе этого болѣе искусственнаго способа веденія воды въ большихъ водопроводахъ непремѣнно обратило бы вниманіе на себя современныхъ писателей, какъ и montes perfossi, convalles aequatae, arcus; и если нѣтъ у нихъ указаній на него, то мы вправѣ заключать, что этотъ способъ на самомъ дѣлѣ почти не употреблялся. Одно прямое указаніе есть у поэта Стація (на него, сколько мнѣ извѣстно, не обращено должнаго вниманія изслѣдователями. Срв. Ланчани, 274). Я разумѣю выше нами приведенное мѣсто о Марціевомъ водопроводѣ (Silvae I, 3, 66):

„Teque, per obliquum penitus quae laberis amnem, (Аніенъ)
Marcia, et *audaci transcurris flumina plumbo.*
Ne solum Ioniis sub fluctibus Elidis amnem
Dulcis ad Aetnaeos deducat semita portus“?

Очевидно, поэтъ хочетъ сказать, что Марція идетъ (въ свинцовыхъ

---

*) Впрочемъ упомянемъ слѣдующее предположеніе Паркера (The Aqueducts, стр. 100): „Въ Кампаніи (di Roma) между Фраскати и Римомъ есть остатки обширныхъ резервуаровъ или castella aquarum третьяго вѣка (п. Р. Х.), которые, по видимому, не принадлежали ни одному изъ водопроводовъ доселѣ описанныхъ. Обыкновенно говорятъ, что это резервуары для снабженія водою прилежащихъ полей; но они всѣ находятся на весьма высокихъ пунктахъ, и трудно понять, какимъ образомъ проведена была къ нимъ вода. Кажется, что они образуютъ правильную линію, не прямую (характеръ мѣстности не допускалъ этого), а отдѣльныя линіи на небольшихъ разстояніяхъ, но всегда одна служитъ продолженіемъ другой. Кажется правдоподобнымъ, что Aqua Algentiana (срв. объ этомъ водопроводѣ Ланчани, 185), была проведена въ подземномъ каналѣ или specus изъ большаго резервуара у Тускула, находившагося очень высоко, и что вода шла изъ резервуара въ резервуаръ (упомянутые) вмѣсто того чтобы идти по аркадѣ поверхъ почвы, какъ сдѣлано было въ прежнихъ водопроводахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что древніе Римляне были хорошо знакомы съ принципомъ сифона, и что они отлично знали, что вода поднимается до своего первоначальнаго уровня послѣ значительнаго промежутка: они могли поэтому найти цѣлесобразнымъ примѣнить эту систему въ этомъ водопроводѣ. Трудно объяснить, какъ иначе могла быть проведена вода въ эти многочисленные высокіе резервуары“.

трубахъ) по дну Аніена, какъ Алфей по дну Іонійскаго моря въ Сиракузы къ Аретузѣ, не смѣшиваясь съ водою моря *).

Затѣмъ мы должны обратиться къ Фронтину, такъ какъ онъ трактуетъ спеціяльно о водопроводахъ столицы и притомъ съ точки зрѣнія техника и администратора. Въ гл. 18 своего трактата о водопроводахъ Рима онъ между прочимъ сообщаетъ, что в. нѣкоторыхъ мѣстахъ въ старыхъ водопроводахъ, гдѣ старые каналы отъ времени разрушились, вмѣсто длиннаго пути для обхода долинъ и под. избирается болѣе краткій: „omisso circuitu subterraneo vallium, brevitatis causa, substructionibus arcuationibus traiiciuntur", но не говоритъ о сифонномъ веденіи; ниже о Старомъ Аніенѣ: „suffecturus etiam altioribus locis urbis, si, ubi vallium submissarumque regionum condicio exigit, substructionibus, arcuationibus vel erismis erigeretur". Особенно же важны для насъ въ данномъ случаѣ главы 120—125, гдѣ Фронтинъ говоритъ о поврежденіяхъ въ водопроводахъ и исправленіи ихъ. Вѣдь сифонныя трубы должны были бы въ данномъ случаѣ привлечь особенно его вниманіе (см. ниже слова Секки объ Алетрійскомъ водопроводѣ) по порчѣ сифоновъ отъ напора воды; но Фронтинъ ничего о нихъ не говоритъ и вообще о tubi и fistulae, а только o rivi и specus, тогда какъ Витрувій, естественно, указываетъ на опасность разрыва сафона **).

---

*) Виргилій, Энеида III, 694: „Alpheum fama est huc (къ Ортигіи) Elidis amnem Occultas egisse vias subter mare, qui nunc ore, Arethusa, tuo Siculis confunditur undis".

**) „Nascuntur opera ex his causis: aut quid vetustate corrumpitur, aut impotentia possessorum, aut vi tempestatum, aut culpa male facti operis, quod saepius accidit in recentibus. Fere aut vetustate aut vi tempestatum partes ductuum laborant, quae arcuationibus sustinentur aut montium lateribus adplicatae sunt, et ex arcuationibus hae, quae per flumen traiciuntur.... Minus iniuriis subiacent subterranea nec gelicidiis nec caloribus exposita. Vitia autem eiusmodi sunt ut aut non interpellato aquae cursu subveniatur eis, aut emendari nisi averso non possint, sicut ea, quae in ipso alveo fieri necesse est. Haec duplici ex causa nascuntur: aut enim limo concrescente, qui interdum in crustam indurescit, iter aquae coartatur, aut tectoria corrumpuntur, unde fiunt manationes, quibus necesse est latera rivorum et substructiones vitiari, pilae quoque ipsae tofo exstructae sub tam magno onere labuntur".

Разъ только (124 гл.) онъ упоминаетъ plumbati canales для временной замѣны каменнаго канала, если желательно не прерывать токъ воды (онъ говоритъ о частяхъ водопроводовъ близъ города, аркадахъ, изъ коихъ нѣко-

Секки (21 стр.) прямо утверждаетъ, что большихъ сифонныхъ трубъ гончарныхъ не было въ Римѣ („modelli di grandi condotture forzate in terracotta non esistevano in Roma“).

Наконецъ важенъ для занимающаго насъ вопроса тотъ несомнѣнный фактъ, что даже и въ городѣ, гдѣ сифоны были бы подъ рукою и скорѣе могли быть исправлены, употребляли также для большихъ водопроводныхъ линій самотечные каналы. (См. ниже Водопроводы въ городѣ).

Отчего же сифонное веденіе въ водопроводахъ Рима, именно въ частяхъ внѣ города не употреблялось или встрѣчалось рѣдко? **) Впрочемъ при этомъ имѣемъ въ виду водопроводы имперіи и послѣднихъ вѣковъ республики: въ древнѣйшій періодъ водоснабженія Римляне, вѣроятно, и не были въ состояніи устраивать сифонные водопроводы. Срв. Іорданъ, Topogr. R. I., 1, стр. 456.

Весь вопросъ сводится къ вопросу о выгодахъ и средствахъ, какъ техническихъ такъ матерьяльныхъ, строителей. Такіе водопроводы, какіе устроили у себя Римляне, были несомнѣнно въ то время самые лучшіе, наилучше удовлетворявшіе цѣли, принося городу издалека громадную массу хорошей воды на такой высотѣ, что она могла быть разведена и по высшимъ частямъ города силою своего напора; водопроводы эти были сравнительно очень прочны и долговѣчны и пр. Матерьяльныхъ средствъ для устройства у себя наилучшаго, хоть дорогаго водоснабженія у Римлянъ было достаточно. Теряетъ тотъ, кто, не имѣя капитала, долженъ по необходимости сокращать расходы на первоначальную постройку, но Римляне, когда строили свои большіе водопроводы, могли не стѣсняться большими расходами, располагая очень большими средствами. Они хотѣли и могли имѣть у себя самое лучшее водоснабженіе, надежное, вѣковѣчное, удовлетворявшее цѣли въ громадномъ масштабѣ, κτήματα εἰς ἀεί, хотя бы это и сопряжено было съ громадными затратами.

Съ другой стороны техническихъ средствъ для устройства большихъ и вполнѣ надежныхъ сифоновъ у Римлянъ было сравнительно мало. Англійскій ученый Ф. Смитъ говоритъ: „Все дѣло сводится тутъ

торыя служили для двухъ и болѣе каналовъ: „Remedia sunt et his difficultatibus: inchoatum excitatur ad libram deficientis alvei, is vero plumbatis canalibus per spatium interrupti ductus rursus continuatur“.

**) Мы говоримъ объ этомъ обстоятельно въ нашей первой статьѣ и къ ней и отсылаемъ читателя. Прибавляемъ здѣсь только еще вѣскія слова такого ученаго какъ Секки.

къ вопросу о сравнительной выгодности того и другого способа: съ одной стороны издержки на акведуктъ (*самотечный каналъ*), съ другой громадныя трубы, которыя потребовались бы для проведенія равнаго количества воды, подверженность ихъ засореніямъ и порчѣ въ мѣстахъ соединеній, уменьшеніе отъ тренія, особенно при поворотахъ, и неравномѣрнаго давленія воды. И дѣйствительно, новѣйшимъ дѣломъ инженерной науки въ этой области было возвращеніе къ римскому акведукту, которому отдано предпочтеніе передъ всякимъ другимъ способомъ проведенія воды въ большомъ количествѣ на значительное разстояніе при большихъ неровностяхъ почвы“. Онъ указываетъ на водопроводъ Лондона New River и Кротонскій водопроводъ Нью-Іорка *).

Римляне устраивали сифонное веденіе воды въ значительномъ количествѣ, которое возбуждаетъ въ насъ чувство изумленія; но ихъ техническія средства были не велики, и неудивительно, что обыкновенно прежде полагали, что они не въ состояніи были устраивать сифоны значительныхъ размѣровъ. Секки (стр. 5) говоритъ о городахъ др. Лаціума, часто расположенныхъ на изолированныхъ возвышенностяхъ:

„Въ періодъ господства Римлянъ почти всѣ эти города, богатые и могущественные, по примѣру столицы у себя устраивали водоснабженіе съ большими издержками, или посредствомъ длинныхъ водопроводовъ, или громадныхъ писцинъ (цистернъ). Водопроводъ Ферентина (Ferentinum) и теперь видѣнъ. Но однимъ изъ большихъ препятствій, представлявшихся при этомъ для меньшихъ городовъ, расположенныхъ на горахъ, была трудность поднять воду на ихъ вершины: это можно было сдѣлать только или посредствомъ сифоннаго водопровода или посредствомъ сильныхъ машинъ; но практическая сторона этихъ работъ, даже если оставить въ сторонѣ расходы, представляла крайнія трудности. Трубы дѣлались или изъ свинца или изъ терракотты, а съ этими двумя матерьялами очень трудно преодолѣвать извѣстное давленіе. Машины затѣмъ были вплоть до времени, не очень далекаго отъ насъ, слишкомъ несовершенны для того, чтобы могли преодолѣвать 200 или 300 метровъ, которые требовалось

*) Паркеръ (стр. 36) говоритъ о новомъ водопроводѣ Marcia: „Ея (компаніи, строившей) сооруженія почти могутъ равняться съ таковыми-же временами имперіи *и устроены по той-же самой системѣ*. Только отъ Тиволи до Рима вода проведена въ металлическихъ трубахъ, а не въ каменномъ specus, какъ до Тиволи. Это дало возможность компаніи провести воду по болѣе прямой линіи“.

преодолѣть. Только въ послѣдніе годы рѣшились устроить въ Ананьи машину, которая поднимала воду однимъ импульсомъ на высоту 230 метровъ. Этимъ опытомъ рѣшенъ вопросъ о сопротивленіи трубъ". Такой-же водопроводъ Секки совѣтовалъ устроить у себя и жителямъ Алатри. „Это затрудненіе, можно сказать, уже исчезло послѣ устройства водопровода Ананьи съ сифономъ, который выдерживалъ почти вдвое большее давленіе... Водопроводъ (Алатри) уже удачно выполняетъ свое назначеніе нѣсколько лѣтъ. Но кто бы могъ думать, что предпріятіе, которое представлялось сомнительнымъ 20 лѣтъ тому назадъ, уже было выполнено 20 вѣковъ тому назадъ древними? И однако это такъ". Занимаясь этимъ проектомъ (водопровода для Алатри), Секки былъ далекъ отъ мысли, что линія, указанная имъ, была та, которой, какъ оказалось, слѣдовали древніе *) („Я слѣдовалъ общепринятому мнѣнію, что древніе недостаточно знали искусство устраивать сифоны значительныхъ размѣровъ"). Но ниже (18 стр.) тотъ-же авторъ говорилъ о сифонѣ древняго алетрійскаго водопровода: „Кажется однако, что смѣлость работы и рискъ, съ которымъ она была сопряжена, сознавалъ этотъ отважный архитекторъ: такъ какъ для предупрежденія неудобствъ въ случаѣ, еслибы городъ вслѣдствіе случайнаго поврежденія водопровода остался безъ воды на долгое время, онъ построилъ передъ городскими воротами обширный резервуаръ („lacus ad portam" надписи) въ высокомъ мѣстѣ, мною открытый и раскопанный. Онъ имѣетъ $46^1/_2$ метровъ въ длину и 15 въ ширину (larghezza interna)". Общій выводъ автора тотъ, что онъ могъ вмѣстить тысячу куб. метровъ воды по крайней мѣрѣ, количество, достаточное вполнѣ на десять дней для населенія въ 14,000 душъ. Срв. Іорданъ, Top. R. II, 56.

Римляне устраивали обыкновенно для своихъ водопроводовъ подземныя русла, каналы, туннели или каменныя русла поверхъ почвы на субструкціяхъ или аркахъ. Для солиднаго выполненія этихъ работъ у нихъ было уже болѣе техническихъ средствъ: они умѣли необыкновенно прочно строить изъ кирпича и камня, между прочимъ имѣли также превосходный цементъ. Но все таки и для устройства своихъ обыкновенныхъ водопроводныхъ каналовъ они далеко не располагали всѣми тѣми техническими средствами, какими располагаютъ современные строители.

---

*) Опредѣляя путь для новаго водопровода, Секки нашелъ, что это именно будетъ путь древняго водопровода, и это привело его къ мысли о существованіи древняго сифоннаго водопровода Алетрія.

Тѣмъ болѣе хвала Римлянамъ, что при ограниченныхъ техническихъ средствахъ они сдѣлали водопроводные каналы, которые и современные ученые признаютъ чудесами гидравлическаго искусства (Секки: „prodigi dell' arte idraulica romana“).

Мы переходимъ теперь къ общему описанію подземныхъ и подпочвенныхъ каналовъ водопроводовъ Рима.

Начало водопровода должно было быть достаточно высоко для того, чтобы каналъ послѣ необходимыхъ пониженій на пути вступалъ въ городъ на требуемой высотѣ и вода могла бы быть разведена по городу *). Выше указана высота начала нѣкоторыхъ водопроводовъ. Аппіевъ и Virgo начинались сравнительно низко, in agro urbano (Virgo 24 метра надъ уровнемъ моря). Поверхность Альзіетскаго озера, нынѣшняго lago di Martignano, выше уровня моря на 210 метровъ. Водопроводы за Тибуромъ начинались приблизительно на высотѣ 300 метровъ (Старый Аніенъ на высотѣ 280 метровъ **). Высота начала Марціева водопровода и aqua Claudia одна и та-же (Фронтинъ гл. 18: „Marcia Claudiae libram aequat“); Александровскаго составляла около 65 метровъ. Впрочемъ тутъ-же уже замѣтимъ, что высота водопровода въ городѣ не всегда вполнѣ соотвѣтствовала высотѣ его начала.

Говоря о началахъ водопроводовъ Рима, мы должны еще остановиться нѣсколько на одномъ интересномъ вопросѣ, прежде чѣмъ говорить о технической сторонѣ дѣла.

Замѣчательно и можетъ показаться даже страннымъ, что Римляне такъ долго не проводили въ городъ воды изъ области Албанскихъ и Тускульскихъ горъ, хотя эти мѣста близки къ Риму и были обильны (какъ и теперь тоже) родниковою водою, и рано должны были быть хорошо извѣстны Римлянамъ. Страбонъ (V, 239) называетъ территорію Тускула (около нынѣшняго г. Фраскати) „λόφοι εὔυδροι“ (обильные водою); тоже можно сказать и объ Албанскихъ горахъ. „Свѣжій и здоровый воздухъ и обиліе воды составляютъ и теперь самую привлекательную

---

*) О высотѣ холмовъ Рима и пр. см. Водоснабженіе Рима I, 26.

**) Весьма странное извѣстіе сохранили намъ Страбонъ (V, 240) и Плиній (N. H. XXX, I, 24; срав. выше, стр. 204 приведенное мѣсто Стація) именно, будто aqua Marcia начиналась въ области Пелигновъ или въ обл. Марсовъ изъ Фуцинскаго озера (l. Fucinus), высота котораго надъ уровнемъ моря 660 метровъ. См. Кипертъ, Handb. d. alt. Geogr., 416. Мы, конечно, имѣемъ полное основаніе довѣрять свидѣтельству Фронтина.

сторону этихъ счастливыхъ мѣстъ: водою снабжены въ изобиліи не только города и селенія, но даже и участки отдѣльныхъ частныхъ лицъ".

Мы знаемъ, что мѣстность Тускула и Албанскихъ горъ была очень рано заселена; конечно, мѣстные родники были также эксплуатированы для мѣстныхъ потребностей. Римъ, лежащій ниже названныхъ мѣстъ, могъ провести себѣ воду и изъ другихъ мѣстъ, въ томъ числѣ изъ значительно болѣе низкихъ (aqua Appia и др.); но откуда могли провести себѣ ее Тускулъ (600 метровъ надъ уровнемъ моря) и мѣста на Албанскихъ горахъ? Затѣмъ, Римлянамъ приходилось нарушать установившіяся права собственности; а они вообще относились къ нимъ съ большимъ уваженіемъ даже въ 179 г. до Р. Х. государство затруднялось отчужденіемъ частныхъ участковъ (видно не было тогда на это опредѣленнаго законоположенія) (см. выше приведеныя слова Ливія о П. Крассѣ) *).

Въ послѣднія столѣтія республики въ окресностяхъ Тускула **) и на Албанскихъ горахъ и склонахъ ихъ Римляне настроили много роскошныхъ виллъ („infinite e sontuosissime ville"—Ланч.); и онѣ принадлежали часто богатымъ и родовитымъ фамиліямъ, имѣвшимъ большое вліяніе на государственныя дѣла.

Фронтинъ (гл. 9). сохранилъ извѣстіе объ aqua Crabra, которая шла мимо (выше) начала Юліева водопровода (начиналась на высотѣ 612 метровъ). Онъ говоритъ, что этотъ водопроводъ (Crabra) былъ предоставленъ мѣстнымъ владѣльцамъ („Hanc Agrippa omisit, seu quia improbaverat, sive quia Tusculanis possessoribus relinquendam credebat.... Фронтинъ ее „iussu imperatoris reddidit Tusculanis"—акваріи отводили было эту воду для Юліева водопровода). Имъ снабжались Тускульскія виллы, лежавшія ниже высоты источника (612 метровъ). (Фронтинъ: „ea est, quam omnes villae eius tractus per vicem in dies modulosque certos dispensatam accipiunt"). Остатки этихъ виллъ сохранились; изъ нихъ главнѣйшія по Ланчани слѣдующія: Азинія Полліона, Целія, Вениціана, Гальбы, Окта-

---

*) Фронтинъ (гл. 128) говоритъ: „Maiores nostri admirabili aequitate ne ea quidem eripuerumt privatis, quae ad modum publicum pertinerent, sed cum aquas perducerent, si difficilior possessor in parte vendumda fuerat, agro pecuniam intulerunt et post determinata necessaria loca rursus eum agrum vendiderunt, ut in suis finibus proprium ius respublica privatique haberent."

**) Этотъ городъ имѣлъ родники въ стѣнахъ; сохранились замѣчательныя древнія цистерны на мѣстѣ города.

віевъ, Ленатовъ, Атиліевъ, Серрановъ, Вибіевъ, Цицерона, Юніевъ Силановъ, Цециліевъ и др.). Фабретти полагалъ, что aqua Crabra была таки проведена и въ Римъ „particulari rivo," слѣдовательно, при императорахъ послѣ Нервы; онъ ей приписываетъ каналъ, которымъ и теперь идетъ въ Римъ aqua Marrana mariana, проведенная, какъ доказываетъ Ланчани, въ средніе вѣка.

Извѣстный римскій ученый, изслѣдователь катакомбъ Рима, Джованни-Баттиста Дэ-Росси открылъ въ 1872 году остатки древняго албанскаго водопровода aqua Augusta (въ надписи); но и это былъ водопроводъ не столичный, а муниципальный. Ланчани довольно убѣдительно доказываетъ, между прочимъ, что онъ начинался у возвышенности Rocca di Papa, шелъ мимо mons Albanus (Monte Cavo) къ нынѣшней Palazzuola и наконецъ спускался къ знаменитой виллѣ Албанской (Albanum) Домиціана, *) для которой собственно и назначалась часть воды.

Мѣстà ниже Albanum получали воду, отведенную изъ Албанскаго озера (aqua Albana. Циц., De divin. II, 32; Ливій, V, 19). Другіе города на западномъ склонѣ Албанскихъ горъ тоже, конечно, должны были проводить къ себѣ воду Албанскихъ горъ. Такъ Ариція (Aricia) имѣла свой особый водопроводъ, коего остатки открыты Ланчани (стр. 117). Въ Бовиллы отведена была также вода мѣстныхъ родниковъ; а родники, находившіеся ниже этого города, собраны были для одной виллы, возлѣ которой сохранились остатки древняго водопровода.

Наконецъ мы должны упомянуть здѣсь о водопроводѣ виллы Квинктиліевъ—по нѣсколькимъ причинамъ. Многіе топографы считали его однимъ изъ 14 столичныхъ водопроводовъ Прокопія; затѣмъ нѣкоторые полагали, что онъ начинался на Албанскихъ горахъ (Фабретти: „ab albanis collibus.... aquam propriam detulisse videtur"); и наконецъ, во всякомъ случаѣ значительные остатки его заслуживаютъ вниманія.

---

*) На Албанскихъ горахъ вдоль Аппіевой дороги построено было въ послѣдній вѣкъ республики и при императорахъ много виллъ. Обширное помѣстіе Помпея Великаго перешло въ собственность императоровъ; и особенно знаменитою эта вилла сдѣлалась со времени Домиціана, который между прочимъ устроилъ въ ней укрѣпленный лагерь (arx Albana, въ которомъ стоялъ legio II Parthica), который находился отчасти на мѣстѣ нынѣшняго города Альбано (380 метровъ надъ уровнемъ моря). Сохранились между прочимъ замѣчательные остатки гидравлическихъ сооруженій („spaventose piscine"—Ланчани—и водопроводныя трубы).

Остатки водопровода начинаются на половинѣ дороги между Римомъ и Альбано (у tor di Mezza Via d' Albano) черезъ долину, по которой идетъ новая Аппіева дорога, шла длинная аркада, (длина сохранившейся части составляетъ 720 метровъ, а вся аркада составляла по меньшей мѣрѣ $1^1/_2$ километра), отъ которой одинъ участокъ земли назывался въ средніе вѣка „ad Arciones"; арки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣютъ 13 метровъ высоты (высота канала надъ ур. м. 94 м.). Вилла, къ которой шелъ водопроводъ, судя по найденнымъ въ ней надписямъ, принадлежала Квинктиліямъ (на мѣстѣ ея найдены были остатки многихъ фонтановъ съ скульптурными украшеніями). Такъ какъ ключи Албанскихъ горъ и склоновъ ихъ, какъ мы видѣли, удовлетворяли мѣстнымъ потребностямъ, и аркада этого водопровода идетъ по направленію къ каналамъ большихъ водопроводовъ, къ Латинской дорогѣ, то Ланчани полагаетъ, что водопроводъ былъ частною вѣтвію Юліева, отдѣляясь отъ него въ его верхней, подземной части. Фронтинъ говоритъ, что значительное количество воды Юліева водопровода отводилось уже внѣ города, между прочимъ и „privatis".

Можетъ быть, наконецъ, не всѣ источники склона Тускуланскихъ и Албанскихъ горъ всегда и существовали, или были достаточно обильны.

1. *Caput aquae*. Когда найденъ или выбранъ*) былъ источникъ для водопровода (caput aquae то очищали тщательно мѣсто и огораживали его стѣною, чтобы предохранить его воду отъ потери и смѣшенія съ нечистыми элементами. Если нѣсколько ключей давали воду, и должны были служить источникомъ водопровода, то ихъ сводили въ одинъ бассейнъ, изъ котораго уже вода поступала въ каналъ водопровода. Иногда также на нѣкоторомъ разстояніи отъ начала водопроводъ усиливали водою сосѣдняго источника. О началѣ водопровода Дѣвы Фронтинъ (гл. 10) сообщаетъ: „Concipitur... palustribus locis. signino circumiecto continendarum scaturiginum causa: adiuvatur et compluribus aliis adquisitionibus" Отъ стѣны, построенной Агриппой для родниковъ этого водопровода, сохранились, какъ увѣряютъ, остатки. Когда водопроводъ бралъ воду изъ озера или изъ рѣки, то вода не прямо поступала въ собственно

*) Витрувій указываетъ на всю важность, внимательнаго выбора источника; „nulla ex omnibus rebus, говоритъ онъ—tantas habere videtur ad usum necessitates, quantas aqua... quare magna diligentia industriaque quaerendi sunt et eligendi fontes ad humanae vitae salibritatem".Онъ даетъ также указанія относительно того, въ какихъ мѣстахъ слѣдуетъ искать родниковъ воды и какъ опредѣлять качества воды.

водопроводный каналъ; устраивали отводной каналъ нѣсколько ниже уровня воды въ озерѣ и при немъ приспособленія для спуска излишка воды (въ lago Martignano и теперь можно видѣть начало древняго водопровода вслѣдствіе пониженія въ немъ воды, отводимой посредствомъ эммиссарія). Когда вода поступала изъ рѣки, то требовалось больше предосторожностей при устройствѣ водоотвода въ виду силы и быстроты теченія воды и поднятія уровня. Обыкновенно поперекъ рѣки устраивался шлюзъ (saepta) для поднятія уровня воды, уменьшенія быстроты теченія и очищенія ея (какъ-бы въ отстойномъ водоемѣ). Поднятіе воды не имѣло цѣлью сдѣлать болѣе высокимъ начало водопровода *). Остановившаяся вода въ рѣкѣ уже нѣсколько отстаивалась, очищалась, а затѣмъ поступала еще въ отстойный водоемъ (piscina limaria). Фронтинъ гл. 15 говоритъ о Новомъ Аніенѣ: „excipitur ex flumine, quod cum terras cultas circa se habeat loci pinguis et inde ripas solutiores, etiam sine pluviarum iniuria limosum et turbulentum fluit: ideoque *a faucibus ductus interposita est piscina limaria, ubi inter amnem et specum consisteret et liquaretur aqua*“. Л. Канина полагалъ начало Стараго Аніена ниже S. Cosimato при впаденіи въ Аніенъ fosso di Fiumicino и нашелъ въ этомъ мѣстѣ слѣды одной piscina limaria, или искуственнаго пруда длиною въ 230 и шириною въ 165 метровъ, принадлежавшаго, по его мнѣнію, къ названному водопроводу.

2. *Путь водопровода* (*русло, каналъ*)—*ductus*

Вода шла или въ подъемномъ каналѣ или въ каналѣ наружномъ, и притомъ или на подмуровкѣ (substructio) или по аркадѣ. Мы будемъ говорить сначала о подземныхъ каналахъ *rivus subterraneus*, *cuniculus* (см. стр. 204 прим.) Длина всего подземнаго пути въ водопроводахъ Рима какъ мы уже выше указывали, составляетъ гораздо болѣе, чѣмъ длина аркадъ и под. Подпочвенные каналы въ водопроводахъ представляли свои выгоды: такъ проходившая по нимъ вода сохраняла низкую температуру **); см. также выше стр. 189. Проведеніе ихъ было сопряжено иногда съ весьма

---

*) Поднимали уровень воды въ рѣкахъ напр. въ верхней части Тибра, задерживая теченіе и собирая воду въ запасныхъ водоемахъ, piscinae, для цѣлей судоходства. Плиній, N. H., III, 53.

**) Фронтинъ гл. 120: „Minus iniuriae subiacent subterranea nec gelicidiis nec caloribus exposita“. (Гоппадини, наз. соч. стр. 8).

большими трудностями и не менѣе заслуживаетъ удивленія, чѣмъ сооруженіе громадныхъ аркадъ *).

Плиній указываетъ, говоря о водопроводахъ Рима, особо на montes perfossi—и не безъ основанія (Срв. надпись Каракаллы на стр. 206: „excisis et perforatis montibus").

Если грунтъ, въ которомъ проводился водопроводный каналъ, былъ мягкій или каменный, но неплотный и вообще пропускавшій воду, то каналъ строили изъ камня, если же грунтъ былъ сплошной камень, то оставалось только проложить въ немъ путь для воды.

Витрувій говоритъ: „Si medii montes erunt inter moenia et caput fontis, sic erit faciendum: ut specus fodiantur sub terra; et si tofus erit aut saxum, in suo sibi canalis excidatur; sin autem terrenum aut harenosum, parietes cum camera in specu struantur". Какъ въ подземномъ каналѣ, если было нужно, такъ всегда въ каналѣ на аркадѣ и под. стѣнки и дно тщательно покрывались болѣе или менѣе толстымъ слоемъ особаго, непропускавшаго воду (гидравлическаго) цемента или стукко, т. наз. opus Signinum. **) Этимъ сигниномъ покрывали также стѣны и дно отстойныхъ и др. бассейновъ и резервуаровъ для воды въ городѣ, цистернъ, имплювіевъ, и вообще онъ играетъ существенную роль во всѣхъ водопроводныхъ постройкахъ, составляя въ то-же время для насъ характеристическій признакъ ихъ остатковъ. А. Секки (назв. соч. стр. 32) говоритъ: „Opus signinum названо такъ потому, что въ древнѣйшее время его приготовляли изъ извести города Сигніи, превосходной для этой цѣли. Это зависитъ отъ того, что эта известь гидравлическая (magra idraulica) довольно близко подходитъ къ новому цементу, котовый иностранцы называютъ *римскимъ цементомъ*; но ея находятъ достаточно также въ горахъ Тиволи, Эта известь .., будучи смѣшана съ истолченными черепками, образовала то удивительное стукко, которое находимъ во всѣхъ водоемахъ употребленнымъ одинаково. Въ послѣдній разъ я нашелъ его на стѣнахъ castellum aquae въ концѣ большаго водопровода Нероновой аркады, который идетъ на Палатинъ въ обширное зданіе бань у Стадіи (Палатинской). Здѣсь онъ употребленъ классически, т. е. слой толщиною отъ 5—6 сантиметровъ, и укрѣпленъ въ углахъ четвертью цилиндра съ радіусомъ 10—12 сантим., какъ видимъ и въ водоемѣ Алатри... Хотя

*) Паркеръ The Aqueducts, стр. V.. „the undergound aqueducts are at least equally interresting when understood".

**) Фронтинъ гл. 122 употребляетъ болѣе общее обозначеніе tectorium („tectoria corrumpuntur").

coccio pesto можно приготовить изъ всякой извести, но, понятно, известь гидравлическая для этого лучше, и потому основательно древніе употребляли известь Сигніи *). Теперь употребляютъ т. наз. римскій цементъ, который въ сущности есть гидравлическая известь, которая отлично держитъ въ водѣ, и работы даже орнаментальныя, сдѣланныя на ней въ фонтанахъ, остаются прочными весьма долгое время. Мы видѣли открытый при проложеніи via Nazionale на Квириналѣ древній нимфеумъ съ штуккатурными украшеніями, столь свѣжими и отчетливыми, какъ будто они сдѣланы были вчера, и однако онѣ принадлежатъ эпохѣ республики" *).

Почва Лаціума Албанскихъ и Сабинскихъ горъ такова (именно tofus или saxum), что во многихъ мѣстахъ достаточно было для проведенія воды только проложить каналъ. См. о почвѣ Лаціума Водосн. P. I, 22 сл. и 86. Теперь съ удовольствіемъ здѣсь указываю на первый томъ новаго сочиненія Ниссена „Ita lische Landeskunde". См. также Кипертъ, Lehrbuch d. alt Geographie.); но зато съ другой стороны прорытіе тунелей и подземныхъ галлерей въ слояхъ туфа или известняка представляло свои трудности **).

Вообще устраивать туннели, cuniculi для Римлянъ было гораздо труднѣе, чѣмъ въ настоящее время, такъ какъ они не могли пользоваться для этого силою взрывчатыхъ веществъ.

Вообще же Римляне проводили подземные каналы, cuniculi, туннели такимъ-же способомъ, какъ это дѣлается и теперь. Если cuniculus долженъ былъ быть короткій, то его высѣкали, работая горизонтально, начиная съ двухъ противоположныхъ сторонъ; а если долженъ былъ быть проведенъ значительной длины, и слѣдовательно работа въ узкомъ пространствѣ была бы затруднительна, то работали вертикально, устраивая шахты, какъ для вентиляціи канала, такъ и для извлеченія земли и пр. ***).

---

*) Примѣры водопроводнаго русла, прорѣзаннаго въ каменной массѣ, находимъ въ водопроводахъ: Аппіевомъ, Дѣвы, нѣкорыхъ мѣстахъ Марціева, (Gallicano, ниже Тиволи), Аніенахъ и др.

**) Извѣстно, что прекрасный гидравлическій цементъ получался отъ смѣшенія извести съ вулканическимъ Путеольскимъ пескомъ (pulvis Puteolanus). См. Водосн, P. I., 90. Страбонъ, V, 245; Плиній R. H., XXXV, 166 (3); Пропилеи, книга III, 34. Мнѣ кажется что этотъ знаменитый песокъ доставлялся изъ тѣхъ мѣстъ и въ Римъ. Срв. Г. Ниссенъ, Pompeian. Studien, стр. 46.

***) Гоццадини говоритъ по поводу канала Болонскаго водопровода: „Галлерея для водопроводнаго русла должна была имѣть въ разрѣзѣ около 2,79 × 4,68

Каналъ Аппіева водопровода, какъ мы выше видѣли, шелъ при началѣ водопровода на глубинѣ 50 рим. футовъ, т. е. 7 саженей. Каналъ Клавдіева водопровода въ одномъ мѣстѣ за Тиволи шелъ на глубинѣ $38^1/_2$ метровъ (въ холмѣ), а въ другомъ, въ colle Castello, въ галлереѣ длиною 342 метра, на глубинѣ въ высшей части горы 41 метра. Одна для насъ въ нѣсколькихъ отношеніяхъ интересная надпись говоритъ о прорытіи туннеля тоже за Тиволи для канала названнаго водопровода (a. Claudia). Нѣкто Пакведій Фестъ, императорскій подрядчикъ, долженъ былъ сдѣлать туннель въ горѣ Afflianus; такъ какъ дѣло было трудное и опасное, то онъ далъ обѣтъ, въ случаѣ удачнаго выполненія работы, возобновить капеллу Bonae deae, находившуюся на этой горѣ, и, какъ свидѣтельствуютъ надпись и остатки этого зданія, выполнилъ этотъ обѣтъ **).

Этотъ туннель имѣетъ въ длину 4950 метровъ (Ланчани). Другая интересная надпись (африканская) говоритъ обстоятельнѣе о прорытіи водопроводнаго туннеля (Ланчани стр. 332.): при выполненіи работы въ отсутствіи инженера оказалось, что каждая изъ двухъ групъ рабочихъ взяла вправо: „quasi relinquendus habebatur (cuniculus), ideo quod perforatio operis cuniculi longior erat effecta, quam montis spatium. Apparuit fossura rigorem errasse“; и пришлось исправлять ошибку. Ошибка произошла или вслѣдствіе небрежности лица, непосредственно руководившаго работою, или отъ неудовлетворительности инструментовъ, употреблявшихся для повѣрки направленія, такъ какъ инженеръ до начала работъ нивеллировалъ мѣсто (libram facere), затѣмъ опредѣлилъ линію водопровода (ductum adsignare) и обозначилъ ее точно вѣхами („Rigor depalatus erat supra montem ab oriente in occidentem“).

О размѣрахъ и формахъ подземныхъ водопроводныхъ каналовъ можно высказать вообще то-же самое, что будетъ ниже сказано о размѣрѣ и формѣ водопроводнаго русла на субструкціяхъ (аркахъ). Чтобы вода въ

метра. Но невозможно было бы сдѣлать туннель не только на разстояніи 17 километровъ, но и гораздо меньшій, не вводя въ него воздухъ посредствомъ промежуточныхъ отверзтій. Механика, которая и въ древности достигла высокаго совершенства (altissimo segno), не могла еще дѣлать тѣхъ чудесъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ прорытіе Монсениса“.

**) „Bonae. deae. sanctissimae. coelesti. L. Paquedius. Festus. redemptor. operum. Caesar. et. publicorum. aedem. diritam. refecit. quod. adiutorio. eius. rivom. aquae. Claudiae. August. sub. monte. Affliano. consummavit. imp. Domit. Caes. Aug. Germ. XIIII. cos.“ Ланчани стр. 135.

подземномъ каналѣ сохраняла свѣжесть, она должна была приходить въ соприкосновеніе съ воздухомъ, и вотъ для вентиляціи канала, а также для того, чтобы рабочіе могли проникать въ него, каналъ имѣлъ отверзтія, входные колодцы, putei, spiramina, иногда служившіе при постройкѣ водопровода для тѣхъ-же цѣлей. Они должны были устраиваться по Витр. на разстояніи 30 саж. одинъ отъ другаго duoactus, но это предписаніе Витрувія по крайней мѣрѣ не вездѣ выполнялось: въ нѣкоторыхъ водопроводахъ Рима они находятся только на разстояніи 50 саженей и даже гораздо болѣе. Они или только высѣкались, въ каменистой почвѣ, или стѣнки, если представлялась надобность, дѣлались изъ кирпича и под.; во всѣхъ находятся въ стѣнкахъ ступени для удобства спускавшихся туда для очистки или починки канала (рѣдко дозволялось брать изъ нихъ воду); для этой же цѣли ихъ дѣлали довольно просторными (около метра въ поперечникѣ). Верхняя часть колодца представляетъ видъ усѣченной пирамиды съ отверзтіемъ; иногда клали сверху каменную плиту съ отверзтіемъ въ срединѣ (ср. Водосн. Р., стр. 137).

Иногда устраивались боковыя лѣстницы для спуска къ каналу. Замѣчательный примѣръ такой лѣстницы сохранился до нашего времени въ Римѣ въ Пинційскомъ холмѣ: здѣсь (villa Medici) можно спуститься къ самому древнему каналу водопровода Virgo по высѣченной въ туфѣ холма лѣстницѣ („lavoro sorprendente e degno di studio“—Ланчани, стр. 124). Такія боковыя лѣстницы болѣе не встрѣчаются въ водопроводахъ Рима *), но за то ихъ много есть въ одномъ муниципальномъ водопроводѣ, именно водопроводѣ древней Бононіи (Bononia) и одна изъ нихъ особенно замѣчательна, такъ что не лишнимъ считаемъ привести здѣсь ея описаніе: „Она представляетъ шахту въ 1,84 метра высоты и 0,82 ширины, со сводомъ, высѣчена въ камнѣ, съ большимъ наклономъ; въ ней лѣстница также высѣчена въ камнѣ исключая первыя 30 ступеней. Ступеней, которыя прерываются шестью малыми площадками, всѣхъ 327. Высота ихъ весьма различна, доходя до 27 сантиметровъ, среднимъ числомъ 20 с. Высота всѣхъ ихъ вмѣстѣ или высота лѣстницы по отвѣсу

*) Паркеръ впрочемъ указываетъ одну къ каналу aqua Alsietina (The Aqueducts, 52): „замѣчательный спускъ для акваріевъ въ туннель по глубокой лѣстницѣ (a very steep descent), идущій наклонно въ сторону, пересѣкающій specus Aqua Paola и продолжающійся дальше въ глубину до Aqua Alsietina. Спускъ имѣетъ въ длину 150 футовъ, считая отъ поверхности холма, и 70 ф. глубины по отвѣсу, съ 90 ступенями, изъ которыхъ только нѣсколько вверху видны, остальныя покрыты землею. Вода течетъ и теперь въ верхнемъ specus, но не въ нижнемъ).

составляетъ 65 метровъ. Діагональ этой послѣдней составляетъ $98^{1}/_{2}$ метровъ. Столь длинную лѣстницу проходишь, конечно, не безъ нѣкотораго утомленія, но за это вознаграждеатъ удовольствіе видѣть столь удивительную работу („un' opera cotanto meravigliosa"). Даже нѣчто фантастическое имѣетъ въ себѣ пребываніе въ этихъ глубокихъ нѣдрахъ горы и этомъ муракѣ, прерываемомъ слабымъ свѣтомъ факеловъ. Когда я вышелъ изъ нихъ, служитель (il fontaniere), провожавшій меня, сдѣлалъ мнѣ удовольствіе, затворивъ быстро дверь лѣстницы: спертый воздухъ тамъ съ грохотомъ устремился внизъ какъ-бы импровизированный потокъ, и гулъ его терялся въ глубинѣ (Гоццадини, L'acquedotto e le terme di Bologna, стр. 16).

Въ томъ-же Болонскомъ водопроводѣ есть боковыя голлереи, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, такой-же величины, какъ и главный каналъ, идущія перпендикулярно къ нему и выходящія въ открытое поле. Онѣ служили, предполагаетъ Гоццадини, сначала при прорытіи главнаго туннеля, а потомъ для отвода воды изъ него. Примѣръ—единственный—подобнаго водоотвода находимъ въ Клавдіевомъ водопроводѣ Рима выше Тиволи. Здѣсь сдѣланъ только одинъ боковой каналъ въ томъ-же направленіи, какъ и главный („unico esempio di una biforcazione dell'alveo"—Ланч.). Ланчани полагаетъ, что онъ служилъ для отвода воды изъ длиннаго туннеля (lunghissima galleria) Пакведія при очисткѣ или починкахъ послѣдняго.

Substructiones, forma, canalis structilis, fornices, opus arcuatum.

Иногда водопроводный каналъ только отчасти шелъ въ землѣ, болѣе или менѣе выдаваясь наружу, иногда шелъ совсѣмъ надъ землею (opus supra terram) и при этомъ или по болѣе или менѣе высокой сплошной подмуровкѣ, стѣнѣ (murus, substructio), или наконецъ на аркадѣ (arcuatio, opus rcuatum, fornices), будучи вполнѣ canalis structilis.

Водопроводныя аркады *) должны были отличаться большою прочностью, въ особенности когда они переходили черезъ рѣку и под. (мосты). Фронтинъ (гл. 121) говоритъ: „Обыкновенно или отъ времени или отъ

*) Надземный каналъ въ императорскую эпоху называется также forma; но это-же слово употреблялось и для обозначенія вообще водопровода. См. надпись Каракаллы выше на стр. 206; comites formarum у Ланч. 177. Кассіодоръ, Comitiva formarum urbis; одно мѣсто называется valle delle Forme Rotte. Одна церковь на Целіѣ у водопроводной аркады называется S. Tomaso in formis. См. также Annali d. Jnst it di corresp. arch., 1882, стр. 137.

атмосферическихъ вліяній (vi tempestatum) портятся тѣ части водопроводнаго пути, которыя идутъ на аркадахъ или проложены по склонамъ горъ, и изъ аркадъ тѣ, которыя переходятъ рѣку." Въ нѣкоторыхъ водопроводахъ и масса движущейся воды была очень значительна: „Самые столбы—говоритъ тотъ-же авторъ, сдѣланные изъ туфа, падаютъ подъ столь сильнымъ давленіемъ".

Аркады водопроводовъ времени республики построены изъ плитняка, opus quadratum, также и аркады обоихъ Клавдіевыхъ водопроводовъ (Фронт., гл. 7: „lapide quadrato ampliores ductus excitavit"). Употреблялись именно разные виды туфа: lapis Gabinus, Albanus (пеперинъ); для аркадъ въ городѣ и близъ самаго города—травертинъ; такъ изъ травертина были построены арки водопровода Virgo на Марсовомъ полѣ (остатки ихъ сохранились), porta Maggiore и нѣкоторыя другія. Арки Нероновы сдѣланы изъ кирпича; изъ этого-же матерьяла исключительно построенъ былъ водопроводъ Александра Севера; арки Траянова водопровода отчасти изъ кирпича, отчасти изъ ретикулата. Кирпичъ употребленъ при многихъ починкахъ водопроводовъ, произведенныхъ при императорахъ.

Мы выше уже привели нѣкоторые замѣчательные примѣры opus arcuatum въ верхней части Тибурской группы водопроводовъ. При большой длинѣ водопроводовъ Рима и частыхъ неровностяхъ почвы на ихъ пути, аркадъ въ нихъ естественно было очень много (см. мѣсто Плинія на стр. 208: arcus exstructos) и онѣ придавали много красоты ландшафту (хотя не для красоты ихъ строили) какъ за Тибуромъ, такъ и въ Кампаньи;—было чему дѣйствительно удивляться.

Въ Марціевомъ водопроводѣ (въ немъ впервые арки являются въ водопроводныхъ постройкахъ въ значительномъ количествѣ) длина всѣхъ арокъ составляла ок. 7 римскихъ миль *), а по Плинію даже 9, въ aqua Claudia 10 рим. миль, An. Novus 9, 400 passuum. И сохранилось доселѣ водопроводныхъ арокъ не мало. Отъ водопровода Севера (aqua Alexandrina) стоитъ ихъ на пространствѣ отъ Costiglione (др. Габіи) до Cento Cello (близъ Рима) весьма много; по Фабретти (въ его время отъ этого водопровода было болѣе остатковъ, чѣмъ теперь) субструкціи составляли 4250 passus, а арки 2325 (наибольшая высота арокъ 20, 65 метра, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ двухъярусныя). Какъ выше сказано, сохранилось

---

*) Римская миля, mille passuum, равна $1/5$ географической мили.

также значительное количество арокъ водопровода Квинтиліевъ. Но особенно замѣчательны аркады большихъ водопроводовъ на восточной сторонѣ Рима. Длинные ряды арокъ нѣсколькихъ водопроводовъ шли отъ седьмаго милеваго камня Латинской дороги (отъ Писцинъ) до города. Фронтинъ (гл. 124) говоритъ объ этой важной мѣстности: „Illud nulli dubium esse crediderim proximos ductus i. e. qui a VII miliario *lapide quadrato consistunt*, maxime custodiendos, quoniam et amplissimi operis sunt et plures aquas sustinent singuli: quas si necesse fuerit interrumpere, maiorem partem aquarum urbis destituent". Здѣсь линіи водопроводовъ сходятся и скрещиваются, образуя узлы *). Паркеръ сравниваетъ эту часть окрестностей Рима съ однимъ мѣстомъ близъ Лондома (Chapham Jonction), гдѣ водопроводныя и желѣзно-дорожныя линіи сходятся и скрещиваются, причемъ и онѣ идутъ отчасти въ туннеляхъ, а отчасти на субструкціяхъ и аркахъ **). При этомъ сравненіи Паркеръ имѣетъ въ виду именно замѣчательный узелъ водопроводовъ близъ Рима у Tor Fiscale. Первоначально здѣсь каналъ Марціева водопровода дѣлалъ обычный уголъ (см. ниже); болѣе высокая аркада двойнаго Клавдіева водопровода черезъ него, а на половину подъ почвою шелъ каналъ Стараго Аніена почти по той-же линіи; и новый водопроводъ, называемый Felice (Сикстовъ) идетъ тутъ-же и отчасти по древней Марціевой аркадѣ. Средневѣковые архитекторы воспользовались этимъ узломъ водопроводовъ, построивъ надъ нимъ башню (по итальянски torre, tor). (Паркеръ, The Aqueducts, даетъ рисунокъ разрѣза этой башни и планъ основанія. Plate IX: The Seven Adueducts at the Tor Fiscale). Аркада Нерона въ Римѣ (arcus Coelimontani) имѣетъ длины 2410 метр. Кирпичъ, (opus latericium) въ ней и работа такъ совершенны, какъ ни въ какомъ другомъ римскомъ памятникѣ.

Водопроводный каналъ на подмуровкѣ или на аркадѣ дѣлался изъ камня и въ срединѣ покрывался, какъ уже сказано, слоемъ штуккатурки (tectorium). Толстыя каменныя или кирпичныя стѣнки необходимы

---

*) Здѣсь шесть тысячъ Готовъ во время осады Рима въ 537 году укрѣпились легко между аркадами водопроводовъ и стояли въ этомъ укрѣпленномъ лагерѣ.

**) Путешественникъ, подъѣзжая теперь къ Риму по желѣзной дорогѣ, прежде всего видитъ эти величественныя древнія аркады водопроводовъ, мимо которыхъ несется поѣздъ. Желѣзнодорожный путь пересѣкаетъ городскую стѣну Авреліана и вмѣстѣ водопроводную аркаду и оканчивается у термъ Діоклетіана и остатковъ стѣны Сервія Туллія...

были для удержанія напора тока воды и защищали также воду отъ лучей солнца; поэтому и сверху каналъ былъ всегда закрытъ и верхъ былъ тоже значительной толщины (а также и для предохраненія воды отъ дождя, пыли, загрязненія птицами и под.). (Витрувій. совѣтуетъ крыть водопроводные каналы, чтобы лучи солнца не падали на воду, такъ какъ де при испареніи лучшіе элементы улетучиваются, а остаются только худшіе). Обыкновенно въ верхней части канала, а если сверху находился другой каналъ, то по сторонамъ дѣлались небольшія отверзтія, отдушины (lumina, spiramina); они необходимы были какъ для освѣженія канала, такъ и для того, чтобы воздухъ имѣлъ свободный выходъ; вода никогда обыкновенно не занимала всего просвѣта русла; но уровень ея иногда могъ сильно повышаться и спертый воздухъ могъ бы повредить каналъ.

Размѣры каналовъ далеко не одинаковы (см. Водосн. Р., I., стр. 108); за каналъ средней величины можно считать каналъ Марціевъ; его просвѣтъ составляетъ $5 \times 2\frac{1}{2}$ римск. квадр. футовъ, а толщина стѣнокъ одинъ футъ. Размѣры канала—самаго большаго—Новаго Аніена и Клавдіи приведены нами выше. Каналъ Траянова водопровода, занимавшаго и по количеству его воды несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ, весьма значительнаго размѣра: просвѣтъ его составляетъ около 2, 32 $\times$ 1, 30 кв. метра. Вообще же всѣ каналы можно было болѣе или менѣе удобно очищать. Форма каналовъ въ разныхъ водопроводахъ различна, но дно канала представляетъ вообще ровную горизонтальную плоскость, съ перпендикулярными къ нему стѣнками, а верхнюю часть составляла или одна ровная каменная плита, или иногда двѣ плиты, поставленны подъ угломъ (въ Marcia, Iulia), или сводъ (напр. въ новомъ Аніенѣ); но та или другая форма канала не выдерживается послѣдовательно на всемъ протяженіи водопровода (Ланчани); впрочемъ сохранившіяся теперь части водопроводовъ не всегда принадлежатъ одному времени. Во всякомъ случаѣ Паркеръ, сопоставившій въ одной таблицѣ формы каналовъ всѣхъ водопроводовъ Рима (Plate XXI), находитъ возможнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: „Видимъ, что нѣтъ двухъ между ними одинаковой формы; это безъ сомнѣнія дѣлалось для того, чтобы могли мастеровые вездѣ скоро опредѣлить, какому водопроводу принадлежалъ каналъ въ мѣстахъ, гдѣ они скрещивались“. И теперь отчасти форма канала помогаетъ рѣшить, какому водопроводу онъ принадлежитъ. Но еще важнѣе въ этомъ отношеніи другой критерій, именно величина и характеръ минеральныхъ

осадковъ въ каналахъ многихъ водопроводовъ (Аппіева, обоихъ Аніеновъ, Марціева, Александровскаго. См, Водосн. Р. I., стр.).

Libra, libramentum, fastigium, vis currendi, circuitus.

Какъ при устройствѣ аркаднаго и под., такъ и подземнаго водопроводнаго канала весьма важно было дать ему въ каждомъ мѣстѣ и въ общемъ надлежащій наклонъ, такъ, чтобы и не понизить его безъ надобности болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и сдѣлать постепеннымъ, по возможности равномѣрнымъ, пониженіе тока воды, умѣривъ быстроту движенія, чтобы вода не дѣйствовала разрушительно на каналъ. Это была весьма важная задача при устройствѣ водопроводнаго канала и трудная, особенно въ водопроводахъ Рима, несшихъ сильные токи воды и при большихъ неровностяхъ почвы на ихъ пути.

Каналы водопроводовъ Рима имѣли неодинаковое пониженіе: „Omnes aquae,—говоритъ Фронтинъ—*diversa* in urbem *libra* perveniunt“. Искусство нивеллированія (ars librandi) было у Римлянъ, конечно, менѣе совершенно, чѣмъ теперь. Фронтинъ полагаетъ, что въ древнѣйшихъ водопроводахъ каналу дано было бо́льшее пониженіе—veteres humiliori directura perduxerun aquas—чѣмъ было необходимо и выгодно, вслѣдствіе неточности при нивеллировкѣ мѣстности и оттого Старый Аніенъ и Марція были низки несоотвѣтственно высотѣ ихъ начала

Если каналъ болѣе наклонный, то давленіе, сила тока воды была соотвѣтственно сильнѣе. Фронтинъ гл. 18 говоритъ о сравнительной высотѣ водопроводовъ въ городѣ: „Quinque sunt, quorum altitudo in omnem partem urbis attollitur; sed ex his *aliae maiori, aliae leviori pressura* coguntur. Altissimus est Anio Novus, *) proxima Claudia, tertium locum tenet Julia, quartum Tepula, dehinc Marcia, quae capite etiam Claudiae libram aequat.... Sextum tenet librae locum Anio Vetus.... Sequitur huius libram Virgo, deinde Appia. Omnibus humilior Alsietina est“.

Витрувій предписываетъ, чтобы пониженіе канала составляло непремѣнно $^1/_2$ фута на каждые 100 футовъ; въ водопроводахъ Рима ниже не подтверждается это правило, кромѣ того даже въ одномъ и томъ-же водопроводѣ въ разныхъ мѣстахъ не вполнѣ одинаковый наклонъ. Крайніе

---

*) Въ послѣдствіи самымъ высокимъ была Aqua Traiana, хотя начало ея ниже чѣмъ Новаго Аніена.

предѣлы пониженія, между которыми колебались древніе инженеры, суть 1 на 100 и 1 на 3000. Очевидно древніе руководились при этомъ, какъ при многомъ другомъ, болѣе эмпиріей, чѣмъ строгою теоріею, но во всякомъ случаѣ они оказались замѣчательными практиками.

Вотъ блистательное подтвержденіе этого новыми изслѣдователями (спеціалистами инженерами). При постройкѣ новаго Марціева водопровода, слѣдующаго въ верхней своей части вообще линіи одноименнаго древне-римскаго, оказалось, что постепенное пониженіе, данное новому каналу, построенному по всѣмъ правиламъ новѣйшей техники, было тоже, что и въ древнемъ водопроводѣ. У Ланчани (стр. 154) читаемъ слѣдующее: „Древній каналъ Марціева водопровода былъ открытъ и пересѣченъ новымъ каналомъ въ различныхъ мѣстахъ въ 1865—70 г. „Съ удивленіемъ замѣчено было—пишетъ Блюместиль—что этотъ древній водопроводъ имѣетъ тоже пониженіе и тоже паденіе (111, 68 метра на 27 километровъ), которое слѣдовало дать какъ разъ новому водопроводу.... Найдено было, что въ общемъ libramentum соотвѣтствовало наклону новаго канала (condottura), что подтвердилось также и при изслѣдованіи наклоновъ каналовъ (specus) въ другихъ водопроводахъ... наклона, не превышающаго 0, 50 метра на километръ. Такимъ образомъ оказывается несомнѣннымъ, что практика древнихъ была гораздо совершеннѣе и болѣе согласна съ требованіемъ новѣйшей гидравлической науки, чѣмъ тѣ теоріи, которыя древніе авторы намъ передали“*). Древній каналъ Virgo и теперь имѣетъ прежнее пониженіе.

Уменьшеніе быстроты теченія воды въ каналахъ достигалось не только посредствомъ равномѣрнаго и постепеннаго пониженія ихъ, но также и другихъ приспособленій въ устройствѣ водопроводнаго пути. Такъ

---

*) Это очень поучительный фактъ! Эти изслѣдованія въ сферѣ нами разсматриваемыхъ вопросовъ между прочимъ (равно изслѣдованія Секки и др., касающіяся древней гидравлики) очень краснорѣчиво показываютъ, какъ осторожно надо дѣлать заключенія о разныхъ сторонахъ древней культуры только на основаніи свидѣтельствъ писателей и какія важныя, точныя и несомнѣнныя данныя даютъ изслѣдованія матеріальныхъ остатковъ классической древности. Въ самомъ дѣлѣ, что бы мы знали о римскихъ водопроводахъ еслибы нашимъ единственнымъ источникомъ былъ напр. Витрувій! какъ неполны свѣдѣнія объ устройствѣ этихъ водопроводовъ у Фронтина! что бы мы знали о замѣчательныхъ сифонныхъ водопроводахъ Римлянъ, составляя понятіе о нихъ на основаніи Витрувія, Фронтина и пр.?

иногда водопроводъ какъ бы останавливался, его прерывали и дѣлали другой каналъ болѣе низкій съ тѣмъ-же наклономъ, какъ первый, и соединяли оба канала посредствомъ gradus или бассейна, какъ въ Новомъ Аніенѣ (гдѣ именно? не указывать авторъ статьи о водопроводахъ въ Dictionnaire Даремб. и Сальо, изъ котораго заимствуемъ это мѣсто). Ланчани (стр. 48) предполагаетъ, что такія внезапныя пониженія высоты водопровода встрѣчались на пути Стараго Аніена (въ части его отъ Галликано до Рима) въ писцинахъ („credo che il livello dell' aquedotto subisse dei *salti improvvisti alle piscine*").

Далѣе извѣстно, что направленіе водопроводныхъ каналовъ часто и значительно отступаютъ отъ прямыхъ линій (объ этомъ circuitus см. Фронтинъ гл. 18; большія дороги римскія наоборотъ были прямыя). Иногда каналъ водопровода въ два и три раза длиннѣе кратчайшаго разстоянія начала водопровода отъ города. Каналы водопроводовъ идущіе изъ-за Тибура, не направляются отъ Тиволи прямо *) къ Риму, (какъ via Tiburtina), но поворачиваютъ на югъ, къ Пренестэ (къ Галликано и Кавомонтэ) и затѣмъ идутъ къ Латинской дорогѣ (отчего длина каналовъ болѣе чѣмъ вдвое больше кратчайскаго разстоянія между Тиволи и Римомъ). Источникъ древняго водопровода города Нима находится всего въ разстояніи трехъ лье отъ города, а длина водопровода составляетъ семь лье (Dictionnaire Дар. Сальо). Даже на вполнѣ ровной мѣстности водопроводы поворачиваютъ то въ одну, то въ другую сторону и при этомъ образуютъ не кривыя линіи, а всегда ломанные углы, колѣна **).

---

*) Спускъ отъ Тиволи (clivus Tiburtinus) въ Кампанію представляетъ весьма значительное пониженіе; Аніенъ низвергался „ἀφ' ὕψους μεγάλου" (Страб.).

**) Длина водопровода Болоньи составляетъ болѣе 17 килом., а кратчайшее разстояніе отъ начала его до города—12½. Этотъ водопроводъ, довольно значительный (по количеству воды равный римскому Virgo), тщательно изслѣдованный Гоццадини, представляетъ много данныхъ для уясненія устройства римскихъ водопроводовъ вообще. Онъ шелъ на всемъ протяженіи подъ землею. Такъ какъ онъ построенъ, вѣроятно, уже послѣ окончательнаго покоренія Италіи, то строители не имѣли въ виду, проводя его такъ, скрыть отъ враговъ; а вообще старались сдѣлать мало доступнымъ поврежденіямъ всякаго рода, долговѣчнымъ. Водопроводъ весьма значительно отступаетъ отъ прямой линіи: не хотѣли, видно, слишкомъ углублять каналъ въ горахъ, дѣлать весьма глубокіе шахты и длинныя боковыя галлереи. „Это можно было дѣлать тѣмъ болѣе, что была значительная разница въ высотѣ между обоими концами водопровода; съ сказаннымъ удлиненіемъ пути водопровода получался болѣе ровный на-

Главная причина такихъ измѣненій направленія канала было именно желаніе уменьшить наклонъ его и слѣдовательно быстроту теченія воды (Ланчани, стр. 346 **).

Но были несомнѣнно и другія причины, обусловливавшія эти отступленія отъ прямой линіи Иногда водопроводъ дѣлалъ большой поворотъ потому, что иначе пришлось бы его проводить съ большими затрудненіями при весьма неудобныхъ условіяхъ мѣстности. Такъ каналъ водопровода Virgo образуетъ въ одномъ мѣстѣ (у valle Marranella) вдругъ крутой поворотъ („fa un gomito acuto ed inaspettato“ — Ланч., 122). Но оказывается, что, если бы не сдѣлано было этого обхода то пришлось бы прорыть каналъ на глубинѣ $33^1/_3$ метровъ на пространствѣ 4250 метровъ!

Кромѣ трудностей, представлявшихся при выполненіи этой работы было еще одно обстоятельство, затруднявшее проведеніе канала, это именно то, что мѣстность, по которой бы пришлось проводить каналъ, была на всемъ протяженіи заселена. Поэтому инженеры Агриппы предпочли увеличить на одну треть длину водопровода (то, что онъ терялъ въ высотѣ, имѣло въ данномъ случаѣ мало значенія, такъ какъ онъ назначался для низко лежащаго Марсова поля).

клонъ канала, составляющій однако 2 на 100 и слѣдовательно достаточный, хотя Витрувій требуетъ $^1/_2$ на 100 по крайней мѣрѣ т. е. 5 на 1000. Путь водопровода вмѣсто того, чтобы слѣдовать одной прямой линіи, гдѣ не мѣшали бы этому ни горы, ни поперечныя долины, идетъ линіями, правда, прямыми, но часто преламляющимися, образуя углы болѣе или менѣе значительные. Это не есть аномалія, хотя можетъ таковою казаться, такъ какъ тоже встрѣчается и въ другихъ водопроводахъ и при томъ такихъ, которые, проходя по ровной мѣстности, не могли имѣть никакой особой причины идти зигзагами. Причина этого, кажется; заключалась въ желаніи уменьшить напоръ тока воды, который слишкомъ свободный и прямой, могъ бы повредить стѣнки водопроводнаго русла. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ наклонъ тока въ каналѣ былъ незначителенъ, какъ въ Римѣ въ aqua Alexandrina, водопроводъ мало отступалъ отъ прямой линіи; гдѣ же наоборотъ наклонъ былъ великъ, какъ въ aqua Claudia и Anio Novus, водопроводъ шелъ весьма извилисто, хотя проходилъ по равниной почти Campagna di Roma.“ (Гоццадини, стр. 10 сл.).

**) Паркеръ, говоря о circuitus водопроводовъ Рима, указываетъ для сравненія на лондонской водопроводъ Нью-Риверъ: „The great circuits (circuitus), which most of the aqueducts of Rome made, was taken prinopally *(as is the case with the New Riwer)* to prevent the too rapid descent of the water“.

Иногда давали другое направленіе каналу, для того, чтобы отыскать болѣе высокую мѣстность и не быть вынужденными возводить слишкомъ высокія аркады или вообще аркады и под.. Фронтинъ свидѣтельствуетъ (гл. 18), что это имѣло мѣсто въ древнѣйшихъ водопроводахъ Рима и что впослѣдствіи сокращали путь водопровода, устраивая черезъ низкія мѣста аркады: „iam quibusdam locis sic ubi ductus vetustate dilapsus est omisso circuitu subterraneo vallium, brevitatis causa, substructionibus arcuationibusque traiciuntur". Тьерри (Dictionnaire Даремб. и С.) указываетъ для примѣра на водопроводы Сеговіи и Аспенда.

Напротивъ лишено всякаго вѣроятія предположеніе Фабретти, будто Римляне иногда нарочно при проведеніи водопроводовъ отступали отъ прямаго пути для того, чтобы отыскивать глубокія долины, овраги и строить „altissimi fornices".

Названный ученый указываетъ еще слѣдующія причины, заставлявшія римскихъ строителей отступать отъ прямаго пути при устройствѣ водопровода: при опредѣленіи линіи водопроводнаго пути могло вліять и то соображеніе, что нуженъ былъ для прочности сооруженій прочный грунтъ; затѣмъ желаніе выбирать мѣста, гдѣ бы по близости былъ хорошій строительный матеріалъ. Ланчани прибавляетъ еще одну причину, которая, полагаетъ, имѣла значеніе только по отношенію къ малымъ частнымъ водопроводамъ, именно—удобнѣе было проводить водопроводъ по границѣ чужой земли, а не пересѣкать ее. Но этотъ мотивъ, кажется намъ, несомнѣнно имѣлъ значеніе и по отношенію къ большимъ водопроводамъ. Большую выгоду представляло то, что новый водопроводъ шолъ возлѣ другого, раньше построеннаго, еще большій расчетъ былъ, когда новый водопроводный каналъ дѣлали на самихъ аркадахъ уже существующаго водопровода. Лаціумъ въ особенности былъ плотно заселенъ и земля въ немъ была дорога, и слѣдовательно отчужденіе земли для подобныхъ построекъ сопряжено было съ затрудненіями (См. привд. нами выше на стр. 225 мѣста Ливія и Фронтина), несомнѣнно было бы сопряжено съ большими расходами и хлопотами пріобрѣтеніе совсѣмъ новой полосы для водопровода, проходившей черезъ множество владѣній *).

---

*) Приходилось нарушать разнаго рода ius sociorum. Извѣстно напр. что черезъ нѣкоторыя рѣчки и источники, пользовавшіеся у народа особымъ религіознымъ почитаніемъ, нельзя было строить мостовъ и под. Вѣроятно не безъ особой причины поручено было однажды отысканіе источниковъ для новаго водопровода и устройство послѣдняго претору, qui inter cives et pe-

Приведемъ здѣсь еще въ добавокъ къ отзыву, выше приведенному, Блюместиля о каналахъ водопроводовъ Рима, ихъ наклонѣ и вообще техникѣ общій вѣскій отзывъ о томъ-же Анджело Секки. Онъ называетъ водопроводы Рима „безсмертными сооруженіями, оставленными намъ Римлянами, кои возбуждаютъ въ безлюдныхъ окрестностяхъ Рима болѣе разумное чувство удивленія, чѣмъ храмы Греціи и пирамиды Египта и въ которыхъ гидравлическое искусство можетъ похвастаться побѣдами тѣмъ болѣе возвышенными, чѣмъ болѣе скудны были средства, которыя они имѣли въ своемъ распоряженіи. „Современный ученый, — продолжаетъ онъ — остается изумленнымъ при мысли, что эти линіи удивительной длины (di prodigiosa lunghezza), проходящія через горы, прорѣзывая ихъ съ одной стороны до другой на много верстъ (per moltissime miglia), переходившія по длиннѣйшимъ смѣлымъ мостамъ долины и овраги, встрѣчавшія плотины и громадные бассейны, въ которыхъ вода очищалась какъ-бы въ искусственныхъ прудахъ (laghi artificlali), — что эти линіи, говорю я — были проведены съ помощью самаго простаго иструмента, которымъ только располагаетъ техника, именно водянаго нивеллира или отвѣса (livello a pendelo)! Для насъ представляется чудомъ, что съ помощью такого жалкаго инструмента можно было провести линіи съ равномѣрнымъ наклономъ (di uniforma pendenza) изъ центра Апеннинъ до холмовъ Рима, а таковъ именно напр. Новый Аніенъ, идущій отъ Субіако извилисто (sinuoso) на разстояніи не менѣе 90 — 100 километровъ. А что еще болѣе повергаетъ въ изумленіе, такъ это то, что, когда эти сооруженія изслѣдовались по новѣйшимъ методамъ, не найдено въ нихъ ни погрѣшностей противъ равномѣрнаго наклона (controрendenze), ни неправильныхъ паденій сколько нибудь значительныхъ, которыя могли бы вредить или току воды или цѣлости сооруженій на столь огромномъ протяженіи (in cosi enormi tragitti) (Intorno alcune fabbriche idrauliche antiche, стр. 4).

Отстойные бассейны, piscinae limariae по пути водопрововода.

По пути водопровода (ср. также, что выше сказано о началѣ вод.)

---

regrinos ius dicebat, именно Квинту Марцію (въ 144 г. до Р. Х.). Когда строился новый Марціевъ водопроводъ, жители Тиволи заявили претензіи къ обществу, строившему его, именно требоввли удовлетворенія за убытки, могущіе произойти для городскихъ фабрикъ, дѣйствующихъ водою Аніена, такъ какъ источники водопровода несли свою воду Аніену (Паркеръ, The Aqueducts) стр. 69:. Компанія должна была удовлетворить городъ....., хотя убытки въ значительной степени были мнимые“).

устраивались отстойные бассейны, особенно въ срединѣ и при концѣ, въ которыхъ вода отстаивалась и очищалась отъ механическихъ главнымъ образомъ примѣсей (piscinae limariae, также conceptacula); онѣ же служили иногда и для отвода воды по пути водопроводовъ для мѣстныхъ жителей. Ихъ не имѣли, по крайней мѣрѣ при Фронтинѣ, только водопроводы—всѣ подпочвенные и низкіе—Аппіевъ, Virgo и Альзіетскій (гл. 22: „Nec Virgo nec Appia nec Alsietina conceptacula id est piscinas habent“).

По значительнымъ сохранившимся остаткамъ ихъ можно составить себѣ о нихъ ясное представленіе. Онѣ были обыкновенно крытыя, хотя не всегда, и состояли изъ двухъ верхнихъ камеръ и двухъ нижнихъ; мы ихъ изобразимъ для ясности такъ: A|D / B|C. Изъ A вода поступала въ B, а изъ B въ C черезъ небольшія отверстія закрытыя мелкими рѣшетками; затѣмъ по извѣстному гидравлическому закону поднималось вверхъ въ D, достигая тамъ своего первоначальнаго уровня въ A; и затѣмъ поступала въ другой каналъ. Можно было посредствомъ затвора пустить воду и прямо изъ A въ D. Къ нижнимъ камерамъ были входы; отъ времени до времени изъ нихъ (камеръ) удаляли накоплявшіеся осадки изъ воды. Сохранилось много частей затворовъ и пр., но трудно опредѣлить, какому времени они принадлежатъ, такъ какъ въ водопроводахъ много починокъ и измѣненій (Паркеръ, The Aqueducts, стр. 72. См. большое изображеніе писцины водопровода Virgo въ Пинційскомъ холмѣ у Фабретти, Romae, табл. и у Полени, Frontinus de aquis Romae).

Полени называетъ такое устройство „artificium praestantissimum“. „Fieri etenim debuit necessario, продолжаетъ онъ—ut in subtrraneis illis cellis valde purgaretur aqua“.

Приведенное описаніе устройства самаго сложнаго вида крытой piscina limaria дано по остаткамъ писцины водопровода Virgo (ср. Водосн. Р. I, стр.) въ Пинційскомъ холмѣ, описаннымъ Фабретти. Но встрѣчаются часто болѣе простые отстойные бассейны, или изъ двухъ отдѣленій или одного, но во всякомъ случаѣ и въ нихъ вода отстаивалась. Кромѣ того токъ воды прерывался и вода, выходя изъ бассейна, двигалась подъ меньшимъ напоромъ. Полени по поводу писцины Александровскаго водопровода, изображеніе которой находимъ у него, замѣчаетъ, что архитекторы при устройствѣ отстойныхъ бассейновъ имѣли въ виду остановить теченіе воды и во-вторыхъ, что они измѣняли при этомъ направле-

ніе водопроводнаго канала. Онъ выходилъ изъ бассейна не въ стѣнкѣ противоположной каналу, несшему воду въ бассейнъ, а въ одной изъ боковыхъ.

У Паркера находимъ фотогравюры нѣсколькихъ остатковъ бассейновъ (водопроводовъ Рима за Тиволи) въ ихъ теперешнемъ видѣ. Къ таблицѣ X онъ замѣчаетъ: „Бассейнъ состоитъ изъ двухъ обширныхъ камеръ, раздѣленныхъ аркадою—это обычный планъ такихъ бассейновъ".

Ланчани даетъ планы нѣсколькихъ бассейновъ, главнымъ образомъ открытыхъ въ самомъ Римѣ. Отстойные бассейны водопроводовъ Рима были иногда весьма значительныхъ размѣровъ (Секки въ выше привед. мѣстѣ.: „gigantesche piscine"). Стѣны и дно ихъ, какъ уже выше сказано, покрывались, если было нужно, толстымъ слоемъ особой штукатурки, углы всегда были тупые по очень понятной причинѣ. (Ланчани, стр. 182: „Нѣсколько каналовъ, видныхъ въ немъ, матерьялъ штукатурки, тупые углы во всѣхъ сторонахъ достаточно показываютъ что это писцина").

Вода шести водопроводовъ подвергалась очисткѣ въ крытыхъ отстойныхъ бассейнахъ недалеко отъ города, именно по Латинской дорогѣ около седьмаго милеваго камня (мили считались отъ воротъ Сервіевой городской стѣны). Фронтинъ (гл. 19) говоритъ": „ex his sex via Latina intra VII miliarium contectis piscinis excipiuntur, ubi quasi respirante rivorum cursu limum deponunt. Modus quoque earum mensuris ibidem positis initur". Писцины Новаго Аніена и aqua Claudia описалъ Фабретти, длина ея составляетъ 34 метра, а ширина—9 1/2 с. *).

Всѣ указанныя нами особенности въ устройствѣ римскихъ водопроводовъ (подземные каналы, толстыя каменныя стѣнки, отдушины ипр.) вмѣстѣ съ системою отстойныхъ писцинъ способствовали тому, что вода водопроводовъ была всегда холодною, свѣжею и чистою и слѣдовательно здоровою **). Припомнимъ еще то, что сказано о качествѣ воды водопро-

---

*) Въ окрестностяхъ Рима (иногда въ стѣнахъ города) часто попадаются древнія водопроводныя писцины и castella aquae, обращенныя въ сельскія таверны (и т. osterie) и служащія для другихъ цѣлей, даже какъ жилища) (farmhouses). Паркеръ, стр. 52 85 и 62). Близъ Тиволи капелла св. Антонія сдѣлана въ средніе вѣка „in one of the chambers of a castellum aquae" Марціева водопровода.

**) Здѣсь впрочемъ приведемъ еще одно наблюденіе Паркера, касающееся водопроводныхъ каналовъ и очищенія въ нихъ воды (а также въ дополненіе къ сказанному выше о вентиляціи каналовъ): „Замѣчено—говоритъ онъ (стр.

водовъ Рима (см. стр. Водосн. Р. 1. стр.). Мы видѣли, что большая часть водопроводовъ Рима была питаема источниками; и приводили отзывы древнихъ о водѣ отдѣльныхъ водопроводовъ и цѣлыхъ группъ (Галенъ). Правда, вода нѣкоторыхъ водопроводовъ оставляла въ каналахъ и пр. болѣе или менѣе значительные минеральные осадки (впрочемъ Claudia Julia вовсе не даютъ тѣхъ осадковъ); но это не есть большой недостатокъ, вода не была нездоровою; при томъ же вода на своемъ длинномъ пути отлагала часть содержимыхъ въ ней твердыхъ элементовъ; наконецъ въ городѣ могли подвергать воду болѣе тщательной очисткѣ хоть въ небольшомъ количествѣ. Секки назв. соч. стр. 39 говоритъ: „Лица, предававшіяся роскоши пили воду кипяченую, а потомъ охлажденную посредствомъ снѣга; но его не клали въ воду, а извнѣ прикладывали къ сосуду. Этотъ способъ, практиковавшійся при дворѣ, долженъ былъ имѣть свое основаніе и, мнѣ кажется, оно заключалось въ желаніи освободить виду отъ известковыхъ солей, солей, которыя вода отлагала при кипяченіи, теряя угольную кислоту. Это дѣлали, какъ кажется, съ водою императорскаго дворца, именно Claudia; изъ этого выходитъ, что понимали, что эта вода содержала въ себѣ много угольной кислоты и дѣлали названную операцію, чтобы освободить ее отъ этого. Claudia и Марція однако химически близки одна къ другой, изъ этого заключаемъ, что древніе замѣтили инкрустирующее свойство Марціи, на которое и теперь жалуются пьющіе ее. Это однако не позволяетъ назвать ее вредною, какъ она и въ дѣйствительности не такова и какъ то доказано правительственною коммиссіею, анализовавшею ее оффиціяльно“. Странно, что и Ланчани (стр. 161) повторяетъ сказанное Секки о Клавдіи: онъ въ другомъ мѣстѣ о Клавдіи прямо говоритъ что между нею и водою Марція въ сказанномъ отношеніи (содержанія въ растворѣ минеральныхъ веществъ) большая разница (онъ говоритъ, 136) „каналъ Клавдіи безъ малѣйшаго слѣда осадковъ въ немъ, что и есть самый надежный критерій для различенія канала Кл. отъ канала М.“.

---

71), что дно канала постоянно прерывается неровностями и наклонами, если можно ихъ такъ назвать, какъ-бы нарочно сдѣланными для того, чтобы колебать воду при ея теченіи и слѣдовательно освѣжать. Несомнѣнно такимъ образомъ, эти неровности, если онѣ были шероковаты, способствовали задерживанію движенія всякихъ землистыхъ элементовъ, которые содержала въ себѣ вода“.

Терминація (locus, ager terminatus) водопроводнаго пути.

Каналы водопроводовъ весьма часто проходили по участкамъ частныхъ лицъ; поэтому принимались мѣры, чтобы охранить водопроводные пути отъ посягательствъ жителей. Фронтинъ. гл. 124 говоритъ „fere omnes specus per privatorum agros directi erant)“. Для этого цѣлесообразно было прежде всего опредѣлить точно извѣстную полосу земли, принадлежащую водопроводу и обозначить (отмежевать) ее или отдѣлить отъ прилегающихъ къ ней земель, зданій и под., сдѣлавъ въ тоже время ее заповѣдною для всякаго.

Это сдѣлано было впервые или хорошо сдѣлано однако въ довольно позднее время. Сенатусконсультомъ Максима Туберона 10 года до Р. Х. предписывалось, чтобы по обѣ стороны водопровода оставлялось свободными по пятнадцати футовъ (римск.). Фронтинъ, гл. 127: „placere circa et fornices et muros utraque ex parte quinos denos pedes patere et circa rivos, qui sub terra sunt, et specus intra urbem et extra urbi continentia aedificia utraque ex parte quinos pedes vacuos relinqui, ut neque monumentum in is locis neque aedificia post hoc tempus ponere neque consere arboribus liceret, sique nunc essent arbores intra id spatium exciderentur, praeterquam si quae villae continentes et inclisae aedificiis essent“.

Это правило, какъ показываютъ надписи и постановленія императоровъ, соблюдалось въ столичныхъ водопроводахъ по крайней мѣрѣ до Константина Великаго. Императоръ Траянъ говоритъ въ надписи о построеніи своего водопровода:... „emptis locis per latitud. p. XXX“. Костантинъ въ указѣ консуляру (aquarum) Максиміліану говоритъ (Ланчани стр. 389): „Scire eos oportert, per quorum praedia ductus commeant, ut dextra laevaqae de ipsis formis quindecim pedibus intermissas arbores habeant: observante tuo officio ut, si quo tempore pullulaverint, excidantur, ne earum radices fabricam formae corrumpant“. Изъ приведеннаго видно также, что вѣроятно (всегда?) вся полоса, отдѣленная для водопровода (sulcus publicus aquarum) съ мѣстомъ занимаемымъ каналомъ составляла тридцать футовъ.

Чѣмъ обозначалась или отдѣлялась эта полоса? Сохранилось нѣсколько (4) столбовъ съ надписями, стоявшихъ нѣкогда по пути водопроводовъ. Такъ какъ надписи ихъ указываютъ только на водопроводъ или на ширину полосы водопровода (приведенная надпись Траяна), а не обозначено разстояніе даннаго мѣста отъ начала водопро-

вода, то очевидно, что они служили знаками для разграниченія publicum и privatum—cippi terminales. Но такихъ cippi terminales съ надписями сохранилось, какъ сказано, очень мало. Приходится предположить, что употреблялись для той-же цѣли камни безъ всякой надписи или пасисадъ и под. (Ланчани), или что разграниченіе дѣлалось болѣе замѣтное и прочное только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ оно казалось болѣе нужнымъ.

Но сохранилось еще нѣсколько столбовъ отъ нѣсколькихъ водопроводовъ, тоже съ надписями, но инаго содержанія; именно на нихъ кромѣ названія водопровода стоитъ pedes XCXL т. е. duo actus югеръ (отчего и называють ихъ cipugerales), разстояніе между ними, и цифра, показывающая, который это cippus, считая отъ конца водопровода къ его началу. Вотъ одна такая надпись:

Ani.
Imp. Caesar
Divi f. Aug.
ex. s. c.
C M I. P. CCXL.
(CIL, VI, n. 1243).

Для чего служили эти cippi? Одни полагали (Фабретти), что ими обозначалась длина водопровода и разстояніе каждаго пункта его отъ его конца въ городѣ; другіе, что они обозначали тѣ putei, которые были необходимы для выхода воздуха, который вода несла съ собою. Моммзенъ, Генценъ и Іорданъ *) пріурочиваютъ ихъ къ сенатскому декрету, приведенному выше, 743 года объ ager termnatus водопроводовъ: они должны были быть cippi terminales между этой полосой и прилегающими частными участками. Наконецъ Росси полагалъ, что они обозначали собою мѣста putei и въ тоже время казенную полосу вдоль водопровода.

---

*) Topogr. I, 1, и 61: рѣшительно утверждаетъ: „In der ganzen Länge des Laufes war jeder Leitung zu beiden Seiten ein der Bebauung entzogener Streifen Landes von bestimmter Breite zugewiesen und durch Steine, welche von der Quelle nach der Mündung (sie) durchzählten, in regelmässigen Abständen kenntlich gemacht. Вопросъ однако, какъ видитъ читатель, далеко не такъ простъ и ясенъ.

И во всякомъ случаѣ считали столбы, начиная отъ Рима, а не отъ начала водопроводовъ. Въ городѣ найдены столбы напр. № 2, 5, 13, а у Тиволи № 901, 932 и т. д.

Ланчани полагаетъ, что мнѣніе Фабретти самое простое и вѣрное. Возраженіе, что за единицу при измѣреніи водопроводнаго пути взята слишкомъ малая величина (Iactus, а не миля), не имѣетъ основанія: всякое мѣсто въ линіи водопровода было существенно одинаково важно ad securitatem et salubritatem urbis; необходимо было скоро и точно опредѣлять мѣста, гдѣ произошла порча, повреждение водопровода, требовавшее скораго исправленія, гдѣ именно находились аркады, субструкціи другого рода, мосты, подземный каналъ, putei, castella, piscinae. Cippi не могли обозначать входныхъ колодцевъ, такъ какъ 1) эти послѣдніе были видны даже издалека и безъ того; 2) иногда putei находились не на разстояніи 2 actus одинъ отъ другого, а большемъ (см. выше); 3) эти cippi были и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вовсе не было putei. Но Ланчани допускаетъ, что эти столбы имѣли и пограничное значеніе, хоть и не всегда, ибо встрѣчающіеся cippi обоихъ видовъ (terminale, и iugerales) ограничиваются только городскими частями водопроводовъ (предмѣстій), и такая роскошь едва-ли была на всемъ протяженіи водопровода. Cippi iugerales имѣли только Anio Vetus, Marcia отдѣльно и тройной водопроводъ Marcia, Tepula Iulia и Virgo. Затѣмъ, судя по сохранившимся экземплярамъ cippi, они были въ употребленіи только лѣтъ пятьдесятъ, именно съ 749 по 799 годъ (наиболѣе ихъ принадлежитъ времени Августа; 3—Тиберія, 2 Клавдія суть не новыя, а прежніе подновленные. Фронтинъ о нихъ вовсе не упоминаетъ). Ланчани приходитъ къ слѣдующему заключенію относительно этихъ югерныхъ столбовъ водопроводовъ: 1) они ставились на пространствѣ каждыхъ 240 футовъ, такъ какъ такое пространство отдѣляло одинъ отъ другого уже существовавшіе pute, и краткость этихъ промежутковъ была удобна для цѣли, для которой столбы назначались (одинаковое разстояніе между cippi и между putei случайность; но Августъ, выбирая единицу мѣры для своей терминаціи, взялъ для этого разстояніе между putei подземныхъ частей водопроводовъ, putei, конечно, были уже раньше cippi). 2) Въ первый вѣкъ имперіи эти cippi обозначали разстояніе каждаго пункта водопровода отъ его конца въ Римѣ, а также и границу между казенной полосой и частною землею. 3) Они были введены Августомъ въ 743—749 г. и запущены подъ конецъ 1-го вѣка послѣ Р. Х., потому де, что цѣль, которой они служили, достигалась другимъ способомъ, именно 1) Фронтинъ составилъ точные планы (formas) водопроводныхъ путей (гл 17: и formas quoque ductuum tacere curavimus, ex quibus apparet, ubi valles quantaeque, ubi flumina traicerentur, ubi montium lateribus specus adplicatae maiorem assi-

duamque tuendi ac muniendi rivi exigant curam“); и 2) граница между казенною полосою и прилагеющими чястными участками обозначалась по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ водопроводахъ упомянутыми выше cippi terminales, отличными отъ iugerales межевыми столбами, съ надписями или безъ нихъ. Надо сознатьня, что все таки вопросъ о cippi не совсѣмъ уясненъ; напр. вѣдь и при планахъ водопроводовъ cippi iugerales были бы, полагаемъ, весьма полезны. Во всякомъ случаѣ укажемъ еще на два момента, могшіе имѣть въ этомъ вопросѣ болѣе или менѣе значенія хоть для нѣкоторыхъ водопроводовъ; эти моменты, на которые указывалъ уже Фабретти, слѣдующіе: 1) измѣненіе въ нѣкоторыхъ частяхъ старыхъ водопроводныхъ путей, о которомъ говорить Фронтинъ, и 2) то, что для всѣхъ водопроводовъ потребовалось бы поставить и охранять примѣрно 6865 югерныхъ столбовъ.

Фронтинъ въ своемъ сочиненіи опредѣляетъ начало водопроводовъ и отдѣльныя ихъ части приблизительно по милевымъ столбамъ большихъ дорогъ (см. у насъ на стр. a quoto miliario coepissent); такое же опредѣленіе находимъ и въ надписи на Porta Maggiore: „Anienem novam a milliario LXII... perducendam curavit“. „Страннымъ намъ кажется противоположное мнѣніе Ланчани, будто опредѣленія Фронтина не касаются большихъ дорогъ. Стр. 80, по поводу опредѣленія Фронтиномъ мѣсто отстойныхъ бассейновъ ad sept:mum miliarium онъ говоритъ: „вообще говоря Фронтиновы мили относятся не къ большимъ дорогамъ, ближайшимъ къ водопроводамъ, какою была бы въ данномъ случаѣ Латинская и не къ разстоянію, отдѣльныхъ пунктовъ водопровода отъ Сервіевой стѣны; онѣ считаются отъ конца самаго водопровода оффиціально признаннаго т. е. на основаніи оффиціальной терминаціи. Это мнѣніе намъ кажется неосновательнымъ. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ къ своимъ обозначаніямъ прибавляетъ названіе дороги? и самъ Ланчани опредѣляетъ начало водопроводовъ именно по этимъ дорогамъ. Онъ-же самъ указываетъ на то, что Фронтинъ ниглова не упоминаетъ о cippi iugerales. Отчего у Фронтина не опредѣлены точно и прямо эти „концы водопровода, оффиціально установленные? Miliarium значить милевой камень, столбъ, а не миля, въ какомъ смыслѣ здѣсь, очевидно, Ланчани принимаетъ это слова, а милевые столбы стояли только по дорогамъ и въ данномъ случаѣ septimo miliario — разумѣется столбъ той дороги, возлѣ которой Марціевъ водопроводъ шелъ. Начало водопроводовъ Фронтинъ опредѣляетъ прежде всего относительно милевыхъ камней большихъ дорогъ... Иначе: „a quoto miliario coepissent“ не имѣло бы смысла. И такое

опредѣленіе мѣстъ водопроводовъ Фронтинъ употребляетъ послѣдовательно вездѣ. Эти опредѣленія не точны, но онѣ опираются на всѣмъ извѣстные пункты; гдѣ нужно прибавляется болѣе точное опредѣленіе, указаніе на проселочную дорогу. Толкованью Ланчани противорѣчить то самое, что Фронтинъ опредѣляетъ мѣсто писцинъ шести водопроводовъ однимъ общимъ выроженіемъ: infra septimum miliarium. По Ланчани выходило бы, что всѣ эти водопроводы имѣли каждый писцину на седьмой милѣ его длины, считая отъ города. Срв. Іорданъ, Topogr, II, 467.

Отводъ воды внѣ города.

Не вся вода водопроводовъ шла въ городъ, часть ея отводилась уже по пути водопроводовъ внѣ города, для сосѣднихъ жителей, и при, томъ какъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города, такъ и въ пунктахъ водопроводовъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ него. Это дѣлалось, конечно, тогда, когда было уже много водопроводовъ и воды ихъ для столицы оказывалось болѣе чѣмъ достаточно, главнымъ образомъ при имперіи. Прежде всего конечно вода отводилась, гдѣ только нужно и возможно было, для императорскихъ виллъ (nomine Caesaris—Фронтинъ), а за тѣмъ также виллъ знати и другихъ частныхъ лицъ. Срв. Плиній въ приведенномъ у насъ, стр. 208 мѣстѣ говоритъ: „..si qui diligentius aestimaverit aquarum abundantiam in .. *suburbanis villis*....“

Фронтинъ говоритъ о каждомъ водопроводѣ, сколько именно его воды отводилось внѣ города (erogatio aquae extra urbem). Мы не говоримъ уже здѣсь о недозволенномъ отводѣ воды внѣ города, на который жалуется Фронтинъ гл. 15. О старомъ Аніенѣ Фронтинъ гл. 6 сообщаетъ, что часть воды его шла въ особомъ каналѣ жителямъ Тибура: „Anio Vetus partem dat in Tiburtium usum (Ланч. 46.“).

Кромѣ того, вѣроятно, многія villae Tiburinae и выше лежавшія по пути водопроводовъ пользовались водою столичныхъ водопроводовъ. Близъ города въ мѣстѣ, называемомъ Arcinelli „видны слѣды подземнаго канала (Стараго Аніена). Далѣе они показываются близъ остатковъ древнихъ построекъ, которыя обыкновенно считаютъ принадлежащими вилламъ Брута, Саллюстія, Гая Попилія и Т. Элія Рубрія. Въ каждой изъ этихъ виллъ находятъ слѣды отвода воды для ихъ потребностей, и такъ какъ при началѣ частныхъ каналовъ находятся писцины, то слѣдуетъ полагать, что такіе отводы сдѣланы изъ водопровода Стараго Аніена для того, чтобы очистить воду этого водопровода отъ свойственнаго ей ила. Выше

Тиволи. у долины Арчинаццо у monte Tuino сохранились многочисленные остатки виллы, которая была любимымъ мѣстопребываніемъ императора Траяна, какъ о томъ свидѣтельствуютъ найденныя тамъ водопроводныя трубы съ надписями. Выше (стр. 161) мы привели мѣсто изъ описанія поэта Стація Тибурской виллы Манилія Вописка, находившейся у Марціева водопровода надъ Аніеномъ (срв. Фридлендеръ, Sittengeschichte Roms., Ш., 93. 5 изд. Ланчани въ своей silloge epigrafica aquaria стр. 274 говоритъ: "О свинцовыхъ трубахъ, *которыя несли воду въ Tiburtinum Вописка*, есть упоминаніе въ извѣстныхъ стихахъ Стація: teque per abliquum quae laberis omnem Marcia et audaci transcurris flumina plumbo." Но не переходилъ ли въ этомъ мѣстѣ (въ сифонѣ) главный каналъ Марціи—рѣки? (Во всякомъ случаѣ приведенные стихи Стація ныдолжы непремѣнно имѣть мѣсто и въ главѣ объ устройствѣ римскихъ водопроводовъ).

Возлѣ віадукта (водопрдвода) degli Arci (см. стр.) открыты были остатки роскошной виллы и между прочимъ и свинцовыя трубы „посредствомъ которыхъ вѣроятно отводилась вода изъ сосѣднихъ воъопроводовъ къ этимъ постройкамъ роскошной виллы (Віола).

Недалеко отъ (ниже) Тиволи находилась знаменитая громадная вилла императора Адріана (villa Hadriana. См. Спартіанъ, V. Hadr., гл. 26), многочисленные остатки отъ которой, раскинутые на значительномъ пространствѣ, особенно обращаютъ на себя вниманіе путешественника. Между прочимъ сохранились и остатки (аркада) водопровода, который несъ къ виллѣ обильный токъ воды конечно не изъ рѣки Аніена, а одного изъ близкихъ водопроводовъ столицы Ланчани говоритъ 48: „Мостъ св. Іоанна слѣдуетъ считать сокращеніемъ первоначальнаго подземнаго пути (Стараго Аніена), сдѣланнымъ, когда Адріанъ отвелъ часть воды этого водопровода для своей виллы". Въ 1756 въ Тиволи близъ виллы Адріана выкопаны нѣсколько свинцовыхъ водопроводныхъ трубъ съ надписями *).

Эти трубы—замѣчаетъ Ланчани—не находились въ непосредственной связи съ большими водопроводами, а съ однимъ водоемомъ, соединеннымъ съ ними посредствомъ особаго канала. Его начало находится у виллы т. н. Брута и пр.

---

*) на одной (№ 446 у Ланчани) стоитъ:

Imp. Caes. Traian. Hadriani Aug. VX.
Sub cura Restituti Aug. lib. proc.

Объ Anio Novus и Claudia Ланчани (стр. 152.) говоритъ: „И внѣ города двойной водопроводъ давалъ воду для меньшихъ водопроводовъ (для виллъ, шедшихъ по аркадамъ, имѣвшимъ свои castella, писцины и пр.. Для виллы Септимія Басса по Латинской дорогѣ, какъ утверждаетъ Фабретти, ductus peculiaris opere arcuato passibus D. constans ab Anienis Novae arcubus derivatus fuit. Тотъ-же авторъ указываетъ другую подобную вѣтвь, отдѣлявшуюся отъ Клавдіи („qui ab arcubus Claudiae aquam desumpsit"), для древнихъ построекъ въ долинѣ Caffarella, тоже близъ города между Латинской и Аппіевою дорогами.

Паркеръ (стр, 89) говоритъ объ одномъ большомъ и замѣчательномъ водоемѣ времени Траяна или Адріана": „Его вода, вѣроятно, назначалась для вѣтви водопровода къ императорской виллѣ.... Есть въ этомъ-же самомъ мѣстѣ и другіе большіе водоемы времени Гордіановъ, показывающіе, что большая императорская вилла была снабжаема водою Марціева водопровода въ третьемъ столѣтіи."

О частномъ водопроводѣ виллы Квинктиліевъ, представлявшемъ изъ себя вѣтвь Юліева водопровода, была у насъ рѣчь выше (стр.).

По Кассіевой дорогѣ (via Cassia) у acqua Traversa въ 1650 году была найдена свинцовая водопроводная труба почти въ $^7/_{10}$ метра толщины, изъ которой получилось болѣе 40 тысячъ фунтовъ свинца. (Тутъ-же найдена была прекрасная писцина для храненія воды, представляющая корридоры и вся покрытая бѣлою штукатуркою). „Эта громадная труба—полагаетъ Ланчани—должна была начинаться отъ Траянова водопровода (aqua Traiana), такъ какъ въ этой части Кассіевой дороги нѣтъ такого родника, который могъ-бы питать ее (трубу)".

Въ 1849 и 1850 годахъ при раскопкахъ за Яникуломъ въ Vigna Lais за воротами св. Панкратія, близъ Траянова водопровода открытъ былъ водопроводный бассейнъ (castello di distribuzione), „самый роскошный и найполнѣе сохранившійся, какой только когда либо являлся при римскихъ роскопкахъ; найдены были тоже и свинцовыя трубы, одна у Ланчани № 254) съ именемъ Траяна:

Imp. Caesaris Nervae Traiani.
Optimi Aug. Germanic· Dacici.

Приведенныхъ данныхъ достаточно для того, чтобы видѣть, что громадные и длинные водопроводы Рима были полезны далеко не для одной столицы только.

Иногда вода отводилась внѣ города изъ большихъ водопроводовъ для нѣсколькихъ лицъ вмѣстѣ, сообща получавшихъ разрѣшенье поль-

зоваться водою столичнаго водопровода. Ланчани (стр. 184.) говоритъ: „Въ окрестностяхъ Рима часто встрѣчаются примѣры такихъ компаній („consorzî idraulici“), составлявшихся для отвода части воды изъ большихъ водопроводовъ. Главные между ними суть тѣ, о которыхъ говорятъ надписи, найденныя по Латинской дорогѣ въ мызѣ del Quadrato и della Botaccia по Авреліевой дорогѣ, оба на значительномъ разстояніи отъ большихъ водопроводовъ“.

Водопроводы въ городѣ. Распредѣленіе воды.

„Intercepta tuis conduntur flumina muris.“

Теперь переходимъ къ городскимъ частямъ водопроводовъ, остаткамъ ихъ, сохранившимся въ городѣ, и распредѣленію воды въ городѣ. Говоря „городъ“, мы въ данномъ случаѣ обыкновенно разумѣемъ городъ въ его теперешнихъ стѣнахъ и слѣдовательно городъ конца III вѣка и далѣе (на лѣвомъ берегу Тибра). Извѣстно, что у Фронтина extra urbem имѣетъ нѣсколько болѣе обширное значеніе, а in urbe болѣе узкое, такъ какъ онъ разумѣетъ подъ городомъ не всѣ XIV regiones; такъ объ Альзіетскомъ водопроводѣ онъ говоритъ: „Haec tota extra urbem consumitur.“

Въ концѣ главнаго водопроводнаго канала на краю города *) устраивался большой водоразводный бассейнъ, castellum aquae, также dividiculum („castello terminale“ у Ланчани); изъ этого главнаго резервуара вода разводилась по городу и сначала въ другія castella, меньшія. Агриппа сдѣлалъ 130 castella. При Фронтинѣ ихъ въ городѣ было 247. По Витрувію вся вода раздѣлялась на 3 части: одна назначалась для общественныхъ бассейновъ, другая для термъ и третья для частныхъ лицъ; соотвѣтственно этому дѣленію было три разводныхъ большихъ бассейна. Кажется, можно оставить это сообщеніе совсѣмъ безъ вниманія. У Фронтина по крайней мѣрѣ ничего такого не находимъ.

Главныя castella aquae обыкновенно представляли изъ себя обширныя камеры со сводовою крышею, поддерживаемою посрединѣ массивными пилонами, иногда извнѣ съ орнаментами. Остатки одного castellum aquae (Новаго Аніена) сохранились въ городской стѣнѣ Авреліана

---

*) Главнымъ мѣстомъ вступленія въ городъ водопроводовъ была и юго-восточная часть города, особенно Эсквилинъ. Aqua Virgo шла изъ Пинційскаго холма, aqua Traiana см. ниже.

между porta Maggiore и церковью Sante Croce, по увѣренью Ланчани очень замѣчательный: вода Новаго Аніена въ послѣднія времена запущенности покрыла его инкрустаціями и известковою корою столь толстыми и столь странныхъ формъ, что онъ кажется какъ бы естественнымъ гротомъ Тибурскихъ горъ.

Водопроводный бассейнъ двойнаго Клавдіева водопровода отчасти сохранился близъ мѣста, гдѣ идетъ черезъ стѣну Авреліана желѣзная дорога. Піранези видѣлъ еще въ стѣнахъ его отверстія, обозначавшія направленіе трубъ (планъ основанія его даетъ и Ланч., - Tav. II, фиг. 5).

Главныя, большія водоразводныя вѣтви водопроводовъ въ городѣ, эти „flumina" („ποταμοί" Страб.) были, какъ сказано уже, самотечные каналы, или подземные или шедшіе на аркадахъ и под. Такъ отъ главнаго канала Марціева водопровода отдѣлялся меньшій каналъ, шедшій подъ Целіемъ. Фронтинъ (гл. 19.) говоритъ о водопроводахъ Julia, Tepula и Marcia: „Quae ad libram collis Viminalis coniunctim intra terram euntes ad Viminalem usque portam deveniunt, ibi rursus emergunt. Prius tamen pars Juliae ad Spem Veterem excepta castellis Caelii montis diffunditur. Marcia autem partem sui post hortos Pallantianos in rivum, qui vocatur Herculaneus, deicit; is per Caelium montem ductus ipsius montis usibus nihil, ut inferior, snbministrans finitur supra portam Capenam".

Каналъ Аппіева водопровода и въ городѣ шелъ подъ землею; только у porta Capena онъ шелъ на подмуровкѣ и аркадѣ на пространствѣ 60 passus (Фр., 5). Фронтинъ говоритъ (гл. 22): „Rivus Appiae, sub Caelio monte et Aventino actus, emergit intra clivum Publicii (у porta Trigimina"). Каналъ водопровода Virgo выходилъ изъ Пинційскаго холма и продолжался на Марсовомъ полѣ на аркадѣ до Septa (Фронт., 22.).

О Старомъ Аніенѣ тотъ-же авторъ сообщаетъ (гл. 21): „Rectus ductus secundum Spem Veterem veniens intra portam Exquilinam in altos rivos per urbem diducitur".

Великіе водопроводы Тибурской группы и Албано-Тускульскіе вступали въ городъ около теперешней porta Maggiore (древняя Praenestina) городской стѣны. Это мѣсто „ad Spem Veterem" (см. выше), при Фронтинѣ находившееся внѣ городскихъ стѣнъ, а съ 3-го вѣка пересѣкаемое стѣною Авреліана, въ высшей степени важный пунктъ Рима въ гидрографическомъ отношеніи. Здѣсь сходилось восемь главныхъ городскихъ водопроводовъ (въ томъ числѣ и а. Alexandrina) и нѣсколько большихъ дорогъ. Два Клавдіевы водопровода на porta Maggiore; одна вѣтвь идетъ далѣе на Эсквилинъ, другая на Целій; каналы Marcia, Tepula

Iulia (тутъ-же у porta Maggiore отыскань подъ землею каналъ Стараго Аніена) направляются сѣвернѣе. Мы сначала прослѣдимъ большую водопроводную вѣтвь, идущую на Целій и далѣе.

Вода Клавдіевыхъ водопроводовъ была разведена по всѣмъ частямъ города. О главной водоразводной линіи, Нероновой аркадѣ („Neronea unda"). Фронтинъ, гл. 20 говоритъ: „Partem sui Claudia in arcus, qui vocantur Neroniani, ad Spem Veterem transfert. Hi directi per Caelium montem iuxta templum divi Claudii terminantur. Modum, quem acceperunt, aut circa ipsum montem Caelium, aut in Palatium Aventinumque et regionem Transtiberinam dimittunt".

Поверхъ Целія aqua Marcia шла до времени Нерона можетъ быть, предполагаетъ Ланчани, посредствомъ серіи короткихъ сифонныхъ трубъ, отъ одного castellum до другого; а Неронъ замѣнилъ ее здѣсь водою Claudia, при чемъ однако „nulla castella adiecit sed iisdem usus est, quorum quamvis mutata aqua vetus appellatio mansit".

Неронъ построилъ свою великолѣпную аркаду, вѣроятно, для проведенія большаго количества воды къ его stagnum, на мѣстѣ котораго построенъ амфитеатръ Флавіевъ (Колизей); когда же его преемниками разрушенъ былъ его дворецъ, водопроводная вѣтвь получила другое, болѣе разумное назначеніе.

Эта аркада пересѣкала по крайней мѣрѣ шесть улицъ; арки надъ улицами отличались отъ остальныхъ и были роскошно декорированы (Ланч., 153). Одна такая арка, изъ травертина, находилась надъ via maggiore и называлась arco di Basile, другая тоже изъ травертина, близъ церкви S. Maria della Navicella. (Также надъ улицею стояла и теперь стоитъ арка Долабеллы и Силана. Для какого водопровода служила эта арка, навѣрно неизвѣстно. Паркеръ утверждаетъ, что эта арка, принадлежащая времени Августа, служила субструкціей для большаго главнаго castellum aquae Нероновой аркады на Целіѣ. Другіе топографы Рима полагали, что эти арки принадлежатъ Целіо-Авентинской водопроводной аркадѣ, что къ ней-же слѣдуетъ относить и арку Лентула, находящуюся между Авентиномъ и Тибромъ. Ланчани полагаетъ, что по этой аркадѣ, можетъ быть, шла къ Авентину aqua Marcia до времени Нерона).

Почти на срединѣ Целія (piazza della Navicella) водопроводъ дѣлился на двѣ вѣтви; одна вѣтвь шла по направленію къ Колизею, къ Claudium, гдѣ былъ весьма важный водоразводный пунктъ. При Неронѣ вода водопровода въ этомъ мѣстѣ, гдѣ построенъ былъ храмъ Клавдія, какъ предполагаетъ Ланчани (стр. 153), низвергалась съ Целія каскадами

(con vaghissima mostra). (Это мѣсто очень замѣчательно въ гидрографическомъ отношеніи. Отъ Целія шелъ подземный каналъ къ Колизею, уже давно прежде замѣченный топографами. Когда въ 1874 раскапывалась арена Колизея, нашли въ южномъ концѣ большой оси амфитеатра каналъ, идущій въ Целій по направленію къ piazza Navicella. Ланчани полагаетъ, что этимъ каналомъ шла вода къ stagnum Нерона и онъ проведенъ раньше устройства амфитеатра. Подъ площадью, занимаемою храмомъ Клавдія (Claudium), и около нея сохранилось много водопроводныхъ каналовъ).

Отсюда аркада шла на Палатинъ и переходила улицу въ низменности (tale passaggio dovea essere super amente decorato) между Целіемъ и Палатиномъ; на склонѣ Палатина, обращенномъ къ Целію, и теперь стоитъ часть водопроводной аркады (о ней говоритъ Секки у насъ на стр. 229).

По архитектурному характеру остатковъ Ланчани заключаетъ, что аркада построена Северомъ и Каракаллой (по Паркеру Домиціаномъ*), починявшимъ arcus Neroniani. Но и раньше ихъ времени Клавдія была проведена на Палатинъ. Ланчани считаетъ несомнѣннымъ, что это сдѣлано было Домиціаномъ **): именно вода шла въ сифонной трубѣ, найденной подъ Claudium, сначала къ части Палатина ближайшей къ Колизею, на которой теперь находится монастырь San Bonaventura (здѣсь сохранились большіе древніе бассейны (piscine) для воды, изъ которыхъ одинъ служитъ трапезной для монаховъ); а отсюда другія трубы шли къ дворцу Домиціана (эти трубы найдены, и на нихъ, какъ и на первой трубѣ, стоитъ имя Домиціана).

Незнаю, откуда взялъ Паркеръ, что каналъ Claudia и Anio Novus шелъ съ Палатина на Капитолій и притомъ по мосту Калигулы. Въ объясненіи 19-й фотогравюры (Plate XIX) онъ говоритъ, что водопроводная вѣтвь, шедшая отъ Целія къ Палатину, „шла подъ землею во всю длину Палатина и видна у конца канала на площадкѣ, обращенной къ Капитолійскому холму; она переходила черезъ Forum Romanum по мосту Калигулы“. И на стр. 68: „Вѣтвь съ Палатина на Капитолій сдѣлана была Калигулой—хотя Калигула только началъ строить водопроводы!—;

---

*) Она идетъ къ тому углу Палатина, который занятъ былъ постройками (а теперь остатками ихъ) Септимія Севера.

**) Домиціанъ, какъ извѣстно, выстроилъ на Палатинѣ великолѣпный дворецъ (domus Domitiana). Какъ видно изъ надписи на стр. 231., водопроводъ Claudia, вѣроятно, былъ оконченъ вполнѣ только этимъ императоромъ.

она называется иногда мостомъ черезъ форумъ". Въ примѣчаніи къ этому мѣсту онъ поясняетъ, что водопроводъ шелъ по мосту весьма высоко, а рядомъ съ нимъ ниже шла дорога (road for hoarses), „какъ и въ Ponte Lupo, Ponte s Antonio и въ другихъ водопроводныхъ мостахъ" *).

Паркеръ не спросилъ себя, прежде чѣмъ писать это, зачѣмъ нужно было столько воды на маленькій Капитолійскій холмъ, который былъ занятъ храмами и под. и на который проведена была уже Marcia (см. выше и Фронт., 7.) и Tepula (Фронт.. гл. 8:. „...aquam, quae vocatur Tepula, Romam et in Capitolium adducendam curaverunt" **).

Другая вѣтвь отъ Нероновой аркады шла къ Авентину (Фронт. 20 и 87), слѣдовательно переходила низменность между Целіемъ и Авентиномъ и вода разведена была по этому холму (см. привед. на стр. 202. мѣсто Кассіодора о Claudia на Авентинѣ). Но какъ переходилъ водопроводъ низменность? Мы знаемъ, что въ этомъ мѣстѣ переходили къ Авентину aqua Appia, Marcia и Claudia.

Въ этой низменности, какъ извѣстно, шла городская стѣна Сервія и находились Капенскія ворота (porta Capena) Какой-то водопроводъ шелъ несомнѣнно надъ этими воротами: Ювеналъ (сат. III, II.) называетъ ихъ „влажными воротами":

„Substitit ad veteres arcus madidamque Capenam,"

Марціалъ (III, 47), говоритъ.

„Capena grandi porta qua pluit gutta
Phrygiumque Matris Almo qua lavit ferrum".

Какъ мы видѣли въ приведенномъ мѣстѣ Фронтина, rivus Herculaneus, выходя изъ Целія „finitur supra portam Capenam." Тотъ-же Фронтинъ (87.) говоритъ, что при Траянѣ въ тѣ части города, которыя имѣ-

---

*) Паркеръ, потратившій, какъ увѣряетъ, много труда на изслѣдованіе остатковъ водопроводовъ Рима „книгу свою объ этомъ предметѣ издалъ съ какою-то поспѣшностью, не приведши въ надлежащій порядокъ матерьяла,и потому съ частыми ненужными повтореніями и безъ достаточной критики. Іорданъ говоритъ въ Forma urbis Romae region. XIV., стр.: „Mira, *ut solet,* commentus est Parkerus".

**) Когда строился Марціевъ водопроводъ—сообщаетъ Фронтинъ—децемвиры (т. е. sacris faciundis), обратившись по какому-то поводу къ Сивиллинымъ книгамъ, будто бы нашли тамъ, что не Marcia, а Anio слѣдуетъ провести на Капитолій, и этотъ вопросъ два раза разсматривалъ сенатъ и въ концѣ концовъ Марціева вода проведена была на Капитолій.

ли воду только одного водопровода, проведена вода другихъ водопроводовъ и что Целій и Авентинъ въ частности прежде имѣли только одну Claudia („ad quos sola Claudia per arcus Neronianos ducebatur"), отчего эти плотно неселенныя части города, celeberrimi colles, въ случаѣ починокъ въ водопроводѣ, терпѣли недостатокъ въ водѣ; а Траянъ (не Нерва, какъ у Іордана) велѣлъ провести въ эти части воду другихъ водопроводовъ, между прочимъ и Марціева водопровода: „Quibus nunc plures aquae et in primis Marcia reddita ampliore opere a Caelio in Aventinum usque perducitur". Мы видѣли, что до Нерона Марція была разведена по Целію и шла и на Авентинъ, но онъ замѣнилъ ее водою Claudia *). И вотъ теперь Marcia была *опять* проведена (reddita) и при этомъ на Авентинъ шла по новой высокой аркадѣ (ampliore opere). Ланчани полагаетъ, что Траянъ продолжалъ на этой аркадѣ до Авентина именно упомянутый rivus Herculaneus Марціи, начиная отъ porta Capena. Паркеромъ откопаны были между Целіемъ и Авентиномъ остатки Сервіевой стѣны: къ этой стѣнѣ прислонены были пилоны арки водопровода, какъ видно по остаткамъ ихъ; это и были арки Траяна для Марціева водопровода или арки Клавдіи. Такъ какъ вода Claudia была проведена на самый высокій пунктъ Авентина, то несомнѣнно, что аркада ея была очень значительной высоты. Можетъ быть наконецъ, въ этомъ замѣчательномъ мѣстѣ (узлѣ водопроводовъ въ городѣ) какъ воспользовались городскою стѣною (воротами) для водопровода, такъ и новоустроенная водопроводная аркада служила для нѣсколькихъ водопроводовъ. Паркеръ (стр. 67 и Plate XVIII) на основаніи своихъ раскопокъ и разысканій утверждаетъ, что надъ воротами Капенскими (и по Сервіевой стѣнѣ) шелъ прежде всего каналъ Аппіева водопровода. Объ Авентинской вѣтви Нероновой аркады онъ говоритъ, что она устроена только при Траянѣ, „она построена была черезъ долину между Целіемъ и Авентиномъ и шла надъ porta Capena выше канала Аппіева водопровода, проведеннаго раньше по той-же линіи." Остатки аркады водопровода Claudia и castellum на Авентинѣ уцѣлѣли донынѣ (у церкви S. Prisca). (О каналѣ Аппіева вод. см. стр. 254.)

---

*) Фронтинъ, 76: „Qui (Caelius et Aventinus), priusquam Claudia perduceretur, utebantur Marcia et Iulia. Sed postquam Nero imperator Claudiam opere arcuato altius exceptam usque ad templum divi Caludii perduxit, ut inde distribueretur, priores, non ampliatae, sed omissae sunt; nulla enim castella adiecit, sed iisdem usus est quroum, quamvis mutata aquae, vetus appellatio permansit".

Отъ Авентина эта вѣтвь шла по мосту на другой берегъ Тибра.

Идя отъ мѣста Капенскихъ воротъ по древней via Appia къ Авреліановой стѣнѣ, у самой porta di S. Sebastiano (др. porta Appia) видимъ важный для насъ памятникъ, т. наз. арку. Друза (arco di Druso). Она вся была обшита мраморомъ; къ обоимъ пилонамъ прислонена одна мраморная колонна, вообще арка имѣла монументальный характеръ. Но надъ нею идетъ водопроводный каналъ (высота 1, 65 метра, ширина—82 м, толщина стѣнъ 0, 91 м.). Когда расчищали мѣсто вокругъ арки, нашли продолженіе аркады съ обѣихъ сторонъ ея. А на нѣкоторомъ разстояніи отъ этой арки начинается водопроводная аркада (вся изъ кирпича, матерьялъ и работа времени Севера), подходящая къ самымъ термамъ Каракаллы. Эта аркада и каналъ на аркѣ Друза принадлежатъ одной и той-же водопроводной вѣтви, назначавшейся главнымъ образомъ для громадныхъ термъ Каракаллы въ 12-ой части города, и называвшейся Piscina publica; это упомянутый уже нами стр. 206 fons Antoninianus, вѣтвь Марціева водопровода. Она отдѣлялась отъ главнаго канала Марціева недалеко отъ города. И на пространствѣ между аркой Друза и названнымъ водопроводомъ близъ города указываютъ нѣкоторые слѣды водопровода, шедшаго въ направленіи къ этой аркѣ (см. Ланчани, 104.). Народное названіе арка Друза не имѣетъ истор. основанія; это не была тріумфальная арка, а просто арка водопровода надъ улицею (Ланчани полагаетъ, на сторонѣ улицы, перпендикулярной къ via Appia), и, какъ другія подобныя, на которыя укажемъ,—больше другихъ и съ архитектурной орнаментаціей.

Аппіеву дорогу переходилъ въ этой части города между porta Appia и. р. S. Sebastiano другой водопроводный каналъ, именно вѣтвь Стараго Аніена. Близъ города отъ этого водопровода отдѣлялась одна вѣтвь и шла по направленію къ этой части города, вѣтвь называлась specus Octavianus) вѣроятно, устроена была Августомъ (Фронт., 21: „intra II miliarium partem dat in specum, qui vocatur Octavianus, et pervenit in regionem viae Novae ad hortos Asinianos, unde per illum tractum distribuitur“, (Срв. Спартіанъ, Caracall. 9., Aur. Vict. 21). Такъ какъ via Appia здѣсь значительно ниже (всего 22) метра уровня упомянутаго водопровода въ городѣ, то specus Octavianus могъ переходить ее только на аркѣ. Эта именно арка, думаетъ Ланчани, и называлась Друзовой: Августъ обратилъ де эту надъ-уличную арку водопровода въ тріумфальную, украсивъ ее, какъ тоже сдѣлалъ съ аркою водопроводовъ Marcia Tepula, Iulia (см. ниже). Эта арка должна была находиться ближе къ Капен-

скимъ воротамъ, такъ какъ извѣстна изъ basis Capitolina Друзова улица (vicus Drusianus), находившаяся недалеко отъ названныхъ воротъ и получившая названіе, вѣроятно, отъ арки Друза.

Итакъ мы прослѣдили большую, такъ сказать, артерію водоразводную Целія, Палатина, Авентина и пр. и часть Антониновскаго водопровода и Ст. Аніена въ городѣ. Возвратимся теперь назадъ къ мѣсту вступленія въ городъ главныхъ водопроводовъ, въ окраины т. Целія Эсквилина, къ porta Maggiore, близъ которой начинаются Нероновы арки. Эти величественныя двойныя ворота Авреліевой стѣны для via Labicana и v. Praenestina, которыя здѣсь расходятся, первоначально просто двѣ арки двухъ Клавдіевыхъ водопроводовъ надъ упомянутыми дорогами („eines der wichtigsten Zeugnisse des praktischen und des künstlerischen Sinnes der Römer". Das Leben der Gr. u. R. Гуля и Конера, гдѣ см. изображеніе воротъ, а также въ Dictionnaire С. Д. и др). Все сооруженіе сдѣлано изъ травертина, высота его 12 саженей, высота канала Клавдіи составляетъ 62 метр., и канала Новаго Аніена 65 надъ у. м.

Водопроводная аркада Клавдіи и Н. Аніена идетъ въ городской стѣнѣ на югъ отъ porta Maggiore на нѣкоторомъ протяженіи.

По другую сторону ея часть городской стѣны до Тибурскихъ воротъ (porta Tiburtina, нынѣ porta s. Lorenzo) составляютъ арки водопроводовъ Марціева, Tepula и Юліева; и въ этой части городской стѣны сохранились и остатки castella aquae. Отъ одного начинался выше упомянутый specus Herculaneus Марціева водопровода.

Ворота св. Лаврентія (такъ названныя отъ базилики этого святаго, находящейся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ воротъ за городомъ,) др. Тибурскія, суть тоже первоначально монументальная арка водопроводовъ надъ Тибурской дорогой, построенная Августомъ.

Она тоже изъ травертина (См. изобрраженія у Фабретти, Паркера и др.) съ надписями Августа, Тита и Каракаллы (надпись Августа 5 года до Р. Х. приведена (не вся) у насъ на стр. 298, надпись Каракаллы (212 г.) на стр. 206. См. CIL, VI, n. 1244 и сл.). Высота канала Марціева водопровода на воротахъ надъ уровнемъ м. составляетъ 54 метра.

Отъ воротъ Тибурскихъ водопроводы отдѣляются отъ городской стѣны по направленію къ porta Viminalis, термамъ Діоклетіана, поворачивая внутрь города; общая субструкція каналовъ сохранилась на небольшомъ протяженіи. Недалеко отъ Тибурскихъ воротъ найденъ былъ 13-й cippus водопровода. Ближе къ agger Servii открыты въ 1874 каналы этихъ трехъ водопроводовъ подъ почвою (прекрасно сохранившіеся; дно канала Мар-

ція находится ниже уровня улицы на 5,68 метра, Tepula 3,88 и Julia 2,35. Далѣе въ 1879 году открыта часть Юліева канала (27 метровъ) параллельно валу Сервія. Вообще мѣсто Сервіева вала и части Эсквилина, Виминала и Квиринала между этимъ валломъ и Авреліановою стѣною изслѣдованы тщательно въ послѣднее время (начиная съ 70 г.) при планировкѣ этой мѣстности для новыхъ кварталовъ; произведены были раскопки на значительной глубинѣ и потому, естественно, найдены были между прочимъ и остатки водопроводовъ: каналовъ, водоемовъ, свинцовыхъ трубъ и пр.. Такъ между прочимъ и возлѣ Діоклетіановыхъ термъ найдены были (въ 1869 г.) два столба изъ травертина (высота болѣе сажени; остальныя измѣренія 0,65 и 0,53), обозначавшіе путь подпочвенныхъ водопроводныхъ каналовъ; на каждомъ изъ нихъ слѣдующая надпись (CIL, VI, n. 1248):

Hac. rivi. aquar
trium. eunt. cippi
positi. iussu.
A. Didi. Galli
L. Rubri. Nepotis
M. Corneli. Firmi
Curator. aquar.

Найденъ былъ и другой столбъ съ такою-же надписью, также одинъ югеральный и под.

У Виминальскихъ воротъ С. вала большое количество воды трехъ названныхъ водопроводовъ разводилось изъ небольшого (найденнаго) castellum. Часть воды шла въ подземномъ каналѣ по направленію къ Эсквилинскимъ воротамъ, вообще на Эсквилій *), а часть шла къ сѣверу на Квиринальскій холмъ.

При раскопкахъ въ 1873—75 годахъ—сообщаетъ Ланчани (стр. 94)—открыты три канала, идущіе въ направленіи отъ porta Viminale къ porta Collina, именно къ мѣсту, занимаемому теперь новымъ зданіемъ министерства финансовъ, palazzo delle finanze, близъ (къ сѣверу) Діоклетіановыхъ термъ. А когда дѣлали фундаментъ для названнаго зданія, найдены были три большіе бассейна (conserve, piscine), построенные по одинаковой системѣ съ весьма толстыми стѣнами. Площадь большаго бассейна составляла 51,60×29,80 кв. метровъ. Ланчани (стр. 95) пола-

*) Каналъ Ст. Аніена найденъ у самаго Сервіева вала Упомянемъ здѣсь находящіяся на Эсквилинѣ близъ мѣста термъ Тита т. н. Sette Sale; это большія камеры для храненія воды.

гаетъ, что въ этихъ бассейнахъ кончались каналы водопроводовъ Марціева, Юліева и Tepula, но во второмъ вѣкѣ послѣ Р. Х..

Съ Квиринала, какъ мы уже видѣли, вода Марціева водопровода, а также Tepula была проведена на Капитолій, спачала, можетъ быть, подземными каналами. При Траянѣ съ этою вѣтвью, вѣроятно, что нибудь было сдѣлано: 1) съ снесеніемъ части Квиринала для Траянова форума у Капитолія вода могла быть проведена на послѣдній только сифономъ; и 2) она (вѣтвь) должна была быть усилена съ устройствомъ Траянова форума, для котораго нужно было извѣстное количество воды.

Діоклетіанъ долженъ былъ отвести весьма значительное количество воды для своихъ термъ на Квиринадѣ. Ланчани предполагаетъ, что онъ отвелъ именно воду Марціева водопровода, который онъ починялъ и который поэтому и называется въ Jovia (извѣстно, что этотъ императоръ присвоилъ себѣ это прозвище). Кромѣ другихъ остатковъ термъ Діоклетіана сохранялся въ цѣлости еще въ новое время (послѣдніе слѣды уничтожены въ 1876 г.) и обстоятельно описанъ въ замѣчательный водоразводный бассейнъ (famosa conserva, bel monumento Ланч.; народъ называлъ его Botte di Termini). Онъ имѣлъ въ длину ок. 90 метр. и ок. 22 въ ширину, Сорокъ шесть квадратныхъ пилоновъ поддерживали своды, которыми онъ былъ перекрытъ (in prima serie pilae quindecim, totidem in secunda, in terta decem, in quarta quinque). Въ 1742 г., когда онъ еще былъ цѣлъ, виденъ былъ вблизи и каналъ водопровода, изъ котораго поступала вода; сколько занимала вода, видно было по осадкамъ, приставшимъ къ стѣнамъ; дно, какъ видно было еще въ 1860 г., было покрыто слоемъ сигнина толщиною въ $^1/_4$ метръ.

Переходимъ къ Марсову полю (regiones VII: Via Lata и IX: Campus Martius). Для этихъ частей служили спеціяльно водопроводы Virgo и Александровскій, а до проведенія перваго—другіе водопроводы времени республики.

Мы уже упомянули аркаду водопровода Дѣвы въ городѣ *). Мартіалъ говоритъ объ этихъ влажныхъ аркахъ въ слѣдующихъ стихахъ (IV, 18):

„Qua vicina pluit Uipsanis porta columnis
Et madet assiduo lubricus imbre lapis“.

Арки были построены изъ пеперина съ карнизами, можетъ быть изъ травертина. Остатки ихъ сохранились отчасти въ подземельяхъ новыхъ домовъ. Въ одномъ домѣ въ via del Nazareno сохранилась мону-

---

*) Фронт., 22 „arcus initim habent sub hortis Lucullanis (на Пинціѣ) finiuntür in campo Martio secundum frontem Saeptorum.

ментальная арка, построенная или возобновленная Клавдіемъ надъ одной изъ улицъ седьмаго квартала (Via Lata) съ надписью два раза повторенной, въ которой говорится о возобновленіи аркады Клавдіемъ (см. у насъ стр. 203 прим. *). Аркады переходили Широкую улицу, Via Lata, давшую названіе цѣлому кварталу (соотвѣтствующую нынѣшнему Corso, via del Corso). Тріумфальная арка Клавдія, остатки коей были найдены по via Lata (Corso) и какъ разъ на линіи, на которой найдены остатки водопроводной аркады Virgo по обѣимъ сторонамъ этой улицы, **) была, полагаетъ Ланчани (и др.), именно арка водопровода, значительно болѣе и роскошнѣе другихъ, подобно porta S. Lorenzo, Porta Maggiore, т. наз. аркѣ Друза и др Доходила-ли когда либо аркада водопровода до Пантеона и термъ Агриппы, навѣрное неизвѣстно.

Aqua Alexandrina должна была идти (со стороны Квиринала) на Марсовомъ полѣ къ термамъ Севера тоже на аркахъ. Одна церковь S. Nicola in Arcione у Квиринала получила такое названіе отъ водопроводной аркады—вѣроятно, именно названнаго водопровода. Можетъ быть, аркада этого водопровода доходила до аркады Virgo и за тѣмъ соединялась съ послѣднею, такъ что отсюда каналъ aqua Alexsandrina шелъ надъ каналомъ Virgo на одной аркадѣ.

Вода водопровода Дѣвы съ Марсова поля также какъ вода Клавдіева водопровода, какъ видѣли, съ Авентина, проведена была (уже при Фронтинѣ) на правый берегъ Тибра (regio XIV: Trans Tiberim): вода шла по мостамъ (въ каменныхъ каналахъ?). Съ устройствомъ Траянова водопровода Затибріе и безъ помощи лѣвобережныхъ водопроводовъ могло быть обильно снабжаемо хорошею водою. Нѣкоторые даже предполагали, чта это вода была проведена на лѣвый берегъ, на Авентинъ, гдѣ находились частныя бани Траяна. (Фабретти, De aquis et aquaeduct. v. Romae, стр. 167).

Сохранилась одна боковая вѣтвь канала Траянова водопровода въ предѣлахъ нынѣшняго города, именно на склонѣ Яникула.

Недалеко отъ Ватикана и Тибра, у церкви св. Онуфрія открыты были три большія подземныя камеры, служившія водоемомъ для водопровода, проложеннаго въ горѣ и сдѣланнаго изъ ретикулата. Это и была,

---

*) Ti. Claudius. Drusi f. Caesar. Augustus. Germanicus. pontifex maximus trib, potest. V. imp. XI, p. p. cos desig IIII. arcus. ductus aquae Virgmis disturbatos per C. Caesarem a fundamentis novos fecit ac restituit.

**) Въ 17 вѣкѣ при постройкѣ церкви іезуитовъ S. Ignazio отрыты были также замѣчательные остатки („avanzi nobilissimi“) этого водопровода.

вѣроятно, вѣтвь Траянова водопровода, устроенная Адріаномъ и шедшая къ мавзолею его (Moles Hadriani, теперь Castello di s. Angelo) и цирку на Campus Vaticanus, для котораго главнымъ обратомъ и назначалась Ланч., 165 сл.) *).

Итакъ мы видѣли, что и въ городѣ было много простыхъ самотечныхъ каналовъ, частью подземныхъ, частью на аркахъ.

Иногда употреблялись, вѣроятно, и для большихъ водоразводныхъ вѣтвей въ городѣ металлическія трубы—сифоны **).

Часть воды Клавдіевыхъ водопроводовъ у Porta Maggiore шла въ каменномъ каналѣ Нероновой аркады на Целій и далѣе въ разныя стороны опять на аркадахъ. Другая часть ея тамъ-же у Porta Maggiore разводилась изъ бассейна посредствомъ металличесяихъ трубъ; Фронтинъ (гл. 20) говоритъ: „Finiuntur arcus earum (Клавдіи и Новаго Аніена) post hortos Pallantianos e inde *in usum urbis fistulis diducuntur*".

Но если большіе токи воды разводились отъ главнаго канала иногда и посредствомъ каменныхъ каналовъ, то меньшіе изъ castella въ общественныя зданія и мѣста и частные дома шли всегда въ металическихъ трубахъ сифоннымъ способомъ. Горацій (Epist I, 10, 20) спрашиваетъ своего друга, urbis amatorem:

*) Между Яникуломъ и Тибромъ, насупротивъ Авентина, гдѣ находился бассейнъ навмахіи Августа, былъ открытъ въ XVIII в. на глубинѣ около 5 саженей очень большой водопроводный каналъ (высота 2,67, ширина 1,78 метра); можетъ быть, это каналъ Альзіетскаго водопровода(хотя впрочемъ онъ слишкомъ великъ для него. См. Ланч., 132).

**) Выше указано нѣсколько мѣстъ вѣтвей, въ которыхъ Ланчани предполагаетъ сифонное веденіе воды. Упомянемъ здѣсь еще о сифонѣ термъ Агриппы. Сохранилось извѣстіе, (въ XVIII в.) недалеко отъ Пантеона (Rotonda) была открыта „великолѣпная арка изъ огромныхъ квадровъ травертина" и, можетъ быть, что это арка водопровода Дѣвы. Но еще раньше найдена была при постройкѣ церкви Ignazio (находится нѣсколько восточнѣе Пантеона, ближе къ Corso, древней via Lata) въ фундаментѣ на значительной глубинѣ очень большая свинцовая труба съ отверстіемъ, равнымъ дулу большой (старинной) пушки (см. Водосн. Р. I, стр. 117). Ланчани полагаетъ, что вода въ термы шла именно посредствомъ этого „enorme sifone" (между прочимъ и потому, что на трубѣ нѣтъ надписи. Ср. стр 268). Другая большая свинцовая труба, не менѣе двухъ футовъ въ поперечникѣ, найдена была тоже на Марсовымъ полѣ, подъ одною улицею (via dei Condotti); она была вдѣлана въ древній кирпичъ: очевидно, что однѣ свинцовыя стѣнки казались недостаточно крѣпкими, чтобы выдерживать напоръ воды (Паркеръ, 82.).

„Purior *in vicis aqua tendit rumpere plumbum*
Quam quae per pronum trepidat cum murmure rivum?“ *)

Мы слѣдили топографически за водоразводными линіями, главнымъ образомъ по существующимъ остаткамъ ихъ и Фронтину, указывая главнымъ образомъ на каналы. На нѣкоторыя вѣтви указываютъ найденныя водопроводныя трубы. Но по сохранившимся только остаткамъ нѣтъ возможности прослѣдить все распредѣленіе воды во всѣхъ частяхъ города. Фронтинъ, какъ мы видѣли, говоритъ подробнѣе о нѣкоторыхъ водопроводныхъ вѣтвяхъ; онъ-же кромѣ того точно указываетъ, въ какіе именно кварталы города вода каждаго водопровода была проведена. Это видно изъ слѣдующей таблицы.

Regiones urbis Августа.	Aquae.										
	Appia.	Anio U.	Marcia.	Tepula.	Julia.	Virgo.	Alsietina.	Claudia.	Anio N.	Traiana.	Alexanrdina.
I. Porta Capena.		+	+					+	+		
II. Caelimontium.	+		+		+			+	+		
III. Isis et Serapis.		+	+		+			+	+		
IV. Templum Pacis.		+	+	+	+			+	+		
V. Esquiliae.		+	+	+	+			+	+		+
VI. Alta Semita.		+	+	+	+			+	+		+
VII. Via Lata.		+	+	+		+		+	+		+
VIII. Forum Romanum.	+	+	+		+			+	+		
IX. Campus Martius.	+	+	+			+		+	+		+
X. Palatium.			+		+			+	+		
XI. Circus maximus.	+							+	+		
XII. Piscina publica.	+	+	+		+			+	+		
XIII. Aventinus.	+		+					+	+		
XIV. Trans Tiberim.	+	+	+			+	+	+	+	+	?
Число castella	20	35	51	14	17	18	—	92		?	?

Трубъ водопроводныхъ металлическихъ было въ городѣ (когда уже было много водопроводовъ) громадное количество. Фронтинъ (гл. 115) говоритъ: „Longa ac diversa sunt spatia, per quae fistulae tota meant urbe, latentes sub silice“ **).

*) „Развѣ болѣе чистая вода въ улицахъ города стремится разорвать свинцовыя трубы, чѣмъ та, что журча бѣжитъ по наклонному руслу источника“?

**) Длинны и разнобразны пути, по которымъ водопроводныя трубы расходятся по всему городу, скрываясь подъ мостовою“.

Ланчани стр. 109 по поводу надписей на этихъ трубахъ говоритъ: „Raison d'être этихъ знаковъ заключается въ томъ, что въ случаяхъ починокъ было бы невозможно для мастеровыхъ отличить одну трубу отъ другой, которыя, развѣтвляясь подъ улицами Рима въ большемъ количествѣ, чѣмъ жилы въ тѣлѣ человѣка, столько-же, какъ и эти послѣднія, благодѣтельны, даже необходимы для жизни. Тотъ-же писатель (стр. 151) говоритъ о водѣ двухъ Клавдіевыхъ водопроводовъ: „Отсюда (см. у насъ выше) вода ихъ распредѣлялась по всѣмъ 14 кварталамъ Августа безъ исключенія посредствомъ свинцовыхъ трубъ,—громадная сѣть, которая должна была истощить металлъ британскихъ рудниковъ".

Водопроводныя трубы въ Римѣ были почти исключително свинцовыя. У Фронтина только calices, (о которыхъ см. ниже), изъ бронзы *).

Свинецъ привозился въ Римъ главнымъ образомъ изъ Британіи (покорена при Клавдіѣ въ 43 году), гдѣ были, вѣроятно, свинцовые рудники казенные или императора (Плиній XXXIV, 49. Марквардтъ, Römische Staatsverw., IV, 252), и также изъ Испаніи. Въ части термъ Діоклетіана найдены были мастерская и складъ свинца; свинца, было здѣсь такое количество, что имъ могли покрыть купоть церкви.

Водопроводныя свинцовыя трубы не отливались сразу, а отливались только металлическія полосы, изъ которыхъ уже дѣлали трубы. Длина отдѣльныхъ полосъ должна была быть, по Витрувію и Плинію около 3 метровъ (denum pedum), и такой приблизительно длины дѣйствительно отдѣльныя цѣлыя звенья сохранившихся водопроводныхъ трубъ. Отъ ширины такой свинцовой полосы и водопроводная труба получала названіе **). Свицовая полоса накатывалась на деревяный цилиндръ, стволъ (и rotundationem flectebatur). Труба не представляла правильной формы цилиндра въ верхней части, гдѣ она была спаяна, она была нѣсколько вытянутою такъ что разрѣзъ всегда грушевидный.

---

*) Королъ Теодорихъ въ посланіи къ римскому сенату (Кассіодоръ, Variar., lib. VII, 6 и IV, 31) приглашаетъ послѣдній оказать содѣйствіе (Іоанну) для разысканія лицъ, которыя отводили противозаконно воду водопроводовъ и *похищали мѣдь и свинецъ*.—Мастеровые, занимавшіеся фабрикаціей свинцовыхъ трубъ, назывались plumbarii, fistulatores.

**) Витрувій: „E latitudine lamnarum, quot digitos habuerut, ante quam in rotundationem flectantur, magnitudinem nominum concipinut fistulas; nam quae lamna fuerit digitorum quinquaginta, vocabatur quinquagenaria similiterque reliquae.

Способъ спайки былъ довольно грубый, оттого трубы имѣютъ неправильныя формы и трудно опредѣлить точно вмѣстимость тѣхъ трубъ, размѣры которыхъ сообщаетъ Фронтинъ и др. Олово для спайки древніе употребляли рѣдко, обыкновенно же при спайкѣ или закладывали одинъ край трубы на другой, или выгибали края такъ, что они сходились по линіи перпескулярной къ трубѣ и под., затѣмъ мѣсто соединенія закладывали полоской изъ свинца и все спаивалось посредствомъ мастики, о которой говоритъ Плиній (N. H. XXXIV, 48), или расплавленнаго свинца. Верхняя часть трубы удлинялась для того, чтобы давленіе было въ этой наименѣе крѣпкой (вслѣдствіе спайки) части было наименьшее.

Соединеніе отдѣльныхъ звеньевъ трубы дѣлалось такимъ-же способомъ, какъ и въ гончарныхъ трубахъ, именно посредствомъ раструбовъ: конецъ одного звена входилъ въ раструбъ другого.

Водопроводныя трубы проходили подъ улицами и другими общественными мѣстами, а отъ нихъ расходились меньшіе къ отдѣльнымъ домамъ и пр.

Подъ улицами и под., предполагаетъ Ланчани, были ходы, галлереи, въ которыхъ шли водопроводныя трубы. Дѣло въ томъ, что вода давалась только одному лицу и потому приходилось часто мѣнять надписи на трубахъ, что безъ предполагаемыхъ галлерей было бы крайне неудобно; (но странно, что при раскопкахъ слѣдовъ ихъ почти не найдено).

При отводѣ воды изъ водопроводнаго бассейна въ началѣ самомъ бассейна укрѣплялась мѣдная труба, называвшаяся calix. Фронтинъ опредѣляетъ ее: „Est calix modulus aeneus, qui rivo vel castello induitur, huic fistulae adplicantur. Longitudo eius habere debet digitos non minus duodecim; lumen, id est capacitatem, quanta imperata fuerit. Excogitatus videtur, quoniam rigor aeris, difficilior ad flexum, non temere potest laxari vel coartari“.

Сохранилось водопроводнихъ трубъ мало сравнительно съ тѣмъ, сколько ихъ нѣкогда несомнѣнно было. Свинецъ часто продавался лицами, производившими раскопки, или вообще находившими его на своей землѣ, или похищался рабочими: предъявляя хозяину мраморъ или мѣдь и под., они часто утаивали свинцовыя вещи, которыя легко было сплавить и сбыть, скрывъ слѣды преступленія. При раскопкахъ 1878 близъ Рима на землѣ князя Торлоніи было сплавлено свинцовыхъ водопродныхъ трубъ около 1000 килограммовъ т. е. 60 пудовъ. При раскопкахъ въ выше нами упомянутой мѣстности Acqua Traversa князь Боргезе получилъ изъ водопроводныхъ трубъ 14,000 килограммовъ свинца. „Кто знаетъ, говоритъ Ланчани, каково происхожденіе прекрасныхъ свин-

цовыхъ кровельныхъ плитъ Мартина V, два экземпляра которыхъ имѣются въ библіотекѣ (Ватиканской).“ Какъ мѣдь балокъ Пантеона и пр. пошла на христіанскія церкви, такъ и древній свинецъ водопроводныхъ трубъ шелъ между прочимъ и для покрытія и пр. церквей. Впрочемъ далеко не всѣ водопроводныя трубы и найдены: раскопки часто не идутъ дальше основаній зданій, древняя почва находится иногда глубоко подъ новыми слоями; въ тѣхъ же мѣстахъ въ Римѣ, гдѣ раскопки производились на довольно значительной глубинѣ, находили всегда много водопроводныхъ трубъ.

Надписи на водопроводныхъ трубахъ были въ употребленіи приблизительно отъ времени Тиберія до конца правленія Александра Севера. На трубахъ (подлинныхъ) никогда не обозначено названіе водопровода. Обозначеніе года (имена консуловъ) встрѣчаются только на трубахъ, принадлежавшихъ общественнымъ зданіямъ, но такихъ трубъ сохранилось вообще немного (трубы преторіанскихъ казармъ). На трубахъ частныхъ лицъ въ Римѣ обозначается имя владѣльца. Иногда обозначено также на трубахъ разнаго рода имя мастера, дѣлавшаго ихъ. Такъ какъ въ Римѣ водопроводныя вѣтви расходились по всѣмъ частямъ города и каждый домъ, каждое зданіе и общественное мѣсто получало воду изъ ближайшей вѣтви, то надписи водопроводныхъ трубъ Рима имѣютъ громадное значеніе для изученія топографіи города. (См. Ланчани.)

Изъ всего нами приведеннаго объ устройствѣ водопроводовъ въ Римѣ можно, надѣемся, составить себѣ вѣрное и болѣе или менѣе полное понятіе объ этомъ интересномъ предметѣ. Въ устройствѣ водораспредѣленія въ городѣ нельзя не видѣть дѣйствительно блистательнаго доказательства великаго практическаго ума Римлянъ. За техническою стороною водоснабженія Римлянъ и новыми спеціалистами науки, техниками, какъ мы видѣли, признаются великія достоинства; она не была только верхомъ совершенства въ древности, высшимъ, что могли сдѣлать въ этой области древніе; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и по современной мѣркѣ она является болѣе чѣмъ удовлетворительною; Римляне, можно сказать, сдѣлали болѣе, чѣмъ могли.

Но кто же строилъ эти замѣчательные водопроводы? чье имя или какія имена обезсмертили они? Мы знаемъ, конечно, по чьему почину и на какія или чьи средства водопроводы строились: имена цензоровъ, строившихъ ихъ, занесены въ исторію, имя претора Марція и нынѣ опять живетъ въ устахъ народа съ aqua Marcia; имена императоровъ, строившихъ красуются въ надписяхъ на величественныхъ остаткахъ водопроводовъ—и вполнѣ заслуже-

но,—но мы не знаемъ почти ни одного имени архитекторовъ, строившихъ ихъ, а „несомнѣнно, говоритъ изслѣдователь ихъ Ланчани, между ними были имена знаменитѣйшія, коихъ не знать для насъ весьма прискорбно: кто могъ создать сооруженія, которыя Фронтинъ называетъ magnitudinis Romani imperii vel praecipuum indicium, кто провелъ въ Римъ Aqua Claudia и Новый Аніенъ на болѣе чѣмъ 7000 тріумфальныхъ арокъ, тотъ заслуживалъ бы славное мѣсто въ лѣтописяхъ науки и искусствъ."

Строили водопроводы обыкновенно, сдавая отдѣльныя части водопроводнаго пути (см. стр 231 надпись Пакведія Феста) съ подряда; нѣкоторыя постройки, особенно починки производились и экономическимъ путемъ, напр. рабочими, находившимися въ распоряженіи кураторовъ (см. Фронт.). Постройка большаго водопровода требовала много рабочихъ и длилась иногда много лѣтъ. Фронтинъ говоритъ, что Марцій „aquam... trium milium opera fabrorum duxit." О водопроводахъ Клавдія Паркеръ (64) замѣчаетъ: „Столь колоссальныя сооруженія, какъ эти водопроводы, не могли быть окончены при жизни одного императора, какъ бы много рабовъ ни употреблялъ онъ на это дѣло (работы)." Вельможи (какъ Агриппа) и императоры, строившіе и починявшіе часто водопроводы на свой счетъ, имѣли множество собственныхъ рабовъ, въ томъ числѣ и мастеровыхъ, даже архитекторовъ; императоры также и собственные кирпичные заводы, каменоломни.

Иногда при постройкѣ и под. водопроводовъ употреблялись для работы и войска; по крайней мѣрѣ это засвидѣтельствовано относительно постройки водопроводовъ въ провинціяхъ (Марквардтъ, R. Staatsverwaltung, 548 и 551).

Несомнѣнно также, что высѣкали cuniculi для водопроводовъ иногда и осужденные на каторжную работу.

Громадные и капитальные водопроводы Рима несомнѣнно стоили весьма много, какъ бы ни былъ дешевъ матерьялъ и трудъ рабочаго. Діонисію Галикарнасцу водопроводы Рима казались удивительными какъ по великой полезности ихъ, такъ и по большой стоимости (ἀναλωμάτων πολυτέλεια). Есть и точныя указанія у древнихъ писателей, какія именно суммы назначены были или издержаны на устройство нѣкоторыхъ водопроводовъ Рима. Фронтинъ сообщаетъ, что Квиту Марцію, которому поручено было починить прежніе два водопровода и строить новый, ассигновано было для этихъ работъ sestertium milies octingenties (8,000000 сестерц). Но во что обошлась вся постройка Марціева водопровода, отсюда вывести нельзя.

Плиній (N. H., XXXVI, 24, 10), сообщаетъ что для постройки обоихъ Клавдіевыхъ водопроводовъ erogatum erat sestertium quiguagies quinquies et quingenta centena milia, т. е. израсходовано $55^1/_2$ милліона сестерціевъ, что составляло на наши деньги болѣе двухъ съ половиною милліоновъ рублей.

Ланчани высчитываетъ, сколько стоило бы теперь построить точно такихъ размѣровъ и пр. водопроводы, какъ Claudia и Anio Novus, иначе, именно опредѣляетъ, чему соотвѣтствовалъ на итальянскія деньги сестерцій времени Клавдія, принимая за основаніе при этомъ сравненіи цѣны на хлѣбъ и поденную плату рабочему (при этомъ не приняты въ разсчетъ плата архитекторамъ). Поэтому разсчету выходитъ, что на сказанныя сооруженія теперь потребовалось бы около 24 милліоновъ итальянскихъ лиръ. Далѣе Ланчани беретъ среднюю ариѳметическую стоимости постройки этихъ двухъ водопроводовъ при Клавдіѣ и теперь и опредѣляетъ, во что обошелся бы каждый метръ пути этихъ водопроводовъ и, предполагая такую-же стоимость каждой линейный единицы всѣхъ водопроводовъ до Траяна, приходитъ къ приблизительно вѣрному выводу, что постройка девяти водопроводовъ времени Фронтина стоила громадной суммы 50 милліоновъ лиръ. Конечно, эти вычисленія требуютъ большой осторожности и собственно слѣдовало бы для каждаго водопровода дѣлать особое вычисленіе, хотя и въ такомъ случаѣ мы бы получили только приблизительно вѣрный результатъ: первый водопроводъ построенъ за три вѣка до Р. Хр., а Александровскій—въ третьемъ послѣ Р. Х. Необходимо принять впрочемъ также стоимость матерьяла, жалованье архитекторамъ, возможные случаи неудачнаго выполненія работъ и под. (ср. стр. 279). Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что водопроводы Рима стоили громадныхъ суммъ.

Построены они были далеко не всѣ на средства государственной казны. Старый Аніенъ былъ устроенъ на деньги, вырученныя отъ продажи военной добычи. Мы видѣли, что нѣсколько громадныхъ водопроводовъ построено было императорами на свой счетъ, и что не разъ они на свой же счетъ производили починки въ водопроводахъ. Это не должно намъ казаться удивительнымъ: водопроводы были очень популярныя сооруженія и имѣли, какъ увидимъ, особенно въ жизни для столицы громадное значеніе, и такая щедрость была для нихъ при ихъ высокомъ положеніи какъ-бы объязательной, они дѣлали въ сотвѣтствующемъ размѣрѣ то, что дѣлали и частныя лица. При республикѣ народъ привыкъ къ такой щедрости со стороны своихъ магистратовъ и вообще principes viri.

Знаменитые современники Августа, особенно Агриппа, строили много для города на свои средства. Наконецъ надписи свидѣтельствуютъ о замѣчательныхъ и многочисленныхъ примѣрахъ щедрости пожертвованій для общаго блага знатныхъ и богатыхъ людей въ другихъ городахъ Италіи и провинцій. Этотъ муниципальный потріотизмъ древности представляетъ весьма яркое, замѣчательное явленіе и далеко оставляетъ за собою ревность современныхъ гражданъ жертвовать для своего родного города.

Столь дорого стоющія и столь полезныя ad salubritatem et securitatem urbis сооруженія, какъ водопроводы Рима, необходимо было оберегать и поддерживать. Водопроводы не пользовались такою религіозною защитою, какъ источники; зато государство ограждало ихъ цѣлость рядомъ законоположеній. Мы знаемъ законодательство касающееся водоснабженія Рима почти только за время имперіи. Въ водопроводахъ каждая часть пути равно важна и вездѣ почти весьма легко сдѣлать важныя поврежденія; между прочимъ и потому, что охранять строго длинныя линіи ихъ было просто невозможно. Поэтому за поврежденія водопровода и под. виновные подвергались весьма строгимъ взысканіямъ. Такъ за нарушеніе постановленія о казенной полосѣ вдоль водопровода (т. е. если кто занималъ постройками, деревьями и под.) каждый разъ должно было платить 10,000 сестерціевъ, прибл. 500 рублей, и половина этой суммы отдавалась лицу донесшему, а половина поступала въ казну (эрарій) (Фронт., 127).

За порчу водопроводнаго пути и всякихъ построекъ закономъ 745 a. u. года назначался штрафъ въ 100,000 сестерціевъ *).

За порчу воды назначался штрафъ въ 10,000 сестерціевъ (Фронт. 97: ne quis aquam oletato dolo malo, ubi publice saliet. Si quis oletarit sestertium decem milium multa esto). Полагаю, что примѣнительно къ этой нормѣ штрафовали за порчу воды въ источникѣ водопровода, писцинахъ внѣ города, входныхъ колодцахъ и пр.

Кто отводилъ тайно противазаконно воду общественнаго водопровода для орошенія и под. своей земли, подвергался весьма строгому взысканію: его земля конфисковалась (Фронт., 97). Очевидно, эта строгая мѣра вызвана была очень частыми злоупотребленіями этого рода. Уже Квинту Марцію въ 144 году до Р. Х. было дано сенатомъ между прочимъ

*) Фр., гл. 129 „Quicunque... rivos, specus, fornices, fistulas, tubulos castella, lacus aquarum publicarum, quae ad urbem ducuntur sciens dolo malo, foraverit, ruperit, foranda rumpendave curaverit, peiorave fecerit.... is populo Romano centum milia dare damnas esto.“

порученіе обнаружить и прекратить такой противозаконный отводъ воды („cum Appiae Anionisque ductus, vetustate quassati privatorum etiam fraudibus interciperentur". Фронт., 7).

Сохранилось нѣсколько указовъ императоровъ позднѣйшаго времени, которыми подтверждаются съ нѣкорыми видоизмѣненіями выше указанныя взысканія. Такъ по указу Аркадія и Гонорія портящіе водопроводный каналъ для отвода воды къ своему дому и участку, въ случаѣ уличенія въ этомъ, лишаются того и другого. Такому-же взысканію подвергались по указу Ѳеодосія и Валентиніана тѣ, кои засаживали деревьями казенную полосу вдоль водопровода.

Болѣе строгія карательныя мѣры, клонившіяся къ охранѣ водопроводовъ, ведутъ свое начало отъ Августа; этому-же времени принадлежитъ и организація болѣе положительной охраны этихъ сооруженій при посредствѣ извѣстнаго числа для этого спеціяльно назначенныхъ людей *), aquarii. Мы видѣли, что при Клавдіѣ управленіе водоснабженія столицы располагало 700 человѣкъ—familia publica и familia Caesaris. Съ устройствомъ новыхъ большихъ водопроводовъ (каковъ напр. Траяновъ) число это, по всей вѣроятности, увеличивалось. Часть этихъ людей, (въ числѣ которыхъ были и архитекторы, каменщики, штукатуры и вообще мастеровые и рабочіе) употреблялась для разныхъ работъ какъ починокъ въ Римѣ или внѣ Рима по мѣрѣ надобности; другіе, находясь постоянно на извѣстныхъ постахъ, охраняли водопроводы или смотрѣли за правильностью водораспредѣленія и под. Объ Агриппѣ Фронтинъ говоритъ (гл. 98): „Habuit et familiam propriam, quae *tueretur ductus atque castella et lacus*"; гл. 117: „utraque familia in aliquot ministeriorum species diducitur vilicos, castellarios, circitores, silicarios, tectores aliosque opifices".

Одна римская надпись говоритъ объ „aquarius huius loci". Другая надпись (CIL, VI n. 2342) говоритъ объ казенномъ рабѣ „акваріѣ" одного castellum aquae по Латинской дорогѣ (Laetus. publicus. populi. Romani... aquarius aquae Anionis. Veteris. castelli viae Latinae contra dragones...). Въ числѣ акваріевъ Фронтинъ называетъ circitores (объѣз-

*) При республикѣ содержаніе водопроводовъ въ порядкѣ отдавалось съ подряда. Фронтинъ (гл. 96) говоритъ: „aquarum tutelam singularum locari solitam nvenio, positamque redemptoribus necessitatem certum numerum circa ductus extra iurbem, certum in urbem servorum opificum habendi, et ita ut nomina quoque eorum, quos habituri essent, in ministerio per quasque regiones, in tabulas publicas deferrent, eorumque operum probandorum curam fuisse penes censores, aliquando et aediles, interdum etiam quaestoribus eam provinciam obvenisse."

чиковъ? Ланч.: ispettori). Это названіе встрѣчается между прочимъ въ одной надписи Тиволи, Тибура (приводимой и разбираемой Дессау въ Annali dell' Instituto di corr. archeol., 1882, стр. 137). Въ ней приводится списокъ именъ этихъ circitores и въ концѣ стоитъ: circitores formae suprascriptae. Несомнѣнно, рѣчь идетъ о circitores водопроводовъ Рима, находившихся постоянно въ Тибурѣ, по территоріи котораго шли четыре водопровода столицы, Anio Vetus, Marcia, Claudia и Anio Novus.

Водопроводы строились не съ спекулятивными цѣлями. Разумѣется, они вернули затраченный на нихъ капиталъ съ большимъ процентомъ, хотя и не прямо.

Но государство получало доходъ (vectigal) съ водопроводовъ во первыхъ, оно получало значительную сумму за воду отъ частныхъ лицъ, затѣмъ арендную плату съ земли, принадлежащей вѣдомству водоснабженія и находившейся вдоль водопроводовъ, и наконецъ деньги штрафныя (pecunia multalicia).

На что шла вода водопроводовъ?

„Quodsi quis diligentius aestimaverit aquarum abundantiam in publico, balineis, piscinis, domibus, euripis, hortis, suburbanis villis spatioque advenientis exstructos arcus, montes perfossos, convalles aequatas, fatebitur nihil magis mirandum fuisse in toto orbe terrarum". *Плиній Ст.*

„...Copia quae publicis privatisque non solum usibus et auxiliis, verum etiam voluptatibus sufficit".

Фронтинъ.

Могъ Римъ выстроить столько и такихъ водопроводовъ, такъ какъ имѣлъ достаточно техническихъ и матеріальныхъ средствъ. Но должны были быть также весьма велики и постоянны потребности народа, если для ихъ удовлетворенія тратились столь громадныя средства, и если водопроводы были всегда популярнѣйшими сооруженіями, если никто изъ древнихъ писателей не находитъ ихъ излишними. Да, это громадное водоснабженіе удовлетворяло дѣйствительно многимъ потребностямъ народа, крѣпко укоренившимся его хорошимъ привычкамъ и всѣмъ требованіямъ роскоши.

Мы видѣли, какъ новые водопроводы строились съ увеличеніемъ населенія и расширеніемъ площади города (См. Вод., I.). При имперіи въ особенности Римъ былъ громадный городъ („urbs immensa") съ громаднымъ населеніемъ.

Чтобы дать себѣ вполнѣ отчетъ, на что шло такое громадное ко-

личество воды въ Римѣ, мы должны достаточно ознакомиться съ жизнью Римлянъ, ея своеобразными, можетъ быть, странными для насъ особенностями и особенными мѣстными условіями жизни въ древнемъ Римѣ.

Конечно, прежде всего водоснабженіе вполнѣ удовлетворяло обыкновеннымъ житейскимъ потребностямъ. Римскіе писатели вполнѣ признаютъ великую важность хорошей воды для жизни и здоровья человѣка (Витрувій и др.).

При республикѣ, когда было сравнительно мало воды изъ водопроводовъ, частнымъ лицамъ вообще не дозволялось проводить воду водопровода въ свои дома и пр.; слѣдовательно брали воду изъ общественныхъ бассейновъ; только для знатнѣйшимъ гражданъ, съ согласія всѣхъ, дѣлалось иногда исключеніе. (Фронт, 94: „apud quos (veteres) omnis aqua in usus publicos erogabatur, et cautum ita fuit, ne quis privatus aquam aliam ducat, quam quae ex lacu humum accidit... id est quae ex lacu abundavit, eam nos caducam vocamus. Et haec ipsa non in alium usum quam in balinearum et fullonicarum dabatur, eratque vectigalis statuta mercede, quae in publico impenderetur: aliquid et in domos principum civitatis dabatur, concedentibus reliquis. Гл. 95: etiam ea aqua, quae privati ducebant, ad usum publicum pertinebat).

Мы видѣли, что при Августѣ даже каждый частный домъ могъ получать достаточное количество воды изъ общественныхъ водопроводовъ, *) а тѣмъ болѣе впослѣдствіи. Бѣдный людъ имѣлъ даровую воду отличнаго качества на всякомъ мѣстѣ изъ общественныхъ бассейновъ и фонтановъ на улицахъ, площадяхъ, и даромъ же или за ничтожную плату могъ омыть свое тѣло въ многочисленныхъ баняхъ. Мы знаемъ, что Римляне очень любили устраивать басейны и фонтаны внутри жилищъ, въ атріяхъ и перистиляхъ (Сенека: „Intra aedificia vestra undas et nemora comprehenditis“).

Всякому извѣстно, что особенно при имперіи правительство брало на себя заботы о пропитаніи значительной части римскаго населенія и даже доставленіе ему любимыхъ его развлеченій. Это было, конечно, весьма печальное явленіе, но оно имѣло свои глубокія причины и во всякомъ случаѣ приходилось съ нимъ мириться долго. Государство организовало въ обширныхъ размѣрахъ снабженіе столицы хлѣбомъ, и по меньшей мѣрѣ столь-же существенно важное значеніе, какъ это вѣ-

*) Страбонъ: „...ἅπασαν οἰκίαν σχεδὸν δεξαμενὰς καὶ σίφωνας καὶ κρουνοὺς ἔχειν ἀφθόνους“. Въ Помпеяхъ даже и въ Остіи, какъ видимъ и теперь, въ каждый домъ проведена была вода изъ водопровода (Ниссенъ, Офербекъ).

домство (cura annonae), имѣло и вѣдомство водоснабженія столицы. Вѣдь въ извѣстномъ классическомъ девизѣ римскаго плебса временъ имперіи: „Panem et circenses", (Ювеналъ) конечно подразумѣвалось само собою „et aquam". Древніе Римляне цѣнили никакъ не менѣе хорошую воду, чѣмъ и ихъ потомки; а у Римлянъ времени папства было употребительно слѣдующіе благожеланіе: „Acqua di Trevi, aria di Campo Marzo e pane del Palazzo".

Громадное количество воды шло въ общественныя зданія и городскіе бассейны и т. д. („aquae, quae puclice salit"); обыкновенно въ каждое мѣсто проведена было вода нѣсколькихъ водопроводовъ. Вода, назначавшаяся usibus publicis распредѣлялись по Фронтину по слѣдующимъ категоріямъ: operibus publicis lacibus, nomine Caesaris. Точное опредѣленіе этихъ категорій представляетъ нѣкоторыя затрудненія (см. Іорданъ, Topogr R., II) впрочемъ для нашей цѣли онѣ не имѣютъ большаго значенія; это административныя подраздѣленія. Вода шла nomine Caesaris во всѣ зданія императорскаго дворца или дворцовъ и под. и тѣ общественныя зданія, которыя принадлежали императору и фиску. Opera publica суть всѣ общественныя зданія и мѣста, назначавшіяся для практическихъ цѣлей или развлеченій гражданъ, построенныя не императоромъ и не фискомъ.

Водою водопроводовъ снабжались обильно всѣ общественныя зданія и мѣста (эта вода usibus publicis, какъ говоритъ Фронтинъ:) castra, большія казармы, напримѣръ преторіанцевъ *), храмы, куріи, базилики и проч, театры, амфитеатры, цирки, общественныя городскія площади, на которыхъ собирался народъ для суда, торговли, или для препровож-

*) О столь важномъ преторіянскомъ лагерѣ, въ которомъ былъ и амфитеатръ, Ланчани говоритъ, на основаніи надписей трубъ, что можетъ быть, ни одно мѣсто императорскаго Рима не было такъ обильно снабжено водою. Домиціанъ провелъ сюда весьма большое количество (straordinario volume) воды новаго Аніена. М. Аврелій. и Л. Веръ увеличили его. Септ. Северъ и Каракалла для завѣдыванія водоснабженіемъ лагеря учредили особый комитетъ изъ трибуновъ, центуріоновъ, независимый отъ общей cura aquarum, и, можетъ быть, тоже увеличили количество воды; что несомнѣнно сдѣлали Макринъ и Діадуменіамъ и Гордіаны. О водоснабженіи castra praetoria находимъ извѣстіе и у историка. При императорахъ Максимѣ и Бальбинѣ, противопоставленнынъ сенатомъ Максимину Фракійцу, народъ осаждалъ въ преторіанскомъ лагерѣ ветерановъ и преторіанцевъ и пересѣкъ водопроводныя трубы лагеря (Capitol. гл. 10: „neque umquam ad amicitiam essent redacti, nisi fistulas aquarias populus incidisset"). При Фронтинѣ castra въ городѣ было 9. Казармы 5-й когорты vigilum на Целіѣ примыкали къ водопроводной аркадѣ.

денія времени и игръ и называвшіеся campi, fora, atria, рынки (macella), крытыя колоннады весьма многочисленныя въ Римѣ, какъ то видно и изъ остатковъ мраморнаго плана города; въ нихъ публика любила гулять и могла укрываться отъ дождя и солнечнаго зноя,-сады и парки, которыхъ было довольно много въ Римѣ,—всѣ эти мѣста въ изобиліи были снабжены водою. Мы сказали также, что Римляне очень любили бассейны и фонтаны внутри жилищъ, въ атріяхъ и перистиляхъ. И все это не было только прихотью, дѣломъ роскоши.

Мы должны помнить, что Римъ городъ южный и при томъ по особымъ мѣстнымъ причинамъ далеко не вполнѣ здоровый. Римъ между прочимъ былъ извѣстенъ въ древности своими лихорадками, какъ и теперь своею маляріей; далѣе въ немъ бываетъ въ году среднимъ числомъ 155 дней безоблачныхъ и при томъ отъ конца Іюня до конца Августа такіе бездождные дни бываютъ непрерывно.

Городъ былъ густо заселенъ, городъ въ стѣнахъ, при сгущенности населенія вредныя климат. вліянія должны были обнаруживаться рѣзче и и чаще. Тѣмъ болѣе нужно было принять мѣры въ виду такихъ условій къ оздоровленію города. И вотъ тутъ вода оказывала неоцѣненныя услуги. Уже возможность пить и употреблять въ пищу отличнаго качества холодную воду весьма много содѣйствовало здоровью жителей. Громадное количество воды давало возможность имѣть ее въ изобиліи въ частныхъ домахъ и устроить многочисленные общественные бассейны, способствовало развитію въ громадныхъ размѣрахъ омовеніямъ, даже среди низшихъ классовъ населенія и улучшенію ассенизаціи города.

Далѣе извѣстно, какъ южный человѣкъ любитъ и любилъ всегда жить на открытомъ воздухѣ на улицѣ, на площади, въ общественномъ саду и т. д., что эти общественныя мѣста онъ считаетъ своими и дорожитъ ими гораздо болѣе, чѣмъ мы *). Легко понять послѣ этого важное значеніе и пользу для жителей древняго Рима громаднаго количества большихъ и малыхъ бассейновъ воды и фонтановъ на улицахъ, въ площадяхъ, садахъ и проч., искуственныхъ прудовъ и т. д. въ этомъ городѣ. Агриппа сдѣлалъ новыхъ бассейновъ—lacus 700. При Клавдіѣ

*) И теперь эта черта жизни обращаетъ на себя наше вниманіе напр. въ Неаполѣ; но еще рѣзче она была въ древности. „Замкнутая жизнь въ собственномъ домѣ была для древнихъ чѣмъ-то совершенно чуждымъ. Люди жили столько-же, часто болѣе внѣ дома, какъ въ домѣ.“ Бекеръ Gallus, I, стр. 220. „Das Haus gilt dem Italiener wenig, die Strasse alles“. Альмерсъ, Roemische Schlendertage.

съ устройствомъ новыхъ большихъ водопроводовъ устроено было весьма много новыхъ бассейновъ (Светоній. Claud., 9). При Фронтинѣ также строились новые бассейны (гл. 87), и всѣхъ при немъ было 591. въ послѣдствіи строились въ большомъ количествѣ. Изъ статистики города позднѣйшаго времени имперіи узнаемъ, что въ Римѣ въ это время было 1352 общественныхъ бассейна, слѣдовательно, число ихъ удвоилось *). Далѣе Фронтинъ намъ говоритъ, что въ одинъ и тотъ-же бассейнъ обыкновенно проведена была вода изъ двухъ водопроводовъ, bini salientes, чтобы въ случаѣ какой неисправности въ одномъ изъ нихъ не было все таки недостатка въ водѣ, и что вмѣнялось въ обязанность кураторамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы вода вездѣ лилась и била день и ночь безъ перерыва: „publici salientes quam assiduissime interdiu ac noctu in usum populi aquam funderent".

Поэтъ вѣка Августова говорилъ уже: „столько воды шумитъ (у насъ) по всему городу" (tot lymphis tota crepitantibus urbe).

Громадное количество постоянно текущей холодной воды освѣжало воздухъ въ знойные бездождные дни. „Кто видѣлъ, говоритъ нѣмецкій ученый Іорданъ, въ знойное лѣто, какъ народъ отдыхаетъ у этихъ ис-

---

*) Общественные бассейны назывались lacus (Röhrenbrunnen). Вода въ нихъ (saliens) или прямо падала изъ крана или била вверхъ фонтаномъ и затѣмъ падала въ бассейнъ. Струя воды въ обоихъ случаяхъ называется saliens. Извѣстный и несомнѣнный примѣръ общественнаго фонтана-водомета представляетъ Meta sudans, отчасти сохранившаяся (см. Вод. I, 106.) онъ былъ въ цѣлости еще при Рафаэлѣ; такой-же фонтанъ несомнѣно находился на Юліевомъ форумѣ, у храма Venus Genetrix; онъ былъ украшенъ статуями Аппіадъ, т. е. нимфъ Аппіева водопровода (?). Овидій говоритъ, что Аморъ господствуетъ и тамъ, Subdita qua Veneris pulchro de marmore templo Appias *expressis aëra pulsat aquis* (см. Іорданъ, Topogr. 72 R., I, стр. 440); но странно, особаго латинскаго названія для этого рода фонтана мы не находимъ у древнихъ. (У насъ, къ сожалѣнію) слово фонтанъ получило одностороннее значеніе, какого оно вовсе не имѣетъ въ языкахъ, изъ которыхъ заимствовано: fontaine, fontana). Большіе и болѣе роскошные lacus назывались, можетъ быть, munera. Уличные lacus находились обыкновенно на перекресткахъ улицъ (in biviis, triviis); отъ нихъ иногда и улицы получали названіе. Изъ водопроводовъ же поступала вода и въ болѣе значительные водоемы, пруды—stagna, piscinae, euripi.

Въ республиканскій періодъ (не знаемъ навѣрно, съ какого времени) былъ въ Римѣ большой общественный прудъ, piscina publica, отъ котораго цѣлая часть города получила свое названіе. Нѣкоторые (Іорданъ) полагаютъ, что этотъ прудъ былъ питаемъ водопроводомъ.

куственныхъ водопадовъ по вечерамъ среди каменныхъ массъ, которыя испускаютъ изъ себя воспринятый солнечный зной, вдыхаетъ освѣжительный воздухъ горъ, тотъ пойметъ ту гордость, съ которою Римляне при Нервѣ могли хвалиться, что устранили тѣ причины, которыя дѣлали прежде воздухъ Рима тяжелымъ, какъ свинецъ, и гибельнымъ для здоровья." Фронтинъ именно говоритъ, что ему поручено императоромъ завѣдываніе водоснабженіемъ города, дѣломъ важнымъ не только для удовлетворенія обыкновенныхъ потребностей, но и для здоровья города и даже безопасности. И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Эти заботы нашего императора будетъ чувствовать вѣчный городъ.... теперь у насъ болѣе чистый воздухъ, устранены причины, которыя дѣлали нашъ городъ нездоровымъ" *).

Громадное количество воды дѣлало возможнымъ устройство хорошей ассенизаціи города. Древній Римъ имѣлъ обширную замѣчательную канализацію. Римляне отлично понимали великую пользу ея (См. слова Діонисія на стр.). Вообще это дѣло было устроено очень хорошо, лучше чѣмъ иной могъ бы подумать. Кассіодоръ въ 6 вѣкѣ послѣ Р. Х. писалъ (Var. III, 30): „splendidae Romanae civitatis cloacae quae tantum visentibus stuporem conferunt, ut aliarum civitatium miracula possint superare). Но надо же было очищать эти клоаки. Отъ времени до времени предпринимались генеральныя очистки дорого стоившія. Частью и онѣ промывались дождевою водою, для стока которой между прочимъ также назначались; но, какъ сказано, лѣтніе мѣсяцы въ Римѣ бездождные; и вотъ тутъ помогала вода водопроводовъ. Въ концѣ концовъ вода ихъ отводилась въ клоаки, напр. изъ бассейновъ и под. Фронтинъ говоритъ: „И падающая вода (стекающая съ бассейновъ) не пропадаетъ у насъ даромъ." (Ne pereuntes quidem aquae otiosae sunt). Онъ запрещаетъ частнымъ лицамъ безъ особаго разрѣшенія отводить эту воду: „Caducam neminem volo ducere, nisi qui meo beneficio aut piorum principum habent. Nam *necesse est ex castellis aliquam partem aquae effluere, cum hoc pertineat... etiam ad utilitatem cloacarum abluendarum.*" Latrinae

---

*) Паркеръ, сказавъ, что въ Римѣ на каждаго человѣка приходилось въ день 332 галлона воды (тогда какъ достаточно 40) прибавляетъ: „Не удивительно, если принять въ соображеніе быстроту теченія Тибра, облегчавшую ассенизацію и это обиліе дѣйствительно хорошей воды, что громадный городъ не смотря на громадное населеніе и нездоровую мѣстность былъ сравнительно защищенъ отъ эпидемій, неизбѣжныхъ для густонаселенныхъ городовъ".

publicae (такихъ было въ городѣ при Константинѣ 144), а вѣроятно, обыкновенно и privatae были соединены съ городскими каналами и промывались. Это „ministeria sordida ac relatu quoque foeda“, какъ выражается Фронтинъ —

Далѣе вода водопроводовъ употреблялась для тушенія пожаровъ. Если это дѣло и не достигло высокой степени развитія у Римлянъ, то это зависѣло отъ недостатка у нихъ подвижныхъ пожарныхъ насосовъ, могущихъ бросать вверхъ массу воды. Но все таки насосы у нихъ были, и вообще для борьбы съ огнемъ Римляне дѣлали при имперіи очень много; образцовое водоснабженіе города, конечно, оказывало при этомъ весьма важныя, существенныя услуги, (слѣдовательно, уже прямо „securitati urbis“ Фр.). Извѣстно, что Августъ учредилъ спеціальный корпусъ полицейскихъ пожарныхъ (vigiles) изъ 7000 человѣкъ *). Не было бы расчета учреждать такую команду при примитивномъ водоснабженіи города (правда, она несла и нѣкоторыя полицейскія службы).

Употреблялась вода водопроводовъ, именно худшихъ, и для орошенія огородовъ и садовъ („in hortorum rigationem“—Фронтинъ).

Употреблялась эта же вода для разныхъ ремесленныхъ производствъ напр. *fullonicae* т. е. валяльныхъ мастерскихъ. Эти fullones не только приготовляли матеріи, но и чистили одежду. У Римлянъ же были въ большомъ употребленіи верхнія одежды шерстяныя бѣлаго цвѣта Цехи фуллоновъ играли весьма видную роль въ ремесленной жизни Рима.

Наконецъ и для мельницъ употребляли воду водопроводовъ. Прокопій (6 вѣка) говоритъ, „что у высокаго холма по правой сторонѣ Тибра (именно Яникульскаго) издавна устроены городскія мельницы; большая масса воды посредствомъ водопроводовъ (конечно, Траянова) идетъ на вершину холма (горы) и оттуда съ большою силою устремляется внизъ, приводя въ дѣйствіе мельницы“ **).

Переходимъ къ банямъ, служившимъ и цѣлямъ гигіеническимъ и

---

*) Mommsen, Saatsrecht, II, 2, 1008., также Ю. Кулаковскій, Коллегіи въ древн. Римѣ, стр. 111. Неронъ послѣ большаго пожара между прочимъ установилъ: „iam aqua privatorum licentia intercepta quo largior et pluribus locis in publicum flueret, custodes, et subsidia reprimendis ignibus in propatulo quisque haberet“. (Тацитъ, Annal., XV, 42).

**) B. Goth., I, 19 „τούτου καταντικρὺ τοῦ χώρου, ἐκτὸς τοῦ Τιβέριδος λόφον τινὰ μέγαν συμβαίνει εἶναι. ἔνθα δὴ οἱ τῆς πόλεως μύλωνες ἐκ παλαιποῦ πάντες πεποίηνται ἅτε ὕδατος ἐνταῦθα πολλοῦ διὰ μὲν τοῦ ὀχετοῦ ἀγομένου ἐς τὴν τοῦ λόφου ὑπερβολήν, ἐς τὸ κάταντες δὲ σὺν ῥύμῃ μεγάλῃ ἐνθένδε ἰόντος“.

роскоши. О пользѣ основанія ихъ для здоровья, особенно въ южномъ климатѣ, излишне распространяться. Римляне уже въ древнѣйшую пору, какъ и всегда, ежедневно утромъ умывали руки по локоть и ноги (brachia et crura), такъ что это было не умовеніе, а скорѣе омовеніе. Купались первоначально исключительно въ Тибрѣ, какъ отчасти и въ послѣдствіи. Въ эпоху Пуническихъ войнъ являются уже общественныя бани. Необходимость и польза омовеній для Римлянъ будетъ еще болѣе ясна для насъ, если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя ихъ жизненныя условія и привычки. Кто не знаетъ, что древніе Римляне не закрывали такъ всего тѣла одеждою, какъ дѣлаемъ мы, что значительная часть руки была открытою и пр.. Затѣмъ они носили рубашки (туники) изъ шерсти, такъ какъ льняной холстъ не былъ въ употребленіи. Культура льна преимущественно сѣверная и у древнихъ классическихъ народовъ была не распространена; въ классическое время льняныя матеріи привозились изъ Египта и др. мѣстъ и были вообще рѣдки; *льняныя туники вошли во всеобщее употребленіе только въ III вѣкѣ нашей эры* и даже позже *). Шерстяная нижняя одежда и теперь употребительна въ Италіи: она лучше предохраняетъ отъ простуды; но за то дѣйствуетъ извѣстнымъ (раздражающимъ) образомъ на кожу и способствуетъ нечистоплотности. Ясно, что частыя омовенія тѣла при такой одеждѣ были весьма цѣлесобразны.

Обратимъ вниманіе еще и на то, что въ обыденной жизни Римлянъ играли весьма большую роль гимнастика, игры и вообще моціонъ. Ученый *Бекеръ* говоритъ: „Ежегодное омовеніе въ банѣ и предварительно сильное, вызывающее потъ движеніе казались Римлянину неотдѣльными отъ понятія регулярнаго, здороваго образа жизни. Мы думаемъ, что дѣлаемъ много для нашего тѣла, дѣлая ежедневно непродолжительную прогулку, чтобы потомъ опять проводить цѣлые часы сидя за работою; тогда какъ мы кромѣ прогулокъ пѣшкомъ, верховой ѣзды и развѣ еще бильярда и кеглей не знаемъ почти никакого вида физическаго движенія, у древнихъ Римлянъ былъ цѣлый рядъ требовавшихъ болѣе или менѣе напряженія упражненій, которыя аккуратно выполнялись (передъ дневнымъ омовеніемъ) и дѣлали тѣло крѣпкимъ и ловкимъ и возбуждали больше аппетита къ слѣдовавшему затѣмъ обѣду“. Гимнастическія упражненія, игры, у Римлянъ притомъ не ограничивались, какъ у насъ, годами ученія моло-

---

*) См. Марквардтъ, Privatleben der R. II, стр. 140. и Генъ, Kulturpflanzen und Hausthiere.

дежи и не казалось нисколько неприличнымъ предаваться имъ публично даже людямъ зрѣлаго возраста и съ высокимъ оффиціальнымъ положеніемъ,—консулярамъ, тріумфаторамъ, даже міродержавнымъ кесарямъ. Напротивъ, пренебрегавшаго упражненіями упрекали въ лѣности и изнѣженности. Светоній говоритъ, что Августъ по окончаніи гражданскихъ войнъ оставилъ воинскія упражненія на Марсовомъ полѣ и „*ad pilam transiit*“, а впослѣдствіи даже только прогуливался пѣшкомъ или на лошади.

Изъ всего сказаннаго видно, какими причинами вызывались частыя омовенія у Римлянъ и какимъ цѣлямъ они удовлетворяли. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно ежедневныя омовенія были глубоко вкоренившимися у Римлянъ; омовеніе составляло весьма важный актъ обыденной жизни. Мылись въ банѣ ежедневно, иные даже по нѣскольку разъ на день; эти омовенія любилъ одинаково и простой народъ. Галенъ говоритъ, что обычай ежедневно мыться въ банѣ сталъ въ его время общимъ и среди негорожанъ. Щедрость императора или вельможи иногда выражалась въ томъ, что онъ на нѣсколько дней всѣ бани города предоставлялъ безплатно для желающихъ. Несомнѣнно, что возможность часто посѣщать бани а также употребленіе здоровой воды задерживали развитіе опасныхъ болѣзней среди пролетаріата въ узкихъ улицахъ и тѣсныхъ жилищахъ. При Августѣ выстроено было 107 общественныхъ бань въ Римѣ; Агриппа построилъ первыя громадныя термы, которыя затѣмъ подарилъ городу. Плиній (N. H., XXXVI, 122) говоритъ о своемъ времени: „balinea... nunc Romae ad infinitum auxere numerum“. Въ послѣдніе вѣка имперіи (IV) публичныхъ бань въ Римѣ было невѣроятное, можно сказать, число: 836 и 11 термъ—Агриппы, Нероновы, Александровскія, Титовы, Траяна, Суры, Севера, Коммода, Діоклетана и др. Въ термахъ кромѣ мѣстъ для разнаго рода омовеній были также мѣста для гимнастическихъ упражненій и вообще препровожденія времени, аллеи, сады, даже библіотеки. О размѣрахъ термъ мы можемъ судить по грандіознымъ остаткамъ термъ Каракаллы и Діоклетіана въ Римѣ. „Самый послѣдній изъ Римлянъ, говоритъ историкъ Гиббонъ, могъ ежедневно покупать за небольшую мѣдную монету пользованіе такими удобствами, которыя могли возбудить зависть въ азіатскихъ монархахъ“. „Цезари, сооружая неизмѣримыя по величинѣ и великолѣпію термы, не имѣли, по мѣткому замѣчанію Нибура, другой цѣли въ виду, какъ доставить народу въ стѣнахъ самаго города тѣ-же удовольствія и увеселенія, какія прежде доступны были только богатымъ вдали

отъ Рима, въ Баіяхъ и въ виллахъ на берегу моря. Всѣ наслажденія и пріятности жизни на водахъ, всѣ эти гимнастическія упражненія, игры и изысканныя забавы, къ которымъ влекла мода праздный народъ,—все это соединялось въ предѣлахъ тѣхъ громадныхъ зданій, гдѣ каждый могъ гулять и искать удовольствій съ утра до вечера". Пропилеи, III, 248. Въ термахъ Каракаллы было *1600* мраморныхъ скамеекъ, а въ Діоклетіановыхъ болѣе *3000*. (Сохранились до нашего времени нѣкоторыя мозаическія украшенія и статуи, украшавшія термы Каракаллы). *Но*—говоритъ Кассіодоръ—что было бы со всей этой красотою термъ, еслибы не было вь нихъ ихъ пріятнѣйшихъ водъ? („Thermarum illa pulchritudo quid esset, si dulcissima quaedam non haberet aequora."). Въ виду большой пользы отъ бань уже въ древнѣйшее время вода для нихъ отпускалась изъ общественныхъ водопроводовъ. Фронтинъ, гл 24., говоритъ о водѣ, стекавшей изъ общественныхъ lacus: „et haec ipsa non in alium usum, quam in balnearum et fullonicarum dabatur"; и разъ данное право пользоваться водою водопровода въ этомъ случаѣ уже никогда не отнималось. (Фронт., гл. 167: „Jus impetratae aquae neque heredem neque emptorem neque ullum novum dominum praediorum sequitur. Balineis, quae publice lavarent, privilegium antiquitus concendebatur, ut semel data aqua perpetuo maneret".) Юлій Цезарь велѣлъ отпускать ежегодно для столичныхъ бань три милліона фунтовъ оливковаго масла, (главнымъ образомъ изъ Африки) и бани выдавали посѣтителямъ безвозмездно извѣстное количество масла для умащенія тѣла. Нѣкоторые водопроводы (fons Antoninianus, a. Alexandrina) устроены были главнымъ образомъ для термъ.

Эта сторона роскоши Римлянъ, роскошь опрятности, была сравнительно столь привлекательна. Это стремленіе къ опрятности и омовеніямъ, развившееся вслѣдствіе общихъ всему народу наклонностей было слѣдствіемъ общихъ условій. У Римлянъ въ этомъ не замѣчаемъ вліянія религіи, какъ у. мусульманъ, съ которыми Римляне, что касается названной наклонности, представляютъ черты сходства. Мусульманинъ называетъ воду *основаніемъ жизни*; по заповѣди пророка каждый для достиженія полнаго блаженства за гробомъ долженъ непремѣнно до смерти устроить колодезь для остающихся на землѣ людей; поэтому богатые мусульмане устраиваютъ иногда роскошные колодцы, мраморные бассейны и фонтаны, проводя воду родниковъ издалека. Затѣмъ религія предписываетъ имъ частыя омовенія; но въ случаѣ недостатка воды, напр. въ пустынѣ, правовѣрный выполняетъ ихъ, употребляя песокъ. Замѣтимъ кстати здѣсь, что послѣ упадка водоснабже-

нія римскаго преемниками Римлянъ въ этомъ дѣлѣ явились мусульмане, принесшіе съ собою восточныя привычки.

Укажемъ еще случаи, гдѣ вода водопроводовъ служила исключительно цѣлямъ роскоши, delectationibus. Намъ сообщаютъ, что во время представленій въ амфитеатрѣ изъ арены фонтаны бросали вверхъ на изумительную высоту струи благоухающей воды и освѣжали воздухъ, наполняя его въ тоже время благоуханьями (Сенека). Площадь цирка тоже поливали водою (Фронт., 97). Тоже должно было быть и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, хотя мы и не находимъ упоминаній объ этомъ у древнихъ. Арена б. цирка было обведена каналомъ (еврипомъ), наполненымъ водою (Діонисій Галикарнасецъ); Неронъ уничтожилъ его.

Кромѣ обыкновенныхъ меньшихъ прудовъ въ городѣ по временамъ устраивались императорами большіе пруды для навмахій. Уже Ю. Цезарь устраивалъ потѣшную навмахію на Марсовомъ полѣ. О навмахіи Августа мы уже упоминали по поводу его водопровода, построеннаго, можетъ быть, исключительно для подобныхъ цѣлей. Этотъ прудъ (1880 × 1200 р. фут.) оставался и послѣ Августа и употреблялся для той-же цѣли. Калигула и Клавдій устраивали навмахіи; Неронъ въ особенности любилъ такія потѣхи (извѣстно также, что въ его необыкновенномъ дворцѣ былъ большой искусственный прудъ, stagnum, на мѣстѣ котораго впослѣдствіи выстроенъ Колизей). Титъ устраивалъ навмахіи въ Колизеѣ, для чего пространство подъ ареною наполнялось водою, и теперь видимъ каналы, идущіе къ этимъ подземельямъ. Домитіанъ также давалъ потѣшное морское сраженіе въ томъ-же Колизеѣ. Онъ устроилъ особый громадный прудъ для навмахій у Ватиканскаго холма. Число сражавшихся въ его навмахіи было такъ велико, что, казалось, происходило настоящее правильное сраженіе. Еще въ средніе вѣка мѣсто между Ватиканскимъ холмомъ и замкомъ Ангела называлось *Навмахіей*. Находимъ упоминанія у древнихъ еще о навмахіяхъ императоровъ Авреліана и Филиппа Араба, устроившаго празднованіе 1000 лѣтняго юбилея города Рима.

Обиліе воды въ городѣ, множество фонтановъ и т. д. было не только въ высшей степени полезно въ гигіеническомъ отношеніи, эти предметы придавали также много красоты городу, *были лучшимъ украшеніемъ города*, вода была такъ сказать важнымъ поэтическимъ элементомъ во внѣшности города. Уже вода сама по себѣ, по выраженію одного писателя, красота природы; а тутъ къ ней присоединялось еще искусство. Фонтаны, castella, бассейны, нимфеи были обыкновенно украшены мра-

морными колоннами и мраморными и мѣдными статуями и вообще скульптурными произведеніями *). Мы видѣли, какъ украсилъ этими Агриппа свои бассейны Agrippa... lacus septingentos fecit, praeterea salientes quingentos, castella centum triginta, conplura *et cultu magnifica.* Operibus iis signa trecenta aerea aut marmorea inposuit, columnas ex marmore quadringentas. Светоній о Клавдіѣ говоритъ: „Claudiae aquae gelidos et uberes fontes... simulque rivum Anienis novi lapideo opere in urbem perduxit divisitque in plurimos et *ornatissimos lacus*". Конечно образолюбивый Грекъ и въ этомъ подалъ примѣръ. Греки уже давно обращали особенное вниманіе и на украшеніе своихъ общественныхъ бассейновъ, родниковъ, особенно въ городахъ. Эти украшенія служили образцами и для римскихъ; въ Римѣ иногда, весьма вѣроятно, употребляли для этой цѣли статуи, вывезенныя изъ греческихъ городовъ. Въ Аѳинахъ источникъ Каллироя былъ архитектурно украшенъ уже Пизистратомъ и его сыновьями (Ѳукидидъ). Сохранилось не мало изображеній архитектурныхъ и скультурныхъ украшеній бассейновъ, родниковъ. См. Baumeister Denkmäler des klass. Alterth., сл. Brunnen. E. Curtius, Inschriften und Bildwerke dergr Wasserwerke (этого трактата мы не имѣли).

Римскіе писатели времени имперіи сообщаютъ число статуй и колоннъ, украшавшихъ бассейны Рима и что они вообще были великолѣпно украшены, но болѣе подробнаго описанія хоть одного бассейна у нихъ не находимъ, до насъ не дошло изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ богатствъ почти ничего. Мѣдныя статуи вообще въ Римѣ рѣдкость по очень понятной причинѣ. Поэтому для насъ имѣютъ интересъ описанія украшеній бассейновъ греческихъ городовъ у Павсанія **).

---

*) Мы видѣли, что водопроводы иногда переходили на аркахъ улицы; эти уличныя арки были несомнѣнно великолѣпно украшены.

**) Павсаній въ Коринѳѣ описываетъ нѣсколько обстроенныхъ и украшенныхъ источниковъ (Descript. Gr. II, 3 и 4). Объ источникѣ Пирены онъ говоритъ: „κεκόσμηται ἡ πηγὴ λίθῳ λευκῷ, καὶ πεποιημένα ἐστίν οἰκήματα σπηλαίοις κατὰ ταὐτά, ἐξ ὧν τὸ ὕδωρ ἐς κρήνην ὕπαιθρον ῥεῖ. ἔτι δὲ καὶ Ἀπόλλωνος ἄγαλμα πρὸς τῇ κρήνῃ καὶ περίβολός ἐστιν. О другомъ: „θέας δὲ μάλιστα ἀξία (κρήνη) παρὰ τὸ ἄγαλμα τὸ τῆς Αρτέμιδος, καὶ ὁ Βελλεροφόντης ἔπεστι καὶ τὸ ὕδωρ οἱ δι ὁπλῆς ἵππου ῥεῖ τοῦ Πηγάσου". О третьемъ, Лернѣ (πηγὴ καλλίστη Λέρνα): „κίονες ἑστήκασι περὶ αὐτὴν, καὶ καθέδραι πεποίηνται τοὺς ἐσελθόντας ἀναψύχειν ὥρᾳ θέρους". (Коринѳъ во время Павсанія особенно отличался обиліемъ и воды общественныхъ бассейновъ, такъ какъ императоръ Адріанъ и для этого города, какъ для Аѳинъ, устроилъ водопроводъ II, 5: „πλησίον (именно у храма всѣхъ боговъ) ᾠκοδόμηται

Бассейны, фонтаны назывались иногда по скулптурнымъ произведеніямъ, ихъ украшавшимъ; такъ сохранились названія: бассейнъ Орфея, Прометея, Пастуховъ, Ганнимеда, 4 быковъ, Силеновъ, Гидры. Не одна изъ статуй Венеры, выжимающей воду изъ волосъ или готовящейся погрузиться въ воду, стояла надъ бассейномъ воды. Искусство находило при этомъ для себя весьма благодарныя задачи (*Кассіодоръ* восклицаетъ: „*Какимъ украшеніемъ городу служатъ его воды*"! „aquarum copia quantum Romanis moenibus praestat ornatum").

Лежащія статуи рѣчныхъ божествъ, нѣсколько экземпляровъ которыхъ сохранилось (впрочемъ Ватиканскій Нилъ находился у храма Изиды на Марсовомъ полѣ), находились обыкновенно въ бассейнахъ, устроенныхъ со ступенями (gradus), по которымъ ниспадала каскадами вода. Въ виллѣ Квинтиліевъ найдены были между прочимъ служившія украшеніемъ бас ейновъ статуи, Силена съ сосудомъ на плечахъ (изъ котораго нѣкогда лилась вода), полунагой нимфы, которая спитъ опершись на урну и т. д. *). Въ Помпеяхъ, какъ извѣстно, найдены въ домахъ подобныя же фигуры небольшихъ размѣровъ и тоже несомнѣнно украшавшія (домашніе) водоемы. Особенно должны были быть великолѣпно украшены тѣ мѣста, salientes, гдѣ большая масса воды выступала наружу, какъ въ концѣ большихъ водопроводныхъ каналовъ въ городѣ. Сохранилось нѣсколько такихъ изображеній. Такъ на медали Траяна изображенъ фонтанъ на высотѣ Яникула при концѣ его водопровода. Мы видимъ между двумя колоннами большую разукрашенную нишу; въ ней лежитъ богъ источника съ тростникомъ въ правой рукѣ, а подъ

κρήνη, καὶ Ποσειδῶν ἐπ' αὐτῇ χαλκοῦς καὶ δελφὶς ὑπὸ τοῖς ποσὶν ἐστι τοῦ Ποσειδῶνος ἀφιεὶς ὕδωρ".

Источникъ въ Мегарахъ, обстроенный тиранномъ Θеагеномъ (κρήνη τὰ ἐν αὐτῇ ἀγάλματα) тотъ-же писатель называетъ „μεγέθους ἕνεκα καὶ κόσμου καὶ ἐς τὸ πλῆθος τῶν κιόνων θέας ἀξίαν".

*) Несомнѣнно иногда къ скульитурнымъ украшеніямъ присоединялись и соотвѣтствующія поэтическія надписи въ родѣ слѣдующей:

Huius nympha loci, sacri custodia fontis
Dormio, dum blandae sentio murmur aquae.
Parce meum, quisquis tangis cava marmora, somnum
Rumpere, sive bibas, sive lavare, tace.

(Эта надпись находилась на бассейнѣ въ одномъ саду на Марсовомъ полѣ. См. Адинольфи, Roma nell' età di mezzo).

лѣвой рукою сосудъ, изъ котораго льется вода. Указываютъ мѣсто, гдѣ найдены были нѣкогда остатки этого величественнаго lacus saliens Траяна. Вершина Яникула, несомнѣнно, была превосходнымъ мѣстомъ для монументальнаго фонтана. Отсюда открывается самая полная панорама Рима и его окрестностей, которою восхищались и древніе. Марціалъ котораго вилла „pauca iugera" была именно на Яникулѣ, говоритъ (IV, 64):

„... planus modico tumore vertex
Caelo perfruirur sereniore,
Et curvas nebula tegente valles
Solus luce nitet peculiari.

. . . .

Hinc septem dominos videre montes
Et totam licet aestimare Romam,
Albanos quoque Tusculosque colles
Et quodcunque iacet sub urbe frigus,
Fidenas veteres brevesque Rubras,
Et quod virgineo cruore gaudet,
Annae pomiferum nemus Perennae".

Упомянутое изображеніе на монетѣ, конечно какъ и всѣ другія подобныя, есть только приблизительное, сокращенное. Изображенію на нѣкоторыхъ монетахъ А. Севера соотвѣтствуетъ сохранившееся отчасти теперь на Эсквилинѣ сооруженіе, т. н. Trofei di Mario; эти трофеи, украшавшіе его, теперь находятся на баллюстрадѣ Капитолія. Это былъ не разводный бассейнъ, а большой фонтанъ (mostra); воду онъ могъ получать по своему высокому положенію изъ Юліева водопровода, отъ котораго идетъ къ нему сохранившійся отчасти и теперь водоотводный каналъ (Северъ, можетъ, быть поновилъ его. См. Ланч., 173 сл.). Эта постройка была сносно сохранившеюся еще въ XVI вѣкѣ, отъ котораго и сохранилось изображеніе ея (см. Dictionary of Gr. and R. Antiquities В. Смита, 114, также у Паркера). Вода изливалась черезъ нѣсколько отверзтій, salientes, въ одинъ бассейнъ, а оттуда тоже нѣсколькими струями въ другой и затѣмъ отводилась; верхняя, лицевая часть этого стѣннаго фонтана раздѣлялась на нѣсколько частей колоннами; въ средней большей нишѣ находилась статуя, а въ двухъ боковыхъ аркахъ (до 1585 г.) упомянутые trofei di Mario. Намъ извѣстно еще подобное сооруженіе, принадлежащее времени имперіи, именно тоже второму вѣку, правда, сохранившееся не въ Римѣ, но несомнѣнно именно подобныя были и въ столицы міра. Это т. н. экседра Ирода Аттика въ Олимпіи. Этотъ

богачъ философъ устроилъ для Олимпіи водопроводъ *) и это экседра представляла конецъ его у Кронова холма. Громадный бассейнъ (22 метра въ длину и около $3^1/_2$ въ ширину) имѣлъ въ двухъ узкихъ концахъ двѣ открытыя капеллы-ротунды о восьми коринѳскихъ колоннахъ (по статуѣ въ каждой капеллѣ); на передней стѣнѣ его стоялъ мраморный быкъ, а надъ заднею возвышалась громадная ($16^1/_2$ метровъ въ ширину и соотвѣтствующей высоты) круглая ниша съ полукуполомъ вверху. Площадь стѣн дѣлилась пилястрами на семь меньшихъ нишъ, въ которыхъ стояла 21 статуя, по три въ каждой, представлявшія лица императорскаго семейства)—Антонина, Пія и М. Аврелія и семейства Аттика. Надъ этими нишами шла полоса, отдѣлявшая ихъ отъ полукупола съ большими кассетонами. (Это описаніе мы даемъ по Бэттихеру, Olympia. Das Fest und seine Stätte., стр. 387 сл., гдѣ читатель найдетъ планъ основанія и реставрованный видъ этого сооруженія).

У насъ эта „aqua, quae publice salit“ не играетъ почти никакой замѣтной роли въ физіономіи городовъ; но не такъ было въ древнемъ Римѣ; она шумѣла или зеркалилась во всѣхъ частяхъ города: въ обширныхъ садахъ и термахъ Эсквилина, въ разныхъ частяхъ Марсова поля, и за Тибромъ, у Яникула (сады Цезаря, навмахія), на Яникулѣ и у Ватикана и пр. Впрочемъ въ южныхъ городахъ въ этомъ отношеніи далеко не такая бѣдность, какъ въ нашихъ, и мы можемъ составить себѣ приблизительное живое представленіе о многочисленныхъ lacus Рима, его tota urbe crepitantes lymphae по какой-нибудь Севильѣ или наилучше по современному Риму. Извѣстно, что и новый Римъ превосходитъ всѣ современныя города какъ обиліемъ воды, такъ и числомъ общественныхъ бассейновъ, фонтановъ и наиболѣе приближается въ этомъ отношеніи къ древнему Риму. Какой путешественникъ не вспоминаетъ съ удовольствіемъ объ этой музыкѣ плещущей, особенно среди ночной тишины, воды, объ этомъ, выражаясь словами поэта, „der Brunnen rauschend Silbersprüh'n“? На Яникулѣ и теперь, какъ при Траянѣ, шумитъ величественный фонтанъ (f. Paolina); громадные два фонтана передъ san Pietro al Vaticano, fontana dei Termini на Виминалѣ, фонтаны и бас-

---

*) Это великое благодѣяніе для Олимпіи, снабженіе обильнымъ количествомъ хорошей воды, котораго она прежде никогда не имѣла, сдѣлано—замечательно—только при Римлянахъ.

сейны на Pincio, на Марсовымъ полѣ, на piazza Navonna и въ особенности громадная fontana di Trevi старинной acqua Vergine (Virgo) *).

Заключая нашу рѣчь о публичныхъ бассейныхъ, прудахъ древняго Рима, остановимся еще на Марсовымъ полѣ. Въ древности оно никогда не было такъ занято зданіями, какъ теперь, а было campus, и потому здѣсь было достаточно мѣста для каналовъ, бассейновъ и прудовъ и термъ; и они придавали этому мѣсту игръ и забавъ, великолѣпно украшенному при имперіи зданіями, еще особую прелесть. Уже Страбонъ былъ въ восторгѣ отъ него: обширная, весь годъ зеленѣющая равнина, на которой достаточно мѣста для всякихъ игръ, конскихъ и ристаній,—общественныя зданія, портики (колоннады), театры), амфитеатры, храмы возвышающіеся по краямъ холмы—все вмѣстѣ представляло живописную картину **).

Обиліе воды несомнѣнно придавало много жизни всей картинѣ. На Марсовомъ полѣ находились термы Агриппы, stagnum (λίμνη) Агриппы, euripus Virginis, эврипомъ обведененъ былъ мавзолей Августа. Поэты часто упоминаютъ о несравненномъ Марсовомъ полѣ и между прочимъ о его водахъ. Марціалъ (V, 20) говоритъ, что, еслибы онъ могъ жить свободно, какъ хочется, то не видѣли бы его атріи знати и печальный форумъ; онъ тогда зналъ бы только:

„.. gestatio, fabulae, libelli,
Campus, porticus, umbra, Virgo ***), *thermae*.
Haec essent loca semper, hi labores“.

Овидій въ изгнаніи вспоминаетъ о весеннихъ играхъ и увеселеніяхъ въ Римѣ и между прочимъ о томъ, что его сограждане послѣ игръ на

---

*) Водопроводъ Vergine даетъ въ сутки 66,000 куб. метровъ отличнаго качества воды и питаетъ 50 „fontane publiche“.

**) Вотъ это замѣчательное мѣсто (V, 361): „καὶ τὸ μέγεθος τοῦ πεδίου θαυμαστὸν ἅμα καὶ τὰς ἁρματοδρομίας καὶ τὴν ἄλλην ἱππασίαν ἀκώλυτον παρέχον τῷ τοσούτῳ πλήθει τῶν σφαίρᾳ καὶ κίρκῳ καὶ παλαίστρᾳ γυμναζομένων. καὶ περικείμενα ἔργα καὶ τὸ ἔδαφος ποάζον δι᾽ ἔτους καὶ τῶν λόφων στεφάναι τὸ ὑπὲρ τοῦ ποταμοῦ μέχρι τοῦ ῥείθρου σκηνογραφικὴν ὄψιν ἐπιδεικνύμεναι δυσαπάλλακτον παρέχουσι τὴν θέαν. πλησίον δ᾽ ἐστὶ τοῦ πεδίου τούτου καὶ ἄλλο πεδίον, στοαὶ κύκλῳ παμπληθεῖς καὶ ἄλση καὶ θέατρα τρία καὶ ἀμφιθέατρον καὶ ναοὶ πολυτελεῖς καὶ συνεχεῖς ἀλλήλοις, ὡς πάρεργον ἂν δόξαιεν ἀποφαίνειν τὴν ἄλλην πόλιν“. Различеніе отдѣльныхъ частей Марсова поля въ обширномъ смыслѣ для насъ въ даннымъ случаѣ не важно.

***) Конечно, не „virgo“, какъ пишетъ Шнейдевинъ. Срв. стр. 196.

Марсовомъ полѣ, умастившись масломъ, погружаютъ свои усталые члены въ водѣ Virgo (см. у насъ стр. 196). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ другу, что при воспоминаніяхъ о Римѣ мысль его переносится отъ круга семьи къ нѣкоторымъ любимымъ мѣстамъ красивой столицы (Ex Ponto, I, 8, 33)

„Atque domo rursus pulchrae loca vertor ad urbis,
Cunctaque mens oculis pervidet usa suis.
Nunc fora, nunc aedes, nunc marmore tecta theatra,
Nunc subit aequata porticus omnis humo;
Gramina nunc Campi pulchros spectantis in hortos
Stagnaque et euripi Virgineusque liquor".

Итакъ мы видѣли, каково было водоснабженіе Рима по размѣрамъ своимъ и устройству, и какимъ потребностямъ оно удовлетворяло. Нельзя не назвать его съ Г. Іорданомъ „grossartigste Schöpfung der römischen Baukunst im Dienste der städtischen Wohlfahrt" и, принимая въ соображеніе его великое значеніе для многихъ сторонъ жизни великой столицы, бывшей очагомъ государства („Heimstätte des Staats") нельзя не причислить къ важнымъ государственнымъ учрежденіямъ („das wichtigste Staatsinstitut"- Бекеръ) и вообще вполнѣ справедливо къ числу mirabilia древняго Рима *).

---

*) Считаемъ нужнымъ указать здѣсь на сочиненіе о римскихъ водопродахъ Бельграна (Belgrand): Les aqueducs romaines. Paris, 1875. avec vign., 7 planches et un atlas in fol. Мы его не имѣли; Ланчани и др. о немъ не упоминаютъ; но, можетъ быть, оно заслуживаетъ вниманія.

Для сравнительнаго обозрѣнія водопроводовъ Рима помѣщаемъ здѣсь таблицу ихъ (для первыхъ девяти на основаніи Фронтина). Quinaria т. е. fistula (calix) qu. соотвѣтствуетъ 60 кубич. метрамъ въ сутки.

Названія водопроводовъ, aquae.	Годъ построенія.	Начало.	Длина водопров. пути въ passus. Supra terram	infra terram	По высота въ городѣ.	Суточное количество воды въ quinariae.	Въ какія regiones города шла вода?
1. Appia.	312.	Родникъ.	60.	11,130.	10.	1825.	2. 8. 9. 11. 12. 13. 14.
2. Anio Vetus.	272.	рѣка Аніенъ.	221.	42,779.	7.	4398.	1. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 11. 14.
3. Marcia.	144.	Родники.	7,463.	54,247½.	6.	4690.	1. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 14.
4. Tepula.	125.	Родникъ.	7000.	6000.	5.	445	4. 5. 6. 7.
5. Julia.	33.	Родникъ.	7000.	8,426½.	4.	1206.	2. 3. 5. 6. 8. 10. 12.
6. Virgo.	19.	Родники.	1,240.	12,865.	9.	2504.	7. 9. 14.
7. Alsietina.	1 до Р. Х.	Озеро Альзіетское.	358.	21,714.	11.		4.
8. Claudia.	83.	Родники.	10,176	36,230.	3.	4607.	Всѣ.
9. Anio Novus.	33.	Рѣка Аніенъ у Субіако.	9,400.	49,300.	2.	4738.	Всѣ.
10. Traiana.	109.	Родники у lac. Sabatinus.	Ок. 40 верстъ.		1.	118126 (?) куб. м.	14.
11. Alexandrina.	ок.230.	Родн. у Габій.	Ок. 20 верстъ.		8.		7. 9.

Нѣсколько словъ о водопроводахъ Италіи и провинцій. Позднѣйшая судьба водопроводовъ Рима.

Но далеко не только Римъ, regina orbis, имѣлъ такіе водопроводы; напротивъ, и другіе города Италіи и провинцій имѣли также свои водопроводы, какъ имѣли бани, термы, театры, амфитеатры и пр., какъ свидѣтельствуютъ древніе писатели, надписи и остатки самыхъ сооруженій. Римъ былъ для городовъ Италіи и провинцій образцомъ, ему старались подражать во всемъ (даже Капитоліи, иногда искуственные, и Авентины хотѣли имѣть себя другіе города). Изъ городовъ Италіи мы знаемъ о водопроводахъ напр.: Полы, Бресціи, Болоніи, Витербо, Centum cellae, Тускула, Алетрія, Ферентина, Пренэстэ, Реатэ, Корфинія, Антія, Суессы, Неаполя, Помпей и др. И внѣ Италіи, гдѣ только утверждались Римляне, тамъ появлялись въ старыхъ или новооснованныхъ городахъ непремѣнно и водопроводы въ Германіи водопроводы Майнца и Меца, во Франціи—Клермона, Нима (pont du Gard), Ліона, въ Испаніи—Эворы, Мериды, Таррагоны, Сеговіи, водопроводы Катаны, Аѳинъ Коринѳа, Самоса, Олимпіи, Никомидіи, Эфеса, Смирны, Александріи, въ Троадѣ и пр. въ сѣверной Африкѣ, Пальмирѣ и пр. *).

Изъ этихъ водопроводовъ нѣкоторые могутъ быть во всѣхъ отношеніяхъ иоставлены рядомъ съ самыми большими столичными. Гиббонъ говоритъ: „..если-бы какой нибудь любознательный путешественникъ сталъ осматривать водопроводы въ Сполето, Мецѣ и въ Севильѣ, онъ естественно подумалъ бы, что каждый изъ этихъ провинціальныхъ городовъ когда-то былъ резиденціей какого-нибудь могущественнаго монарха. Азіатскія и африканскія пустыни когда-то были покрыты цвѣтущими городами, которые были обязаны своею населенностью и даже

---

*) Все это общественные водопроводы; но было много и частныхъ, о нихъ много сохранилось свидѣтельствъ; это „argomento inesauribile“ по Ланчани.

своимъ существованіемъ этимъ искуственнымъ и никогда не истощавшимся запасамъ свѣжей воды".

По поводу привлекательности нѣкоторыхъ классическихъ руинъ въ ихъ живописномъ запустѣніи Г. Ниссенъ говоритъ: „Романтики ошибаются. Множество городовъ процвѣтало въ этихъ мѣстахъ, когда Римляне занимали ихъ, въ нихъ чистота и порядокъ. Это они промѣняли на средневѣковую одежду, восхищающую живописцевъ, только послѣ неизмѣримаго регресса культуры („nach einem unermesslichen Rückgang der Kultur").

Императоры не только подавали примѣръ, устраивая для столицы большіе водопроводы, но и прямо поощряли провинціальные города въ подобныхъ предпріятіяхъ и помогали имъ и средствами. Наиболѣе строили и въ Италіи и въ провинціяхъ Августъ, Клавдій, Траянъ и Адріанъ. Извѣстно нѣсколько провинціальныхъ aquae Augustae (Бресціи, Болоніи, Венафра). Грандіозный водопроводъ Августа (Iulia) снабжалъ водою Путеолы и главнымъ образомъ Мизенъ, у котораго была постоянная стоянка части флота. Послѣ Августа въ особенности Траянъ слѣдовалъ Августу въ сооруженіи великихъ общеполезныхъ построекъ, въ томъ числѣ и водопроводовъ и какъ въ Римѣ, такъ и въ Италіи и провинціяхъ. Изъ переписки Плинія Мл. мы видимъ, какъ императоръ заботливо вникалъ въ строительную часть въ провинціяхъ и поддерживалъ предпріятія этого рода казенными средствами. Про Адріана его біографъ сообщаетъ, что онъ „aquarum ductus infinitos suo nomine nuncupavit" (его водопроводы Аѳинъ, Коринѳа).

Городскія управленія считали одною изъ первыхъ обязанностей и заботъ устройство хорошаго водоснабженія города и частныя лица съ поразительною готовностью и щедростью жертвовали свои средства между прочимъ и на это дѣло. Центральное правительство, какъ сказано, покровительствовало всѣмъ начинаніямъ провинціаловъ, имѣвшимъ цѣлью общественное благо. Впрочемъ это вѣрно только относительно времени имперіи, когда все было, по выраженію Страбона, предоставлено одному, какъ отцу. Дѣйствительно провинціи видѣли иногда вполнѣ отеческую заботливость къ себѣ, чего не было при республикѣ. Республиканское правительство строило почти исключительно въ Римѣ, а внѣ его только большія дороги, нужныя въ особенности ему-же (См. Моммзенъ, Staatsrecht, II, 447). Одинъ писатель (2 в. по Р. Х.) провинціалъ говоритъ: „Постоянно исходятъ дары вашего одинаковаго ко всѣмъ благорасположенія": Поистинѣ поразительно могущественно дѣйствовали Римляне своимъ творческимъ духомъ, культурою на провинціи. Римляне справедливо гордились такою ве-

ликою политикою; лучшіе люди, какъ Траянъ, несомнѣнно увлекались величіемъ благородной культурной задачи, которая имъ выпала на долю. Мнаознаменательны слова Сенеки (De tranqu. an., 3, что Римляне сдѣлали міръ своимъ отечествомъ для того, чтобы имѣть болѣе обширное поприще для своей доблести, дѣятельности: „ideo magno animo nos non in unius urbis moenibus clausimus, sed in totius orbis commercium emisimus patriamque nobis mundum professi sumus, ut liceret latiorem virtuti campum dare“.

Но гдѣ брали средства города Италіи и провинціи для устройства многочисленныхъ водопроводовъ и под.? вѣдь для такихъ построекъ нужны были большія средства. Да, эти водопроводы одни свидѣтельствуютъ уже также и о несомнѣнномъ благосостояніи провинцій, имѣвшихъ ихъ при императорахъ (водопроводы эти принадлежатъ большаго частью времени имперіи). Это благосостояніе и высокая культура могли возникнуть только при прочномъ и долгомъ мирѣ въ государствѣ, какой дала имперія. Она даля утомленному, истощенному міру миръ, который не нарушался исключаю небольшихъ и на небольшихъ пространствахъ перерывы, два съ половиною столѣтія: никогда ни прежде, ни впослѣдствіи на нашемъ полушаріи не было столь продолжительнаго мирнаго періода на столь обширномъ пространствѣ! Управленіе провинцій было лучше организовано и контролировалось, сдѣлано болѣе правильное распредѣленіе государственныхъ повинностей; торговыя и всякія другія сношенія при постоянно улучшавшихся и расширявшихся путяхъ сообщенія и безопасности развились въ большихъ размѣрахъ, явились на громадномъ пространствѣ культура и благосостояніе, какого никогда прежде не видѣлъ міръ. Было великое имя, великій авторитетъ, признаваемый всѣми землями, увѣренность въ прочности существующаго порядка. „Съ тѣхъ поръ, какъ домъ кесарей владѣетъ землею, демонъ зависти потерялъ власть вредить цѣлымъ странамъ и народамъ, земля сняла съ себя одежду изъ желѣза и пр.“ говорилъ одинъ подданный кесарей. Плиній Ст. съ гордостью указываетъ на объединеніе міра „immensa Romanae pacis maiestate“. „Aeternum, quaeso — говоритъ онъ же — deorum sit munus istud! adeo Romani velut alteram lucem dedisse rebus humanis videntur“. Правда, для достиженіи созданія этого великаго авторитета нужна была вся предшествующая исторія Рима, необыкновенные доблести и труды Римлянъ и счастіе ихъ.

Водоснабженіе и обширная система путей сообщенія были двѣ главнѣйшія, выдающіяся стороны римской культуры. Въ дѣлѣ водоснаб-

женія, если и оставить даже усовершенствованія техническія въ этой области, несомнѣнно сдѣланныя Римлянами, громадную важность имѣло уже то, что они *впервые устроили это дѣло по великому масштабу и эксплуатировали его всесторонне*. „Римляне — говоритъ Іорданъ—въ развитіи и эксплуатированія городскаго водоснабженія превзошли Грековъ такъ значительно, что представляется понятнымъ, если они успѣхи своихъ учителей въ этой области ставили низко, даже совсѣмъ потеряли сознаніе, что они ученики". Греція послѣ краткаго періода процвѣтанія быстро обѣднѣла, города ея скоро обезлюдѣли, не было ни великаго духа лучшей поры, ни средствъ для значительныхъ общеполезныхъ предпріятій. Римлянамъ выпала задача далѣе развить ея культуру и распространять, и они не оказались въ нѣкоторыхъ областяхъ ниже этой задачи. Ниссенъ говорилъ: „Древній Римъ, если не создалъ городскую цивилизацію въ нашемъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ онъ впервые ее довелъ до совершенства, и теперь въ нѣкоторыхъ частяхъ не достигнутаго".

Паденіе римской имперіи было насильственнымъ перерывомъ этого высокаго культурнаго развитія; послѣдовало постепенно именно „неизмѣримое пониженіе культуры". Погибло или почти погибло и грандіозное римское водоснабженіе городовъ. Много должно было пройти вѣковъ, пока дошли до той естественности въ живописи, которую мы видимъ даже въ декоративныхъ стѣнныхъ изображеніяхъ Помпей, пока города новой цивилизованной Европы „одѣли свои улицы въ древнеримскую одежду" и провели къ себѣ издалека воду источниковъ. Удивительно, какъ поздно новая Европа поняла великую пользу хорошаго водоснабженія городовъ. Гоццадини говоритъ: „спустя много вѣковъ, послѣ того какъ люди болѣе, чѣмъ время, разрушили тѣ колоссальныя сооруженія, которыя болѣе остальныхъ свидѣтельствовали о величіи римскаго народа, люди прошлаго вѣка или правильнѣе настоящаго, пробуждаясь отъ почти тысячелѣтней летаргіи, рѣшились подражать благодѣтельной щедрости Римлянъ, строя водопроводы или столь-же смѣлые и дорогіе или съ той разумной экономіею, которую сдѣлали возможною прогрессъ науки и промышленности".

Одинъ французскій ученый (Буассье) по поводу изданныхъ имъ въ 1854 году надписей водопроводныхъ трубъ Люгдуна (Ліона) замѣчаетъ, что наше время, такъ гордящееся успѣхами механики и владѣющее совсѣмъ другими средствами, чѣмъ какія имѣли Римляе, напр. силою пара, даже для большихъ городовъ не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи (водоснабженія) того, что Римляне дѣлали для незначительныхъ мѣстъ при зна-

чительныхъ трудностяхъ. „Древній Ліонъ—продолжаетъ онъ—лежалъ на возвышенности и былъ обильно снабженъ здоровою ключевою водою, а новый Ліонъ лежитъ въ равнинѣ, между двумя рѣками, которыя новодняютъ его, не давая ему воды для питья, и долженъ довольствоваться зловонною водою, нечистыми рвами и нездоровымъ воздухомъ“ (Фридлендеръ, Марквардтъ). Поэтъ 4-го вѣка послѣ Р. Х. (Авзоній) превозноситъ прекрасный источникъ въ его родномъ городѣ Бурдигалѣ — покрытый мраморомъ, стремительно изливающій громадную массу воды черезъ 12 отверзтій. А въ 1855 году въ Бордо (др. Бурдигала) не было ни одного порядочнаго общественнаго бассейна (Фридлендеръ).

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о водопроводахъ Рима при концѣ имперіи и послѣ ея паденія.

Мы выше привели нѣкоторыя распоряженія позднѣйшихъ императоровъ, свидѣтельствующихъ о заботливости ихъ объ водоснабженіи Рима; но новыхъ водопроводовъ они не строили. „Что въ срединѣ 3 вѣка (послѣ Р. Х.) построеніе водопроводовъ вдругъ прекратилось, говоритъ Іорданъ (Topogr., I, 1,408), составляетъ симптомъ великой перемѣны въ культурномъ состояніи этой эпохи..... Для увеличенія величественной системы ихъ (водопроводовъ) недоставало этому времени не только средствъ, но еще болѣе того духа, который до того времени оживлялъ государственный организмъ“. Это указаніе причинъ не полно и, пожалуй, не совсѣмъ вѣрно. Самъ же Іорданъ указываетъ на колоссальнныя термы и под. Діоклетіана и Константина. Кажется, слѣдуетъ указать и на то, что императоры 3 в. все болѣе обращаютъ вниманіе на другіе города, что пришлось уже думать и объ укрѣпленіи обширной столицы, а главное то, что въ третьемъ вѣкѣ населеніе Рима уже не возрастало, а, наоборотъ, уменьшалось (Фридлендеръ *). Въ виду этого факта представляется совершенно естественнымъ и понятнымъ, что императоры этого и слѣдующихъ вѣковъ только поддерживаютъ въ удовлетворительномъ состояніи обширную систему водоснабженія столицы.

Въ 272 году императоръ Авреліанъ въ виду опасности для столицы со стороны варваровъ обвелъ ее новыми стѣнами (окончилъ ихъ собственно Пробъ), и вотъ на значительномъ пространствѣ аркады водопрово-

---

*) Самъ Іорданъ (на стр. 338) говоритъ, что населеніе Рима достигло высшей цифры во 1 в. и затѣмъ „der *rasche* Niedergang wird mid dem Anfang des 3. Iahrhunderts begonnen haben“.

довъ у города вошли въ составъ городской стѣны его (обѣ стороны porta Maggiore), нѣкоторыя арки водопроводовъ стали городскими воротами.

Діоклетіанъ усилилъ Марціевъ водопроводъ (Ланчани), Константинъ Великій поновилъ на свой счетъ водопроводъ Virgo, какъ свидѣтельствуетъ надпись, найденная въ послѣднее время по новой via Nazionale близъ церкви S. Vitale *).

Въ шестомъ вѣкѣ, какъ свидѣтельствуютъ Прокопій и Кассіодоръ, всѣ водопроводы Рима были въ цѣлости и выполняли свое назначеніе. Теодорихъ вообще заботился о поддержаніи общественныхъ построекъ Рима, между прочимъ назначилъ особый фондъ для ихъ возобновленія. (См. у насъ стр. 266.)

Во время осады Рима Готами въ 537 году Витигесъ прервалъ токи всѣхъ водопроводовъ его, чтобы лишить городъ ихъ воды, какъ сообщаетъ Прокопій (см. стр. 207.) Велизарій велѣлъ задѣлать ихъ каналы при вступленіи въ городъ. Это было, конечно, чувствительнымъ вредомъ для города но не заставило Римлянъ сдаться, такъ какъ у нихъ въ стѣнахъ города, была вода Тибра и многочисленныхъ родниковъ. Мы видѣли, что на склонѣ Яникула находились мельницы города (οἱ τῆς πόλεως μύλωνες πάντες), дѣйствовавшія водою водопровода, которыя должны были, слѣдовательно, лишиться воды; но Велизарій устроилъ водяныя мельницы на Тибрѣ, удовлетворявшія потребностямъ города. Ср. Адинольфи, наз. соч. I, 157 **).

Во время той-же самой осады 7000 Готовъ укрѣпились между аркадами Марціева и Клавдіева водопроводовъ на юго-восточной сторонѣ Рима (Прокопій такъ опредѣляетъ мѣсто: „Есть между Латинской и Аппі-

---

*) „Imperator Caesar Flavius Constantinus, Maximus, Pius, Felix, Augustus, filius divi Constautii, nepos divi Claudii formam aquae Virginis vetustate conlapsam, a fontibus renovatam arquatariis eminentibus dirutam, pecunia sua populi Romani necessario usui tribuit adhiberi. Curante Gentiano Tullio Valeriano, viro clarissimo curatore aquarum et miniciae devoto numini maiestatique eius". П. Адинольфи, Roma nell' età di mezzo, II, стр. 316; у Ланчани нѣтъ этой надписи.

**) И въ новое время были мельницы въ городѣ на Тибрѣ и, такъ какъ для нихъ у береговъ дѣлались въ рѣкѣ устои и пр. (чего вовсе не дѣлалъ Велизарій), то онѣ задерживали свободное теченіе воды и при поднятіяхъ воды въ Тибрѣ способствовали наводненіямъ, на что жалуется и Фабретти (De aquis et apuaeduct. v. R. стр. 169 сл.). Теперь опять водопроводъ (Павловъ, acqua Paola) у Яникула приводитъ въ дѣйствіе мельницы и фабрики.

евой дорогами два водопровода на высокихъ аркадахъ. На 50-й стадіи отъ Рима они сходятся и затѣмъ послѣ небольшаго промежутка опять расходятся... Затѣмъ опять сходятся и опять расходятся и пр.), Заваливъ камнемъ иной пролеты нижнихъ арокъ, здѣсь держались они, отрѣзывая подвозъ припасовъ въ городъ и грабя окрестности, довольно долго, пока болѣзни не заставили ихъ удалиться.

Послѣ Готскихъ войнъ Велизарій, Нарсесъ и папы (см. Григорій Великій, Ep. 1. X., 5, 22) возобновляли водопроводы и хоть нѣсколько изъ нихъ (3) выполняли свое назначеніе. „Остальные десять—говоритъ Адинольфи—прерванные или испорченные, страннымъ образомъ разливали свою воду на пути по полямъ, воспринимая въ свои русла птицъ и пресмыкающихся со множествомъ всякой другой нечистоты, которая портила эту воду, назначавшуюся для другого употребленія". Но со временемъ водопроводы были запущены совсѣмъ *).

Но не сѣверные варвары разрушили водопроводы Рима; ихъ разрушать имъ не было разсчета; да и самое разрушеніе ихъ, кромѣ того представляло громадный трудъ. Варвары разрушали столько, сколько имъ казалось нужнымъ для ихъ стратическихъ цѣлей; но настоящими разрушителями водопроводовъ были сами Римляне и жители окрестныхъ мѣстъ. На разрушеніе Рима потребовалось столько-же или больше времени, чѣмъ на сооруженіе его, и исторія этого разрушенія весьма интересна. Разрушали аркады водопроводовъ, чтобы имѣть вблизи дешевый хорошій строительный матерьялъ, какъ пережигали мраморныя статуи и пр. на известку. Поддерживать и защищать эти древнія постройки было некому, не было и средствъ, а разрушителей было много; и не только разрушала грубость средне-вѣковая, разрушало и новое время, въ особенности много снесли архитекторы Сикста V., строившаго новый водопроводъ. Когда водопроводы были окончательно запущены, Римляне очутились въ томъ положеніи относительно водоснабженія, въ какомъ находились ихъ предки до 312 года до Р. Х., т. е. должны были довольствоваться—и очень долго—водою Тибра, колодцевъ и городскихъ ключей. Людей, занимавшихся развозомъ или ношеніемъ воды, было столько и ихъ дѣло было такъ значительно, что они могли даже оставить по себѣ память, основавъ госпиталь. Извѣстный трибунъ Кола ди Ріенцо былъ сыномъ римской водоноски. Населеніе Рима въ 14 вѣкѣ уменьшилось до 17,000 человѣкъ

*) Насчитываютъ болѣе 40 починокъ въ древнимъ водопроводахъ, произведенныхъ папами, напр. Адріаномъ. См. Адинольфи, назв. соч. I, 159 сл.

(а при императорахъ оно доходило до 2 милліоновъ). Пониженіе культуры было по истинѣ неизмѣримо; ея масштабъ былъ у пигмеевъ потомковъ уже такъ низокъ, что они не могли даже хорошо объяснить себѣ назначеніе громадныхъ древнихъ водопроводовъ: въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ съ остатками водопроводовъ стали связывать странныя сказанія, думали напр., что они назначались не для воды, такъ какъ для города де достаточно воды Тибра, а для доставки вина и масла изъ Неаполя: Nonnli volunt dicere, quod non fuerint aquae ductus, cum urbs alias abundet aquis Tiberis, sed per illum ductum de Neapoli intromitebatur vinum et oleum per longum viae spatium". Эти слова прекрасно показываютъ, какая громаная разница была во всѣхъ отношеніяхъ между Римомъ и Римлянями временъ имперіи и среднихъ вѣковъ.